Том 17 № 3 2021

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ

ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 17 № 3 2021

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2021

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 17 № 3 2021

Редакционный совет

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Российская Федерация)
Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
Дацышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Российская Федерация)
Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Российская Федерация)
Крадин Н.Н., член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Российская Федерация)
Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Российская Федерация)
Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Канада)
Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Российская Федерация)
Пученков А.С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)
Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Российская Федерация)
Эрдэнээбаатор Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Зам. гл. редактора – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Российская Федерация)
Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)
Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Российская Федерация)
Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация)
Тетенькин А.В., кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Япония)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.
Журнал основан в 2003 г.
Периодичность издания – ежеквартально
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
Подписной индекс в каталоге Агентства ЗАО ИД «Экономическая газета»
«Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы» – 41510 (ОК+ЭК)
Адрес Агентства ЗАО ИД «Экономическая газета»: (499) 152-09-89; izdatcat@ideg.ru
Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.
Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION

IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY
# of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 17 no. 3 2021

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2021

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 17 no. 3 2021

Editorial council

Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (UK)
Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russian Federation)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russian Federation)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (USA)
Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russian Federation)
Kradin N.N., Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russian Federation)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Canada)
Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Canada)
Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Russian Federation)
Puchenkov A.S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (Russian Federation)
Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russian Federation)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Deputy Editor-in-Chief – Kharinskiy A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Canada)
Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (Russian Federation)
Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russian Federation)
Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Teten'kin A.V., Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Japan)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/
The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).
Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015
The Journal was founded in 2003
Frequency of publication – quarterly
Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"
Subscription index in the catalog of JSC "Economic Newspaper" Publishing House
"The united catalog. Russian press. Newspapers and journals" – 41510 (OK+EC)
Address of JSC "Economic Newspaper" Publishing House: (499) 152-09-89; izdatcat@ideg.ru
The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)
The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83 Lermontov Str., Irkutsk 664074.
Address of the Editorial Board: 83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© FSBEIHE «INRTU», 2021

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 17 № 3 2021

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Тетенькин А.В. Новый палеолитический комплекс местонахождения Нирякан I на р. Мама (Байкало-Патомское нагорье) 9

Кузнецов А.М., Роговской Е.О., Воробьева Г.А., Клементьев А.М. Новые данные по неолиту Като-Ёдарминского расширения Северного Приангарья (по результатам работ на стоянке Катина Щель) 22

Симухин А.И. Металлообработка эпохи бронзы Западного Забайкалья II–I тыс. до н. э. (археологический фонд музея БНЦ СО РАН) 46

ЭТНОЛОГИЯ

Симонова В.В. Тайны ландшафтов эвенков Северного Прибайкалья: реципрокация знаний и собирательство недревесных лесных ресурсов 60

Зайкер Дж.П. Возрождение оленеводства в Северо-Байкальском нагорье, Республика Бурятия 79

ИСТОРИЯ

Багрин Е.А. Полк Ерофея Хабарова: к вопросу об организации и боеспособности Амурского войска 1650–1653 гг. 96

Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Артиллерия в ходе первой осады Албазинского острога 115

Нестеренко Н.М. Опыт исследования генеалогии старообрядцев Забайкалья 127

Маджаров А.С. «История», обращенная в будущее (К 190-летию со дня рождения Афанасия Прокопьевича Щапова) 137

Авилов Р.С. Братья по несчастью: Иркутская и Красноярская казачьи сотни в 1899 г. (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) 147

Шаламов В.А. Характеристика медицинского персонала Восточной Сибири конца XIX – начала XX в. 161

Ткачев В.В. Художественная жизнь городского общества Иркутской губернии на страницах газет «Восточное обозрение» и «Сибирь» второй половины XIX – начала XX в. 172

Иванов А.А. Черносотенный террор в оценках и трактовках лидера Союза русского народа Н.Е. Маркова 181

Бирюкова Ю.А. Взаимоотношения органов церковного управления с командованием Вооруженными силами и краевыми правительствами на Юге России в период Гражданской войны 192

Ильина М.В. Университетские печатные издания Иркутска 1918–1941 гг. 208

Самыловская Е.А. Историософское осмысление роли католицизма в русско-литовских отношениях Великого княжества Литовского в творчестве Е.Ф. Шмурло 219

Петров И.В. Русский пастырь в среде латвийской эмиграции: перипетии судьбы протоиерея Феодора Михайлова (1903–1959) 230

Воронцов Д.В. Эволюция советской историографии Гражданской войны (на материалах Востока России) 245

РЕЦЕНЗИЯ

Кискидосова Т.А. Социокультурная жизнь провинциального сибирского города: рецензия на книгу «Мир культуры Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска)» А.В. Аксеновой, Н.Г. Гониной, А.П. Дворецкой и А.А. Терсковой 255

Скорикова Н.А. Иркутяне на фронте и в тылу: рецензия на историко-краеведческое издание «Иркутск – город трудовой доблести» 260

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 17 no. 3 2021

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Tetenkin A.V. New Paleolithic component of the Niryakan I site on Mama River (Baikal-Patom Upland) 9

Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O., Vorobieva G.A., Klementiev A.M. New data on the Neolithic of Kata-Yodarma Confluence in North Angara (Based on excavation of Katina Schel site) 22

Simukhin A.I. Metal processing in the Bronze Age of the Western Transbaikalia I–II th. B.C. (the archaeological fund of the Museum of the Buryat Scientific Center, SB RAS) 46

ETHNOLOGY

Simonova V.V. Secrets of the landscapes of the Evenks of the Northern Baikal region: Reciprocation of knowledge and collection of non-timber forest resources 60

Ziker J.P. The Revival of Reindeer Herding in the North Baikal Highlands, Republic of Buryatia 79

HISTORY

Bagrin E.A. Erofey Khabarov's regiment: organization and combat capability of Amur troops in 1650–1653 96

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. Artillery during the first siege of the Albazin fort 115

Nesterenko N.M. The experience of studying the genealogy of the Trans-Baikal Old Believers 127

Madzharov A.S. "History" facing to the future (To the 190th anniversary of the birth of Afanasiy Prokopyevich Shchapov) 137

Avilov R.S. Companions in misfortune: Irkutsk and Krasnoyarsk Cossack Hundreds in 1899 (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin) 147

Shalamov V.A. Characteristics of medical personnel in Eastern Siberia of the late XIX – early XX centuries 161

Tkachev V.V. Artistic life of the urban society of the Irkutsk province on the pages of the newspapers "Vostochnoe obozrenie" and "Siberia" of the second half of the XIX – beginning of XX centuries 172

Ivanov A.A. Black-Hundred terror in the perception and treatment of the leader of the Union of Russian People N.E. Markov 181

Biryukova Yu.A. Relations of church administration bodies with the command of the Armed Forces and regional governments in the South of Russia during the Civil War 192

Il'ina M.V. University periodicals in Irkutsk, 1918–1941 208

Samylovskaya E.A. Historiosophical understanding of the role Catholicism played in the Russian-Lithuanian relations of the Grand Duchy of Lithuania in E.F. Shmurlo's works 219

Petrov I.V. Russian priest among the Latvian Emigration: The fate of Archpriest Feodor Mikhailov (1903–1959) 230

Vorontsov D.V. The evolution of the Soviet historiography of the Civil War (based on the materials of the East of Russia) 245

REVIEW

Kiskidosova T.A. Socio-cultural life of a provincial Siberian town: a review of the book "The World of culture of Yeniseisk in the second half of the 19th – early 20th century: a dictionary of basic characteristics, concepts and personalities (to the 400th anniversary of Yeniseisk)" by A.V. Aksienova, N.G. Gonina, A.P. Dvoretskaya and A.A. Terskova 255

Skorikova N.A. Irkutsk residents at the front and in the rear: a review of the local history collective monograph "Irkutsk – the City of Labor Valor" 260

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 17 № 3 2021

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

– история,
– археология,
– этнология,
– рецензия,
– персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 17 no. 3 2021

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

– History,
– Archaeology,
– Ethnology,
– Review,
– Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.2
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-9-21

Новый палеолитический комплекс местонахождения Нирякан I на р. Мама (Байкало-Патомское нагорье)

© А.В. Тетенькин

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье публикуются материалы нового палеолитического комплекса культурных остатков стоянки Нирякан I на р. Мама (Байкало-Патомское нагорье, Мамско-Чуйский район Иркутской области). Стоянка Нирякан I открыта Инешиным Е.М. в 1993 г. Были обнаружены культурные остатки и погребение эпохи раннего железного века. В ходе проведения спасательных работ на памятнике в 2020 году был открыт комплекс палеолитических культурных остатков, получивший обозначение как 2 культурный горизонт. Коллекция составила 576 единиц находок, преимущественно из метаморфизованного сланца. 13 % составили артефакты из кварца. Первоначальные планиграфические и стратиграфические позиции утрачены, однако концентрация каменных артефактов и жженой кости (47 % всей коллекции), по-видимому, изначально была скоплением у кострища. В коллекцию входят нуклеусы радиального, леваллуазского принципа расщепления, простейшего поперечного расщепления, торцовые мелкопластинчатые. Среди изделий скребки, отщепы с ретушью, скребло, трансверсальный резец. Полученная радиоуглеродная дата дает календарный возраст 13455–13226 л. н. Основными объектами для корреляций выступают 1–2 сводные культурные горизонты Курлы I–III (Северный Байкал) и 3А–9 культурные горизонты Большого Якоря I (Нижний Витим). Значение открытия финальнопалеолитического комплекса местонахождения Нирякан I состоит в том, что впервые в долине р. Мама получен статистически многочисленный, типологически представительный и хронологически определенный комплекс артефактов эпохи каменного века. Важное значение открытия финального палеолита на Нирякане состоит также в том, что он указывает на обитание людьми среднего течения р. Мама и внутренних районов Байкальской части Байкало-Патомского нагорья в перигляциальных условиях длящейся еще финальной стадии последнего оледенения.

Ключевые слова: финальный палеолит, трансверсальный резец, расщепление камня, радиоуглеродное датирование, р. Мама, стоянка Нирякан I, Байкало-Патомское нагорье, Северное Прибайкалье, сартанское оледенение, финальный плейстоцен

Благодарности: Исследование осуществлено при поддержке грантов РФФИ, проекты № 18-59-2203, № 21-59-93002, и РНФ, проект № 19-78-10084. Автор выражает благодарность сотрудникам экспедиции А.Ю. Исаеву, И.А. Уланову, П.А. Данилову.

Для цитирования: Тетенькин А.В. Новый палеолитический комплекс местонахождения Нирякан I на р. Мама (Байкало-Патомское нагорье) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 9–21. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-9-21

New Paleolithic component of the Niryakan I site on Mama River (Baikal-Patom Upland)

© Aleksey V. Tetenkin

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article publishes materials of a new Paleolithic component of cultural remains of the Niryakan I site on the River Mama (Baikal-Patoms Upland, Mamsko-Chuisky District of Irkutskaya Oblast'). The Niryakan I site was discovered by E.M. Ineshin. in 1993, cultural remains and a burial from the early Iron Age were discovered. During the rescue operations at the site in 2020, a new component of Paleolithic cultural remains was discovered, which was designated as the 2nd cultural horizon. The collection consisted of 576 items of findings, mainly from metamorphosed shale. 13 % were quartz artifacts. The original planigraphic and stratigraphic positions have been lost, however, the concentration of stone artifacts and burnt bone (47 % of the

entire collection), apparently, was originally a congestion at the fireplace. The collection includes cores of the radial, Levallois principle of splitting, the simplest transverse splitting, terminal small-blade cores. Among the artifacts are end-scrapers, retouched flakes, a side-scraper, and a transverse burin. The obtained radiocarbon date gives a calendar age of 13455–13226 BP. The main objects for correlations are 1–2 united cultural horizons of Kurla I – III (Northern Baikal) and 3A – 9 cultural horizons of Bolshoi Yakor I (Lower Vitim). The significance of the discovery of the Final Paleolithic assemblage of the Niryakan I site is that for the first time in the valley of the River Mama this is the site having a statistically large, typologically representative and chronologically defined assemblage of artifacts from the Stone Age. The great importance of the discovery of the Final Paleolithic Niryakan site is also the fact that it indicates that people lived in the middle reaches of the River Mama and the inner regions of the Baikal part of the Baikal-Patom Upland in periglacial conditions of the final stage of the still ongoing last glaciation.

Keywords: Final Paleolithic, transversal burin, stone splitting, radiocarbon dating, River Mama, Niryakan I site, Baikal-Patom Upland, Northern Baikal region, Sartan glaciation, final Pleistocene

Acknowledgements: The study was carried out with the support of grants from the Russian Foundation for Basic Research, projects No. 18-59-2203, No. 21-59-93002, and the Russian Science Foundation, project No. 19-78-10084. The author expresses his gratitude to the expedition staff A.Yu. Isaev, I.A. Ulanov, P.A. Danilov.

For citation: Tetenkin A.V. (2021) New Paleolithic component of the Niryakan I site on Mama River (Baikal-Patom Upland). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 9–21. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-9-21

Введение

Летом 2020 года Витимским отрядом им. В.М. Ветрова Иркутского национального исследовательского технического университета был открыт и исследован палеолитический комплекс на местонахождении Нирякан I на р. Мама. Предшествовавшая этому открытию история археологического изучения долины р. Мама насчитывает почти 40 лет. Мама является крупнейшим притоком Витима в нижнем его течении. Она имеет протяженность около 400 км, течет с юго-запада на северовосток в пределах Байкальской части Байкало-Патомского нагорья. Первые раскопки под руководством Е.В. Меньшагина (ИГУ) стоянки Озеро Гусиное (р. Конкудера, приток р. Мамы) состоялись еще в 1982 году (Инешин, Тетенькин, 2010. С. 14). В 1990 – начале 2000-х годов ряд разведок предпринял Е.М. Инешин (ИГУ, затем ИРНИТУ), что привело к открытиям местонахождений каменного века Мукадек II, Монюкан, Теса, Чукча, Молукчан (Инешин, Тетенькин, 2000; Аксенов и др., 2000). Однако общей чертой их изученности является отсутствие радиоуглеродных датировок, типологически выразительных коллекций артефактов, малочисленность или вовсе единичность находок. Таким образом, до сих пор сведения о каменном веке в долине р. Мама носят провизорный характер. Пожалуй, на р. Мама, как и на многих обширных сибирских районах, лежит печать удаленности, отсутствия дорог, необжитости, затрудняющая попадание туда археологов.

Тем не менее р. Мама интересна в витимском археологическом дискурсе перспективами изучения освоения людьми в позднем плейстоцене – голоцене горных, внутренних территорий Байкало-Патомского нагорья, в глубь от основной артерии, реки Витим. Появление на Маме первого археологического объекта, обеспеченного и выразительной коллекцией, и радиоуглеродной хронологией, в этой связи является существенным шагом развития.

Общие сведения, стратиграфия

Местонахождение Нирякан I (рис. 1) расположено в среднем течении реки Мама в межгорной котловине, в районе устья р. Нирякан, правого притока р. Мама. Левый борт котловины Мамы здесь высокий и крутой, прижимистый. Правый борт котловины примыкает к водоразделу Мамы и Большой Конкудеры. Правый борт котловины хорошо террасирован. Выделяется высокая пойма высотой 3–5 метров с заболоченной поверхностью позднеголоценового времени. Затем 6–8-метровая терраса фиксируется в устье руч. Нирякан и Грамдани. Основное тело террасы сложено ритмичнослоистыми песками аллювиального генезиса. Сле-

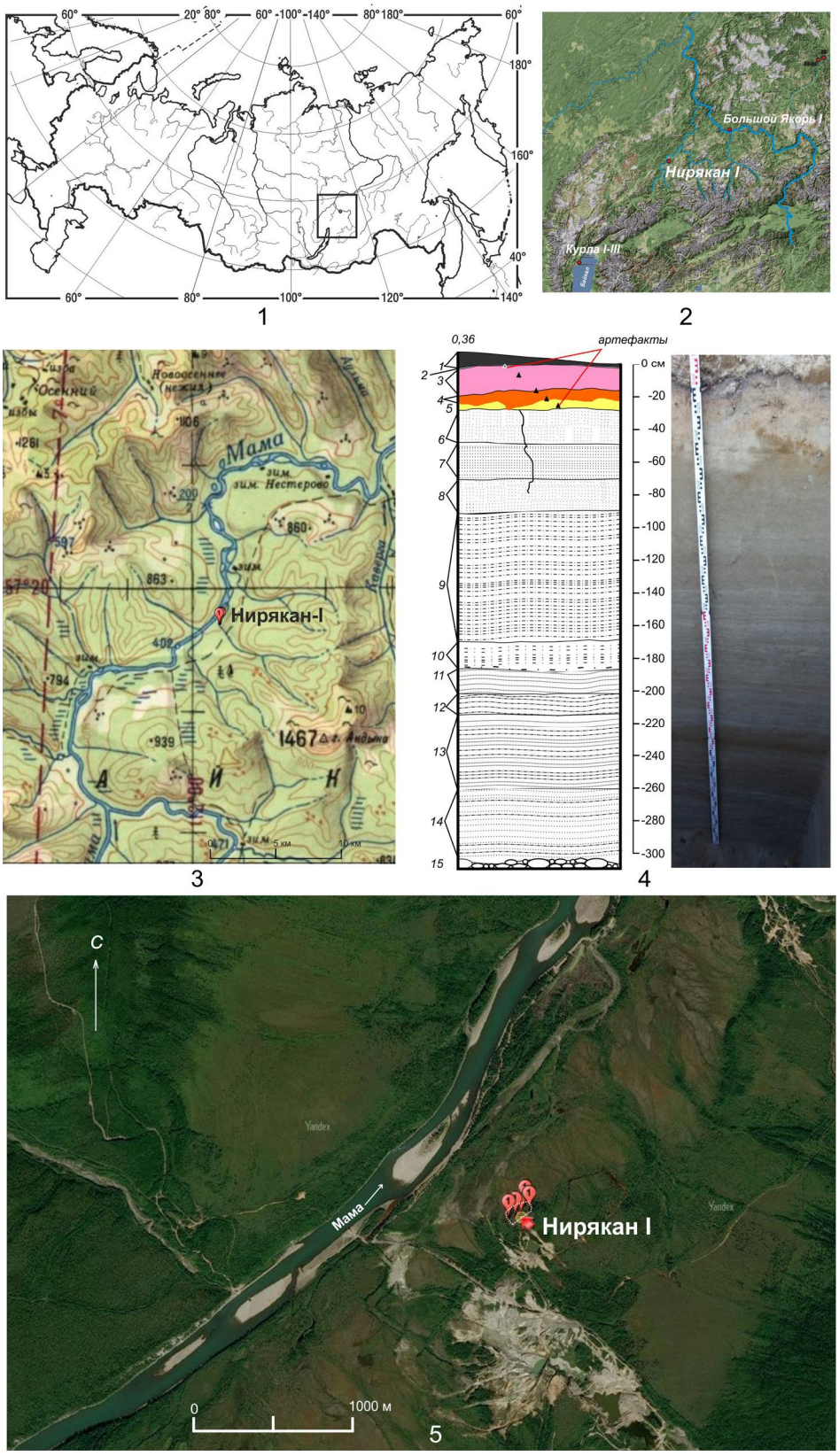


Рис. 1. Карты-схемы и стратиграфия археологического местонахождения Нирякан I: *1–3, 5 – карты-схемы локализации археологического местонахождения Нирякан I; 4 – стратигафия*

Fig. 1. Schematic maps and stratigraphy of the archaeological site Niryakan I: *1–3, 5 – schematic maps of the localization of the archaeological site Niryakan I; 4 – stratigraphy*

дующая терраса, на которой расположено местонахождение Нирякан I, имеет относительную высоту 25–26 м над урезом р. Мама. Терраса примыкает к террасовидному геоморфологическому телу с 40-метровыми отметками.

Участок террасы, на котором выявлен Нирякан I, является правым, когда-то приустьевым при впадении руч. Нирякан в р. Мама, ныне отстоящим на 0,57 км от берега Мамы. Непосредственно, территория местонахождения Нирякан I с юго-запада и северо-востока, т. е. по мамскому фронту простирания длиной около 130 м, ограничена ложками, прорезающими террасу поперек и формирующими слабые перегибы.

Памятник был открыт Е.М. Инешиным (Иркутский государственный университет) в 1993 г. как стоянка с погребением эпохи раннего железного века (Инешин, 1995). В 2020 г. в ходе проведения спасательных работ А.В. Тетенькиным на Нирякане I был выявлен верхнепалеолитический комплекс культурных остатков – 2-й культурный горизонт.

Общая площадь раскопа с палеолитическими остатками (раскоп 2) составила 173 кв. м. В задаче изучения стратиграфии местонахождения был задокументирован поперечный профиль – юго-западная стенка раскопа длиной 19 м. В составе этого разреза заложен стратиграфический шурф глубиной 3 м. Шурф пробит на всю мощность песчаных отложений до галечника. Шурфом выявлена следующая стратиграфия (рис. 1.4):

1. Современный почвенно-растительный горизонт, местами разрушенный техногенной деятельностью. Мощность – 0,05–0,25 м.

2. Слой подзола, подстилающий дерн, проникающий в глубь по корням растений, в результате выворотов упавших деревьев, различных пертурбаций. Мощность – 0,01–0,25 м.

3. Супесь бледно-розовая – палевая, местами светло-красная, пирогенная, насыщенная корнями и углефицированными кусочками деревьев, с включениями дресвы и песчаных линз, пертурбированная почвенными процессами, жизнедеятельностью лесной растительности. Мощность – 0,02–0,30 м.

4. Супесь светло-оранжевая, неслоистая, пертурбированная почвенными процессами, жизнедеятельностью лесной растительности, насыщенная корнями деревьев, с включениями дресвы и песка. Края кровли и подошвы рваные, прерываемые слоями 2 и 3. Мощность – 0,02–0,40 м. Из подошвы заложены криогенные трещины.

5. Песок светло-желтый, мелкозернистый, с включениями дресвы, неслоистый. Края кровли и подошвы рваные, слой прерываем вышележащими слоями. Мощность – 0,01–0,12 м.

6. Песок зеленовато-серый, неслоистый, мелкозернистый. Мощность – 0,10–0,25 м.

7. Пески светло-серые, тонко- и горизонтальнослоистые, мелкозернистые. Мощность – 0,20–0,25 м.

8. Песок зеленовато-серый, неслоистый, мелкозернистый. Цветность слегка темнее, чем у слоя 6. Мощность 0,20–0,24 м.

9. Пески светло-серые, горизонтально- и ритмично-слоистые, мелкозернистые. Мощность – 1,20–1,30 м.

10. Пески белесоватые, ритмично-слоистые, тонкозернистые. Мощность – 0,14–0,16 м.

11. Песок светло-желтый, ожелезненный, тонкозернистый. Мощность – 0,12–0,16 м.

12. Песок сизовато-серый, тонокзернистый, неяснослоистый. Мощность – 0,08–0,12 м.

13. Пески чередующиеся, темновато-серые и сизовато-серые, тонкослойчатые, тонкозернистые. Мощность – 0,44–0,48 м.

14. Пески светло-серые с тонкими сизо-серыми слойками. Мощность –0,40–0,45 м.

15. Галечник слабоокатанный, в заполнении темно-серый песок. Порода камней – метаморфизированные сланцы, кварц.

Пачка отложений слоев 7–15 имеет аллювиальный генезис и представляет собой нормальную последовательность «галечник в подошве – пачка песков». Слои 5 и 6 – контактные, формировавшиеся в результате смены аллювиального режима осадконакопления на субаэральный, преимущественно эоловый. Имела место эоловая денудация (перевеивание) речных песков. Процесс субаэрального осадконакопления, очевидно, имел

сложный характер. Режим осадконакопления, по-видимому, сменялся денудацией. В результате почвообразования, пирогенеза и различной степени аэрации в пачке слоев 5–6, верхний слой 5 окрашен в светло-желтый цвет, контакт между слоями 5 и 6 нечеткий. В истории формирования маломощного, в среднем до 0,5 м мощности, покровного субаэрального чехла были многократные пертурбации отложений, обусловленные лесными пожарами, выворотами упавших деревьев, корневой деятельностью. В новейшее время верхняя часть покровных отложений была нарушена во многих местах наблюдения маневрами бульдозерной – вездеходной тяжелой техники и вырубкой леса.

Из нижней части субаэральных отложений (слои 4–5) заложены криогенные трещины, шириной до 0,20 м в устье. Отмечено втягивание артефактов в эти трещины. На внешнем склоне террасы в шурфе выявлено стратиграфическое несогласие – блок отседания.

Артефакты, отнесенные к 1-му культурному горизонту, залегали в подошве дерна, подзоле и в отложениях слоев 3 и 4 (бледно-розовой и светло-оранжевой супесях). Они представлены фрагментами шнуровой и гладкостенной керамики, железными шлаками, гальками и галечными сколами, фрагментами костей.

Залегание 2-го культурного горизонта

Артефакты палеолитического, 2-го культурного горизонта фиксировались по всей мощности субаэральной пачки (слои 2–5) – в подпочвенном слое подзола, в светло-палево-розоватой супеси, в оранжево-желтой супеси, в светло-желтом песке в подошве субаэральной пачки, в трещине, на глубине 0,05–0,44 м от дневной поверхности, и имеют природу вторичного, переотложенного залегания шлейфом, судя по планиграфическому рисунку, простиранием с юго-востока на северо-запад. Установлено расстояние от нуклеуса до сбитого с него отщепа 7,7 м простиранием с юго-востока на северо-запад. Зафиксированы два скопления артефактов количеством 415 (74 % всей коллекции) и 57 единиц. На их периферии, на остальной площади раскопов плотность находок низкая – в среднем менее 1 ед. на кв. м. Пятно наивысшей концентрации было около 2,0 × 0,90 м. Здесь скопление артефактов имело максимальный разнос по вертикали 47 см, артефакты нижних уровней были затянуты в трещину. По общему темно-коричневому окрасу вмещающей супеси и встреченным фрагментам жженых костей можно предположить, что было кострище. По образцу карбонизированной кости получена дата 11450±60 л. н. (Poz-131670). Календарный возраст – 13455–13226 л. н.[1]

Найденные фрагменты костей различаются в своей сохранности. Кости из 1-го культурного горизонта имеют относительно удовлетворительную сохранность. Во 2-м культурном горизонте сохранность костей плохая. В одном случае фрагмент кости имеет сохранность в виде органического седимента желтого цвета. Отправленный в Радиоуглеродную лабораторию Познанского университета (Польша), этот образец показал отсутствие в нем коллагена. В основном скоплении культурных остатков найдены фрагменты жженых костей, сохранившиеся благодаря карбонизации неплохо.

Материалы 2-го культурного горизонта

Ко 2-му культурному горизонту отнесены 576 единиц находок. В том числе: отщепы 540 ед. (из них 235 ед. – чешуйки), пластины – 9 ед., нуклеусы – 7 ед., битые отдельности – 8 ед., орудия – 10 ед., гальки – 2 ед. 82 % артефактов из метаморфизированных сланцев, 13 % – из кварца. Определяющим общий облик ассамбляжа каменных артефактов обстоятельством стало низкое качество каменного сырья. Оно обусловило применение ударного расщепления нуклеусов радиального и субпараллельного принципа. Основной продукт каменного производства – отщеп случайной конфигурации.

Нуклеусов – 7 предметов. Два нуклеуса радиального принципа расщепления. Один из них веерный дисковидный, овальной формы (рис. 2.1). Длина – 12,2 см, ширина – 10,3 см, толщина – 5,3 см. Нуклеус имеет два фронта фаса. Один фас

[1] Приведенный здесь и далее календарный возраст получен с помощью программы OxCal v4.4 (Bronk Ramsey, 2021) и калибровочной кривой IntCal20 (Reimer et al., 2020).

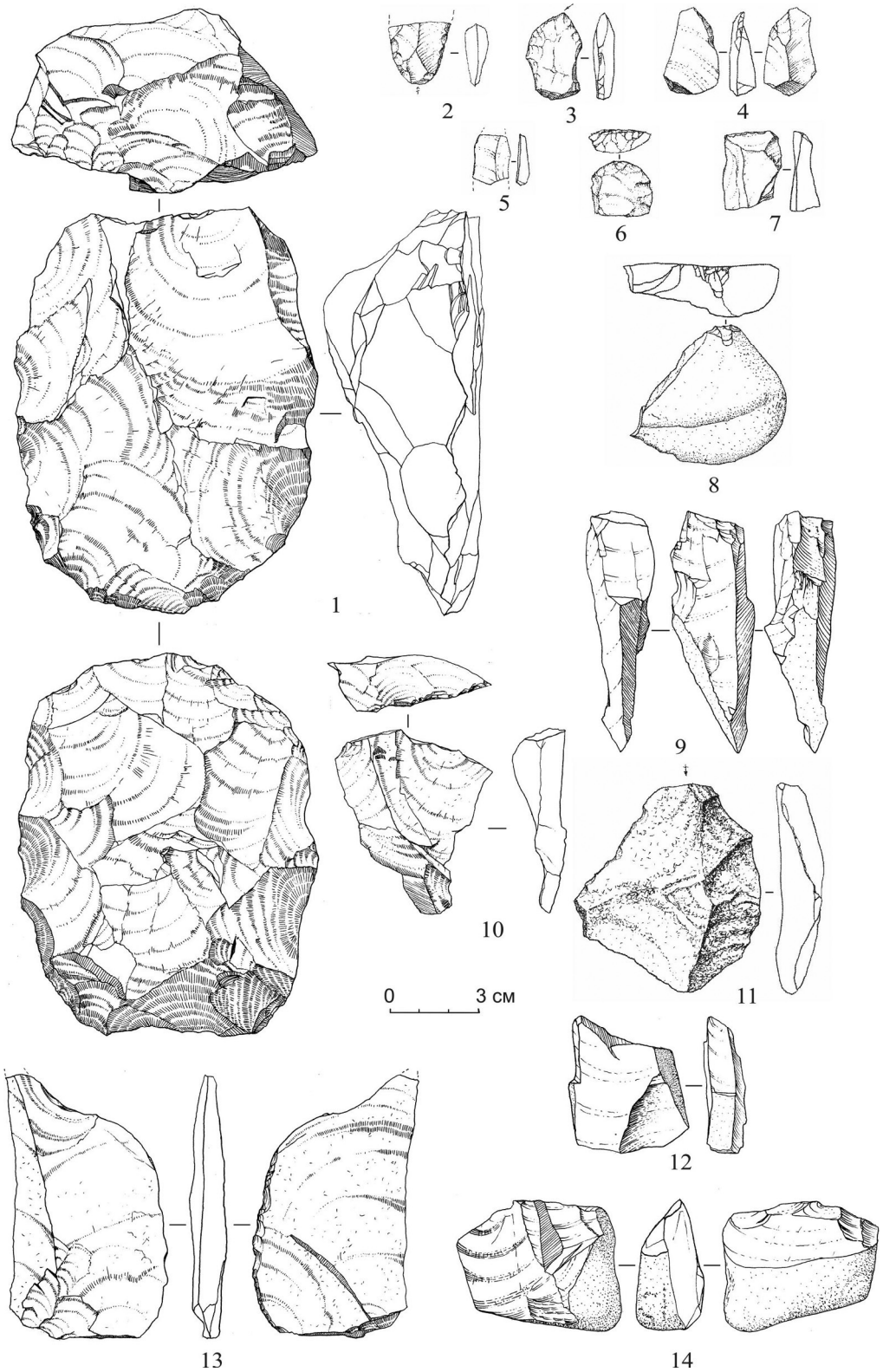


Рис. 2. Археологическое местонахождение Нирякан I. Культурный горизонт 2: *1, 9, 12, 14 – нуклеусы; 2, 4, 7, 10, 11 – отщепы с ретушью; 3 – трансверсальный резец; 5 – фрагмент пластинки; 6, 8 – скребки; 13 – комбинированное орудие (остроконечник, скребло, нож?); 6, 8 – кварц; остальные – метаморфизированные породы*

Fig. 2. Archaeological site Niryakan I. Cultural horizon 2: *1, 9, 12, 14 – cores; 2, 4, 7, 10, 11 – retouched flakes; 3 – transversal burin; 5 – blade fragment; 6, 8 – end-scrapers; 13 – combined tool (point, scraper, knife?); 6, 8 – quartz; the rest – metamorphosed rocks*

плоский. Он оббит по всему периметру центростремительными снятиями. Боковые негативы короткие и широкие. Как минимум, негатив одного удлиненного снятия направлен с одного узкого конца. Ударная площадка для этого снятия оформлена по другому фасу короткими широкими сколами с ребра. Обследование периметра ребра нуклеуса показывает, что последние сколы были по этому, первому фасу – короткие поперечные и один большой продольный. В совокупности это указывает на леваллуазский принцип расщепления, т. е. подготовку фронта радиальными снятиями под скалывание одного целевого отщепа (Гладилин, 1989). В коллекции есть скол подтреугольной формы, снятый с этой же площадки, по этому же фронту, но принадлежащий более раннему циклу подготовки снятия и скалывания (рис. 2.10). Дистальная дуга окончания этого фаса обработана мелкими короткими снятиями и является, в свою очередь, фасетированной ударной площадкой для снятий с противоположного фаса – второго фронта. Негативы этих снятий удлиненные, конвергентные в дистальном окончании (радиальные). Этот фронт можно охарактеризовать как веерный.

Второй радиальный нуклеус в остаточном виде имеет удлиненную форму. Контрфронт галечный, площадка оформлена только по краю ударного ребра. Снятия по всему периметру – центростремительные.

Еще с двух нуклеусов снятия коротких отщепов производились ударами поперек продолговатой формы. В одном случае это была уплощенная подчетырехугольная галька метаморфизированного сланца (рис. 2.14). Поперечным ударом получен скос, подправлен с краю мелкими снятиями, и с него уже как с ударной площадки произведены два отщеповых снятия. Второй нуклеус из кварца можно охарактеризовать как ситуативный, со снятиями на разных гранях продольными и поперечными. С параметрами этого нуклеуса соразмерна двухгранная пластина из кварца длиной 6,9 см.

Три нуклеуса следующей группы могут быть охарактеризованы как торцовые или нуклеусы-резцы на узких, высоких отдельностях породы (рис. 2.12). Снятия с торца предопределяли форму – параллельную огранку пластинчатого снятия. Найден один такой сегмент пластинки с мелкими амортизационными следами на продольном крае (рис. 2.5).

Наиболее выдающимся орудием является изделие из пластины (рис. 2.13). Оно имеет длину 9,0 см, ширину 5,0 см. Один продольный край имеет слабовогнутое тонкое ребро. Другой продольный край слабовыпуклый, обработан крутой краевой ретушью. Дистальный край ретушью скошен, слабой выемкой выделен шип, обломанный на конце. На проксимальном окончании вентральный фас подтесан. В сумме изделие представляет, вероятно, комбинированное орудие – остроконечник + нож + скребло (?).

Наиболее многочисленная орудийная форма – скребки. Два скребка из кварца. Один из короткого отщепа (рис. 2.6), другой из расколотой повдоль гальки (рис. 2.8) имеют округлое скребковое лезвие, в первом случае, занимающее более половины периметра (и скребок ногтевидный), во втором случае скругляющее угол скола, другой его угол, дооформленный резцевидным коротким торцовым сколом, имеет шиповидное окончание.

Два скребка, или скорее, отщепа с ретушью имеют мелкую краевую ретушь на проксимальном и на дистальном конце (рис. 2.7). Один отщеп с ретушью, или скребок имеет краевую ретушь по вентральному фасу в дистальном окончании отщепа (рис. 2.4).

Другое изделие представляет собой почти симметричный двухгранный проксимальный сегмент пластинчатого снятия (длина сегмента – 2,1 см, ширина – 1,8 см) с тщательной мелкой краевой ретушью по обоим краям и, скорее, является базальной частью какого-то орудия (остроконечник, резец?) (рис. 2.2; 3.1).

Крупные удачные отщепы имеют подтреугольную, пластинчатую с субпараллельной огранкой форму и форму отщепов, снятых с нуклеусов леваллуа иди дисковидных, т. е. с радиальной огранкой (рис. 2.11). Один из подтреугольных отщепов имеет мелкую вторичную подработку в виде крутой ретуши на рудименте ударной площадки, нанесенной с ударного ребра и оформляющей

Рис. 3. Фото изделий из 2-го культурного горизонта местонахождения Нирякан I: *1 – проксимальный сегмент пластинчатого снятия с краевой ретушью по обоим краям (рис. 2.2); 2 – трансверсальный резец, дорсальный и вентральный фас (рис. 2.3)*

Fig.3. Photo of the artifacts from archaeological site Niryakan I. Cultural horizon 2: *1 – proximal segment of the blade-like flake with the marginal retouch on both long sides (fig. 2.2); 2 – transversal burin, the dorsal and ventral faces (fig. 2.3)*

край скребка, заканчивающийся на одном конце шипом (рис. 2.10). Другой отщеп несет следы мелкой краевой нерегулярной ретуши по одному из краев (рис. 2.11).

Еще один обломок с ретушированным краем напоминает, скорее, тесловидное лезвие: мелкая крутая короткая ретушь нанесена с необработанного галечного края.

Среди орудий наиболее диагностичным является трансверсальный резец (рис. 2.3; 3.2). Тело резца оформлено крутой краевой ретушью. Резцовый скол нанесен с правого края на левый.

Типологическая характеристика индустрии 2-го культурного горизонта

Единообразие сырья, единый шлейф находок не дают достаточного основания предполагать смешанный характер 2-го культурного горизонта как состоящий из ранне- и финально-верхнепалеолитического компонентов.

Несомненно, низкое качество каменного сырья (метаморфизованные сланцы) наложило отпечаток на технико-морфологический облик всего ассамбляжа. Часть нуклеусов ситуативна, есть простейший прием поперечного расщепления удлиненных форм (рис. 2.14). Технологически наиболее сложный нуклеус демонстрирует леваллуазский цикл подготовки фронта к снятию отщепа, радиальный принцип расщепления, фасетированные площадки под контролируемое ударное скалывание (рис. 2.1). Скребки, ретушированные отщепы, скребловидное орудие дают примеры орудийного употребления продуктов этого каменного производства.

Еще одна группа нуклеусов с торцовым снятием с удлиненных высоких форм, очевидно, позволяла получать узкие параллельно ограненные пластинчатые снятия (рис. 2.9,12). Можно предположить, что в условиях отсутствия качественного сырья для производства микропластин расщепление таких торцовых нуклеусов способно было дать пластинку-вкладыш (рис. 2.5) для оснастки вкладышевого охотничьего оружия, о существовании которого мы знаем по материалам Курлы I–III и Большого Якоря I (Шмыгун, Филиппов, 1982. Рис. 1.6; Medvedev, 1998. Fig. 127.17; Инешин, Тетенькин, 2010. Рис. 6.43; Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина, 2019. Рис. 14.1, 14.3).

В совокупности это расщепление по технико-морфологическим признакам могло бы быть оценено как среднепалеолитическое или ранневерхнепалеолитическое. Аналоги ему без труда мы находим в описании индустрий этих эпох юга Сибири (Медведев, Алаев, Сокальский, 1978; Аксенов и др., 1987; Стратиграфия, палеогеография и археология юга…, 1990; Аксенов, 2009; Рыбин, 2020[2]). Однако здесь кардинальную поправку на возраст дает трансверсальный резец (рис. 2.3). Как уже отмечалось, в Северном Прибайкалье эта форма является «руководящей» для памятников финального палеолита / финального сартана. Резец аналогичен трансверсальным резцам палеолитических горизонтов Большого Якоря I на Витиме (Инешин, Тетенькин, 2010. С. 216–219), 1 и 2 сводных донеолитических горизонтов Курлы I–III на Северном Байкале (Шмыгун, Ендрихинский, 1978. Рис. 3.4–8; Шмыгун, 1981. Рис. 2.2,3; Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина, 2019), 8, 7 культурных горизонтов Усть-Каренги I–XVI на Витиме (Ветров, 1995. С. 32–33; Ветров, 2011. С. 175). Несколько отличные, но в целом подобные трансверсальные резцы есть во 2 к. г. стоянки Коврижка III на Витиме (Тетенькин, 2016. Рис. 16.21–24). Возраст существования этих стоянок – около 13–11 тыс. радиоуглеродн. л. н. / 16–13 тыс. календарн. л. н.

Значение нового палеолитического комплекса Нирякан I в археологии Северного Прибайкалья

В данном свете каменное производство на Нирякане I имеет пережиточный облик и является примером использования архаичных технологических традиций адекватных низкому качеству доступных здесь пород камня. Несмотря на архаичный облик каменной индустрии, обусловленный низким качеством сырья, самые типологически выразительные формы – трансверсальный резец, округлый скребок и бифас-нуклеус (рис. 2.1,3,6), коррелируют именно со стадиально и территориально близкими, опорными финальнопалеолитическими комплексами Курлы I–III (1 и 2 сводн. донеол. к. г.) и Большого Якоря I. Кроме них Большой Якорь I также имеет в своем составе нуклеусы радиального принципа расщепления (Инешин, Тетенькин, 2010. Рис. 6.28.1, 6.29.5,7). Производство отщепов как бланка для орудий составляет здесь одну из основных технологических адаптационных линий. В 1-м сводном донеолитическом к. г. Курлы I–III «отщеповая индустрия» представлена низкофронтальными объемными подпризматическими нуклеусами и разнообразными изделиями из отщепов, морфологически устойчивыми из которых являются как раз трансверсальные резцы, скребки и скребла (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина, 2019. Рис. 4, 8.4, 8.5, 11, 12). О культурно-типологической близости комплексов 1–2 сводных донеолитических культурных горизонтов Курлы I–III и 3А–9 культурных горизонтов Большого Якоря I в рамках дюктайской и верхоленской общности писали и Г.Н. Молчанов с соавторами, публиковавшие материалы 1 к. г. Курлы I–III (Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина, 2019. С. 31–33). Действительно, в 1–2 сводных донеолитических культурных горизонтах Курлы I–III и 3А–9 культурных горизонтах Большого Якоря I юбецоидные клиновидные нуклеусы, трансверсальные резцы, скребки являются ведущими типами. Помимо них показательно совпадение в бифасах, группе скребел, в том числе с полной фасиальной обработкой, и в группе костяных орудий. И на Большом Якоре I, и на Курле I–III есть однотипные гарпуны, тупоконечные наконечники, пазовые обоймы-наконечники, иглы, колотушки. Судя по дате 2-го сводного донеолитического культурного горизонта Курлы I–III около 13,2 тыс. рад. л. н. / 15,8 тыс. кал. л. н., последние (1 и 2 сводн. донеол. к. г.) несколько древнее стоянок 3А–9 к. г. Большого Якоря I (около 15,1–13,6 тыс. кал. л. н.). Выявление территориально промежуточного между районами Курлы и Большого Якоря комплекса с одним из маркерных типов, трансверсальным резцом, важно, как аргумент в пользу единого культурного ареала, или культурной трансляции, связывающей в финальном сартане в Северном Прибайкалье районы Нижнего Витима и Северного Байкала. В роли тако-

[2] Рыбин Е.П. Региональная вариабельность каменных индустрий начала верхнего палеолита в Южной Сибири и восточной части Центральной Азии: автореф. дис. … док. ист. наук. Новосибирск, 2020. 46 с.

го связующего звена предстаёт финальнопалеолитический комплекс стоянки Нирякан I в среднем течении р. Мама, датируемый около 13,32 тыс. кал. л. н. Нирякан I удален от Большого Якоря I и Коврижки III (3 и 2 к.г., около 13,2–12,8 тыс. кал. л. н.) на 127–130 км по прямой на юго-запад, и от Курлы I–III – на 245 км на северо-восток. То есть территориально Нирякан I занимает промежуточное положение между обоими археологическими районами Нижнего Витима и Северного Байкала (рис. 1.2). Впрочем, с Большим Якорем I и Коврижкой III Нирякан I связан единой речной сетью, а от Курлы I–III отделен водоразделами Верхнеангарского хребта.

Новый археологический комплекс Нирякан I, датируемый временем Бёллинг-Аллерёд, около 13,3 тыс. л. н. стоит осмыслить в контексте освоения древними людьми территорий внутренней части Байкальского (Байкало-Патомского) нагорья в конце ледниковой эпохи. В нижнем – среднем течении рек Конкудера, Теса, Нирякан, правых притоков р. Мама, опознаны и картированы следы оледенения (Margold, Jansson, 2011). Ко времени около 16 тыс. л. н. относятся датированные М. Марголдом и соавторами конечные морены в системе р. Амалык, правого притока р. Витим, показывающие присутствие ледников в горных районах нагорья во второй половине MIS 2 (Сартанского оледенения) (Margold et al., 2016. P. 170). Исследования Е.В. Безруковой и соавторов в районе оз. Большое Иняптукское, расположенного в высокогорной части Байкальского нагорья, коррелированные с результатами изучения оз. Котокель, Баунт, Арахлей, и др., позволили выделить общий тренд ландшафтно-климатических изменений (Безрукова и др., 2012). Послеледниковое потепление в районе оз. Байкал наступило около 11–10 тыс. л. н. (Безрукова и др., 2012. С. 7–8). Однако в высокогорных районах в это время сохраняются условия влажной, холодной кустарниковой тундры с еловыми редколесьями на многолетнемерзлых грунтах. Запаздывание в развитии растительности относительно побережья оз. Байкал составляло 2–1,5 тыс. лет (Безрукова и др., 2012. С. 10). Появление людей в среднем течении р. Мамы, на удалении порядка 130 км вверх по течению от устья и от Витима свидетельствует об обживании этих внутренних территорий нагорья, приближенных к окраинам горно-долинных ледников на расстояния порядка первой сотни километров.

Заключение

Значение открытия финальнопалеолитического комплекса местонахождения Нирякан I состоит в том, что впервые в долине р. Мама получен статистически многочисленный, типологически представительный и хронологически определенный комплекс артефактов эпохи каменного века. Все предыдущие открытия на местонахождениях Мукадек II, Монюкан, Усть-Чукча в долине р. Мама до сих пор имеют провизорный характер. Важное значение открытия финального палеолита на Нирякане состоит еще и в том, что он указывает на обитание людьми среднего течения р. Мамы и в ее лице внутренних районов Байкальской части Байкало-Патомского нагорья в перигляциальных условиях длящейся еще финальной стадии оледенения.

Библиографический список

Аксенов М.П. Палеолит и мезолит Верхней Лены. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. 370 с.

Аксенов М.П., Бердников М.А., Медведев Г.И., Пержаков С.Н., Федоренко А.Б. Морфология и археологический возраст каменного инвентаря «макаровского палеолитического пласта» // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии: тезисы доклада к региональной конференции. Иркутск, 1987. С. 26–30.

References

Aksenov M.P. (2009) Paleolithic and Mesolithic of Upper Lena. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. 370 p. (In Russ.)

Aksenov M.P., Berdnikov M.A., Medvedev G.I., Perzhakov S.N., Fedorenko A.B (1987) Morphology and archaeological age of stone tools of the "Makarov Paleolithic stratum". *Problemy antropologii i arkheologii kamennogo veka Evrazii: tezisy doklada k regional'noi konferentsii = Problems of Archaeology and Anthropology of the Stone Age of Eurasia: Proceedings of the Regional Conference*. Irkutsk. P. 26–30. (In Russ.)

Аксенов М.П., Ветров В.М., Инешин Е.М., Тетенькин А.В. История и некоторые результаты археологических исследований в бассейне р. Витим (Витимское плоскогорье и Байкало-Патомское нагорье) // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного педагогического университета, 2000. Вып. 2. Ч. 1. С. 4–35.

Безрукова Е.В., Андерсон Д.Дж., Виньковская О.П., Харинский А.В., Кулагина Н.В. Изменение растительности и климата в котловине озера Большое Иняптукское (Северо-Байкальское нагорье) в голоцене // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 2–11.

Ветров В.М. Археология Витимского плоскогорья: Усть-каренгская культура (13000–5000 л. н.) // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: сборник научных статей. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. С. 173–187.

Ветров В.М. Резцы и нуклеусы усть-каренгской археологической культуры // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995. С. 30–45.

Гладилин В.Н. Что же такое «техника леваллуа»? // Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев: Наукова думка, 1989. С. 30–45.

Инешин Е.М. Некоторые аспекты создания модели деятельности человека в плейстоцене в горно-таежной зоне (Байкало-Патомское нагорье, нижнее течение р. Витим) // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск, 1995. С. 187–189.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. К проблематике геоархеологических исследований Байкало-Патомского нагорья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. Т. IV. С. 141–147.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск: Наука, 2010. 270 с.

Медведев Г.И., Алаев С.Н., Сокальский А.А. О топографии раннепалеолитических местонахождений на высоких террасах Южного Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1978. Вып. 4. С. 5–30.

Aksenov M.P., Vetrov V.M., Ineshin E.M., Teten'kin A.V. (2000) History and some results of archaeological research in the Vitim River basin (Vitim Plateau and Baikal-Patom Plateau). *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti = Baikalian Siberia in the Past*. Irkutsk: Irkutsk Pedagogical University. Iss. 2. Part 1. P. 4–35. (In Russ.)

Bezrukova E.V., Anderson D.Dzh., Vin'kovskaya O.P., Kharinskii A.V., Kulagina N.V. (2012) Changes in vegetation and climate in the basin of Lake Bolshoye Inyaptukskoe (North Baikal Upland) in the Holocene. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. No. 3 (51). P. 2–11. (In Russ.)

Vetrov V.M. (2011) Archaeology of the Vitim plateau: Ust-Karengskaya Culture (13000 – 5000 years ago). *Aktual'nye problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka: sbornik nauchnykh statei = Actual problems of archeology of Siberia and the Far East: collection of scientific works.* Ussuriisk: Ussuriisk State Pedagogical Institute Publishing House. P. 173–187. (In Russ.)

Vetrov V.M. (1995) The burins and cores of the Ust'-Karenga Archaeological Culture. *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti = Baikalian Siberia in the Past*. Irkutsk. P. 30–45. (In Russ.)

Gladilin V.N. (1989) What is the “Levallois technique”? *Kamennyi vek: pamyatniki, metodika, problem = Stone Age: sites, methods, problems.* Kiev: Naukova dumka. P. 30–45. (In Russ.)

Ineshin E.M. (1995) Some aspects of the creation of a model of human activity in the Pleistocene in the mountain-taiga zone (Baikal-Patom Upland, the lower course of the Vitim River). *Obozrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovanii arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 godu = Review of the results of field and laboratory research by archaeologists, ethnographers and anthropologists of Siberia and the Far East in 1993*. Novosibirsk. P. 187–189. (In Russ.)

Ineshin E.M., Tetenkin A.V. (2000) On the problems of geoarchaeological studies of the Baikal-Patom Upland. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii = Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN. Vol. IV. P. 141–147. (In Russ.)

Ineshin E.M., Teten'kin A.V. (2010) Humans and the environment of the North of Baikalian Siberia in the Late Pleistocene. The Bol’shoi Iakor’ I site. Novosibirsk: Nauka. 270 p. (In Russ.)

Medvedev G.I., Alaev S.N., Sokal'skii A.A. (1978) On the topography of the Early Paleolithic sites on the high terraces of South Cisangaria. *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoi Sibiri = Ancient History of the People of the South of Eastern Siberia*. Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 4. P. 5–30. (In Russ.)

Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А. Техноморфологический анализ каменной и костяной индустрии из культуросодержащего горизонта 2 многослойного местонахождения Курла I на Северном Байкале // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этноархеология. Антропология. 2019. Т. 28. С. 3–37.

Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: сборник научных трудов (К XIII конгрессу ИНКВА) / отв. ред.: Г.И. Медведев, Н.А. Савельев, В.В. Свинин Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1990. 165 с.

Тетенькин А.В. Многослойный памятник Коврижка III на Нижнем Витиме // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2016. № 1. С. 265–315.

Шмыгун П.Е. Докерамические комплексы из четвертичных отложений Северного Байкала // Рельеф и четвертичные отложения Станового нагорья. М.: Наука, 1981. С. 120–128.

Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С. Курлинский бескерамический комплекс на Северном Байкале: (предварит. сообщ.) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1978. Вып. 4. С. 56–69.

Шмыгун П.Е., Филиппов А.К. Нижний комплекс стоянок Курла // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1982. С. 15–24.

Bronk Ramsey C., 2021, OxCal 4.4 [Электронный ресурс]. URL: http://c14.arch.ox.ac.uk (Дата обращения 10.12.2020)

Margold M., Jansson K.N. Glacial geomorphology and glacial lakes of central Transbaikalia, Siberia, Russia // Journal of Maps. 2011. Nr. 7. P. 18–30.

Margold M., Jansen K.N., Gurinov A.L., Codilean A.T., Fink D., Preusser F., Reznichenko N.V., Mifsud C. Extensive glaciation in Transbaikalia, Siberia, at the Last Glacial Maximum // Quaternary Science Review. 2016. No. 132. P. 161–174.

Medvedev G. Upper Paleolithic sites in South-Central Siberia // Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998. P. 122–132.

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Ol-

Molchanov G.N., Molchanov D.N., Lipnina E.A. (2019) Techno-morphological analysis of the stone and bone industry from the cultural level 2 of the Kurla I multilayer site in Northern Baikal. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnoarkheologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Series Geoarcheology. Ethnoarcheology. Anthropology*. Vol. 28. P. 3–37. (In Russ.)

Medvedev G.I, Savel'ev N.A., Svinin V.V. (1990) Stratigraphy, paleogeography and archaeology of the south of Middle Siberia: collection of scientific works (to the XIII Congress of IQUA). Irkutsk: Irkutsk State University. 165 p. (In Russ.)

Teten'kin A.V. (2016) Multilayered site Kovrizhka III on lower riches of Vitim River. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya = Stratum plus*. *Archaeology and Cultural Anthropology*. No. 1. P. 265–315. (In Russ.)

Shmygun P.E. (1981) Preceramic assemblages from the Quaternary deposits of Northern Baikal. *Rel'ef i chetvertichnye otlozheniya Stanovogo nagor'ya = Relief and Quaternary deposits of the Stanovoe Upland*. Moscow: Nauka. P. 120–128. (In Russ.)

Shmygun P.E., Endrikhinskii A.S. (1978) Kurla preceramic complex on the North Baikal: (preliminary report). *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoi Sibiri = Ancient History of the People of the South of Eastern Siberia*. Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 4. P. 56–69. (In Russ.)

Shmygun P.E., Filippov A.K. (1982) Lower complex of the Kurla sites. *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Vostochnoi Sibiri = Material culture of ancient population of the Eastern Siberia.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 15–24. (In Russ.)

Bronk Ramsey C., 2021, *OxCal 4.4*. Available at: http://c14.arch.ox.ac.uk (accessed December 10, 2020)

Margold M., Jansson K.N. Glacial geomorphology and glacial lakes of central Transbaikalia, Siberia, Russia // Journal of Maps. 2011. Nr. 7. P. 18–30.

Margold M., Jansen K.N., Gurinov A.L., Codilean A.T., Fink D., Preusser F., Reznichenko N.V., Mifsud C. Extensive glaciation in Transbaikalia, Siberia, at the Last Glacial Maximum // Quaternary Science Review. 2016. No. 132. P. 161–174.

Medvedev G. Upper Paleolithic sites in South-Central Siberia // Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998. P. 122–132.

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Ol-

sen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. Vol. 62. Pp. 725–757. DOI:10.1017/RDC.2020.41

Сведения об авторе

Тетенькин Алексей Владимирович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: altet@list.ru

Заявленный вклад автора

А.В. Тетенькин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 7 августа 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 2 сентября 2021 г.
Принята к публикации 13 сентября 2021 г.

sen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. *The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP).* Radiocarbon. 2020. Vol. 62. Pp. 725–757. DOI:10.1017/RDC.2020.41

Information about the author

Aleksey V. Tetenkin,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Researcher, Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Systems of Life of peoples of Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: altet@list.ru

Contribution of the author

A.V. Tetenkin carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received August 7, 2021.
Received September 2, 2021.
Accepted September 13, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.4(571.53)«634»
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-22-45

Новые данные по неолиту Като-Ёдарминского расширения Северного Приангарья (по результатам работ на стоянке Катина Щель)

© А.М. Кузнецов[a], Е.О. Роговской[a], Г.А. Воробьева[a], А.М. Клементьев[b]

[a] Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
[b] Институт земной коры СО РАН, Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассмотрены археологические материалы неолитической стоянки Катина Щель (Като-Ёдарминское расширение долины р. Ангары). Особенностью объекта является геоморфологическое положение – стоянка приурочена к вершине горы, причлененной к 70-метровому скальному останцу, доминирующему в ландшафте. Культурный слой залегает в подошве погребенного гумусового горизонта почвы, сформировавшегося в среднем голоцене (АТ). По нагару с керамики и фаунистическим остаткам получены две радиоуглеродных датировки: 7561±67 и 7258±93 некал. л. н. В составе коллекции доминирует дебитаж (мелкие и средние сколы, микросколы, обломки), зафиксирован немногочисленный орудийный набор (скребки, отбойник, абразив, фрагменты орудий, заготовки). Фауна в основном представлена остатками крупных копытных, включая *Alces americanus*. Керамический компонент коллекции состоит из фрагментов хайтинской и сетчатой керамики. В рамках построения модели системы адаптации охотников-собирателей региона объект интерпретируется как логистический нестационарный лагерь с функциями охотничьего наблюдательного поста и первичной обработки каменного сырья. В пользу этой гипотезы свидетельствуют характеристики археологического материала, соотношение категорий находок в сравнении с другими объектами Като-Ёдарминского расширения, этноархеологические корреляции. Выдающееся в ландшафте положение Катиной Щели обеспечивало возможность наблюдения за окружающим пространством, временные ресурсы при этом тратились на подготовку к транспортировке литоресурса. Также вполне возможна культовая специфика объекта: привлекательность Катиной Щели как точки обзора в процессе наблюдения могла определять культовую значимость этой локации. Использование дедуктивной процедуры археологического исследования на основании модели коллекторов Л. Бинфорда позволило провести ожидаемую связь между материалами Катиной Щели и другими стоянками Като-Ёдарминского расширения.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, Северное Приангарье, средний голоцен, ранний неолит, охотники-собиратели, система жизнеобеспечения, адаптация, охра, сырье

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90006 (Аспиранты). Коллектив авторов выражает благодарность за проведенные анализы Е.Л. Дамбиновой (биолого-почвенный факультет ИГУ, Иркутск); Г.В. Орловой, Н.Н. Уховой, Н.Ю. Царевой (ИЗК СО РАН, Иркутск); Е.В. Пархомчук (ЦКП «УМС НГУ-ННЦ», Новосибирск). Особую благодарность авторы выражают художнику Н. Каспришиной (Иркутск) за выполненные рисунки археологического материала, Д.Н. Лохову и М.Е. Абрашиной (НИЦ «Байкальский регион» ИГУ, Иркутск) за помощь при работе с керамической коллекцией.

Для цитирования: Кузнецов А.М., Роговской Е.О., Воробьева Г.А., Клементьев А.М. Новые данные по неолиту Като-Ёдарминского расширения Северного Приангарья (по результатам работ на стоянке Катина Щель) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 22–45. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-22-45

New data on the Neolithic of Kata-Yodarma Confluence in North Angara (Based on excavation of Katina Schel site)

© Aleksei M. Kuznetsov[a], Evgenii O. Rogovskoi[a], Galina A. Vorobieva[a], Aleksei M. Klementiev[b]

[a] Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
[b] Institute of the Earth's Crust SB RAS, Irkutsk, Russia

Abstract: This paper examines archaeological collection of Katina Schel Neolithic site (Kata-Yodarma confluence in North Angara). The characteristic feature of this site is the geomorphological position – the location is situated at the top of rock massif dominated over landscape. Cultural layer is deposited in the bottom of Middle Holocene humus sediments (AT). Radiocarbon analysis of residue on outer surface of ceramic fragment and faunal sample presents the age of 7561±67 and 7258±93 ^{14}C years ago. The lithic assemblage is characterized by the predominance of *debitage*, including a number of small and middle-size flakes and waste material; small group of tools (scrapers, polisher, hard hammer, tool preforms) is also presented in the collection. Most of paleofauna is Cervidae, including moose (*Alces americanus*). The ceramic assemblage consists of two types: net impressed pottery and «Khaita» pottery. According to the hunter–gatherer subsistence–settlement patterns, the location is interpreted as short-term logistical camp with functions of hunting lookout and raw material preparing station. This hypothesis is suggested by specific features of the assemblage, the ratio of bone and lithic materials versus archaeological data on neighboring sites, ethnoarchaeological correlations. Landscape position of Katina Schel site provided the possibility of observing the surrounding space, while time resources were used to preparing raw material for the transportation. It can also assumed ritual component at the site: a competitive advantage as an observation post potentially determines the ritual significance of Katina Schel site. Deductive nature of this study bases on the "collector" end of Binford's forager–collector continuum and allows the projected correlation between logistical camp of Katina Schel site and other locations of Kata-Yodarma territory.

Keywords: Baikal Siberia, North Angara, Middle Holocene, Early Neolithic, hunter-gatherers, subsistence–settlement system, adaptation, ochre, lithic raw source

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90006 (Aspirantyi). We are indebted to E.L.Dambinova (the Biological Faculty of Irkutsk State University, Irkutsk), G.V.Orlova, N.N.Ukhova, N.Yu. Tsareva (Institute of the Earth's Crust SB RAS, Irkutsk), E.V.Parkhomchuk (AMS Golden Valley, Novosibirsk) for the analyses. We wish to convey special thanks to the illustrator N. Kasprichshina (Irkutsk) for the drawing. We also thank D.N.Lokhov and M.E.Abrashina (SRC "Baikal Region" ISU, Irkutsk) for their assistance in the ceramic investigations.

For citation: Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O., Vorobieva G.A., Klementiev A.M. (2021) New data on the Neolithic of Kata-Yodarma Confluence in North Angara (Based on excavation of Katina Schel site). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 22–45. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-22-45

Введение

Археологическое изучение Северного Приангарья имеет долгую историю, наполненную сложностями как организационно-методического, так и научно-исследовательского характера. Расположение региона на северной границе Байкальской Сибири и, как следствие, отсутствие на большей части его территории транспортных путей и населенных пунктов, а также до недавнего времени ограниченная судоходность Ангары в нижнем течении отразились на состоянии исследовательской базы. Начавшись с ряда небольших по масштабу пунктирно-разведочных работ первой половины XVIII – начала XX в., связанных с именами Д.Г. Мессершмидта, И.А. Лопатина, Н.И. Витковского, В.И. Подгорбунского, Н.Я. Ходукина и Г.Ф. Дебеца, все дальнейшие научные изыскания были неразрывно связаны с нуждами народного хозяйства – грандиозным государственным проектом строительства каскада ангарских ГЭС (Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; Лохов, Дударек, 2017; Медведев и др., 2009). Логическим завершением основного этапа этого процесса в хозяйственном отношении было затопление Богучанского водохранилища в 2013–2015 гг. и, соответственно, уничтожение большинства опорных археологических объектов Северной Ангары.

Связанный с затоплением комплекс аварийно-спасательных и мониторинговых археологических работ, стартовавший в 2007 г., пополнил источниковую базу региона огромным количеством материалов, но введение их в научный оборот, анализ и синтез новых данных затрудняется значительно возросшей сложностью процедуры критики источника, на настоящий момент уже утраченного, затопленного водами Богучанского водохранилища. Все это в совокупности делает североангарские материалы во многом «вещью в себе», объектами исключительно умопостигаемыми с помощью оставшейся, иногда разрознен-

ной полевой документации и сохранившихся археологических коллекций.

Однако ряд североангарских местонахождений на высоких гипсометрических отметках не попал в зону затопления и по-прежнему доступен для полевого изучения. Исследовательская ценность таких объектов определяется возможностью проверить или дополнить некоторые выводы, сделанные во время камеральной работы над ранее полученными материалами. Одним из них является стоянка Катина Щель в Като-Ёдарминском расширении уже не р. Ангары, но Богучанского водохранилища.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот сведений о стратиграфии, составе отложений, археологическом материале стоянки Катина Щель, а также корреляции этих данных с имеющимся массивом информации по ранне-, среднеголоценовым комплексам Като-Ёдарминского расширения и Северной Ангары. Результаты исследований объекта до настоящего времени были частично представлены только в виде кратких тезисов конференций (Дамбинова, Воробьева, 2016; Посашкова, 2016).

История исследований

Местонахождение было открыто в 1998 г. в рамках рекогносцировочных археологических исследований в долине р. Ангары на участке от г. Усть-Илимска до административной границы Иркутской области и Красноярского края Нижне-Ангарским отрядом археологической экспедиции ИГУ под руководством Е.О. Роговского и В.В. Белоненко (Роговской, Белоненко, 1999)[1]. Во время осмотра юго-западного склона горы, причлененного к 70-метровому скальному останцу, в подъемном состоянии был зафиксирован археологический материал. В составе коллекции фигурировали немногочисленные отщепы и неопределимые фрагменты фауны. Границы объекта были предварительно выделены на основе геоморфологической ситуации, захватывали выположенную поверхность на вершине горы, ограниченной с трех сторон склонами крутизной не менее 20–30º и с одной стороны самим скальником. Площадь объекта, по предварительным данным, составила около 1 тыс. м^2. Устойчивый среди местного населения топоним «Катина Щель» происходит от названия близлежащего притока Ангары – р. Каты и характерной формы скальника, посредине которого располагается узкая трещина-щель, открытая в сторону русла р. Ангары (рис. 1).

В 2007 году в ходе мониторинговой экспедиции по инвентаризации объектов археологического наследия Усть-Илимского района стоянка вновь была подвергнута визуальному осмотру. Сотрудниками ИГУ Е.О Роговским и С.П. Тараканов-ским были собраны два отщепа и фрагмент керамики (Роговской, 2008)[2]. Во время стационарных спасательных работ Богучанской экспедиции СО РАН 2008–2012 гг. раскопки на объекте не проводились, так как он не попадал в зону затопления, благодаря своему местоположению на вершине горы.

Первые исследования стоянки с проведением рекогносцировочных земляных работ состоялись в 2013 г. Полевые работы под руководством сотрудников ИГУ А.М. Кузнецова и Д.Н. Молчанова были проведены в рамках инвентаризации объектов археологического наследия после затопления БоГЭС. На территории стоянки были заложены четыре шурфа общей площадью 16 м^2. Глубина выработок варьировала от 0,85 до 2,2 м. Шурфы были равномерно распределены по площади и заложены в границах выположенной поверхности на вершине горы. Археологический материал был зафиксирован во всех шурфах и состоял из каменных орудий, отходов литопроизводства, фаунистических остатков и фрагментов керамики. Культуросодержащий

[1] Роговской Е.О., Белоненко В.В. Отчет о проведении рекогносцировочных археологических исследований в долине р. Ангары на участке от г. Усть-Илимска до административной границы Иркутской области и Красноярского края : полевой отчет. Архив НИЦ «Байкальский регион» ИГУ. Иркутск, 1999. 41 с.

[2] Роговской Е.О. Отчет об археологических разведочных исследованиях в 2007 г. в долине Ангары, на участке от г. Усть-Илимска до границ с Красноярским краем, в зоне затопления Богучанским водохранилищем (Иркутская часть) : полевой отчет. Архив НИЦ «Байкальский регион» ИГУ. Иркутск, 2008. 331 с.

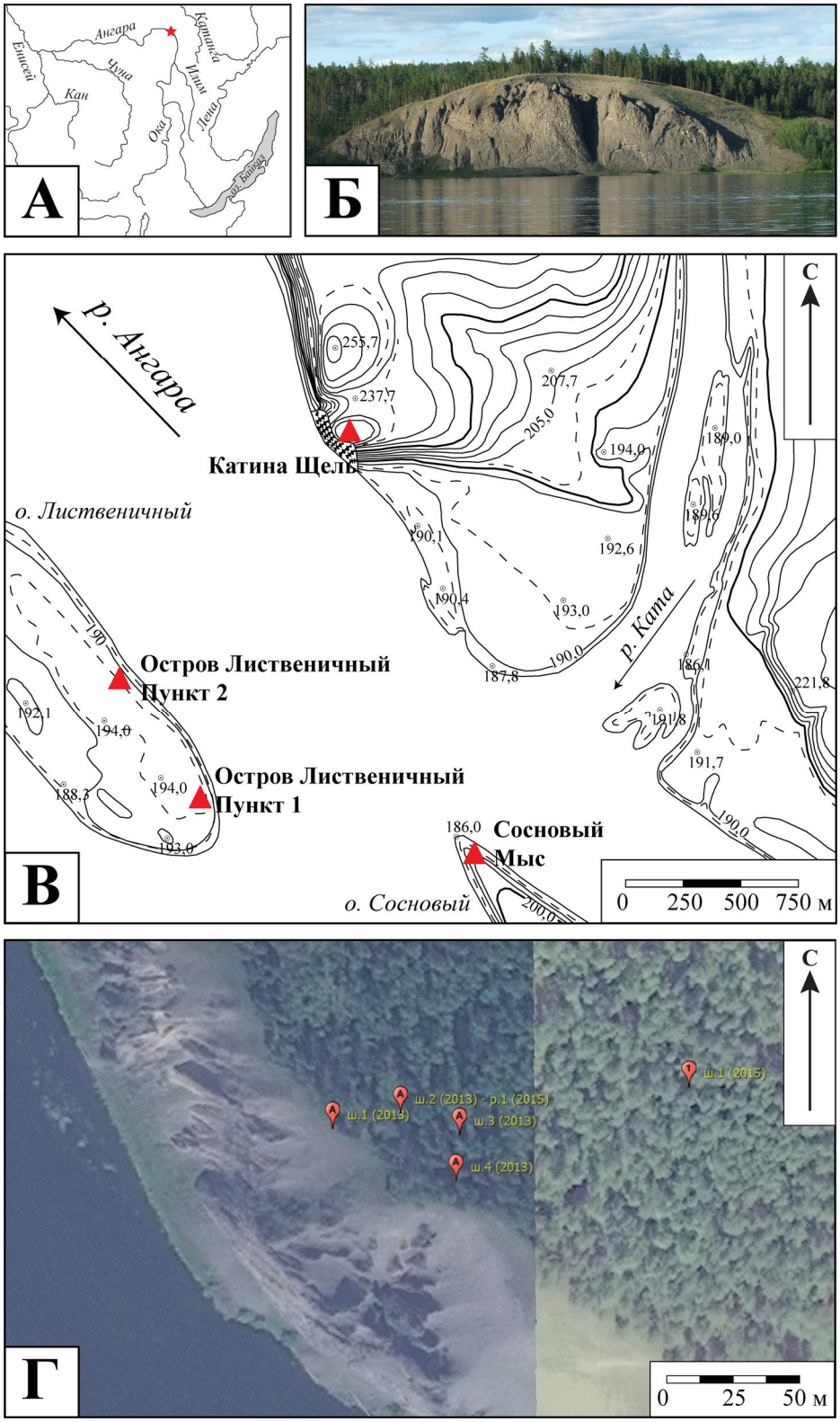


Рис. 1. Местонахождение стоянки Катина Щель: *А – расположение Като-Ёдарминского расширения в Байкальской Сибири; Б – вид на Катину Щель со стороны реки; В – археологические объекты эпохи неолита на приустьевом участке р. Каты; Г – расположение раскопочных площадей на стоянке Катина Щель (на основе GoogleMap)*

Fig. 1. Location of Katina Schel site: *A – location of Kata-Yodarma confluence in Baikal Siberia; Б – Katina Schel site, the view from the river; B – location scheme of Neolithic sites at the territory nearby the mouth of Kata River; Г – general plan of excavations at Katina Schel site (based on GoogleMap)*

горизонт дислоцировался в нижнем отделе среднеголоценовых отложений (Роговской, Кузнецов, 2013)[3].

В 2014 г. исследования стоянки ограничились визуальным осмотром территории в рамках очередного мониторинга археологических объектов Северного Приангарья (Тимощенко, 2015)[4].

Следующий этап раскопочных работ на Катиной Щели состоялся в 2015 г. в ходе работ комплексной экспедиции Лаборатории археологии ИГУ в составе Е.О. Роговского, А.М. Кузнецова и Е.А. Липниной (Роговской, Кузнецов, 2015)[5]. На базе шурфа № 2 (2013 г.) был развернут раскоп общей площадью 9 м^2. Работы проводились с целью уточнения стратиграфической ситуации, расширения представлений об облике каменной, костяной и керамической индустрии, отбора проб почв и органических остатков. Для уточнения границ объекта в 80 м на восток от шурфа № 3 (2013 г.) был заложен рекогносцировочный шурф, но культуросодержащий слой в нем отсутствовал.

Геоморфология и строение разреза

В геоморфологическом отношении исследуемая территория относится к Като-Ёдарминской тектонической крестовине, образованной реками: Ангарой, Катой и Ёдармой. Стоянка Катина Щель расположена на правом обрывистом берегу р. Ангары, сложенном туфогенными породами корвунчанской свиты нижнего триаса (T_1kr), представленной переслаиванием туфобрекчий, туфов и туфопесчаников темно-серого и пепельно-серого цвета. Высотные отметки поверхности объекта до затопления БоГЭС составляли около 65 м над урезом Ангары. Расстояние до устья р. Каты 1300 м.

Стоянка приурочена к выположенной вершине горы, причлененной к скальному останцу пород корвунчанской свиты. Останец обладает характерной для Северной Ангары башневидной формой (Равский, 1959. С. 22). Цементом туфогенной толщи является вулканический базальтовый пепел, состоящий из песчано-пылеватых частиц вулканического стекла и мелких обломков минералов и пород. Гора, где расположены разрезы, покрыта продуктами дезинтеграции туфогенных пород, сносимых со скальника к его подножью.

Разрез стоянки был сделан в 2015 г. на базе раскопа № 1 (рис. 2). Морфологическое описание представлено в табл. 1. При описании слоев использованы индексы диагностических горизонтов, принятые в почвоведении (Воробьева и др., 2017[6]; Полевой определитель…, 2008; Шишов и др., 2004).

В строении разреза отмечается рыхлость сложения, невыдержанная слоистость и наличие погребенных почвенных горизонтов. Всё это указывает на аккумулятивный характер отложений и их преимущественно коллювиальный генезис, обусловленный не столько переотложением материала в процессе делювиального смыва, сколько осыпанием грунта и его движением в сухом со-

[3] Роговской Е.О., Кузнецов А.М. Дополнительные археологические исследования на ОАН Усть-Илимского района (Усть-Невон, Усть-Большая Яросама 1, Невон, Усть-Большая Яросама 2, Остров Медведков, Катина Щель) для проведения историко-культурной экспертизы о включении выявленных объектов археологического наследия, попадающих в зону затопления ложа Богучанской ГЭС на территории Усть-Илимского района Иркутской области, в единый государственный реестр объектов культурного наследия Российской Федерации : полевой отчет. Архив НИЦ «Байкальский регион» ИГУ. Иркутск, 2013. 266 с.

[4] Тимощенко А.А. Проведение мониторинга с целью выявления разрушения объектов; принятие оперативных мер в случае выявления фактов разрушения объектов археологического наследия, расположенных в зоне берегоформирования Богучанского водохранилища; мониторинг состояния выявленных объектов археологического наследия, расположенных в Усть-Илимском районе Иркутской области : полевой отчет. Архив НИЦ «Байкальский регион» ИГУ. Иркутск, 2015. 169 с.

[5] Роговской Е.О., Кузнецов А.М. Мониторинг состояния объектов археологического наследия и выявление новых объектов, расположенных в зоне берегоформирования Богучанского водохранилища на территории Усть-Илимского района Иркутской области в 2015 году : полевой отчет. Архив НИЦ «Байкальский регион» ИГУ. Иркутск, 2015. 284 с.

[6] Воробьева Г.А., Куклина С.Л., Мартынова Н.А., Киселева Н.Д., Швецов С.Г., Лопатовская О.Г. Почвоведение: типология почв и их диагностика: учеб.-метод. пособие. Иркутск : ИГУ, 2017. 237 с.

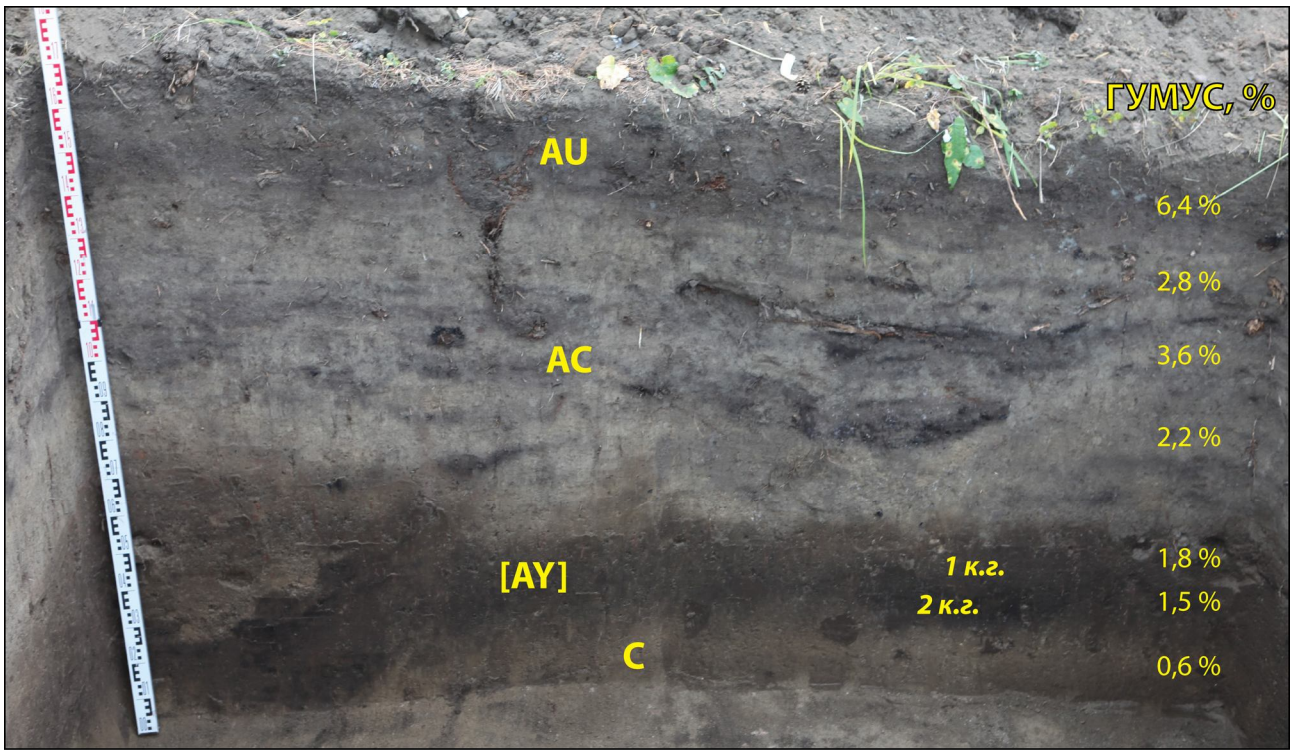


Рис. 2. Стратиграфический разрез стоянки Катина Щель
Fig. 2. The stratigraphy of Katina Schel site

Таблица 1. **Морфологическое описание разреза стоянки Катина Щель**
Table 1. **Morphological description of the stratigraphy at Katina Schel site**

Почвенный горизонт	Глубина, см	Морфологическое описание
AU	0–22 (25)	Темно-серый, супесчаный, рыхлый. Слабо выражена слоистость. Структура комковато-зернистая, непрочная. Пронизан корнями растений. Граница ровная, переход ясный по цвету
AC	22(25)–120	Неравномерно окрашенный за счет чередования серых гумусированных и светло-серых безгумусовых прослоек, супесчаный, рыхлый. Серые прослойки сближены в середине горизонта AC на глубине 60–75 см. Структура комковато-зернистая, непрочная. Сильные потемнения в средней части горизонта – продольные и поперечные срезы обугленных древесных корней. По всему горизонту – рассеянные включения древесных угольков и их скопления. Граница волнистая, переход четкий по цвету и плотности
[AY]	120–145	Темно-коричневый, легкосуглинистый, уплотненный. Структура комковато-зернистая. В левой части раскопа строение нарушено. В центральной и правой частях разреза сложение нормальное, граница ровная, переход ясный по цвету. К слою приурочены 1 и 2 к. г.
C	145–170	Желтовато-серый, легкосуглинистый, уплотненный. Структура не выражена. Встречаются кротовины, заложенные из погребенного гумусового горизонта

стоянии, вызванном изменением объема при колебаниях температур.

Вскрытая разрезами 1,5–2-метровая рыхлая толща сложена серыми и светло-серыми супесями и легкими суглинками. В случае повышенного содержания гумуса или древесных угольков окраска становится темно-серой. Серая окраска минерального субстрата обусловлена высоким содержанием вулканического пепла в отложениях корвунчанской свиты.

Разрезом вскрыт сдвоенный почвенный профиль. Обе почвы не имеют развитых срединных горизонтов и относятся к отделу органо-аккумулятивных. В связи с резким различием в содержании гумуса верхняя почва относится к типу темногумусовых, нижняя (погребенная) – к типу серогумусовых. Почвы различаются и по гранулометрическому составу: верхняя почва является супесчаной, нижняя – легкосуглинистой. Различия в гранулометрическом составе при одном и том же источнике поступления минерального субстрата, которым является скальник, указывают на лучшие условия для развития почвенных метаморфических процессов во время формирования нижней почвы. Такие процессы имеют биохимическую природу и чутко реагируют на изменение температур и увлажненности. Следствием оптимизации условий почвообразования явилось также побурение окраски нижней почвы вследствие окисления железа.

Необычным для таежных почв является щелочная реакция (слабощелочная в верхней почве – pH=7,4–7,7, щелочная и даже сильнощелочная (>8,5) в нижней почве – pH=8,2–8,9). Такие величины pH обычно указывают на засоленность почв, но рассматриваемые почвы не являются засоленными, о чем свидетельствует невысокая общая щелочность почв. Другое необычное свойство – очень высокая емкость катионного обмена (67–78 ммоль/100 г). Даже в почвообразующей породе (горизонт С), где содержится всего 0,6 % гумуса, ёмкость катионного обмена достигает > 57 ммоль/100 г, что в 3–5 раз больше, чем в обычных почвах. Следует отметить, что почвы, обладающие такими необычными показателями, встречаются в Приангарье крайне редко и представляют собой уникальные объекты для исследования (Дамбинова, Воробьева, 2016).

Необычные показатели pH и емкости катионного обмена обусловлены богатством почвообразующих пород цеолитами – вторичными минералами, образующимися в пустотах и трещинах туфогенных пород при разложении вулканического стекла. Цеолиты – это большая группа минералов, представленных водными алюмосиликатами Ca, Na, K. Они содержат крупные полости и каналы, благодаря которым обладают очень высокой величиной поглощения катионов. Цеолиты способны адсорбировать молекулы различных веществ и обменивать одни катионы на другие.

Таким образом, судя по гранулометрическому составу и окраске, нижняя почва развивалась в более благоприятных климатических условиях, чем верхняя почва. Верхняя почва имеет более грубый гранулометрический состав и обладает низкой водоудерживающей способностью. Быстрое высыхание верхней почвы тормозит развитие почвенных метаморфических процессов, вследствие этого в ее окраске не появляются бурые тона. Сухость верхней почвы создает повышенную пожароопасность. Подтверждением этому являются углистые включения и остатки обуглившихся корней деревьев в горизонт АС.

Подобное строение разреза прослеживается также в шурфах 2013 г. В шурфе № 1, расположенном ближе всего к фронтальной части скальника, литологические горизонты имеют меньшую мощность, несут компрессионный характер. Горизонт С в этом шурфе начинается уже с глубины 0,45 м. Строение разреза в шурфах № 3 и № 4 практически идентичное, причем в последнем горизонт С вскрыт до глубины 2,2 м. В нижней части разреза 4 появляется супесчаный субстрат серого цвета, похожий по составу на сыпучий песок, покрывающий склоновые поверхности скальника.

В рекогносцировочном шурфе 2015 г. зафиксирована иная ситуация. Здесь вскрывается супесчаная плотная пылеватая толща мощностью до 1,1 м без гумусированных прослоек. Строение и состав отложений находят прямую аналогию на разрезах стоянки Акимов Ручей, расположенной

до затопления в 1,2 км ниже по течению Ангары на относительных отметках 20–30 м над урезом воды по правому берегу (Деревянко и др., 2015. С. 380–381).

Материалы

Общее количество зафиксированных находок составляет 1906 ед. Основная масса из них происходит из шурфа № 2 (2013 г.) и развернутого на его базе раскопа (2015 г.) – 1715 ед. В 2013 г. стоянка была охарактеризована как однослойная, однако по итогам работ 2015 г. были составлены микростратиграфические профили, в результате чего удалось выявить дополнительный уровень залегания материала, представленный небольшим пятном находок и обозначенный 1 культуросодержащим горизонтом (*далее – к. г.*). Следует отметить, что оба уровня дислоцируются в почвенном горизонте [AY], характеризуются одинаковым сырьем и морфологией каменного материала, расстояние по вертикали между уровнями составляет примерно 5–8 см. Исходя из одинакового стратиграфического положения, типологии керамики, характера каменного инвентаря, материалы шурфов № 1, 3, 4 (2013 г.) и второй уровень залегания находок в раскопе 2015 г. (шурф № 2) отнесены ко 2 к. г.

По 2 к. г. были получены две даты: по нагару с внутренней поверхности фрагмента сетчатой керамики – 7561±67 АМС ^{14}C л. н. (GV-2802) и по резцу лося (*Alces americanus*) – 7258±93 АМС ^{14}C л. н. (GV-2803)[7]. Оба образца планиграфически относятся к раскопу 2015 г. К сожалению, при датировании не был проведен анализ стабильных изотопов, так что возраст образцов может быть моложе. Однако стратиграфическое положение остатков в низах пачки голоценового оптимума подтверждает полученный по итогам радиоуглеродного анализа возраст культурного горизонта.

Поверхность обоих горизонтов субгоризонтальная, с небольшими западинами. Каменный и костяной материал распространяется на раскопанной площади равномерно, не образуя статистически выделяемых зон концентрации, за исключением единичных скоплений аппликируемых костных остатков. В шурфах № 1 и 3 зафиксированы овальные в контуре кострища без обкладки размерами 55*32 см и 58*44 см. Глубина прокала варьирует от 6 до 8 см. В шурфе № 3, расположенном на северо-восточной границе объекта, концентрация материала снижается (n=31); шурф № 4 (n=3), заложенный на восточной границе, маркирует периферию области распространения культурного слоя.

Сырье для каменного производства представлено небольшой номенклатурой горных пород местного происхождения. В составе коллекции фигурируют неравномернозернистые кремнево-халцедоновые породы (35,4 %), роговик (45,3 %), крупнозернистый кварцит (14,6 %), аргиллит (2,8 %), микродолерит (1,4 %), базальтовый порфирит (0,6 %). Определение пород проводилось путем сравнения субстрата с результатами анализа петрографических шлифов, полученных по соседним объектам Като-Ёдарминского расширения (Кузнецов, Роговской, 2018).

Археологическая коллекция 1 к. г. представлена немногочисленными находками (n=44), в числе которых фигурируют два проксимальных фрагмента призматических пластин из кремня и роговика, фрагмент кремневой заготовки бифасиального орудия (рис. 3.5), колотая кварцитовая галька (1 ед.), мелкие сколы и микросколы (31 ед.), фрагменты неопределимой кости (9 ед.).

Материалы 2 к. г. более представительны. Каменная индустрия представлена 985 ед. находок (53 % от общего количества находок), в том числе 24 формальных и неформальных орудия (2,4 %); 25 пластин (2,5 %); 302 отщепа с сохранившимися талонами (30,7 %) и 192 обломка без проксимальной части (19,5 %); два технических (реберчатых) скола (0,2 %); 416 микросколов и чешуек (42,2 %); 24 мелких гальки, в том числе четыре колотых (2,4 %).

По метрическим характеристикам большинство сколов, в том числе фрагментированных, включая обломки, можно отнести к категории мелких и

[7] Календарный возраст образцов, полученный с помощью программы OxCal v4.4 (Bronk Ramsey, 2021) и калибровочной кривой IntCal20 (Reimer et al., 2020), составляет, соответственно, 8190–8518 л. н. и 7874–8320 л. н.

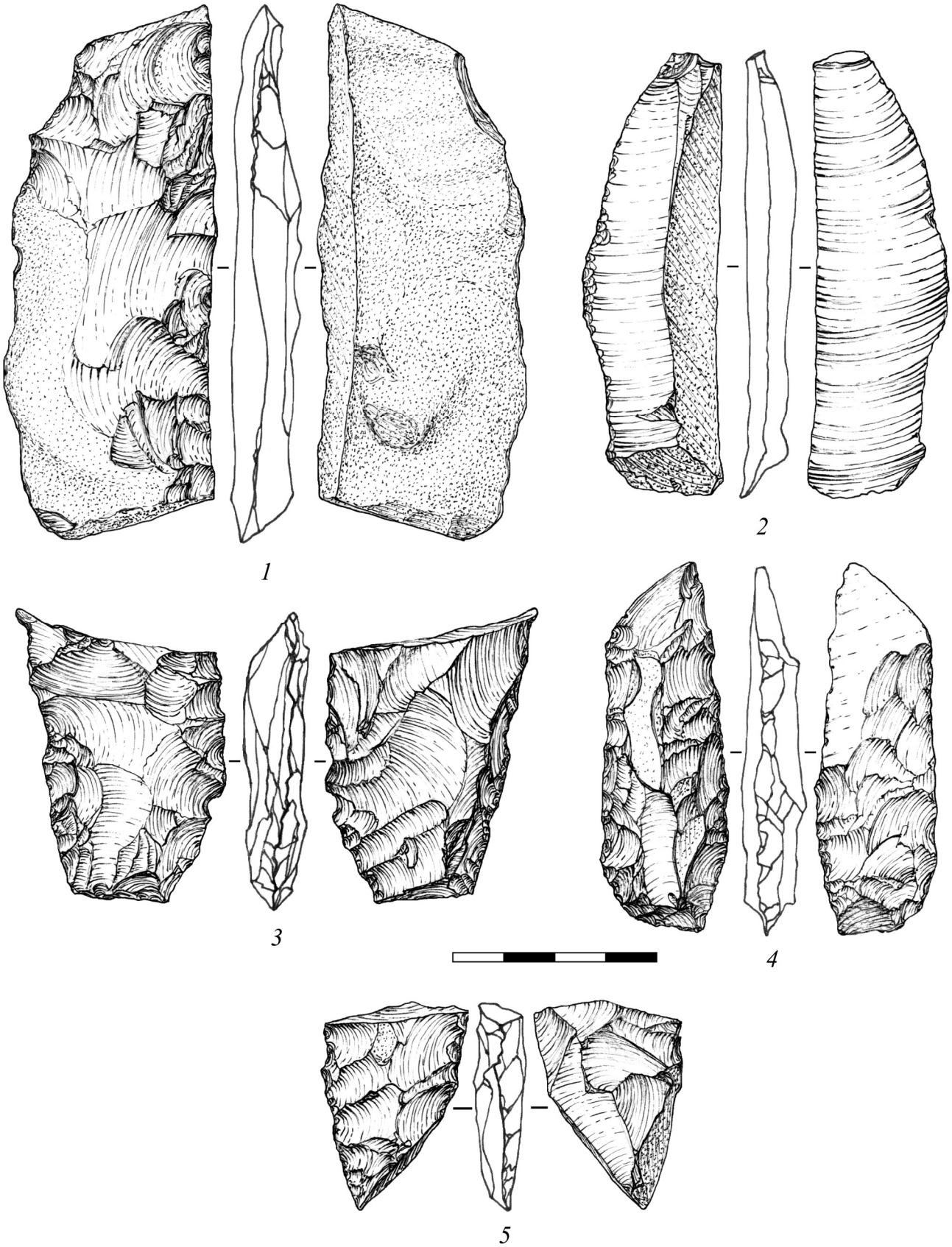


Рис. 3. Каменная индустрия стоянки Катина Щель: *1–4 – сколы с ретушью (2 к. г.); 5 – заготовка орудия (1 к. г.)*
Fig. 3. Lithic industry of Katina Schel site: *1–4 – retouched flakes (2 layer); 5 – tool preform (1 layer)*

средних (не более 40 мм), причем зависимости от субстрата не прослеживается (рис. 4). Отщепы с талонами глубиной до 3 мм составляют 48 % (146 ед.) от общего количества, что может указывать на применение как мягкого, так и твердого отбойников (Нехорошев, 1999. С. 20). Галечная корка присутствует на 39 артефактах (8 % от общего числа сколов и обломков), термическая обработка, выраженная в разной цветовой гамме вентралов и дорсалов, – на 57 артефактах (11 %).

На дорсальной поверхности двух сколов из долерита зафиксированы следы шлифовки. Обнаружен также небольшой угловатый обломок аргиллита подтреугольной формы, на котором отшлифованы две смыкающиеся грани. Исходя из формы обломка можно предположить, что он является фрагментом аргилитового тесла, аналоги которого фиксировались в ранненеолитическом горизонте стоянки Остров Лиственичный Пункт 2.

Пластины представлены 25 фрагментами регулярных пластинчатых снятий с призматических нуклеусов. По показателям ширины их можно подразделить на микропластины (до 7 мм) – 6 ед., пластинки (7–12 мм) и пластины (больше 12 мм) – 15 и 4 ед. соответственно. Глубина талона на сохранившихся проксимальных сегментах не превышает 2 мм, ширина – от 1 до 5 мм. Вкупе с параллельностью ребер на дорсальной поверхности

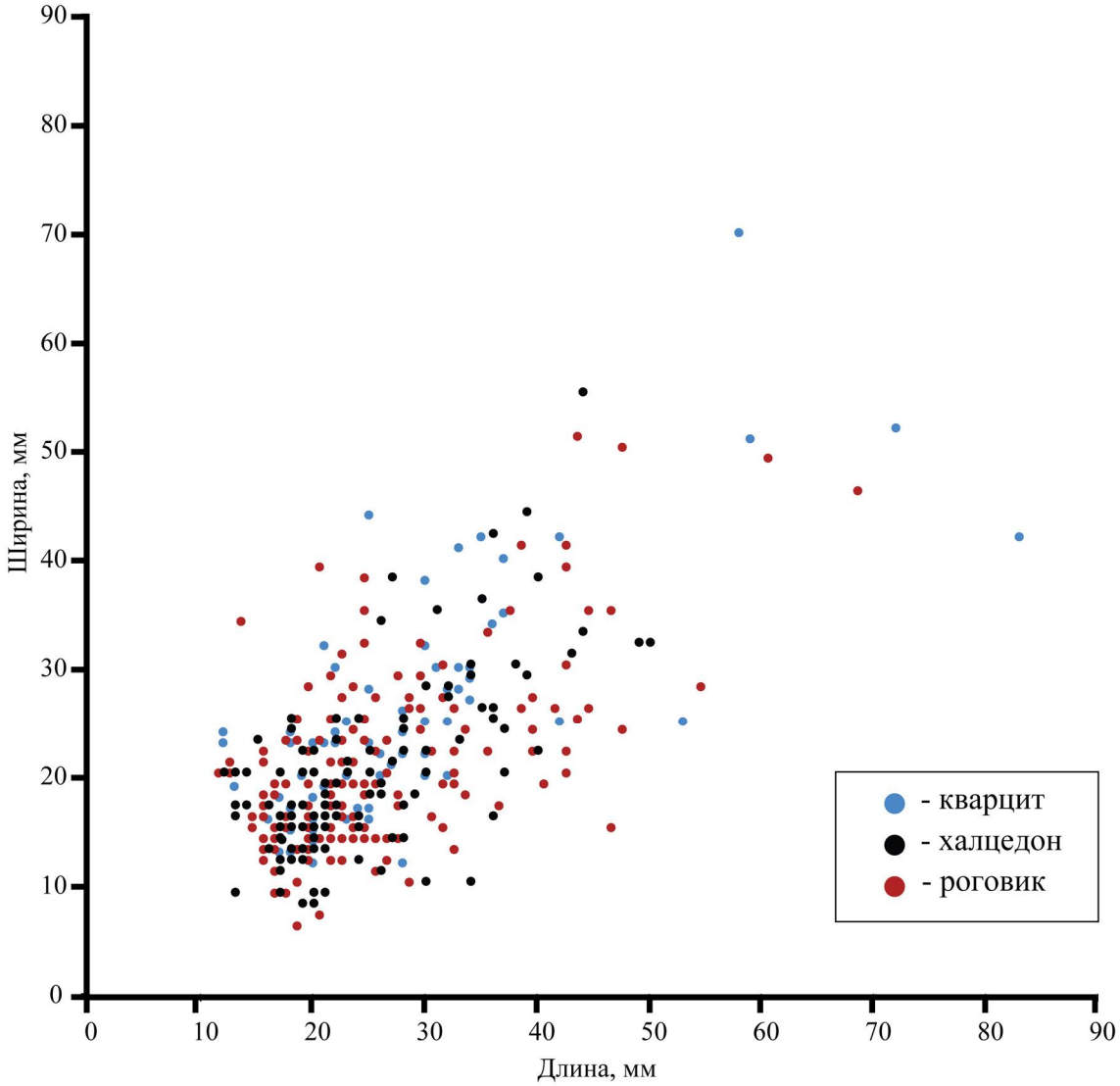


Рис. 4. Метрические параметры сколов стоянки Катина Щель (2 к. г.)
Fig. 4. Metric parameters of flakes from Katina Schel site

фрагментов можно предположить применение отжимной техники (Павленок, Павленок, 2014. С. 30). Шесть фрагментов из халцедона, судя по цветовой гамме сырья, были сняты с одного призматического нуклеуса и зафиксированы в планиграфической близости (в радиусе 20 см) на площади шурфа № 3, остальные – на площади раскопа 2015 г.

Формальный орудийный набор (9 ед.) включает в себя крупное кварцитовое скребло (рис. 6.5), призматический нуклеус (рис. 6.2), два скребка – концевой и двойной угловой (рис. 5.1; 5.2), фрагмент лезвия ножевидного орудия (рис. 5.3), абразив с проточками из песчаника, отбойник на кварцитовой гальке. Два фрагмента пластин можно интерпретировать как вкладыши: один медиальный фрагмент пластины бифасиально обработан покрывающей субпараллельной ретушью, на другом проксимальном сегменте пластинки вентральной захватывающей параллельной ретушью обработан один маргинал (рис. 5.4; 5.5). Еще одно изделие представляет собой плоскую треугольную в плане гальку с заглаженными гранями, на поверхности которой фиксируются следы истирания в виде тонких субпараллельных штрихов (рис. 6.4). Его возможно интерпретировать как палетку.

В составе неформальных орудий 15 ед. сколов с эпизодической краевой дорсальной ретушью (7 ед.), следами покрывающей уни- и бифасиальной обработки (8 ед.) (рис. 3.1–4). Серийность морфологии слабо прослеживается только на трех экземплярах подтреугольной формы с бифасиально обработанными поверхностями.

В составе каменного материала интересно также отметить сырьевой блок, дающий представление об источниках кремнево-халцедонового сырья на стоянке (рис. 5.6). Это кластическая фракция неравномерно полосчатой кремнистой породы с прослойкой крупнозернистых кристаллов. Фасы покрыты кавернами. Исходя из формы и особенностей артефакта, можно сделать вывод, что выходы подобного сырья были представлены жильным халцедоном.

Палеофаунистические материалы 2 к. г. представлены немногочисленными остатками: 797 ед. целых и фрагментированных костей (43 % от общего количества находок), из которых только 96 ед. определимы до вида. При определении использовался археозоологический метод (Верещагин, 1979; Reitz, Wing, 2008). Несколько фрагментов имеют следы термического воздействия (8 ед.). Среди определимых костей установлено присутствие нескольких видов млекопитающих, в том числе и человека (табл. 2). Самыми многочисленными являются остатки лося, из которых наиболее представлены дентальные элементы (12 ед.) и кости дистальных отделов конечностей (13 ед.). Фрагменты рогов крупного оленя также могут принадлежать лосю. В силу скудности материала, видовая характеристика затруднена. Лось является обычным видом для большинства голоценовых памятников Като-Ёдарминского расширения долины Ангары (Клементьев, 2012; Клементьев, 2014; Клементьев, Кузнецов, Роговской, 2017). Среди материала единично встречены остатки бобра, песца и медведя. Единственным фрагментом также представлена ихтиофауна. Бобр и медведь – типичные лесные обитатели долины Ангары в начале голоцена. Песец для широтного участка долины Ангары известен лишь по единичным заходам, и находка его на данном объекте является прямым подтверждением периодических миграций из тундровой зоны.

Изделия из кости представлены двумя небольшими фрагментами рога оленьих со следами резки и шлифовки, тщательно отшлифованным проксимальным (?) фрагментом орудия (предположительно зубчатого наконечника) (рис. 6.3) и фрагментом грифельной кости лося с насечками (рис. 6.1). Последний артефакт заслуживает более тщательного описания. Его ширина составляет 12,5 мм, толщина – 6,5 мм, сохранившаяся длина – 54 мм. Оба конца обломаны. На ребрах нанесены неглубокие, частично симметричные насечки. Расстояние между насечками составляет 3–4 мм. Можно предположить использование изделия в качестве планки – основы для плетения сетки, применяемой для обмотки колотушки при декорировании сетчатой керамики. Как показывают эксперименты и сравнительный анализ, этот способ

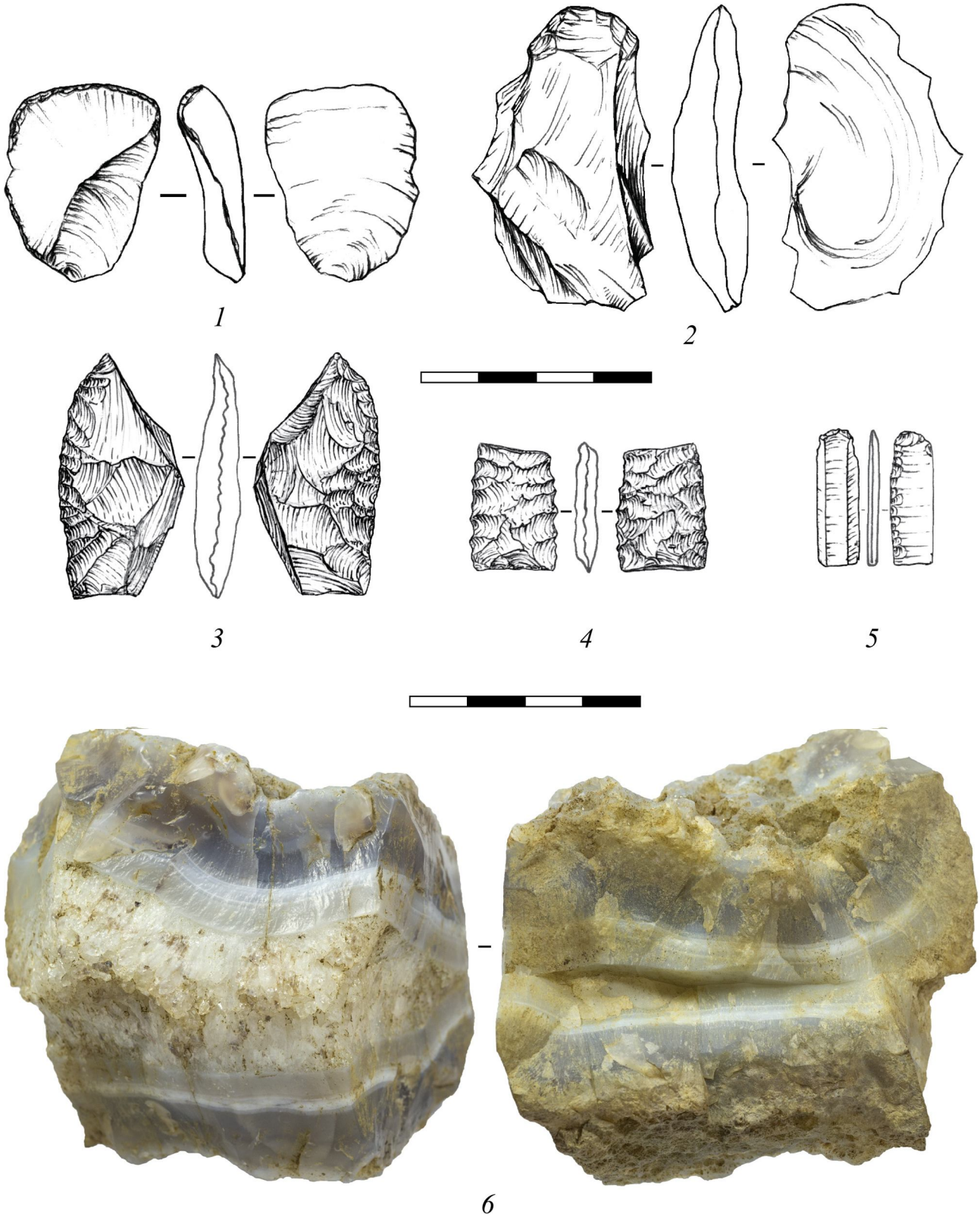


Рис. 5. Каменная индустрия стоянки Катина Щель (2 к. г.): *1, 2 – скребки; 3 – ножевидное изделие; 4, 5 – пластины с ретушью; 6 – сырьевой блок*

Fig. 5. Lithic industry of Katina Schel site (2 layer): *1, 2 – end-scrapers; 3 – knife; 4, 5 – retouched blades; 6 – raw material block*

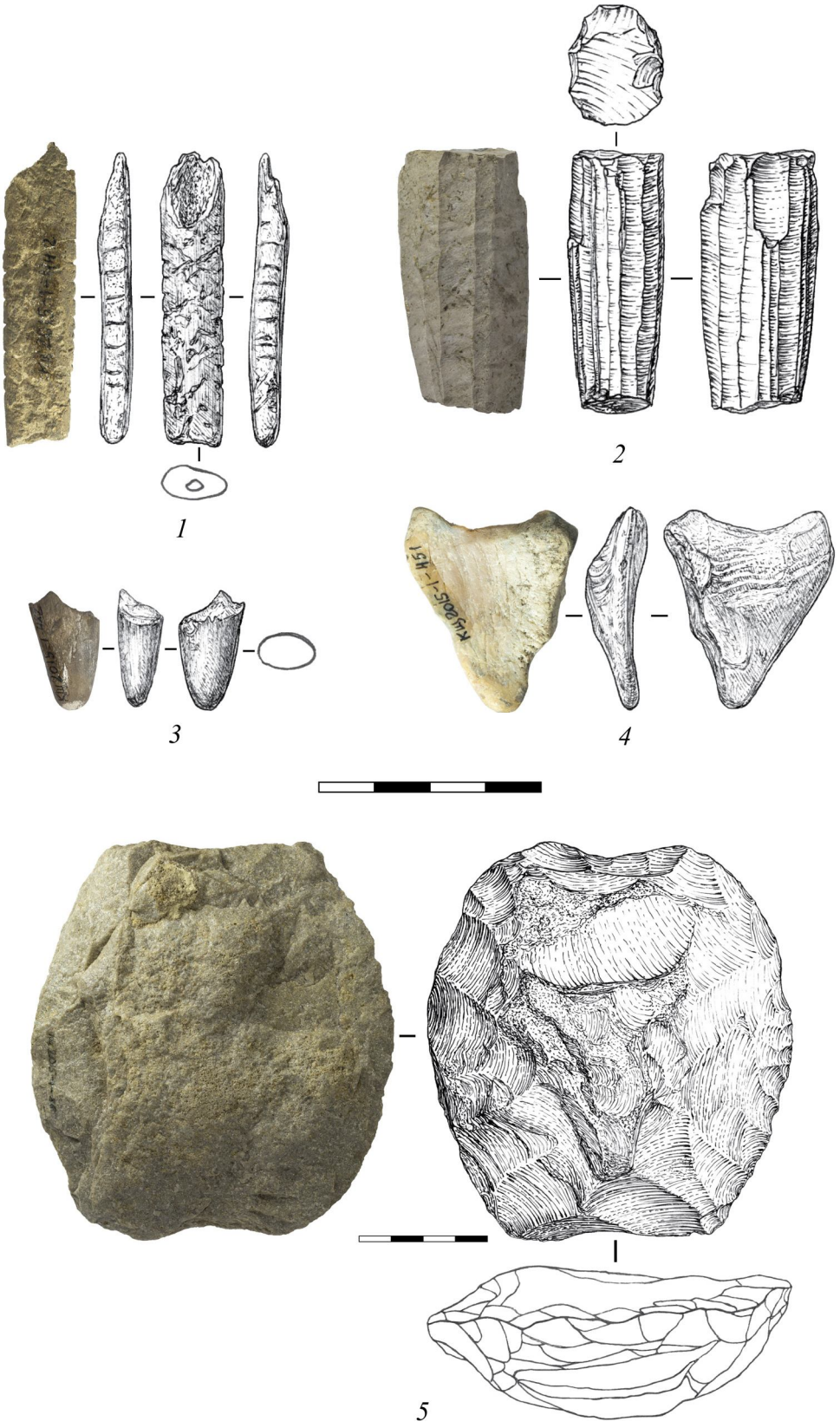


Рис. 6. Каменная и костяная индустрия стоянки Катина Щель (2 к. г.): *1 – кость с насечками; 2 – нуклеус; 3 – фрагмент костяного орудия; 4 – палетка (?); 5 – скребло*

Fig. 6. Lithic and bone industry of Katina Schel site (2 layer): *1 – bone with grooves; 2 – core; 3 – bone tool; 4 – plate (?); 5 – side-scraper*

Таблица 2. **Сводная таблица определения фаунистических материалов стоянки Катина Щель (2 к. г.)**
Table 2. **Summery table of faunal remains from Katina Schel site (2 layer)**

Таксон	Раскоп 1+ шурф 2	Шурф 1	Шурф 3	Шурф 4
Homo sapiens (человек)			1	
Castor fiber (бобр речной)	1			
Alopex lagopus (песец)	1			
Ursus arctos (медведь)			1	
Alces americanus (лось)	23	3	1	
Cervidae gen. (олени)	5			4
Крупное копытное	50	3		
Обожженные	6		2	
Pisces (рыба)	1			

нанесения «рябчатого» узора получил широкое распространение в неолите Байкальской Сибири (Абрашина, 2017; Абрашина, 2019). Пластины с насечками из кости и рога известны из мезолитических горизонтов стоянки Усть-Белая в Южном Приангарье (Синицына, Гиря, 2016; Чайко, 2016). Одним из вариантов их использования также указывается плетение сетей (Синицына, Гиря, 2016. С. 284. Рис. 6).

Керамическая коллекция 2 к. г. насчитывает 80 фрагментов (4 % от общего количества находок). Керамика представлена двумя типами: сетчатой (67 ед.) и хайтинской (13 ед.). Линейный размер большинства фрагментов не превышает 30 мм, толщина варьирует от 5 до 7 мм. Тесто опесчанено, с добавками дресвы; в теле одного из фрагментов зафиксирована кремневая чешуйка (рис. 7.5). Ряд фрагментов содержит следы нагара, причем как с внутренней, так и с внешней стороны.

Среди сетчатой керамики зафиксирован в том числе фрагмент венчика сосуда сложной закрытой формы (рис. 7.1). Срез венчика прямой, толщина – 7 мм, под срезом присутствует конусовидное, просверленное с внешней стороны сосуда отверстие. Судя по внешней поверхности фрагментов, использовалась техника нанесения декора колотушкой с ячеистой сеткой. На внутренней поверхности фрагментов присутствуют следы затирания. Хайтинская керамика орнаментирована диагонально прочерченными субпараллельными двойными или одинарными тонкими линиями (рис. 7.2, 7.4). Для декорирования, судя по отпечаткам, использовался толстый шнур. Единственный фрагмент венчика хайтинского сосуда орнаментирован подовальными вдавлениями, срез – прямой, толщина – 7,3 мм (рис. 7.3).

Зафиксированные типы керамики имеют широкое распространение в Байкало-Енисейской Сибири в интервале ~7800–5500 ^{14}C л. н. (Бердников, Уланов, Соколова, 2017). Судя по полученным датировкам, керамика Катиной Щели в частности и стоянок Като-Ёдарминского расширения в целом маркирует один из первых эпизодов распространения этих керамических типов в Приангарье, принимая во внимание дату 7835±15 AMC ^{14}C л. н. (UCIAMS-207209) по нагару с хайтинской керамики на соседнем объекте Остров Лиственичный Пункт 2 (Бердников и др., 2020. С. 32. Табл.).

Во 2 к. г. (раскоп 2015 г.) было найдено также семь небольших фрагментов твердого красящего пигмента, определенного как охра. Петрографический анализ по шлифам показал, что они представляют собой темно-бурое бесструктурное вещество со слабовыраженным пористым строением, имеющее в своем составе примеси зерен кварца, слюды, кремнистых пород, редкие вкрапления полевого шпата. Посредством силикатного анализа одного из образцов было установлено содержание породообразующих элементов (табл. 3). Гематит (Fe_2O_3) составляет 86,06 % определяемых элементов. Можно сделать предварительный вывод, что гематит имеет местное происхождение, учитывая

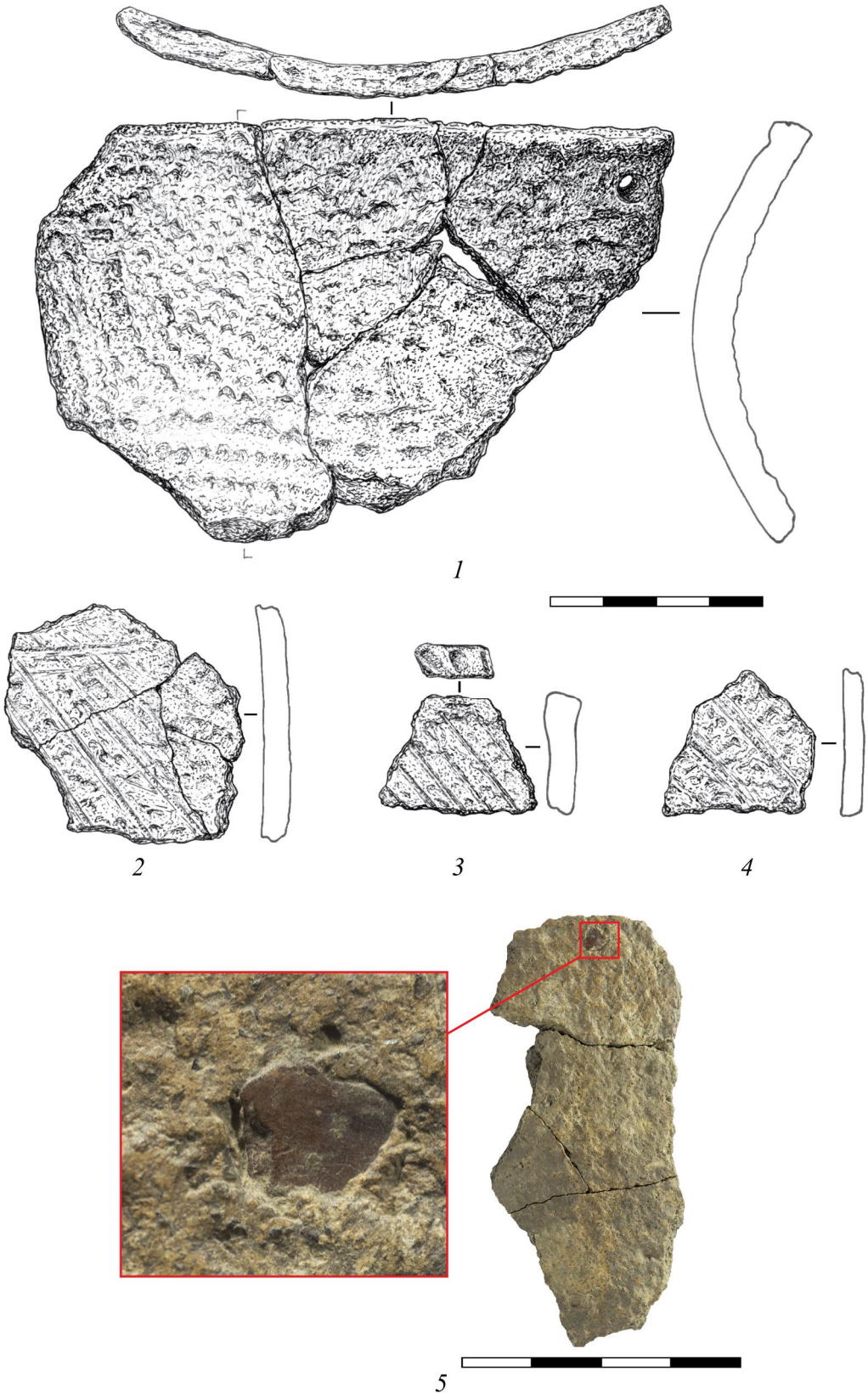


Рис. 7. Керамика стоянки Катина Щель (2 к. г.): *1 – фрагмент керамики с оттисками «сетки-плетенки»; 2–4 – фрагменты хайтинской керамики; 5 – кремневое включение в тесте сосуда*

Fig. 7. Ceramic of Katina Schel site (2 layer): *1 – fragment of net impressed pottery; 2–4 – fragments of «Khaita» pottery; 5 – flint chip into ceramic fragment*

близкое расположение Ангаро-Илимского и Ангаро-Катского железорудных районов.

Обсуждение

Одной из особенностей стоянки Катина Щель является ее геоморфологическое положение. Археологические объекты в Северном Приангарье в большинстве своем расположены на более низких высотных отметках относительно уреза реки: в сводной монографии по результатам работ Богучанской экспедиции указывается, что более 80 % памятников расположены не выше 25 м, а более 60 % от их числа – не выше 15 м относительно уреза Ангары (Деревянко и др., 2015. С. 38). Этот факт заставляет предположить несколько вариантов объяснения расположения стоянки на отметках 65 м над урезом воды: ресурсно-адаптационную специфику, культовую направленность, или сочетание этих факторов.

Адаптационный аспект может выражаться в том, что доминирующее в рельефе положение скальника позволяло вести наблюдение за речными и островными участками в процессе охоты, а при достаточной остроте зрения – за выположенными террасовидными площадками левого берега Ангары. К преимуществам площадки как места сбора информации также можно отнести незалесенность вершины и склоновых поверхностей останца.

В условиях мозаичности ландшафта Като-Ёдарминского расширения, включающего участки низкой и высокой поймы островов, террасированную приустьевую территорию рек Каты и Ёдармы, можно предположить различное расположение кормовых угодий для животных в зависимости от сезона. Наличие водных преград и разницы высот поверхности создавало значительные трудности в перемещении охотников. В таких условиях в отношении многих видов добычи, особенно копытных, важно было предвидеть местонахождение животного до начала стадии преследования. К примеру, американский антрополог Б. Винтерхолдер при описании системы жизнеобеспечения племени Кри (Северная Америка) отмечает, что успешный охотник на лося должен знать местоположение животного, прежде чем подходить к нему слишком близко. Это делается путем поиска следов на прилегающих к местам кормления территориях, а затем корректировки тактики преследования (Winterhalder, 1981. P. 91). Вершина скальника, таким образом, могла выступать наилучшей точкой сбора информации о потенциальной добыче в границах Като-Ёдарминского расширения.

Культовый аспект можно предположить также исходя из выдающейся формы и положения скального останца. Некоторые этнографические параллели здесь уместно провести с кетами (*устар.* – остяки, енисейские остяки, енисейцы). К моменту открытия Сибири русскими первопроходцами по культурно-хозяйственному типу они представляли собой пеших охотников-рыболовов. Наиболее важное значение у них имели охота на копытных (лось, дикий олень), водоплавающую дичь и летняя добыча рыбы (Долгих, 1934). Этнограф Е.А. Алексеенко отмечает, что у кетов почитанием пользовались отдельные места, выделявшиеся особенностями из окружающей природы, в том числе выступающие береговые скалы. Внешне культ выражался как почитание духов-хозяев через «кормление» хлебом, бисером, порохом и т. д., когда кеты проходили мимо таких мест (Алексеенко, 1977. С. 38–39). Исследователь отмечает, что эти культо-

Таблица 3. **Силикатный состав образца охры со стоянки Катина Щель, %**
Table 3. **Silicate composition of ochre sample from Katina Schel site, %**

SiO_2	TiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3 (общее)	MnO	MgO	CaO	Na_2O	K_2O	P_2O_5	H_2O^-	ППП	CO_2^*
7,27	0,00	0,25	86,06	0,28	0,36	1,42	0,02	0,02	0,51	0,92	2,53	< 0,06

*содержание элемента <0,06 % – ниже предела обнаружения

вые действия развились уже в условиях шаманизма (Алексеенко, 1977. С. 40). Можно предположить, что стоянка Катина Щель в неолите также имела подобную специфику.

Здесь необходимо отметить, что в археологической литературе культовые места обычно фигурируют как могильники или святилища. Если первые отражают обрядность при взаимодействии с «миром мертвых», то последние – какой-либо особый ритуал, фиксируемый в виде археологических объектов и гипотетически реконструируемый современными исследователями. В качестве примеров можно привести пещерное святилище Камень Дыроватый на Урале с многотысячной коллекцией наконечников стрел (Сериков, 1996; Сериков, 2003) либо ассоциируемое с петроглифами святилище Барун-Алан 1 в Забайкалье с каменными кладками различных типов (Ташак, 2013). В случае Катиной Щели ритуальный аспект предположительно связан с проявлением «обыденного» культа, составляющего единое целое с процессом заготовки ресурсов. С этой точки зрения, охота как экономическая составляющая и почитание в процессе ее реализации духа определенного места как ритуальная составляющая не противоречат друг другу. Скорее наоборот, паттерн поведения, направленный на присвоение ресурса, структурируется определенным ритуалом, базирующимся на рациональной экономике (McKenzie, 2003). Таким образом, несмотря на некоторую умозрительность сделанных заключений, привлекательность Катиной Щели как точки обзора окружающей территории в процессе охоты могла определять культовую значимость этого места.

Археологическая коллекция стоянки частично подтверждает сделанные выводы. Минимальное присутствие в наборе каменных артефактов серийного или специализированного инвентаря, включая целевые заготовки – крупные сколы и пластины; непредставительная коллекция фауны, состоящая главным образом из фрагментов дистальных и головных отделов скелета; большое количество отходов литопроизводства; площадь выположенной поверхности не более 1000 м^2 позволяют предположить функционирование на месте раскопок нестационарного охотничьего лагеря, на территории которого главным образом осуществлялся сбор информации о добыче и первичная подготовка к транспортировке и апробация каменного сырья.

Несмотря на то что прямых доказательств функции наблюдения нет, можно сослаться на исследования Л. Бинфорда (Binford, 1979), согласно которым процесс заготовки каменного сырья осуществлялся попутно в ходе охотничьих или рыболовных вылазок из базового лагеря. Здесь уместно привести цитату целиком:

«…Сырье для изготовления орудий обычно заготавливают попутно при выполнении базовых задач жизнеобеспечения… Очень редко, только когда дела плохи, промысловый маршрут совершался с явной и исключительной целью добычи сырья для изготовления орудий. Например: группа рыболовов двигается в (*прим. пер.* – логистический) лагерь на озере Натватраук. Дни очень теплые, и рыбалка идет медленно, поэтому некоторые мужчины могут оставить других на озере ловить рыбу, пока они посетят карьер на горе Нассаурак, в 3,75 милях к юго-востоку. Они собирают там какой-то материал и поднимают его на вершину горы, чтобы превратить его в транспортабельные сырьевые блоки. Делая нуклеусы, они наблюдают за обширной областью долины Анактувук. Если дичи не видно, они возвращаются в рыболовный лагерь с каменным сырьем. Если рыбалка неудачная, они возвращаются в базовый лагерь, из которого вышла группа, неся с собой полученный камень. Независимо от расстояния между горой Нассаурак и базовым лагерем, какова была стоимость заготовки сырья? По сути, никакая, так как группа принесла домой камень вместо рыбы, которую они не поймали. У них был транспортный потенциал, поэтому они использовали его наилучшим образом; эскимосы говорят, что только дурак возвращается домой с пустыми руками» (Binford, 1979. P. 259).

Предположение о функциональной специфике Катиной Щели также подтверждается корреляцией материалов стоянки с другими местонахождениями Като-Ёдарминского расширения. Представление о примерной структуре охотничьих лагерей, организованных на стадии преследования и

добычи зверя, дают материалы раннеголоценовых горизонтов стоянок Сосновый Мыс (4 к. г.) и Усть-Ёдарма I (5 к. г.). На них фаунистические остатки составляют подавляющую часть коллекции – 88–91 % (Кузнецов, 2021). Стационарные лагеря охотников-рыболовов неолита на этой территории (Остров Лиственичный Пункт 2: к. г. 3, Сосновый Мыс: к. г. 3, Усть-Ёдарма II: к. г. 5–8) характеризуются большой площадью распространения материала представительным орудийным набором, включающим серийное охотничье вооружение (Кузнецов и др., 2020).

Фоновое соотношение находок из камня (53 %) и кости (43 %) сближает материалы объекта с раннеголоценовыми горизонтами стоянок Остров Лиственичный Пункт 1 (камень – 59 %, кость – 41 %) и Остров Лиственичный Пункт 2 (камень – 56 %, кость – 44 %) (Kuznetsov et al., 2021). Исходя из специфики орудийного набора, состава фауны и планиграфической ситуации, Пункт 1 интерпретируется как кратковременный рыболовный лагерь, Пункт 2 – как базовый лагерь, где осуществлялась камнеобработка полного цикла, разделка добычи, резидентная активность. Подобные показатели для рыболовного лагеря объясняются промысловым поведением охотников-рыболовов – рыбалка как стационарный вид деятельности оставляла временные ресурсы для производственной активности. Похожую логику можно предположить и для Катиной Щели – наблюдение за местностью легко можно было совмещать с подготовкой каменного сырья к транспортировке.

Культовый компонент деятельности охотников-собирателей Катиной Щели могут отражать находки красящего пигмента – охры, традиционно связываемой со знаково-символической или ритуальной деятельностью. В Байкальской Сибири ее использование связано с погребальным обрядом (Окладников, 1950; Георгиевская, 1989; Базалийский, 2012), окрашиванием изделий (Лбова, 2018), рассеиванием пигмента на площади стоянок (Бердникова, Воробьева, 1995; Тетенькин и др., 2020).

Находка фрагмента бедренной кости человека также может быть связана с определенной обрядностью. Здесь стоит отметить, что разрозненные части скелета человека были зафиксированы в неолитических горизонтах соседних стоянок без признаков ритуальной активности: Остров Лиственичный Пункт 1 и Пункт 2 (Клементьев, Кузнецов, Роговской, 2017). Учитывая близость неолитической стоянки-могильника Сосновый Мыс, можно предположить связь между антропологическими остатками, красящим веществом и могильником, однако характер этой связи остается под вопросом.

Заключение

Катина Щель демонстрирует нетипичную для Северного Приангарья ситуацию устройства стоянки на высоких гипсометрических отметках. Археологические материалы объекта согласно стратиграфическому положению и данным радиоуглеродного датирования относятся к периоду среднего голоцена – раннему неолиту. Типология зафиксированного керамического комплекса подтверждает культурную периодизацию. Каменная коллекция характеризуется невыразительным орудийным комплексом, многочисленным дебитажем (мелкие и средние сколы, микросколы, обломки), единичными проявлениями пластинчатого производства. Доминирующий вид в составе определимой палеофауны – лось (*Alces americanus*).

В результате проведенного исследования стоянку можно охарактеризовать как логистический нестационарный лагерь с функциями охотничьего наблюдательного поста и первичной обработки каменного сырья. Сделанные выводы опираются на характеристики археологического материала и этноархеологические корреляции. Также вполне возможна культовая специфика объекта.

Материалы Катиной Щели, таким образом, дополняют паттерны производственной и ресурсодобывающей активности ранне- и среднеголоценовых охотников-рыболовов Северной Ангары. Предлагаемая для Като-Ёдарминского расширения модель системы адаптации включает в себя сложную иерархически выстроенную структуру стоянок с базовыми лагерями, занимающими центральное положение в пространственной иерархии территории, и логистическими станциями, направленными

на сбор информации, поиск и добычу ресурсов (Kuznetsov et al., 2021).

Использование дедуктивной процедуры археологического исследования (гипотеза – ожидания – сбор данных – проверка ожиданий) на основании модели коллекторов Л. Бинфорда позволило провести ожидаемую связь между материалами Катиной Щели и другими стоянками Като-Ёдарминского расширения. Критика источника в данном случае может включать в себя хронологический разрыв между выявленными паттернами активности (конец раннего и начало среднего голоцена), недостаточную площадь раскопок на стоянках относительно выявленных границ и вследствие того искажение представлений о специфике объекта, гипотетический характер этноархеологических сопоставлений, малое количество радиоуглеродных датировок. Сам дедуктивный подход также имеет определенные минусы (Клейн, 1977). Однако, по мнению авторов, полученные результаты, благодаря системному характеру исследования, могут в определенной степени отражать реальные процессы жизнеобеспечения древних сообществ Северной Ангары.

Для подтверждения или опровержения интерпретации материалов Катиной Щели требуются дальнейшие исследования геоархеологических объектов, локализованных на высоких гипсометрических отметках, системный анализ выявленных североангарских местонахождений, поиск аналогичных ситуаций в других районах Байкало-Енисейской Сибири.

Методики

Исследования образцов почв – гранулометрического состава (по Н.А. Качинскому), щелочности (потенциометрическим методом), гумуса (по И.В. Тюрину), карбонатов (методом Голубева), суммы обменных оснований (методом Каппена-Гильковица) – были проведены в Лаборатории биолого-почвенного факультета ИГУ. Радиоуглеродное датирование выполнено в ЦКП «УМС НГУ–ННЦ» (AMS Golden Valley): пробоподготовка – в лаборатории изотопных исследований ИАЭТ СО РАН, УМС-анализ графитов – на Уникальной научной установке «УМС ИЯФ СО РАН». Петрографические исследования проводились на поляризационном микроскопе марки Альтами ПОЛАР-2 с использованием ахроматических объективов: 4х/0.10 160/, 10х/0,25 160/, 25х/0,40 160/0,17. Химический состав образца охры изучался методом силикатного анализа в химической группе ЦКП «Геодинамика и Геохронология» Института земной коры СО РАН согласно Инструкциям № 138-Х, 101-Х, 231-Х, 197-Х.

Библиографический список

Абрашина М.Е. Технический декор неолитических сосудов Байкальской Сибири по данным экспериментальных исследований // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур Евразии: материалы LVII Рос. (с межд. уч.) арх.-этн. конф. студ., асп. и мол. уч. Сургут, 17–21 апреля 2017 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 73–75.

Абрашина М.Е. Экспериментальная реконструкция рубчатого и ячеистого технического декора керамических сосудов Байкало-Енисейской Сибири (неолит – ранний бронзовый век) // Материалы LIX Рос. арх.-этн. конф. студ. и мол. уч., Благовещенск–Хэйхэ, 8–12 апреля 2019 г. Благовещенск : БГПУ, 2019. С. 44–46.

References

Abrashina M.E. (2017) Technical décor on the ceramic vessels from Baikal Siberia based on the results of experimental studies. *Sovremennye problemy izucheniya drevnikh i traditsionnykh kul'tur Evrazii. Mat. Ros. (s mezhd. uch.) arkh.-ehtn. konf. stud., asp. i mol. uch., Surgut, 17–21 aprelya 2017 g. = Current problems in the study of ancient and traditional cultures of Eurasia. The proceedings of LVII Russian (with international participant) archaeological-ethnographic conference of students, aspirants and young researchers, Surgut, 17–21 April 2017.* Novosibirsk: IAE SB RAS. P. 73–75. (In Russ.)

Abrashina M.E. (2019) Experimental reconstruction of ribbed and cellular technical décor on the ceramic vessels of Baikal-Yenisei Siberia (Neolithic – Early Bronze Age). *Mat. LIX Ros. arkh.-ehtn. konf. stud. i mol. uch., Blagoveshchensk–Heihe, 8–12 aprelya 2019 g.= The proceedings of LIX Russian archaeological-ethnographic conference of students and young researchers, Blagoveschensk–Heihe, 8–12 April 2019*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pelagogical University. P. 44–46. (In Russ.)

Алексеенко Е.А. Культы у кетов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.): сборник МАЭ, XXXIII. Ленинград : Наука, 1977. С. 29–65.

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2012. Вып. 9. С. 43–101.

Бердников И.М., Уланов И.В., Соколова Н.Б. Неолитическое гончарство Байкало-Енисейской Сибири: технологические традиции в территориально-хронологическом контексте // Stratum plus. Кишинев, 2017. Вып. 2. С. 275–300.

Бердников И.М., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Бердникова Н.Е., Уланов И.В., Соколова Н.Б., Абрашина М.Е., Крутикова К.А., Роговской Е.О., Лохов Д.Н., Когай С.А. Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые данные // Известия ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск, 2020. Т. 33. С. 23–53. DOI: 10.26516/2227-2380.2020.33.23

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Новое местонахождение Мальта-Мост-1 (Прибайкалье, р. Белая): палеоэкологический аспект в исследовании // Природные ресурсы, экология и социальная среда Прибайкалья. Иркутск : ИГУ, 1995. Т. 3. С. 89–93.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск : Наука, 1988. 224 с.

Верещагин Н.К. Органолептическая характеристика костей из голоценовых отложений // Частные методы изучения истории современных экосистем. М. : Наука, 1979. С. 205–211.

Георгиевская Г.М. Китойская культура Прибайкалья. Новосибирск : Наука, 1989. 152 с.

Дамбинова Е.Л., Воробьева Г.А. Почвы на цеолитсодержащих породах // Почва как связующее звено функционирования природных и антропогенно преобразованных экосистем: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 6–10 сентября 2016 г.. Иркутск : ИГУ, 2016. С. 119–123.

Деревянко А.П., Цыбанков А.А., Постнов А.В., Славинский В.С., Выборнов А.В., Зольников И.Д., Деев Е.В., Присекайло А.А., Марковский Г.И., Дудко А.А. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2015. 564 с.

Alekseenko E.A. (1977) Ket's cults. *Pamyatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v). Sbornik MAE, XXXIII = Cultural sites of Siberian and North societies (late XIX – first half of the XX century). Compendium of MAE, Vol. XXXIII*. Leningrad : Nauka. P. 29–65. (In Russ.)

Bazaliiskii V.I. (2012) Late Mesolithic – Neolithic mortuary complexes of Baikal Siberia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Irkutsk. Iss. 9. P. 43–101. (In Russ.)

Berdnikov I.M., Ulanov I.V., Sokolova N.B. (2017) Neolithic pottery production of the Baikal-Yenisei Siberia: technological tradition in the territorial and chronological context. Stratum plus. Chisinau. Iss. 2. P. 275–300. (In Russ.)

Berdnikov I.M., Goryunova O.I., Novikov A.G., Berdnikova N.E., Ulanov I.V., Sokolova N.B., Abrashina M.E., Krutikova K.A., Rogovskoi E.O., Lokhov D.N., Kogai S.A. (2020) Chronology of the Neolithic ceramics of Baikal-Yenisei Siberia: Basic ideas and new data. *Izvestiya IGU. Seriya: Geoarkheologiya. Ehtnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology and Anthropology*. Irkutsk. Vol. 33. P. 23–53. (In Russ.) DOI: 10.26516/2227-2380.2020.33.23

Berdnikova N.E., Vorob'eva G.A. (1995) New Mal'ta-Most-1 site (Cis-Baikal region, Belaya River): paleoecological aspect in study. *Prirodnye resursy, ehkologiya i sotsial'naya sreda Pribaikal'ya = Natural resources, ecology and social environment of Cis-Baikal region.* Irkutsk: Irkutsk State University. Vol. 3. P. 89–93. (In Russ.)

Vasil'evskii R.S., Burilov V.V., Drozdov N.I. (1988) Archaeological sites of North Angara. Novosibirsk: Nauka. 224 p. (In Russ.)

Vereshchagin N.K. (1979) Organoleptic characteristics of bones from Holocene deposits. *Chastnye metody izucheniya istorii sovremennykh ehkosistem = Some methods of studying the history of modern ecosystems.* Moscow : Nauka. P. 205–211. (In Russ.)

Georgievskaya G.M. (1989) Kitoi culture of Cis-Baikal region. Novosibirsk: Nauka. 152 p. (In Russ.)

Dambinova E.L., Vorob'eva G.A. (2016) Soils on zeolite deposits. *Pochva kak svyazuyushchee zveno funktsionirovaniya prirodnykh i antropogenno preobrazovannykh ehkosistem: mat. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Irkutsk, 6–10 sentyabrya 2016 g.= Soil as interlink for functioning of natural and anthropogenically transformed ecosystem: The proceedings of IV International scientific and practical conference. Irkutsk, 6–10 September 2016.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 119–123. (In Russ.)

Derevyanko A.P., Tsybankov A.A., Postnov A.V., Slavinskii V.S., Vybornov A.V., Zol'nikov I.D., Deev E.V., Prisekailo A.A., Markovskii G.I., Dudko A.A. (2015) Boguchany Archaeological Expedition: the field research compendium (2007–2012). Novosibirsk: IAE SB RAS. 564 p. (In Russ.)

Долгих Б.О. Кеты. Иркутск – Москва : ОГИЗ, 1934. 134 с.

Клейн Л.С. Три процедуры археологического исследования // Вопросы археологии Урала, 1977. Вып. 14. С. 15–24.

Клементьев А.М. Предварительные данные по фауне голоцена Северного Приангарья (материалы объекта Усть-Ёдарма II) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2012. Вып. 1. С. 94–105.

Клементьев А.М. Раннеголоценовая фауна северной Ангары (материалы археологических объектов) // Известия ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск, 2014. Т. 8. С. 31–44.

Клементьев А.М., Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Археозоологические исследования многослойного местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Известия ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск, 2017. Т. 22. С. 82–101.

Кузнецов А.М. Система жизнеобеспечения охотников-собирателей Северного Приангарья в раннем голоцене: организационный аспект // Материалы LXI Рос. (с межд. уч.) арх.-этн. конф. студ. и мол. уч. Иркутск, 5–9 апреля 2021 г. Иркутск : ИГУ. 2021. С. 66–68.

Кузнецов А.М., Дударек С.П., Лохов Д.Н., Роговской Е.О., Савельев Н.А., Тимощенко А.А. Баллистические характеристики каменных наконечников среднего голоцена Северного Приангарья // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2020. Т. 16. № 1. С. 35–61.

Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Техноморфологический анализ первичного расщепления в раннеголоценовой индустрии стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2018. Т.14. № 4. С. 23–41.

Лбова Л.В. Пигменты и пигментосодержащие материалы в Мальтинской коллекции // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2018. Вып. 7. С. 134–141.

Лохов Д.Н., Дударек С.П. История изучения неолита и бронзового века Северного Приангарья: Ч. 1 (XVIII в. – 20–30 гг. XX в.) // Известия ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск, 2017. Т. 22. С. 102–123.

Dolgikh B.O. (1934) Kets. Irkutsk – Moscow: Regional State Publishing House. 134 p. (In Russ.)

Klein L.S. (1977) Three procedures of archaeological study. *Voprosy arkheologii Urala = Ural Archaeology Issues.* Iss. 14. P. 15–24. (In Russ.)

Klement'ev A.M. (2012) Preliminary data on Holocene fauna of the Northern Angara region (materials of Ust'-Yodarma-II site). *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoehkologiya, kul'tury = Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures.* Irkutsk. Iss. 1. P. 94–105. (In Russ.)

Klement'ev A.M. (2014) Early Holocene fauna of North Angara (materials of archaeological sites). *Izvestiya IGU. Seriya: Geoarkheologiya. Ehtnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology and Anthropology.* Irkutsk. Vol. 8. P. 31–44. (In Russ.)

Klement'ev A.M., Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O. (2017) Archaeozoological studies of the multilayered site Ostrov Listvenichnyi (North Angara). *Izvestiya IGU. Seriya: Geoarkheologiya. Ehtnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology and Anthropology.* Irkutsk. Vol. 22. P. 82–101. (In Russ.)

Kuznetsov A.M. (2021) Early Holocene hunter-gatherer subsistence–settlement system in the North Angara region: Organization aspect. *Mat. LXI Ros. (s mezhd. uch.) arkh.-ehtn. konf. stud. i mol. uch. Irkutsk, 5–9 aprelya 2021 g. = The proceedings of LXI Russian (with international participance) archaeological-ethnographic conference of students and young researchers. Irkutsk, 5–9 April 2021.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 66–68. (In Russ.)

Kuznetsov A.M., Dudarek S.P., Lokhov D.N., Rogovskoi E.O., Saveliev N.A., Timoshchenko A.A. (2020) Ballistic features of lithic points in Middle Holocene of North Angara region. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Irkutsk. Vol. 16. No. 1. P. 35–61. (In Russ.)

Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O. (2018) Technomorphological analysis of primary knapping for Early Holocene lithic industry of the site Ostrov Listvenichnyi. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Irkutsk. Vol. 14. No. 4. P. 23–41. (In Russ.)

Lbova L.V. (2018) Pigments and pigment-containing materials in Malta's collection. *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoehkologiya, kul'tury = Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures.* Irkutsk. Iss. 7. P. 134–141. (In Russ.)

Lokhov D.N., Dudarek S.P. (2017) History of the Neolithic and Bronze Age study of Northern Angara region: Part 1 (18th Century – 20–30s of the 20th Century). *Izvestiya IGU. Seriya: Geoarkheologiya. Ehtnologiya. Antropologiya =* Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology and Anthropology. Irkutsk. Vol. 22. P. 102–123. (In Russ.)

Медведев Г.И., Роговской Е.О., Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Таракановский С.П. Северное Приангарье. Введение в плейстоценовую археологию // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: материалы Всерос. Семинара. Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск : ИГУ, 2009. С. 298–309.

Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб. : Европейский Дом, 1999. 172 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: историко-археологическое исследование // МИА. М.-Л. : АН СССР, 1950. № 18. 415 с.

Павленок Г.Д., Павленок К.К. Техника отжима в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск. 2014. Т. 13. Вып. 5: Археология и этнография. С. 26–36.

Полевой определитель почв России. М. : Почвенный ин-т им. В.В. Докучаева, 2008. 182 с.

Посашкова Е.С. Первые стационарные исследования на местонахождении Катина Щель в Северном Приангарье // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей: материалы LVI Рос. арх.-этн. конф. студ. и мол. уч. Чита, 23–26 мая 2016 г. Чита : ЗабГУ, 2016. С. 96–97.

Равский Э.И. Геология мезозойских и кайнозойских отложений и алмазоносность юга Тунгусского бассейна // Труды Геологического ин-та. М., 1959. Вып. 22. 185 с.

Сериков Ю.Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на р. Чусовой (первые результаты исследования) // Российская археология. М., 1996. Вып. 4. С. 121–140.

Сериков Ю.Б. Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург : Аква-Пресс, 2003. С. 73–82.

Синицына Г.В., Гиря Е.Ю. Пластина из рога благородного оленя на Усть-Бельском поселении на р. Ангаре (раскоп Л.Я. Крижевской 1957 г.) // Esse quam videri: к 80-летию со дня рождения Германа Ивановича Медведева. Иркутск : ИГУ, 2016. С. 279–284.

Ташак В.И. Территориальная организация древнего святилища Барун-Алан-1 в западном Забайкалье //

Medvedev G.I., Rogovskoi E.O., Lipnina E.A., Lokhov D.N., Tarakanovskii S.P. (2009) North Angara region. The introduction to Pleistocene archaeology. *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i ehtnologiya Severnoi Azii. Irkutskaya shkola 1918–1937 gg.: mat. Vseros. seminara, Irkutsk, 3–6 maya 2009 g.= University scientific archeology and ethnology of North Asia. Irkutsk School 1918–1937. The proceedings of All-Russian seminar, Irkutsk, 3–6 May 2009.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 298–309. (In Russ.)

Nekhoroshev P.E. (1999) The technological method of the study of the Middle Paleolithic primary flaking strategies. Saint-Petersburg: Evropeiskii Dom. 172 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1950) Neolithic and Bronze Age of Cis-Baikal region. *MIA.* Moscow – Leningrad: AS USSR. No. 18. 415 p. (In Russ.)

Pavlenok G.D., Pavlenok K.K. (2014) Pressure techique in the Stone Age: Review of English and Russian published resource. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya = Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology.* Novosibirsk. Vol. 13. Iss. 5: *Arkheologiya i ehtnografiya = Archaeology and Ethnography.* P. 26–36. (In Russ.)

(2008) Field determinants of Russian soils. Moscow : V.V. Dokuchaev Soil Science Institute. 182 p. (In Russ.)

Posashkova E.S. (2016) First results of field excavation at Katina Schel site in North Angara region. *Sibirskaya arkheologiya i ehtnografiya: vklad molodykh issledovatelei: mat. LVI Ros. arkh.-ehtn. konf. stud. i mol. uch., Chita, 23–26 maya 2016 g. = Siberian archaeology and ethnography: The contribution of young researchers. The proceedings of LVI Russian archaeological-ethnographic conference of students and young researchers, Chita, 23–26 May 2016.* Chita: TransBaikal State University. P. 96–97. (In Russ.)

Ravskii E.I. (1959) Geology of Mesozoic and Cenozoic deposits and diamond-bearing of Tunguska basin. *Trudy Geol. in-ta = The proceedings of the Geological Institute.* Moscow. Iss. 22. 185 p. (In Russ.)

Serikov Y.B. (1996) Kamen' Dyrovatyi – the unique cave sanctuary on Chusovaya River (first results of investigation). *Rossiiskaya arkheologiya = Russian Archaeology.* Moscow. Iss. 4. P. 121–140. (In Russ.)

Serikov Y.B. (2003) Mesolithic ornamented arrowheads from Kamen' Dyrovatyi cave sanctuary (Chusovaya River). *Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnikh ehpokh = Images and sacred space of ancient times.* Ekaterinburg: Akva-Press. P. 73–82. (In Russ.)

Sinitsyna G.V., Girya E.Y. (2016) Blade made of the red deer antler from Ust'-Belaya site on the Angara (excavation of L.Y. Krizhevskaya in 1957). *Esse quam videri: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya Germana Ivanovicha Medvedeva = Esse quam videri: to the 80th anniversary of the birth of German Ivanovich Medvedev.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 279–284. (In Russ.)

Tashak V.I. (2013) Spatial organization of ancient sacred place Barun-Alan-1 in West Transbaikal. *Vestnik TGU.*

Вестник ТГУ. История. Томск. 2013. Вып. 3 (23). С. 172–176.

Тетенькин А.В., Демонтерова Е.И., Канева Е.В., Анри О., Говри Ру Э. Охра в позднепалеолитических контекстах стоянки Коврижка IV на Байкало-Патомском нагорье // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2020. Т. 48. № 3. С. 33–42. DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.3.033-042

Чайко Д.А. Предметы мелкой пластики периода мезолита из раскопок местонахождения Усть-Белая и Приводная 3 // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей: материалы LVI Рос. арх.-этн. конф. студ. и мол. уч. Чита, 23–26 мая 2016 г. Чита : ЗабГУ, 2016. С. 72–73.

Шишов Л.Л., Тонконогов В.Д., Лебедева И.И., Герасимова М.И. Классификация и диагностика почв России. Смоленск : Ойкумена, 2004. 342 с.

Binford L.R. Organization and formation processes: Looking at curated technologies // Journal of Anthropological Research. 1979. Vol. 35 (3). Pp. 255–273.

Bronk Ramsey C., 2021, OxCal 4.4 [Электронный ресурс]. URL: http://c14.arch.ox.ac.uk (Дата обращения 22.06.2021)

Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O., Klementiev A.M., Mamontov A.M. North Angara Early Holocene hunter–gatherers: Archaeological evidence of the collector strategy // Archaeological research in Asia. 2021. (In press).

McKenzie H. Mortuary behavior and settlement systems among Middle Holocene Hunter-Gatherers in Cis-Baikal, Russia: A introduction to a theoretical program of work // Prehistoric foragers of the Cis-Baikal Siberia. Edmonton : Canadian Circumpolar Institute Press, 2003. Pp. 85–122.

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. Vol. 62. Pp. 725–757. DOI:10.1017/RDC.2020.41

Reitz E.J., Wing E.S. Zooarchaeology. N.Y. : Cambridge University Press, 2008. 559 p.

Winterhalder B. Foraging strategies in the boreal forest: An analysis of Cree hunting and gathering // Hunter-Gatherer Foraging Strategies: Ethnographic and Archeologi-

Istoriya = Tomsk State University Journal. History. Tomsk. Iss. 3 (23). P. 172–176. (In Russ.)

Teten'kin A.V., Demonterova E.I., Kaneva E.V., Anri O., Govri Ru E. (2020) Ocher in Late Paleolithic contexts at the Kovrizhka IV site, the Baikal-Patom Highlands (Eastern Siberia, Russia). *Arkheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia.* Novosibirsk. Vol. 48. No. 3. P. 33–42. (In Russ.) DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.3.033-042

Chaiko D.A. (2016) Mesolithic portable art from Ust'-Belaya site and Privodnaya 3 site. *Sibirskaya arkheologiya i ehtnografiya: vklad molodykh issledovatelei: mat. LVI Ros. arkh.-ehtn. konf. stud. i mol. uch., Chita, 23–26 maya 2016 g. = Siberian archaeology and ethnography: The contribution of young researchers. The proceedings of LVI Russian archaeological-ethnographic conference of students and young researchers, Chita, 23–26 May 2016.* Chita: TransBaikal State University. P. 72–73. (In Russ.)

Shishov L.L., Tonkonogov V.D., Lebedeva I.I., Gerasimova M.I. (2004) Classification and diagnostics of soils in Russia. Smolensk: Oikumena. 342 p. (In Russ.)

Binford L.R. *Organization and formation processes: Looking at curated technologies*. Journal of Anthropological Research. 1979. Vol. 35 (3). Pp. 255–273.

Bronk Ramsey C., 2021, *OxCal 4.4*. Available at: http://c14.arch.ox.ac.uk (accessed June 22, 2021)

Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O., Klementiev A.M., Mamontov A.M. *North Angara Early Holocene hunter–gatherers: Archaeological evidence of the collector strategy.* Archaeological research in Asia. 2021. (in press).

McKenzie H. *Mortuary behavior and settlement systems among Middle Holocene Hunter-Gatherers in Cis-Baikal, Russia: A introduction to a theoretical program of work*. In Prehistoric foragers of the Cis-Baikal Siberia. Edmonton : Canadian Circumpolar Institute Press, 2003. Pp. 85–122.

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. *The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP)*. Radiocarbon. 2020. Vol. 62. Pp. 725–757. DOI:10.1017/RDC.2020.41

Reitz E.J., Wing E.S. *Zooarchaeology*. N.Y. : Cambridge University Press, 2008. 559 p.

Winterhalder B. *Foraging strategies in the boreal forest: An analysis of Cree hunting and gathering*. In Hunter-Gatherer Foraging Strategies: Ethnographic and Archeologi-

cal Analyses. Chicago : University of Chicago Press, 1981. Pp. 66–98.

cal Analyses. Chicago : University of Chicago Press, 1981. Pp. 66–98.

Сведения об авторах

Кузнецов Алексей Михайлович,
кандидат исторических наук, инженер-исследователь НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: golos_siberia@list.ru

Роговской Евгений Олегович,
кандидат исторических наук, инженер-исследователь НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: eor127@yandex.ru

Воробьева Галина Александровна,
кандидат биологических наук, доцент кафедры почвоведения и оценки земельных ресурсов,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: galvorob@yandex.ru

Клементьев Алексей Михайлович,
кандидат географических наук, научный сотрудник Лаборатории геологии мезозоя и кайнозоя,
Институт земной коры СО РАН,
664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 128, Россия,
✉ e-mail: klem-al@yandex.ru

Information about the authors

Aleksei M. Kuznetsov,
Cand. Sci. (History), Research Engineer at the Research Center «Baikal Region»,
Irkutsk State University,
1, Karl Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: golos_siberia@list.ru

Evgenii O. Rogovskoi,
Cand. Sci. (History), Research Engineer at the Research Center «Baikal Region»,
Irkutsk State University,
1, Karl Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: eor127@yandex.ru

Galina A. Vorobieva,
Cand. Sci. (Biology), Associate Professor at the Department of Soil Science,
Irkutsk State University,
1, Karl Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: galvorob@yandex.ru

Aleksei M. Klementiev,
Cand. Sci. (Geography), Researcher at the Laboratory of Cenozoic,
Institute of the Earth's Crust SB RAS,
128, Lermontov street, Irkutsk 664033, Russia,
✉ e-mail: klem-al@yandex.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 30 июня 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 27 июля 2021 г.
Принята к публикации 9 августа 2021 г.

Article info

Received June 30, 2021.
Received July 27, 2021.
Accepted August 9, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 902/904
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-46-59

Металлообработка эпохи бронзы Западного Забайкалья II–I тыс. до н. э. (археологический фонд музея БНЦ СО РАН)

© А.И. Симухин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: Археологический фонд Музея Бурятского научного центра СО РАН демонстрирует материальный комплекс культур Западного Забайкалья от каменного века до эпохи средневековья. Особое значение имеет раздел «Бронзовый век» с коллекцией медных и бронзовых изделий уникальных для региона, которые свидетельствуют о зарождении и развитии местной металлообработки, широких культурных связях с сопредельными территориями во II–I тыс. до н. э. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью древнего металлопроизводства региона, в связи с этим статья дополняет эту область данными естественно-научных методов, новыми материалами и выводами. Показаны основные памятники археологии на территории Бурятии эпохи раннего металла, среднего бронзового века, в культурных слоях которых зафиксированы изделия из меди и бронзовых сплавов. Проанализирована также серия случайных находок, среди которых имеются редкие и уникальные экспонаты для археологии региона. Рассмотрена история формирования музейных коллекций предметов из меди и бронзы с конца 1950-х гг. Представлены результаты спектрального анализа металлических изделий, выполненных предшествующими исследователями и новые данные, полученные методом энергодисперсионной спектрометрии (SEM-EDX). Морфологические и технологические характеристики изделий позволили охарактеризовать способы изготовления типологически разной продукции, а полученные результаты элементного состава – установить типы металлургических сплавов и выделить их особенные рецептуры. Отмечено наличие изделий эпохи бронзы в материалах погребений хунну, изготовленных из мышьяковистой и оловянно-мышьяковистой бронзы. Исследование представляет практическую значимость для систематизации и экспонирования музейных предметов, а установленный химический состав изделий дополняет базу данных музейных и академических собраний Бурятии.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, эпоха бронзы, музейная коллекция, медные и бронзовые изделия, древняя металлообработка, технология, бронзовый сплав, энергодисперсионная спектрометрия, элементный состав, примесь

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1).

Для цитирования: Симухин А.И. Металлообработка эпохи бронзы Западного Забайкалья II–I тыс. до н. э. (археологический фонд музея БНЦ СО РАН) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 46–59. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-46-59

Metal processing in the Bronze Age of the Western Transbaikalia I–II th. B.C. (the archaeological fund of the Museum of the Buryat Scientific Center, SB RAS)

© Alexander I. Simukhin

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The archeological fund of the Museum of the BSC SB RAS demonstrates the material complex of cultures of the Western Transbaikalia from the Stone Age to the Middle Ages. Of special importance is the Bronze Age section from the collections of copper and bronze products, including those items unique to the region, which testify to the origin and development of local metal processing and wide cultural ties with adjacent territories in the II–I millennium B.C. The relevance of the present study lies in the poor knowledge of the ancient metal production of the region. In this regard the paper supplements this field by new data obtained by natural-scientific methods as well as by new materials and conclusions. The main Early Metal Age and

Middle Bronze Age sites on the territory of Buryatia are shown, in which cultural layers copper and bronze alloys items found. A series of accidental finds has been analyzed, among which there are rare and unique items for the archeology of the region. The paper contains data on the history of formation of museum collections of copper and bronze objects from 1950s. The results of spectral analyzes of metal products performed by previous researchers and new data obtained by energy dispersive spectrometry (SEM-EDX) are presented in this article. The morphological and technological characteristics of the objects made it possible to characterize the methods of manufacturing different types of products, and the results of the elemental composition – to establish the types of metallurgical alloys and differentiate their special recipes. The presence of Bronze Age products in the materials of the Xiongnu burials made of arsenic and tin-arsenic bronze was recorded. The study is of practical importance for the systematization and exhibiting of museum objects, and the established chemical composition of the products supplements the database of museum and academic collections of Buryatia.

Keywords: Western Transbaikalia, Bronze Age, museum's collection, copper and bronze artifacts, ancient metal processing, technology, bronze alloy, SEM-EDX, element consistence, impurity

Acknowledgements: The research was carried out within the state assignment (project "Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States", № 121031000241-1).

For citation: Simukhin A.I. (2021) Metal processing in the Bronze Age of the Western Transbaikalia I–II th. B.C. (the archaeological fund of the Museum of the Buryat Scientific Center, SB RAS). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 46–59. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-46-59

Методы и материалы

Начало формирования коллекции связано с Е.А. Хамзиной, проводившей в 1959, 1964 гг. раскопки Посольской стоянки на Байкале (Кабанский район Бурятии). В результате работ были получены уникальные находки для Западного Забайкалья: нож коленчатый карасукского типа, миниатюрные ложечковидные подвески с витыми ручками (рис. 1.1; 2.17). Найденные здесь же наконечник стрелы и бляшки-пуговицы имели широкое распространение с различными вариантами оформления (Хамзина, 1960; Хамзина, 1962; Хамзина, 1982; Симухин, 2007а).

Н.Ф. Сергеевой были проведены спектральные анализы бронзовых изделий и установлено применение оловянистой бронзы с незначительным содержанием мышьяка и сурьмы. Посольский коленчатый нож входит в группу закаменских ножей, типологически и химически близких раннетагарским ножам из Минусинской котловины (Сергеева, Хамзина, 1975; Сергеева, 1981). Проведенные нами исследования установили применение техники утрачиваемой модели. Материалом мог служить животный жир или воск, на основе которого изготавливалась пластичная масса – модель будущей отливки. Литье производилось в цельную форму, полученную путем обмазывания жидкой глиной модели, которую после отвердения обжигали, вытапливая пластичную массу (Симухин, 2007а). Подобные ножи среди минусинских материалов отливались в двустворчатые литейные формы. Отметим, что кроме указанных находок на Посольской стоянке в 1988–1990 гг. М.В. Константиновым в ходе исследований был найден литой бронзовый кинжал с листовидным клинком и зауженной в средней части рукоятью с елочным орнаментом, тяготеющий ближе всего к тагарским формам. Спектральный анализ показал, что сплав относится к мышьяковистым бронзам (Константинов, Базарова, Сёмина, 1995). Тем самым мы можем говорить о применении двух типов сплавов в металлургии бронзы в одном месте на восточном берегу Байкала[1].

Анализы состава металла основного объема изучаемых коллекций нами проводились в Центре коллективного пользования СО РАН (ЦКП СО РАН) Геохронология кайнозоя с помощью сканирующего электронного микроскопа Hitachi TM 3000 (производство Япония), оснащенного приставкой Bruker Quantax 70 (Германия) для проведения элементно-

[1] Кинжал хранится в фондах Музея археологии Забайкалья Федерального государственного бюджетного образовательного учреждение высшего профессионального образования «Забайкальский государственный университет».

Рис. 1. Бронзовые ножи и фрагменты: *1 – стоянка Посольская; 2 – могильник Онкули; 3 – могильник Нижний Бургултай; 4–5 – Баргузинский район (?); 6 – с. Усть-Кяхта (подъёмный материал (п/м)); 7–8, 17–19 – с. Усть-Орот, местность Хубоо (п/м); 9 – с. Михайловка (п/м); 10 – с. Дэдэ-Сутой, местность Закаменка (п/м); 11 – могильник Баргай; 12 – могильник Каменка; 13 – стоянка Каштак; 14, 15 – погребение Санный Мыс; 16 – с. Чесан, Муханские озера (п/м); 20, 21 – Западное Забайкалье*

Fig. 1. Bronze knifes and their fragments: *1 – site Posol'skaja; 2 – cemetery Onkuli; 3 – cemetery Nizhnij Burgultaj; 4–5 – Barguzinskij district (?); 6 – s. Ust'-Kjahta (open-air finding); 7– 8, 17–19 – s. Ust'-Orot, location Huboo (open-air finding); 9 – village Mikhajlovka (open-air finding); 10 – village Dede-Sutoj, location Zakamenka (open-air finding); 11 – cemetery Bargaj; 12 – cemetery Kamenka; 13 – site Kashtak; 14, 15 – grave Sannyj Mys; 16 – village Chesan, Mukhanskie ozera (open-air finding); 20, 21 – Western Transbaikalia*

Рис. 2. Наконечники стрел: *1 – могильник Кибалино; 2 – могильник Ацай II; 3, 4 – погребение Санный Мыс; 5 – с. Чесан (п/м); 6-8 – с. Усть-Орот, местность Хубоо (п/м).* ***Шилья****: 9– могильник Шулуун-Шэнэгэльжин;10 – могильник Баргай (п/м); 11 – погребение Санный Мыс; 12 – с. Усть-Орот, местность Хубоо (п/м).* ***Игла:*** *13 – могильник Каменка* ***Подпружная пряжка:*** *14 – могильник Шулуун-Шэнэгэльжин.* ***Бляшка с полусферами, ажурная застёжка:*** *15, 16 – могильник Ацай II.* ***Ложечковидные подвески:*** *17 – стоянка Посольская.* ***Браслет проволочный:*** *18 – могильник Онкули.* ***Трубчатые пронизки:*** *19–23 – погребение Санный Мыс.* ***Нашивка:*** *24 – могильник Санный Мыс.* ***Свинцовая отливка:*** *25 – могильник Санный Мыс.* ***Подвески****: 26, 27 – с. Усть-Орот, местность Хубоо (п/м)*

Fig. 2. Arrow heads: *1 – cemetery Kibalino; 2 – cemetery Acaj II; 3, 4 – grave Sannyj Mys; 5 – village Chesan (open-air finding); 6-8 – s. Ust'-Orot, location Huboo (open-air finding).* ***Awls:*** *9– cemetery Shuluun-Shjenjegjel'zhin;10 – cemetery Bargaj (open-air finding); 11 – grave Sannyj Mys; 12 – village Ust'-Orot, location Huboo (open-air finding).* ***Needle:*** *13 – cemetery Kamenka.* ***Girth buckle:*** *14 – cemetery Shuluun-Shjenjegjel'zhin.* ***Hemispherical plaque, openwork fastener:*** *15, 16 – cemetery Acaj II.* ***Spoon-shaped pendants:*** *17 – site Posol'skaja.* ***Wire bracelet:*** *18 – cemetery Onkuli.* ***Tubular beads:*** *19–23 – grave Sannyj Mys.* ***Stripe:*** *24 – cemetery Sannyj Mys.* ***Lead casting:*** *25 – cemetery Sannyj Mys.* ***Pendants:*** *26, 27 – village Ust'-Orot, location Huboo (open-air finding)*

го анализа на основе энергодисперсионной спектрометрии (EDX). Методика подготовки образцов и проведения анализа описаны автором (Симухин, 2018a).

Результаты нашего исследования металла посольского ножа с непринципиальными колебаниями совпадают с данными Н.Ф. Сергеевой. Установлено применение оловянно-мышьяковистого сплава с содержанием меди – 91,2 %, олова – 7,4 %, мышьяка – 1,4 %. В качественном отличии не зафиксирована сурьма (оборудование не регистрирует элементы в сотых долях), выявленная Н.Ф. Сергеевой в количестве 0,07 %.

Незначительное пополнение коллекции бронзовых изделий было в 1963 г., когда археологическим отрядом БКНИИ под руководством Е.А. Хамзиной на левом берегу р. Баргузин был открыт и изучен могильник Шулуун-Шэнэгэльжин (Шулун-Шинэгальжин) в Курумканском районе Бурятии. Могильник состоит из 60 плиточных и фигурных могил, из которых было раскопано 7 погребений и только в плиточной могиле № 17 были обнаружены бронзовые изделия: шило и пряжка (Хамзина, 1983; Гришин, 1981). Четырехгранное шило с навершием в виде петельки подпрямоугольной формы с верхней дугообразной стороной отделено от самого стержня уступом (рис. 2.9). Фактура навершия сохранилась без обработки после отливки в двустороннюю двухчастную форму, а сам стержень тщательно доработан абразивом и прокован в нижней части для придания твердости орудию. Подпружная пряжка овальной формы с седлообразным навершием и отверстием диаметром 0,7–0,9 см (рис. 2.14). Внутренний и внешний края изделия с рельефной (лицевой) стороны оформлены хорошо выраженными округлыми бортиками (Симухин, 2018b). Широкое распространение такие бронзовые пряжки, намеренно изготовленные без шпеньков, имели в раннескифское время на Алтае в упряжи коней и служили для затягивания подпружных ремней, т. е. для фиксации седла (Шульга, 2015).

Данные элементного состава сплава, полученные нами, показывают применение оловянно-мышьяковистой бронзы с содержанием алюминия более 5 % (естественная примесь руды) при литье шила. Пряжка выделяется своей многокомпонентной рецептурой сплава со сложной лигатурой свинца, мышьяка и олова. Содержание свинца составило 28,2 %, что является высокой и нетипичной концентрацией для бронз Западного Забайкалья. Свинец зафиксирован нами в пределах 1–9 % в пробах из различных украшений (Симухин, 2018b). Единичность такой находки в регионе и нехарактерная рецептура сплава для местной металлургии вполне могут указывать на импортное происхождение предмета.

Е.А. Хамзиной в 1967 г. были раскопаны три погребения позднего неолита – ранней бронзы в местности Онкули на левом берегу р. Ина недалеко от ее впадения в р. Баргузин. Здесь в полуразрушенном грунтовом погребении 1 был обнаружен двулезвийный нож, а в погребении 2 – проволочный браслет (Хамзина, 1974). Нож имеет валиковую жилку, разделяющую его на две продольные половины (рис. 1.2). В 1,5 см от края черешка на вогнутом лезвии имеется небольшой шип, на противоположном крае имеются наплывы металла в виде дуги, предназначенные, вероятно, для крепления деревянной или костяной рукояти. О том, что к клинку крепилась рукоять, говорят явные потертости метала на черешке (Симухин, 2007a; Симухин, 2013). Нож отлит в одностороннюю двухчастную форму оловянно-мышьяковистой бронзой с содержанием алюминия менее 1 %. Ножи этого типа встречаются в памятниках усть-мильской культуры Якутии, относящейся, судя по радиоуглеродным датам, в основном к I тысячелетию до н. э. и характерны для таежной зоны Восточной Сибири (Гришин, 1981).

Браслет выполнен в технике ковки из проволоки округлого сечения диаметром около 1,8 мм (рис. 2.18). Концы украшения заходят друг на друга, один из них заточен под конус, второй – обломан. С экспоната взята проба металла, однако данные спектрального анализа в публикациях нами не найдены. Поверхность полностью опилена современниками. Изначально изделие было покрыто толстым слоем окиси (Хамзина, 1974. С. 239).

В 1976–1977 гг. П.Б. Коноваловым и С.В. Даниловым было раскопано 15 погребений смешанного

Рис. 3. Бронзовый меч: *1 – с. Петропавловка (п/м).* ***Кинжал:*** *2 – р. Иволга (?) (п/м).* ***Кельты:*** *3 – урочище Эрдэни-Арал (п/м); 4 – с. Шарагол (п/м)*

Fig. 3. Bronze sword: *1 – village Petropavlovka (open-air finding).* ***Dagger:*** *2 – River Ivolga (?) (open-air finding).* ***Kelts:*** *3 – location Jerdjeni-Aral (open-air finding); 4 – village Sharagol (open-air finding)*

могильника Большая Барановка с плиточными могилами, керексурами и средневековыми погребениями у с. Кибалино на левом берегу р. Селенга в Иволгинском районе (Коновалов, Данилов, 1981). Из плиточной могилы № 18 был извлечен трехгранный наконечник стрелы с уплощенным насадом (рис. 2.1). Наши исследования показали наличие в спектре только меди без каких-либо примесей (Симухин, 2018b).

В 1977 г. благодаря исследованиям П.Б. Коновалова, В.В. Свинина и М.А. Зайцева коллекцию материалов из плиточных могил дополнили предметы с могильника Ацай II на западном берегу Гусиного озера у пос. Бараты (Селенгинский район). В погребениях № 2, 7 были найдены девять изделий из бронзы: бляшка, три бронзовые пластичные обоймы, две пуговицы, две бабочковидные застежки и трехгранный наконечник стрелы (Коновалов, Свинин, Зайцев, 1983). Нами был проведен спектральный анализ прямоугольной бляшки с шестью полусферами (рис. 2.15) (медь – 92,4 %, мышьяк – 3,0 %, олово – 2,5 %, алюминий – 2,0 %), ажурной бабочковидной застежки (рис. 2.16) (медь – 95,4 %, мышьяк – 3,3 %, свинец – 1,3 %) и наконечника стрелы (медь – 97,7 %, мышьяк – 2,3 %) (рис. 2.2) (Симухин, 2018b). В трех изделиях выявлены разные наборы элементов.

При раскопках хуннского погребения № 18 могильника Баргай в Тарбагатайском районе Бурятии в 1986 г. Н.В. Именохоевым был найден обломок бронзового ножа с утраченной рукоятью (рис. 1.11) (Симухин, 2013). Интересен факт находки ножа, типологически относящегося к бронзовому веку, в хуннской могиле. Ранее, в 1979 г. в этой местности сотрудником БИОНа А.Д. Жалсараевым случайно было найдено литое бронзовое шило с грибовидной шляпкой и круглым стержнем, плавно переходящим в 4-х гранное прокованное острие (рис. 2.10).

В 1984 г. С.В. Даниловым при разборе кладки керексура №1 могильника Нижний Бургултай в Джидинском районе был найден прямой бронзовый нож с округлым отверстием в верхней части рукояти (рис. 1.3). Переход от рукояти к лезвию обозначен лишь постепенным сужением клинка (Симухин, 2013). Нож отлит из мышьяковистой бронзы: Cu – 96,1 %, As – 3,3 %, Al – 0,6 %.

В 1990–1991 гг. археологическим отрядом БИОН СО РАН под руководством Л.В. Лбовой проводились раскопки плиточных могил на археологическом памятнике Каменка в Заиграевском районе Бурятии. В ходе раскопок могилы № 1 были выявлены обломок бронзового ножа и бронзовая четырехгранная игла с ушком (Лбова, Гречищев, 1995). Обломок ножа представляет собой верхнюю часть рукояти клиновидного сечения со слегка скошенной спинкой (рис. 1.12). Вверху имеются небольшие утолщения, вероятно, указывающие на наличие литника. Литье некачественное, на всей поверхности имеются раковины, внутри на изломе большая газовая полость, которая могла стать причиной фрагментации ножа. Иголка оформлена ковкой в виде четырехгранного стержня, ушко на игле утрачено (рис. 2.13). Бронзовые иглы на территории Бурятии ранее находились в погребениях глазковского периода (ранний бронзовый век) могильника Фофаново вместе с пластинчатыми ножами, рыболовным крючком с жальцем и четырехгранным шилом. Проведенный спектральный анализ в лаборатории ИА АН СССР фофановских материалов выявил в медном сплаве наличие мышьяка в интервале от 1,2 % до 3 % (Герасимов, Черных, 1975. С. 43). Анализы методом SEM-EDX (Scanning Electron Microscope - Energy-dispersive X-ray spectroscopy) так же показали применение мышьяковистой бронзы для изготовления иглы и ножа (Симухин, 2018b).

В 2002 г. автором при раскопках многослойной стоянки Каштак (палеолит – бронзовый век) на правом берегу р. Селенги в Прибайкальском районе, в первом культурном горизонте был найден концевой фрагмент (острие) вогнутообушкового бронзового ножа (рис. 1.13) (Симухин, 2013). Проведенный анализ установил достаточно высокое содержание олова – 20,3 % и редкую примесь в забайкальских бронзах в виде кремния – 1,1 %, содержание меди – 78,6 %.

В 2006 г. экспедицией Музея БНЦ СО РАН под руководством Л.В. Лбовой с участием автора была раскопана верхняя площадка Санномысского

скального останца в Хоринском районе, на правом берегу р. Уды. Всего было найдено 13 металлических изделий: втульчатый двухлопастной наконечник стрелы (рис. 2.3), втульчатый наконечник «скифского» типа (рис. 2.4), концевой фрагмент бронзового ножа карасукского облика (рис. 1.14), фрагмент узкого ножа (рис. 1.15), фрагмент острия четырехугольного в сечении шила (рис. 2.11), пять трубчатых пронизок (рис. 2.19–23), проволочное кольцо и фрагмент нашивки (рис. 2.24), отливка из свинца полушаровидной формы с литейным браком (рис. 2.25). Изделия отлиты из оловянной, оловянно-мышьяковистой бронзы и оловянно-свинцово-мышьяковистого сплава. При этом предметы одного типа представлены разным составом сплавов (Симухин, 2018а).

Коллекцию подъемных материалов открывают два бронзовых ножа, в учетной документации музея автором находок указана Е.А. Хамзина, при этом местонахождения не ясны. Нож с дугообразной рукоятью, полукольчатым (недолив металла) навершием и прямым клинком разломан на 2 части (рис. 1.4). Излом на острие в виде тупого угла подправлен ковкой. Нож отлит в двустороннюю двухчастную форму (Симухин, 2013). Второй нож, а точнее клинковая часть со вздернутым вверх острием и вогнутой спинкой покрыта с одной стороны светло-зеленой патиной, а с другой – золотисто-коричневой с бурыми пятнами (рис. 1.5) (Симухин, 2013). Такое состояние поверхности можно оценить как результат пирогенного воздействия. Химический состав сплава данного ножа следующий: Cu – 91,9 %, Sn – 4,0 %, As – 3,3 %, Al – 0,8 %. Из похожей бронзы отлит двулезвийный нож из Онкулей: Cu – 93,9 %, Sn – 3,6 %, As – 1,7 %, Al – 0,8 %. Кроме того, на вероятность происхождения второго ножа из материалов могильника Онкули указывает очень схожее изображение на планиграфии погребения 2, при этом в тексте нет упоминания о данной находке (Хамзина, 1974. Рис. 2. С. 236). В результате мы видим близкие количественные показатели и идентичный набор элементов в сплавах двух изделий, которые могут косвенно свидетельствовать о сходстве их происхождения. Разница процентных данных не принципиальна, такая ситуация может быть выявлена и на одном предмете в разных точках анализа, что говорит о неравномерности распределения элементов в металле.

В 1975 г. при раскопках крупнейшего хуннского могильника Ильмовая Падь у с. Усть-Кяхта в Кяхтинском районе Бурятии П.Б. Коновалову был передан бронзовый нож, найденный местным чабаном на пашне западнее могильника. Нож отличается своим орнаментом в виде рельефного изображения типа вихря, которое венчает арочная прорезь, а снизу украшает прорезь вытянутой треугольной формы с вогнутыми сторонами (рис. 1.6). На левой стороне в средней части клинка имеется орнамент в виде трех элементов. На этой же плоскости в районе рукояти сохранилось затертое покрытие серовато-коричневого цвета – предположительно остатки полуды (Симухин, 2013).

В районе Муханских озер у с. Чесан в Кижингинском районе Бурятии во время археологической разведки П.Б. Коновалова и др. в 1981 г. был случайно найден предмет, имеющий вторичное переоформление. Очевидно, изначально это была подвеска, украшенная поясками и полусферическим навершием (рис. 1.16). Позже путем ковки в нижней части предмету придали форму маленького ножичка, с намеренно вогнутым обушком, повторяя типологически схожие ножи (Симухин, 2013).

В 1983 г. жителями с. Петропавловка Джидинского района Бурятии был случайно найден меч карасукского типа с навершием в виде стилизованного скульптурного изображения головы козла-янгира (рис. 3.1). Описание, типологическая классификация, индивидуальные характеристики меча могут указывать на период изготовления около VIII–VII вв. до н. э. (Коновалов, Данилов, Именохоев, 1995). Меч длиной 53,2 см посредине клинка с двух сторон усилен закругленной нервюрой высотой 0,3 см. От головы козла отходили рога, некогда примыкавшие к затыльной части, от которых сейчас сохранились лишь небольшие округлые выступы (рис. 3.1b). Особенно ярко выражены глаза и раздутые ноздри животного. С противоположной стороны находится петля, которую венчает плоский круг с вертикальными рисками. Литье клинка и рукояти выполнено на высоком уровне в двусто-

роннюю двухчастную форму, о чем свидетельствуют остатки литейного шва на рукояти и перекрестье, которые не были полностью удалены (рис. 3.1а). Скульптурное навершие было изготовлено из выплавляемой модели и долито к рукояти (рис. 3.1с).

На территории Бурятии подобных находок нет, но в Восточном Забайкалье в Сретенском музее хранится аналогичный меч из Усть-Карского района, украшенный навершием в виде головы барана (Гришин, 1968; Гришин, 1981). Подобные мечи со скульптурным изображением головы янгира были найдены в Монголии, один из них происходит из Умнеговь аймака и хранится в Музее изобразительного искусства имени Занабазара в Улан-Баторе (Бронзовый кинжал)[2]; а второй хранится в коллекции П. Эрдэнэчулууна (Эрдэнэчулун П., Эрдэнэбаатар Д., 2011).

В 1984 г. В.А. Галибиным в лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛО ИА АН СССР) был проведен спектральный анализ меча. Олово в сплаве составляет 13 %, свинец – 0,015 %, содержание остальных примесей незначительно, что говорит о довольно редком источнике меди (Коновалов, Данилов, Именохоев, 1995).

Такой технический прием как доливка металла к готовой отливке нами зафиксирован еще на одной редкой находке – кинжале скифского типа (рис. 3.2). Точное место нахождения случайной находки согласно музейной документации неизвестно, однако в некоторых публикациях указывается р. Иволга (Сергеева, 1981. С. 127; Гришин, 1981. С. 170). Цельнолитой кинжал с бабочковидным перекрестием и трубчатым навершием, ниже которого образованы наплывы металла, полученные при доливке навершия к рукояти. На крыльях «бабочки» изображены стилизованные изображения голов грифона, обращенных друг к другу клювами. Проведенный нами спектральный анализ проб из клинка и навершия показал идентичные результаты: Cu – 93 %, Sn – 5,9 %, Al – 1,1 %.

В 1987 г. П.Б. Коновалову была передана небольшая коллекция подъемного материала в количестве 12 предметов – это ножи (рис. 1.7, 8, 17–19*)*, наконечники стрел (рис. 2.6–8), шило (рис. 2.12) и украшения в виде подвесок (рис. 2.26, 27). Материал был собран на правом берегу р. Кодун (Худан) в местности Хубоо напротив с. Усть-Орот Кижингинского района. Среди ножей имеются ранние, примитивные формы – кованые пластины и развитые формы ножей среднего бронзового века, выполненные в технике литья и ковки. Двукольчатый нож и желобчатая рукоять с рельефным орнаментом дополняют коллекцию ножей карасукского облика (Симухин, 2010; Симухин, 2013).

В ходе археологической разведки в Закаменском районе Бурятии Н.В. Именохоевым и И.А. Батуевым в 1988 г. к востоку от с. Михайловка был найден дугообразнообушковый нож (рис. 1.9) (Симухин, 2013). Изделие в виде плоской откованной пластины со слегка вздернутым кверху кончиком острия. На нижней кромке слабовыраженного черешка есть две выемки шириной 0,4 см каждая, которые могли служить для крепления рукояти. Такой способ крепежа к деревянной или костяной рукояти в форме тупого угла заключается в следующем: клинок вставлялся в полость ручки с отверстием в нижней части (внутренний угол), через которое монтировался крепежный деревянный/костяной/металлический (?) стержень, проходящий через выемку клинка, таким образом две детали закреплялись в цельное орудие.

Среди случайных находок необходимо отметить еще ряд изделий. В 1991 г. в урочище Эрдэни-Арал (Джидинский район), П.Б. Коноваловым и И.А. Батуевым был найден фрагмент бронзового кельта с секирообразным лезвием и остатками стенок. Кельт был подвергнут сильному залому, от чего образовались крупные трещины и деформация металла (рис. 3.3). Спектроскопический анализ установил использование оловянистой бронзы с содержанием меди 89,8 % и олова 10,2 %.

В 1972 г. недалеко от с. Шарагол в Кяхтинском районе школьниками под обрывом правого берега

[2] Бронзовый кинжал // Сайт «Виртуальная коллекция шедевров Азии» [Электронный ресурс]. URL: http://masterpieces.asemus.museum/masterpiece/detail.nhn?objectId=10300 (Дата обращения 05. 08. 2019).

р. Чикой были обнаружены остатки разрушенного хуннского погребения. Наряду с явно хуннскими изделиями был найден и бронзовый кельт, характерный для комплексов эпохи бронзы и раннего железного века Монголии и Забайкалья (рис. 3.4) (Коновалов, 1980). Посредине одной широкой грани имеются два вертикально расположенных отверстия для крепления орудия на рукоять. Заливка производилась через два литника, выступы которых расположены на кромках втулки, посредине широких граней. По результатам нашего анализа сплав относится к мышьяковистым бронзам: Cu – 93,8 %, As – 4,2 %, Sb – 1,0 %, Al – 1,0 %.

Автором в 2000 г. был найден бронзовый нож в местности Закаменка правобережья р. Селенги, в 7,5 км юго-западнее с. Дэдэ-Сутой (Селенгинский район Бурятии). Кольчатый нож с одной плоской стороной и второй в виде желобчатой рукояти и клинка. Нижняя часть рукояти вогнутая и отделена от прямого лезвия уступом, рабочая часть подработана ковкой. Навершие представляет собой украшение и литейную чашу одновременно (рис. 1.10) (Симухин, 2013). Состав сплава относится к мышьяковистому типу: Cu – 96 %, As – 2,9 %, Al – 1,1 %.

Коллекцию подъемного материала дополняют два фрагмента ножей, найденные кандидатом геолого-минералогических наук И.Н. Резановым на территории Бурятии. Местонахождение и время находок не известны. Один фрагмент вогнутообушкового ножа с закругленным и вздернутым вверх острием (рис. 1.20) и второй фрагмент прямого клинка (рис. 1.21) (Симухин, 2013).

В музейной коллекции находится единственный экземпляр металлической посуды – котел с арочными ручками на усеченном коническом поддоне (рис. 4). Редкий и в хорошей сохранности котел был случайно найден кандидатом геолого-минералогических наук Г.С. Риппом в 2003 г. на предгорном участке горы Кукучелок у с. Ключи (Иволгинский район). Обследование места находки и прилегающей территории не выявило ни археологического материала, ни каких-либо конструкций. Возможно, котел являлся схроном. Бокалообразное тулово в раздутой части украшено тремя

Рис. 4. Котел с горы Кукучелок
Fig. 4. Pot from the Kukuchelok Mountain

параллельными валиками. Полый конический поддон был долит к уже готовому резервуару, во внутренней части конуса сохранились остатки срубленного литника. До проведения спектрального анализа нами предполагалось, что котел был отлит из бронзы (Симухин, 2004; Симухин, 2007b), однако полученные результаты анализов методом SEM-EDX образцов из нескольких участков котла (поддон, резервуар), показали применение меди с незначительными примесями серы (1,2 %) и алюминия (1,0 %).

Такие котлы были распространены по всему поясу Евразии и получили наименование – котлы «скифского» типа, они могли использоваться для приготовления пищи и обрядовой практики, о чем свидетельствуют факты нахождения в них остатков жертвенных животных в скифо-сарматское время в Северном Причерноморье (Смирнов, 1964. С. 128;

Скрипкин, 1970. С. 209). Аналогичный котел был найден в погребении хунну на Иволгинском могильнике, он близок по форме и размерам, но имеет отличие в виде прорезей на поддоне, украшением двумя декоративными валиками и расположением ручек с внешней стороны, датирован II–I вв. до н. э. (Давыдова, 1996. С. 18, 25, 55). Вероятно, что время бытования котла с горы Кукучелок относится к позднему бронзовому-раннему железному векам; отмечается, что ранние бронзовые котлы «скифского» типа в Забайкалье появляются около V в. до н. э. (Гришин, 1981. С. 117).

Заключение

Описанная коллекция с разной географией происхождения и хронологией является источником для дальнейших исследований древней металлургии с применением современных естественно-научных методов. Впервые проведены анализы элементного состава методом энергодисперсионной спектрометрии (SEM-EDX) металла предметов ряда памятников: стоянки Посольская, Каштак; могильников Шулуун-Шэнэгэльжин, Онкули, Санный Мыс, Каменка, Кибалино, Баргай, Ацай II, Шарагол, Нижний Бургултай и серии случайных находок из местонахождений Хубоо на горе Кукучелок у с. Ключи, Закаменка, Эрдэни-Арал, у сел Михайловка, Петропавловка, Усть-Кяхта и в окрестностях Муханских озер.

Полученные данные показали использование различных типов сплавов бронз мастерами II–I тыс. до н. э.: оловянистой, мышьяковистой, оловянно-мышьяковистой, оловянно-свинцово-мышьяковистой, свинцово-мышьяковистой. Литейщики глазковской культуры, по материалам Фофановского могильника, в раннем бронзовом веке уже легировали сплав оловом и мышьяком. Много предметов сделано из «чистой» меди (Герасимов, Черных, 1975. С. 43, 45, 47). Сопоставляя данные химического состава бронз ранних культур эпохи бронзы с поздней бронзолитейной продукцией, мы можем говорить о достаточно устойчивых типах сплавов от стадии становления металлургии меди до раннего железного века. Выявлена преемственность металлической продукции эпохи бронзы в раннем железном веке на примере двух экспонатов из хуннских погребений: фрагмент кельта из Шарагола, отлитый из мышьяковистой бронзы, и фрагмент ножа из могильника Баргай, изготовленный из оловянно-мышьяковистой бронзы. Знания свойств олова позволили древним мастерам освоить и такую технику как лужение – покрытие бронзовой поверхности слоем расплавленного олова. Такой факт зафиксирован на упомянутом выше мече из Восточного Забайкалья. На ноже из Усть-Кяхты предположительно также имеются остатки полуды, пока это гипотеза, которая требует дополнительного анализа. Медные изделия выявлены в материалах плиточных могил (наконечник из Кибалино) и позднего бронзового-раннего железного века (котел с г. Кукучелок). Обнаруженная во многих сплавах микропримесь алюминия, предположительно, может указывать на сходство рудного источника. Использование цинка в качестве примеси нами не выявлено.

В работе изложена история происхождения и формирования коллекций медных и бронзовых изделий в собрании Музея БНЦ СО РАН, представлен широкий типологический ряд изделий, от простых до высокохудожественных и технологически сложных изделий. Морфологический анализ изделий позволил установить определенные технологические особенности производства в эпоху бронзы. Например, техника ковки применялась как для изготовления изделий (нож у с. Михайловка, проволочный браслет из Онкулей, игла из Каменки), так и при доработке острий, лезвий отлитых орудий и оружия, переоформление одного типа изделия в другое (нож у Муханских озер) и при ремонте сломанных изделий (нож с могильника Баргай). Литье производилось в односторонние двухчастные, двусторонние двухчастные формы, также установлено литье в технике выплавляемой модели посольского ножа и скульптурного навершия меча из Петропавловки.

Существующая типология металлургических сплавов в эпоху бронзового века Забайкалья, разработанная Н.Ф. Сергеевой в начале 1980-х, дополнена новыми данными, уточнены вариации рецептур сплавов как для изделий с разной географией происхождения, так и для предметов одного типа

из одного памятника археологии. Об этом свидетельствует материал in situ из плиточных могил (Шулуун-Шэнэгэльжин, Ацай II, Каменка, Кибалино), скального погребения (Санный Мыс) и двух стоянок (Посольская, Каштак). Полученные результаты исследования внесли существенный вклад в изучение сплавов и технологии изготовления медных и бронзовых изделий во II–I тыс. до н .э.

Библиографический список

Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофоновского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975. С. 23–48.

Гришин Ю.С. О некоторых Забайкальских медно-бронзовых изделиях эпохи средней бронзы (карасукского времени) // Советская археология. 1968. № 3. С. 180–182.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М. : Наука, 1981. 203 с.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Иволгинский могильник. СПб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. Т. 2. 176 с.

Коновалов П.Б. К коллекции хуннских бронз // Советская археология. 1980. № 4. С. 263–268.

Коновалов П.Б., Данилов С.В. Средневековое погребение в Кибалино (Западное Забайкалье) // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск : Наука, 1981. С. 64–73.

Коновалов П.Б., Свинин В.В., Зайцев М.А. Могильник Ацай II и некоторые вопросы изучения плиточных могил Прибайкалья // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск : Наука, 1983. С. 85–100.

Коновалов П.Б., Данилов С.В., Именохоев Н.В. Бронзовый меч из села Петропавловка (р. Джида, Бурятия) // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. С. 59–61.

Константинов М.В., Базарова Л.Д., Сёмина Л.В. Древнее поселение Посольское (Новые материалы) // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995. С. 18–25.

Лбова Л.В., Гречищев Э.Р. К проблеме поселений эпохи металла степной зоны Западного Забайкалья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995. С. 7–17.

Сергеева Н.Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск : Наука, 1981. 152 с.

Сергеева Н.Ф., Хамзина Е.А. Бронзовые изделия из Посольска на Байкале // Древняя история народов юга

References

Gerasimov M.M. Chernykh E.N. (1975) Excavations of the Fofanovo burial ground in 1959. *Pervobytnaja arheologija Sibiri = The Prehistory Archaeology of Siberia*. Leningrad. P. 23–48. (In Russ.)

Grishin Yu.S. (1968) About some Transbaikal copper-bronze products of the Middle Bronze Age (Karasuk time). *Sovetskaya arkheologiya = Soviet Archeology*. Moscow. No. 3. P. 180–182. (In Russ.).

Grishin Yu.S. (1981) Neolithic, Bronze Age and Early Iron Age sites of the forest-steppe of Transbaikalia. Moscow: Nauka. 203 p. (In Russ.)

Davydova A.V. (1996) Ivolginsky Archaeological Complex. Ivolginsky Burial Ground. St. Petersburg: Tsentr "Peterburgskoe Vostokovedenie". Vol. 2. 176 p. (In Russ.)

Konovalov P.B. (1980) To the collection of Xiongnu bronzes. *Sovetskaya arkheologiya = Soviet Archeology*. Moscow. No. 4. P. 263–268. (In Russ.)

Konovalov P.B., Danilov S.V. (1981) Medieval Burials in the Kibalino (Western Transbaikalia). *Novoe v arkheologii Zabaikal'ya = The New in the Archaeology of Transbaikalia*. Novosibirsk: Nauka. P. 64–73. (In Russ.)

Konovalov P.B., Svinin V.V., Zaitsev M.A. (1983) Burial ground Atsai II and some questions of slab graves investigations in the Baikal Region. *Po sledam drevnikh kul'tur Zabaikal'ia = After the Trails of Ancient Cultures in Transbaikalia*. Novosibirsk: Nauka. P. 85–100. (In Russ.)

Konovalov P.B., Danilov S.V., Imenokhoev N.V. (1995) A Bronze Sword from the Village of Petropavlovka (the Dzhida River, Buryatia). *Kul'tury i pamyatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov Zabajkal'ya i Mongolii = Cultures and Sites of the Bronze and Early Iron Age of Transbaikalia and Mongolia*. Ulan-Ude. P. 59–61. (In Russ.)

Konstantinov M.V., Bazarova L.D., Semina L.V. (1995) Posol'sk Ancient Settlement (New data). *Kul'tury i pamyatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov Zabajkalyja i Mongolii = Cultures and Sites of the Bronze and Early Iron Age of Transbaikalia and Mongolia*. Ulan-Ude. P. 18–25. (In Russ.)

Lbova L.V., Grechishchev E.R. (1995) To the problem of settlements of the Metall Age of the steppe zone of Western Transbaikalia. *Kul'tury i pamyatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov Zabaikal'ya i Mongolii = Cultures and Sites of the Bronze and Early Iron Age of Transbaikalia and Mongolia*. Ulan-Ude. P. 7–17. (In Russ.)

Sergeeva N.F. (1981) Oldest copper metallurgy in the south of Eastern Siberia. Novosibirsk: Nauka. 152 p. (In Russ.)

Sergeeva N.F., Khamzina E.A. (1975) Bronze items from the Posol'sk site on Lake Baikal. *Drevnyaya istoriya*

Восточной Сибири. Иркутск, 1975. Вып. 3. С. 176–183.

Симухин А.И. Бронзовый котел из Забайкалья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы; Омск, 2004. С. 245–248.

Симухин А.И. Технология изготовления Посольского бронзового коленчатого ножа // Россия и Монголия сквозь призму времени: материалы международной научно-практической конференции «Улымжиевские чтения-3». Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2007a. С. 34–36.

Симухин А.И. Случайная находка из Забайкалья // Nota Bene: Сборник научных трудов / под ред. О.А. Митько. Новосибирск : Новосибирский государственный университет. 2007b. Вып. 1. Случайная находка. С. 95–100.

Симухин А.И. Предварительные результаты археологического обследования участка правого берега реки Худан в Кижингинском районе Бурятии // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2010. Вып. 8. С. 275–290.

Симухин А.И. Коллекция бронзовых ножей Музея Бурятского научного центра СО РАН (II–I тыс. до н. э.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы IV междунар. науч. конф., Чита, 13–19 сентября 2013 г. Ч. II. Чита : Забайкальский государственный университет, 2013. С. 277–287.

Симухин А.И. Элементный состав металлических изделий из погребения Санный Мыс (Западное Забайкалье, бронзовый век) // Universum Humanitarium. Новосибирск, 2018a. Вып. 1 (4). С. 137–154.

Симухин А.И. Химический состав бронзовых изделий из плиточных могил Западного Забайкалья (по материалам Музея БНЦ СО РАН) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы IX междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 10–14 сентября 2018 г. Т. 1. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018b. С. 171–175.

Скрипкин А.С. Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоградской области // Советская археология. 1970. № 4. С. 206–209.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М. : Наука, 1964. 376 с.

narodov yuga Vostochnoi Sibiri = Ancient History of the Peoples in Southern Siberia. Irkutsk. Iss. 3. P. 176–183. (In Russ.)

Simukhin A.I. (2004) Bronze cauldron from Transbaikalia. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii = The Integration of Archaeological and Ethnographic Research.* Almaty; Omsk. P. 245–248. (In Russ.)

Simukhin A.I. (2007a) Manufacturing technology of the Posol'sk bronze cranked knife. *Rossiya i Mongoliya skvoz prizmu vremeni : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Ulymzhiyevskiye chteniya-3» = Russia and Mongolia through the Prism of Time. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Ulymzhiev Readings-3".* Ulan-Ude: Buryat State University. P. 34–36. (In Russ.)

Simuhin A.I. (2007b) Random finding in Transbaikalia. *Nota Bene: Sbornik nauchnykh trudov = Nota Bene: collection of scientific works.* Novosibirsk: Novosibirsk State University. Iss. 1. *Sluchainaya nakhodka = Random finding.* P. 95–100. (In Russ.)

Simukhin A.I. (2010) Preliminary results of an archaeological survey of Khudan River right bank in the Kizhinginsky District of Buryatia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Irkutsk. Iss. 8. P. 275–290. (In Russ.)

Simukhin A.I. (2013) The collection of bronze knives of the Museum of the Buryat Scientific Center of the SB RAS (II–I millennium BC). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri : materialy IV mezhdunar. nauch. konf., Chita, 13–19 sentyabrya 2013 g. = Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia: IV International Scientific Conference, Chita, September, 13–19, 2013.* Pt. II. Chita: Transbaikal State University. P. 277–287. (In Russ.)

Simukhin A.I. (2018a) Elemental Constituents of Metal Artifacts Found at Sannyi Mys Burial (Western Transbaikalia, Bronze Age). *Universum Humanitarium*. Novosibirsk. Iss. 1 (4). P. 137–154. (In Russ.) DOI: 10.25205/2499-9997-2018-1-137-154.

Simukhin A.I. (2018b) Chemical Composition of Bronze Artefacts from the Plate Graves of Western Transbaikalia (on the Materials of the Museum of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science). *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaya : materialy IX mezhdunar. nauch. konf., Ulan-Ude, 10–14 sentyabrya 2018 g. = Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: IV International Scientific Conference, Ulan-Ude, September 10–14, 2018.* Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Vol. 1. P. 171–175. (In Russ.)

Skripkin A.S. (1970) Accidental finds of Sarmatian cauldrons in the Volgograd region. *Sovetskaya arkheologiya = Soviet Archeology*. No. 4. P. 206–209. (In Russ.)

Smirnov K.F. (1964) Sauromats. Moscow: Nauka. 376 p. (In Russ.)

Хамзина Е.А. Новые находки бронзовых изделий в Забайкалье // История Сибири и Дальнего Востока: науч. конф., Иркутск, 15–19 марта 1960 г.: тезисы докладов и сообщений. Иркутск : Иркутский государственный университет, 1960. С. 72–73.

Хамзина Е.А. Археологические исследования в Бурятии в советское время // Краеведческий сборник. Улан-Удэ, 1962. Вып. 7. С. 56–68.

Хамзина Е.А. Ранние погребения в Онкулях (долина реки Баргузин) // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1974. Вып. 6. С. 234–244.

Хамзина Е.А. Археологические памятники Бурятии. Новосибирск : Наука, 1982. 152 с.

Хамзина Е.А. Плиточный могильник в Баргузинской долине // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск : Наука, 1983. С. 75–85.

Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений) // Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2015. 336 с.

Эрдэнэчулуун П., Эрдэнэбаатар Д. Тэнгэрийн Илд: хурэл зэвсгийн уе, хунну гурний хурэл эд Олгийн соел. Улаанбаатар: Нарлаг Монгол Оноодор, 2011. 496 тал.

Khamzina E.A. (1960) New finds of bronze items in Transbaikalia. *Istoriya Sibiri i Dal'nego Vostoka: nauch. konf., Irkutsk, 15–19 marta 1960 g.: tezisy dokladov i soobshchenii = History of Siberia and the Far East: Scientific Conference, Irkutsk, March, 15–19, 1960.* Abstracts of reports and messages. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 72–73. (In Russ.)

Khamzina E.A. (1962) Archaeological research in Buryatia in Soviet times. *Kraevedcheskii sbornik = Local history Collection*. Ulan-Ude. Iss. 7. P. 56–68. (In Russ.)

Khamzina E.A. (1974) Early burials in Onkuli (Barguzin River Valley). *Etnograficheskii sbornik = Ethnographic Collection*. Ulan-Ude. Iss. 6. P. 234–244. (In Russ.)

Khamzina E.A. (1982) Archaeological Sites of Buryatia. Novosibirsk: Nauka. 152 p. (In Russ.)

Khamzina E.A. (1983) Grave of Stone Slabs in the Barguzin River Valley. *Po sledam drevnikh kul'tur Zabaikal'ya = After the Trails of Ancient Cultures in Transbaikalia*. Novosibirsk: Nauka. P. 75–85. (In Russ.)

Shul'ga P.I. (2015) Pastoralists of the Altai Mountains in Scythian Time (Based on the data settlements). Novosibirsk: Novosibirsk State University. 336 p. (In Russ.)

Erdenechuluun P., Erdenebaatar D. Tengeriin ild. Khurel zevsgiin ue, khunnu gurnii khurel ed Olgiin soel. [The sword of heaven : culture of bronze artefacts of the Bronze Age and Xiongnu Empire]. Ulaanbaatar: Narlag Mongol Onoodor, 2011. 496 s. (In Mongol)

Сведения об авторе

Симухин Александр Ильич,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории и культуры Центральной Азии,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия,
✉ e-mail: simukhin.alexander@imbt.ru

Information about the author

Alexander I. Simukhin,
Cand. Sci. (History), scientific researcher of Department of History and Culture of Central Asia,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
6, Sakh'yanova street, Ulan-Ude 670047, Russia,
✉ e-mail: simukhin.alexander@imbt.ru

Заявленный вклад автора

А.И. Симухин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

A.I. Simukhin carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 16 июня 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 19 августа 2021 г.
Принята к публикации 30 августа 2021 г.

Article info

Received June 16, 2021.
Received August 19, 2021.
Accepted August 30, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 39
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-60-78

Тайны ландшафтов эвенков Северного Прибайкалья: реципрокация знаний и собирательство недревесных лесных ресурсов

© В.В. Симонова

Академия Наук Республика Саха (Якутия), г. Якутск, Россия
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Предлагаемая статья посвящается классической теме социальной антропологии и этнологии – собирательству недревесных лесных ресурсов коренными народами, в данном случае эвенками села Холодное, Северный Байкал. Этнографический материал, на котором основана статья, скорее относится к истории края, так как был собран уже довольно давно: в 2008 году – тринадцать лет назад. Разумеется, много изменений в локальном социуме и культуре произошло с тех пор, и они еще будут осмыслены антропологами в будущем. Я надеюсь, что моя работа, с одной стороны, послужит документом традиционных экологических знаний и этноэкономических практик собирательства эвенков Северного Байкала, которые я фиксировала в тот период, а с другой стороны, покажет многогранность и сложность альянса человека и ландшафта посредством рефлексии локальных моделей реципрокации знания о местах сбора ценных дикоросов. В статье пойдет речь о том, как местные жители и таежный ландшафт справляются с интересом приезжих собирателей дикоросов, так называемых «всяких», к местной сокровищнице недревесных лесных ресурсов. В этих отношениях культурная память выполняет роль посредника между секретностью и принципами реципрокации знания о значимых местах ресурса северобайкальских собирателей. В статье будет рассмотрено, как формируются отношения между эвенками и тайгой, которые здесь обозначены как отношения альянса через практики собирательства и нарративами о них. Этнографические данные, полученные от эвенков, демонстрируют практические навыки, связанные с организацией, поисками и перераспределением лекарственных трав, кедровых орехов и ягод. Жители села Холодное дают пояснения своего поведения в лесу и отношения к полученным природным ресурсам, демонстрируя сформировавшиеся на протяжении столетий правила взаимоотношения человека с окружающей его природной средой.

Ключевые слова: собирательство, Северный Байкал, эвенки, этноэкономика, реципрокация знаний, альянс человека и тайги, культурный ландшафт, обмен, таежный альянс, социальная антропология

Для цитирования: Симонова В.В. Тайны ландшафтов эвенков Северного Прибайкалья: реципрокация знаний и собирательство недревесных лесных ресурсов // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 60–78. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-60-78

Secrets of the landscapes of the Evenks of the Northern Baikal region: Reciprocation of knowledge and collection of non-timber forest resources

© Veronika V. Simonova

Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russia
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Abstract: The proposed article is devoted to a classic topic for social anthropology and ethnology – gathering of non-timber forest resources among indigenous peoples, in this case, Evenkis of Kholodnoe village, Northern Baikal region. The ethnographic material, on which this article is based, refers rather to the history of the region, as it was collected quite a long time ago: in 2008. Of course, many changes in the local society and culture have taken place since then, and those dynamics will still be comprehended by anthropologists in the future. I hope that my work, on the one hand, will serve as a document of traditional ecological knowledge and ethno-economic gathering practices of Evenkis, which I recorded during that period, and, on the other hand, will show the versatility and complexity of the human-landscape alliance through reflexion of local patterns of knowledge reciprocity regarding the places of valuable wild-growing products of gathering. This article examines how locals

and the taiga landscape cope with the interest of visiting wild-growers, in the local treasury of non-timber forest resources. In this relationship, cultural memory acts as a mediator between secrecy and the principles of knowledge reciprocity regarding the significant places of the resource of North Baikal gatherers. This article also explains how the relationship between the Evenks and the taiga, here designated as an alliance relationship, is formed through gathering practices and narratives about them. Ethnographic data obtained from the Evenks demonstrates practical skills related to the organization, search and redistribution of medicinal herbs, pine nuts and berries. Inhabitants of the village of Kholodnoye give explanations of their behavior in the forest and their attitude to the obtained natural resources, demonstrating the rules of human interaction with the natural environment that have been formed over the centuries.

Keywords: gathering, North Baikal region, Evenkis, ethnoeconomy, reciprocity of knowledge, human-taiga alliance, cultural landscape, exchange, human-taiga alliance, social anthropology

For citation: Simonova V.V. (2021) Secrets of the landscapes of the Evenks of the Northern Baikal region: Reciprocation of knowledge and collection of non-timber forest resources. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 60–78. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-60-78

Введение

О тайнах и практиках сокрытия сказано немало известными классиками, социологами и антропологами в рамках анализа «секретности» различных обществ и культур (Boas, 1897; Дюркгейм, 2018; Evans-Pritchard, 1931; Simmel, 1906). О секретах, как об основе социальных институтов, включая семью и государство, писал антрополог Майкл Тауссиг (Taussig, 1999). Секретность одна из дискуссионных тем в социальных науках, дилеммы которой до сих пор остаются нерешенными. «Различение тайны как элемента коллективного порядка и тайны как ресурса, доступного отдельным членам сообщества, позволяет выдвинуть гипотезу о социальной функции секретного знания… секрет или тайна определяет форму, которая принимает любое социальное взаимодействие, но не его содержание», по мнению Алексея Бойко (Бойко, 2019. С. 122). Он делает вывод, что тайна доступна описанию лишь как социальная форма, а значит, социология способна описывать секретность, но не сами секреты (Там же. С. 134).

Этнографы, которые изучают секретность, зачастую описывают структуру и функцию социальных систем секретности, избегая размышлений относительно деталей содержания непосредственно самого секретного знания (Lindstrom, 2015. P. 378). Например, антрополог Лаура Сирагуза пишет о динамике статуса секретности в языковых практиках (контекстуальном использовании родного языка) у вепсов, который от роли средства защиты людей, животных и окружающей среды обрел функцию транслятора родного языка через новые информационные технологии (Сирагуза, 2018).

Тем не менее Зиммель (Simmel, 1906) «коммодифицировал» сокрытое знание и рассматривал секреты как форму «внутренней собственности». Таким образом, коммодификация скрытого знания открывала дверь политической экономике секретности, поскольку если секрет является собственностью, то его можно создать, обменять и потребить, а сама секретность подобна тени культуры и пронизывает всю человеческую деятельность (Lindstrom, 2015. P. 375). Данный подход был воспринят некоторыми антропологами (например, Murphy, 1980).

В предлагаемой работе я расскажу о реципрокации тайны у эвенков Северного Байкала в практиках и этиках собирательства недревесных лесных ресурсов, которая возможна только благодаря локальным отношениям по типу альянса с лесом. Альянс в данном случае не является аналогом актанта, ядра акторно-сетевой теории (АСТ) Бруно Латура, который в упрощенном виде определяет ее следующим образом: «АСТ — это смена метафорики для описания сущностей: нити (или ризомы, по Делёзу) вместо поверхностей. Точнее, это смена топологии. Вместо мышления в терминах поверхностей (двухмерных) или сфер (трехмерных) предлагается мыслить в терминах узлов, имеющих столько измерений, сколько у них соединений» (Латур, 2017. С. 174).

Альянс человека и ландшафта в культуре и обществе эвенков Северного Байкала возникает как реакция на внешние процессы, способные тем или иным образом воздействовать на сложившиеся модели традиционной экологии. Реципрокация знаний о тайных местах собирателей и реципрокация добытых ресурсов – это связанные, но разные формы культурной практики. Альянс, бесспорно, есть связь природы и людей, но связь, работающая определенным образом, ориентированная на решение конкретных задач: поддержать сообщество, сохранить среду, получить выгоду и создать уверенность, что жизнь и практика собирательства во всей ее многозначности не изменятся к худшему.

То, каким именно образом жители села воссоздают в воспоминаниях природные динамики ценных мест сбора дикоросов, наглядно демонстрирует разницу между локальным и так называемым «внешним» подходом к тайге. Сохраняя места сбора дикоросов в тайне, местные жители защищают свои таежные ландшафты от внешнего вмешательства или негативно отзываются о нем, когда вмешательство состоялось.

Собирательство является одним из самых надежных видов деятельности, обеспечивающих пропитание в Холодной. Фондал и Сирина (Fondahl, Sirina, 2006. P. 126) подчеркивают важность мест сбора ягод и орехов, а также заготовок лекарственных трав. Однако, согласно некоторым более ранним этнографическим источникам, собирательство не всегда было столь важным для эвенков.

Например, Василевич (Василевич, 1969. С. 89) утверждает, что собирательство не относилось к типичным для эвенков занятиям и служило лишь незначительной и дополнительной поддержкой жизнедеятельности, основанной на натуральном хозяйстве: «эвенки не полагались на собирательство. Они заготавливали дикий лук [*сарана*] на зиму. Эвенки сушили его и делали муку для выпечки хлеба. Кроме того, они солили дикий лук и чеснок в березовых ящиках. Для летнего питания эвенки собирали ягоды и кедровые орехи. Некоторые пожилые женщины сушили черемуху и хранили ее в маленьких рюкзачках. Они растворяли ее в теплой воде и ели как дополнение к обычной еде. Черемуху добавляли и в муку» (Там же).

Туголуков (Туголуков, 1969. С. 88) аналогично отмечал, что эвенки лишь частично полагались на сбор дикого лука, ягод, орехов, корней и внутренней части сосновой коры [*лапса*]. Как он утверждал, некоторые эвенкийские группы в голодные времена готовили *лапсу* из белой глины. Ни один из этнографов не считает, что собирательство имело большое значение для эвенков. Напротив, в Холодной сегодня собирательство играет важную роль в повседневной жизни. Поэтому, принимая во внимание то, о чем говорили Василевич и Туголуков, модели жизнеобеспечения эвенков изменились в поздний советский период, и признание собирательства как важной практики локальной этноэкономики стоит считать результатом советизации. В то же время собирательство северобайкальских эвенков не является масштабированной практикой, составляющей основу источника монетаризированного дохода локального сообщества, как, например, сбор гриба матсутакэ в Штате США Орегон и провинции Китая Юньнань (Lowenhaupt Tsing, 2015).

Во время полевых работ я наблюдала, что собирательство несет в себе гораздо больше значения, нежели отмечалось ранее и может показаться на первый взгляд. Местные жители хранят продукты собирательства, в том числе и лекарственные средства, обменивают и продают их на местных рынках и распределяют среди сетей своих расширенных родственных связей. Собирательство есть особая форма взаимоотношения с окружающей средой, включающая социальные обязательства по взаимодействию с тайгой и обмену знаниями внутри локального социума.

Определение охотников-собирателей традиционно является довольно строгим в антропологии и экономике. Например, в книге-симпозиуме «Человек-охотник» (Man the Hunter) Мердок (Murdock, 1968. P. 16) указал, что в Сибири только две группы народов (кеты и юкагиры) могут соответствовать корректному определению охотников

и собирателей, и из-за «советской политики аккультурации дальнейшая полевая работа в Сибири вряд ли даст положительные результаты» (Murdock, 1968. P. 16). Разумеется, с такой точкой зрения уже поспорили антроплоги-сибирианисты, которые на протяжении десятилетий изучали коренное население Сибири. В то же время конкретные привязки в определении собирателей остаются актуальными и ограничивают взгляд ученого. Я предлагаю пересмотреть определение охотников и собирателей на Северном Байкале, которое не должно быть столь однозначным, но обладать более широкой перспективой на отношения человека и ландшафта.

В Холодной нет четкого разделения между охотниками и собирателями. Гендерные и возрастные критерии не работают как культурная мера ограничения. Хотя в регионе стереотипно принято считать (я обычно получала в качестве первого ответа на свой запрос о собирательстве), что, как правило, именно женщины являются более активными собирателями дикоросов, я наблюдала, что почти все жители села вовлечены тем или иным образом в эту практику. Это занятие зависит от ценных мест сбора дикоросов и их расположения в тайге. Охотники вынуждены становиться собирателями, поскольку у них есть доступ к отдаленным участкам леса, где растут желаемые ресурсы.

Локальное собирательство тесно связано с воспоминаниями о природной и социальной динамике тайги, происходившей в этих ландшафтах. Жители Холодной приносят домой не только ягоды, кедровые орехи или лекарственные травы из леса, но и саму тайгу. Собранные ресурсы включают в себя истории о тайге, из которой они были изъяты, и эти истории отвечают требованию культурного обмена знаниями среди собирателей Холодной.

Собирательство – это также глубокая эмоциональная работа и опыт пребывания в лесу. Лаконичная мудрость моего эвенкийского собеседника Алексея Ганюгина уводит от конкретного определения охотников-собирателей, представленного выше. Он утверждает, что пребывание в таежной среде – это особое состояние души/духа, или же ментальное состояние, которое также можно объяснить, как уникальное отношение к жизни, которое трудно выразить словами. Жители Холодной собирают не просто дикоросы, но, как было отмечено ранее, «саму тайгу», а разнообразные способы собирательства отражают многослойные представления о лесе.

У собирателей свои исторически и культурно сформированные отношения с таежным ландшафтом. Память об этих отношениях помогает местным жителям делиться знаниями о ресурсах и защищать их. Социальное распределение собранных дикоросов также одновременно является распределением знаний, воспоминаний и историй.

Собирать в тайге и делиться ландшафтом

Собирательство в Холодной – это не только непосредственно сама практика сбора ресурсов, но и сбор самой тайги, или наоборот – примыкание к ней. Такое понимание превращает собирательство в эмоциональный опыт, демонстрирующий, что альянс человека и тайги разрабатывает стратегии манипулирования внешним вмешательством (*всякими*). Метки, сделанные в тайге, служат сигналами для местных жителей, которые предупреждают их о необходимости защиты своих мест сбора дикоросов, создания тактик ограничения незваных гостей.

В Холодной нет четких определений охоты и собирательства. Хотя в местных рассказах собирательство обычно ассоциируется с женщинами, оно также актуально для мужчин-охотников, оленеводов и рыбаков. Поскольку в основном мужчины-охотники и оленеводы имеют доступ к высокогорью, они становятся собирателями в силу социальных обязательств по сбору этих ресурсов и их доставке.

Чем ближе зона произрастание дикоросов, тем больше людей могут там вести промысел. Местные жители считают ближайшей зоной сбора расстояние от двух до пяти километров. Обычно эта зона используется для сбора кедровых орехов и березового сока. За сбор в этой зоне

обычно отвечают местные подростки. Например, холм, известный как ЛЭП [ЛЭП, линия электропередач], является ближайшим брусничным местом. Это место также известно, как медвежье место, поскольку медведи конкурируют с людьми за ягоды и иногда нарочито отпугивают местных собирателей.

Березовый сок, который можно получить весной, считается ценным продуктом для собирателей. Хотя его трудно сохранить, местные жители разработали особый набор приемов, чтобы сок долго оставался свежим. Как объяснил мне Саша Ганюгин, если на ведро березового сока добавить стопку водки (50 граммов), то он остается свежим несколько месяцев. Чистый березовый сок остается свежим не более двух дней.

Почти все жители деревни занимаются сбором березового сока. Сезон сбора довольно короткий и длится всего две недели в мае. Как правило, березовый сок собирают недалеко от деревни. Ваня Иолшин показал мне березы на вершине холма возле деревни, где он поставил двухлитровую банку. На следующий день банка была полной. Как и лекарственные травы, березовый сок является предметом коллективного использования.

Мне сказали, что редкие виды дикоросов не растут рядом с деревней. Редкие ресурсы находятся всегда «далеко» в лесу, так как для них нужны специфические географические особенности, например, горы, расположенные рядом с водными объектами, которые для одних трав должны быть озерами, а для других – родниками и болотами. Местные жители считают, что чем дальше растут растения, тем лучше и полезнее они для человека. Самые ценные лекарственные средства растут в густом лесу и высоко в горах.

Оленевод Леня Тулбуконов рассказала мне, что обычно хорошие травы растут в отдаленных и чистых местах: «Хорошие травы не растут рядом с деревней, где их было бы легко достать. Меня это устраивает, иначе люди забрали бы их все. Чтобы собрать их в тайге, надо напрячься. Нужно хорошо знать места». Способы использования лекарственных трав северобайкальскими эвенками более подробно рассмотрены В. Давыдовым (Davydov, 2011a[1]; Davydov, 2011b).

Хотя рядом с деревней растут некоторые лекарственные травы, они не считаются достаточно «хорошими» для употребления. Света Ганюгина рассказала мне, что, хотя у жителей села есть некоторое количество травы янды (*gentiana – lat.*), собранной недалеко от деревни, они ждут, что кто-то из их родственников привезет янду из горной тайги. Она считает, что «таежные травы» гораздо полезнее для здоровья человека. Кроме того, запасы трав должны пополняться каждый год, так как старые сухие травы не считаются достаточно хорошими. Света посмотрела на свою коробку с травами и сказала: «Я буду иметь в виду, нам нужны свежие травы. Надо попросить дядю Олега, чтобы он в этом сезоне привез новые. Наши слишком старые. Мне кажется, они потеряли свое качество».

Лёня Тулбуконов рассказал, что не очень любит собирать и обычно не собирает ягоды, но каждый год собирает янду, чтобы поддержать свою семью ценным медицинским ресурсом: «Если я не сделаю этого, то кто сделает? Для сестры, племянницы и старого отца это нужно, не для меня».

Некоторые таежные ландшафты, где произрастают эксклюзивные сорта трав, такие как янда и золотой корень (*rhodiola rosea – lat*), побуждают охотников и оленеводов стать активными и умелыми собирателями. Эти травы не только растут исключительно в самых чистых местах леса, но и требуют особых природных микроусловий, поскольку существуют только вблизи водных мест – озер и родников, текущих у вершин гор. Это не значит, что каждое озеро и родник подходят, например, для янды. Из-за нехватки редких лекарственных трав места, богатые яндой и золотым корнем, обычно держатся в секрете.

На оленеводческой ферме «Номама» я вместе с Валерой Филимоновым собирала янду и золотой корень. Валера продемонстрировал пре-

[1] Davydov, V.N. 2011a. People on the move. Development projects and the use of space by northern Baikal reindeer herders, hunters, and fishermen (in preparation), PhD dissertation, University of Aberdeen, UK.

красное знание природных условий местности и научил меня отличать янду и золотой корень от других растений. Было очень трудно в первый раз научиться отличать лекарственные травы от обычных, особенно янду, которая не выглядела как-то необычно. Валера собирал очень быстро и смеялся каждый раз, когда смотрел на меня, пытающуюся понять, что именно нужно брать. В итоге он дал мне хороший совет: «Если не уверен, что нашел, попробуй на вкус. Если оно горькое, положи это в сумку». Это сработало, и я начала отличать янду от других похожих растений.

Люди – не единственные существа, заинтересованные в янде. Валера сказал мне, что если мы не соберем янду, то это сделают лоси. Лоси и дикие олени любят есть янду, причем они могут съесть самую большую ее часть. Валера считает, что лоси очень умные животные и что они также осведомлены о хороших качествах янды: «Они любят горькие травы, а янда – самая горькая. Ее хорошее качество – во вкусе, лоси [*сохатые*] это тоже знают».

Янда – дефицитный ресурс, который растет очень медленно. Хорошие места янды уменьшаются из года в год из-за того, что люди собирают почти все, что им удается найти. Так же обстоит дело и с золотым корнем. Поэтому те, кто знает о хороших местах этих дикоросов, предпочитают хранить это знание для себя в секрете. Более того, среди жителей Холодной не этично спрашивать у человека о хороших местах янды или золотого корня. Если человек хочет поделиться знаниями, он сделает это охотно и по собственному желанию. Расспросы не помогут, а скорее навредят добрым отношениям.

Например, на следующий день после похода Валеры по янду Настя, Женя и Витя тоже решили собрать эту лекарственную траву. Вечером они явились с большим количеством трав в попонках и выглядели очень довольными. Когда Сергей, работавший поваром на ферме, с любопытством спросил Настю, где они были, она улыбнулась и ответила: «Места надо знать!». Этот ответ является одним из примеров манипуляции знаниями. Настя намекнула, что они хотят сохранить свои знания в тайне. Более того такой ответ – это косвенный способ сказать человеку, что его любопытство по поводу хороших мест неэтично в данном конкретном контексте. И в то же время данная формулировка является социально-приемлемой шутливой формой приостановки беседы. Сергей не стал возражать и прекратил расспросы.

Секретные ландшафты янды и золотого корня делятся между членами локального сообщества. После того как я научилась распознавать потенциал локальной географии и обнаружила «розовый остров» (мой вариант описания места, где я нашла достаточно много золотого корня, который осенью окрашен в розовый цвет) и принесла изрядное количество золотого корня, Сергей сказал: «Тебе удалось найти то самое место, которое я хотел сохранить в тайне. Пожалуйста, не говори никому в деревне, на всякий случай. И, конечно, я возьму с тебя долю (обезжирю)». Точно так же поступили с Настей, Женей и Витей и обязали оставить на ферме небольшое количество собранных ими растений в качестве налога. Обычно моральный канон собирателей предполагает делиться редкими видами трав со всеми, кому они могут понадобиться. Такая система «налога» называется «обезжириванием» – охотничий локальный технический термин, означающий очищение от жира шкурок добытых животных для последующей выделки. Другими словами, это означает, что человек имеет право забрать у успешного собирателя небольшое количество редкого ресурса в пользу локального социума.

На самом деле, чем более эксклюзивным является растение, тем строже правила общественного обмена действуют в его отношении. Хотя собиратели обычно держат в тайне хорошие места ограниченных ресурсов, они открыто делятся собранными ценными травами с остальными. Перед тем как вернуться в деревню Холодная с оленеводческого хозяйства Номама, Юра сказал: «Теперь ты снабдишь всю семью Ганюгиных травами и кореньями, у тебя ведь с ними хорошие отношения. Потом ты поделишься со стариками, затем со стариками своей семьи, а потом со своими

друзьями. Лишь небольшую часть собранного оставишь для себя. Это обычная история. Мы всегда так делаем. В основном старые поделятся с кем-то еще, и вы сами тоже это сделаете. Это круг, который мы должны поддерживать. Обычно тот, кто собирает, забирает себе самую малую долю».

Ягоды не являются предметом обмена с другими членами общины, поскольку ягоды доступны практически всем. Охотники несут ответственность за доставку редких лекарственных трав, не ягод.

Однако обмен редкими ресурсами не подразумевает обмена знаниями о том, где эти ценные травы произрастают. Оленеводы Холодной держат знания о хороших ландшафтах дикоросов в секрете и делятся ими только с небольшим кругом своих близких родственников и компаньонов. Хотя оленеводы оставляют для себя наименьшую часть собранных редких лекарственных растений, а большую часть отдают тем, кому они могут понадобиться, они предпочитают держать в тайне места, где им удалось их собрать.

Валера оставил для себя только два маленьких пучка янды. Он сказал, что этого более чем достаточно, потому что он надеялся, что не будет сильно болеть в том году. Он добавил, что если ему понадобится больше янды, то любой из местных жителей даст ему ее. Он решил продать свою янду жителям деревни, которые не смогли собрать ее в этом году, а остальную разделить между родственниками, пожилыми людьми и хорошими друзьями. Деревня становится социальным хранилищем янды. Собиратель, которому может понадобиться больше ценного сырья, чем у него есть, может легко попросить ее у других.

Делиться редкими ресурсами с местными жителями – моральный долг собирателя, но делиться знаниями о ландшафтах, хранящих редкие травы, – это частное решение. Делиться знаниями о тайге – значит делиться самой тайгой. Местные жители вспоминают, как «беднела земля» в период БАМа, когда вахтовики собирали редкие лекарственные травы. Сергей рассказал мне, что их особенно интересовал золотой корень, и после их отъезда местные жители страдали от нехватки этого ресурса. Только через несколько лет после отъезда работников БАМа золотой корень снова начал медленно прорастать в некоторых местах вокруг оленеводческого хозяйства Номама[2].

Воспоминания о том периоде заставили Сергея забеспокоиться о «розовом острове», который мне удалось обнаружить у озера Номама. Он успокоился, когда я заверила его, что не собираюсь никому рассказывать о месте, где я нашла золотой корень. Ни Сергей, ни другие оленеводы не собирались делиться хорошими местами со «всякими». Их воспоминания создают крепость секретности вокруг хороших ландшафтов, которая защищает тайгу от неконтролируемого вмешательства.

Музыка кедра: два отношения к сбору шишек

Кедровые орехи (*pinus sibirica* – лат., сибирский кедр – рус.) являются ценным ресурсом как для местных жителей, так и для приезжих. Однако модели сбора у этих категорий людей отличные. Если для местных жителей кедровые орехи являются источником существования, то для приезжих «всяких», в основном бамовцев (работников БАМа), они являются формой дополнительного заработка. Если местные жители используют тайгу, в которой они фактически живут и с которой они связаны, и относятся к ней как к своему дому, то бамовцы рассматривают тайгу как место временной работы. Поэтому разное отношение к лесу по-разному влияет на местные ландшафты. Тоня Саканина объяснила мне это по дороге на перевал Акукан, где она обычно собирает кедровые орехи и лекарственные травы.

[2] В оленеводческом хозяйстве «Номама» рассказ о бамовцах (работниках БАМа), которые жадно собирали золотой корень, постоянно повторялся по вечерам, когда мы разбирали собранные сокровища. Такое отношение привело к постепенному сокращению хороших мест произрастания ценных трав. Однако тайга сама себя регулирует, и хорошие места могут мигрировать. Так золотой корень появляется в других частях леса, но на это требуется время. Я поняла, что смысл этих рассказов служил сигналом для меня: я должна была хранить тайну хороших мест, точно также, как и остальные.

Это было в начале сентября. Тоня и ее друг Гоша пошли собирать кедровые орехи, так как сезон сбора орехов только что начался (рис. 1). Мы перешли речку и шли все быстрее и быстрее, как вдруг Тоня остановилась и сказала: «Слушай! Ты слышишь, как звучит лес? Это ветер. Скоро лес будет звучать по-другому. Скоро придут предприниматели со своими железными молотками и будут бить по соснам, чтобы орехи падали. В это время лес зазвучит как оркестр. Эхо усиливает эффект. Иногда мне кажется, что лес плачет».

Я не понимала, что именно имела в виду Тоня, пока не увидела инструмент для сбора кедровых орехов. Это был деревянный молот длиной в два метра. Гоша взял его и несколько раз ударил по кедру. Дерево отозвалось, и шишки, полные орехов, упали вниз. Тоня добавила, собирая шишки с земли: «Слышите? Представляете, как звучит, когда много людей делают то же самое тяжелыми железными молотками? По звуку леса мы знаем, кто собирает кедровые орехи – местные жители или чужаки. Если звук тихий и слышен из разных мест, то это местный человек. Если он сильный и доносится из одной точки, значит, звук принадлежит дельцам». Тоня рассказала, что колот (длинный деревянный молот) кочует из одного места в другое. Хозяин колота хранит его в тайном месте, где его оставляют после сбора шишек. Этот секрет передается родственникам и друзьям. Другие не знают, где человек оставил свой колот. Однако они могут случайно найти его. В этом случае, если у них нет разрешения на его использование, они либо оставляют его, либо возвращают на то же место после сбора и стараются сохранить в тайне, что использовали его. Если кто-то находит колот, использует его и не возвращает обратно, это считается неэтичным поведением по отношению к хозяину колота. Особенно это касается тех случаев, как объяснила Тоня, когда дельцы поступают так, потому что им все равно, разобьют они колот или бросят его.

Помимо неправильного использования колота, местные жители помнят, как выглядят деревья после того, как посторонние люди побывали в лесу и собрали кедровые орехи. В основном дельцы используют железные кувалды, но этот метод повреждает и убивает деревья. Местные инструменты деревянные, и поэтому более щадящие деревья. Местные жители приносят деревянные молоты пешком, а чужаки используют грузовики, чтобы доставить железные кувалды в лес. Местные жители стараются не портить дере-

Рис. 1. Тоня и Гоша собирают кедровые шишки вблизи Акукана, 2007. Фото автора
Fig. 1. Tonya and Gosha collect pine cones near Akukan, 2007. Photo by the author

вья при ударах, «всякие» не думают о деревьях, а стараются ударить по ним как можно сильнее, чтобы получить как можно больше шишек. В этом, по словам Тони, и заключалась главная разница в подходе к сбору кедровых орехов.

Я сама попробовала ударить по кедру колотом. Гоша засмеялся и сказал, что надо найти для меня тонкое дерево. Я колотила по дереву несколько минут и наконец услышала звук, доносящийся из дерева, а потом шишки начали падать и разлетаться во все стороны. Тоня стала их собирать и, пока была этим занята, говорила: «Видишь, звук издает деревянный колот, а представь, если бы его сделали большим железным? Бедное дерево, оно же потом умрет, не сомневайся».

Гоша в это время сидел, курил и вдруг говорит: «Хорошее место, а вокруг медведи бродят, я только что видел одного, маленького пестуна (годовалый медведь). Пойдем, сфотографируем его?». Я сомневалась, что это хорошая идея, но Тоне, похоже, идея пришлась по душе. Однако медведя не было, и Гоша потом радовался этому: «Ну почему я такой глупый? Я хотел сфотографировать медвежонка просто так, нас было трое, медвежонок был маленький, а рядом могла быть и его мама! Это просто потому, что у нас теперь есть камера».

Наличие камеры стимулировало желание увековечить таежную жизнь и получить немедленный результат в виде смонтированного видео. Тоня и Гоша были готовы пойти на риск, чтобы получить немедленную видеопамять. Я не возражала, но позже пожалела, что доверилась их энтузиазму и уверенности. Это чувство появилось после того, как я услышала много историй о собирателях ягод, которые случайно встретили агрессивных медведей. Действительно, риск встретить медведя вблизи деревни вполне реален. Тоня вспомнила, что за день до того, как мы хотели сфотографировать пестуна, Люба Жигун тоже видела медведя недалеко от того места. Однако она не вернулась в деревню, а продолжала собирать немного ниже того места.

Гоша взял колот и продолжил извлекать звуки вместе с шишками из кедра. Мы с Тоней собирали шишки, пока сумка не наполнилась. Тоня радовалась: «Сегодня хороший день, пойдем обратно?». Хотя они устали, мы шли очень быстро, так как хотели как можно скорее добраться до реки и попить воды.

Действительно, разные отношения с тайгой обуславливают разные способы сбора кедровых орехов. Местные жители относятся к сбору кедровых орехов как к одному из основных видов деятельности в таежных ландшафтах. При сборе они проявляют такое же уважение к тайге, как и при охоте, поскольку тайга отзывчива и, по их представлениям, может контролировать человека.

У местных жителей есть свои сроки сбора в зависимости от количества шишек. Например, в 2008 году Николай Антонов обнаружил, что кедровые орехи можно собирать и весной. Это был хороший год для собирателей кедровых шишек. Он заметил, что кедровые орехи падают и при нормальных условиях переживают зиму. Он собрал несколько кедровых шишек и к своему удивлению обнаружил, что они пригодны для употребления в пищу. Это открытие вызвало новую волну собирательской жизни в деревне. Люди приветствовали новый сезон сбора и с удовольствием ели кедровые орехи и весной. Семья Коли была горда его открытием и счастлива от новой возможности получать больше орехов в год.

Дельцы не считают тайгу независимым агентом и используют ее для своего бизнеса. Тайга не может их контролировать, это может сделать только закон. Но если для местных жителей тайга всегда в курсе поступков и поведения людей, то для дельцов закон – это то, что можно игнорировать и обойти. Местные жители слабо верят, что закон может защитить тайгу от ущерба, который наносят дельцы, собирая кедровые орехи. Дельцы обычно нарушают официальные сроки сезона сбора и становятся кедровыми браконьерами. Официальный сезон сбора кедрового ореха начинается 5 сентября. Любой вид сбора кедровых орехов до этой даты является незаконным согласно государственному законодательству.

Нарушение регламента сроков сбора кедровых шишек, свойственное так называемым ба-

мовцам, заставляет местных жителей делать то же самое. Когда я спросила Гошу, почему местные жители собирают шишки раньше положенного срока, он ответил: «Потому что бамовцы так делают, мы тоже должны так делать. Если мы будем ждать и собирать в официальные сроки, мы ничего не соберем, бамовцы все заберут до нашего прихода!».

Тоня сказала, что на местном рынке они продают небольшое количество орехов по сравнению с чужаками. Когда она упаковывала шишки, то взяла одну шишку и выбросила ее со словами: «Это для бурундуков! Это наш вклад в их запасы. На самом деле, это их место, и им тоже нужна еда. Иногда люди разрушают норы бурундуков и забирают много шишек из их зимних хранилищ. Люди грабят бурундуков». Тоня сказала, что люди должны оставлять им что-нибудь, даже если сбор не очень удачен. Действительно, несколько бурундуков следовали за нами, когда мы собирали на их территории, и Тоня вернула им несколько шишек.

К кедровым шишкам неравнодушны не только бурундуки, но и медведи. Если год особенно богат кедровыми шишками, медведи держатся подальше от деревни, так как им хватает кедровых орехов в горах. Если же год для них неблагоприятен, они подходят ближе к деревне и собирают кедровые шишки вместе с людьми. Иногда медведи пытаются отпугнуть людей раздраженным ревом, но иногда они молча сопровождают их обратно в деревню. По словам Октябрины, медведи показывают, что тайга принадлежит не только людям. Они защищают свои территории, и люди должны помнить, что медведям тоже нужна пища.

Местные жители признают, что медведи и бурундуки имеют равные права на кедровые шишки. Дельцы заботятся только о собственной выгоде. Тоня убеждена, что если посторонние не будут оставлять кедровые шишки для медведей, последние спустятся ближе к деревне, и шанс встретить их вблизи человеческих поселений значительно возрастет.

Хотя колот является известным инструментом собирателей шишек, не все жители Холодной пользуются им. Например, холоднинские оленеводы собирают шишки «по дороге» к стаду или по возвращении к своему основному зимовью. Они не используют колот. Они забираются на дерево и трясут его. Некоторые шишки падают вниз, и другие участники действия собирают их с земли. По дороге к стаду оленефермы Номама, Яша предложил собрать шишки. Валера и Витя огляделись вокруг, чтобы найти тонкую сосну. Вдруг Витя увидел такую и быстро полез на дерево. Когда он достиг вершины дерева, то стал трясти его и кричать: «Иди сюда! Собери их, быстро! Они разбегаются!»

Оленеводы не продают шишки, как многие жители Холодной. Они собирают их в качестве дополнительного источника питания, скорее деликатеса. Вечером оленеводы сидят за столом, беседуют или смотрят телевизор. Они кладут на стол кедровые шишки, чистят их и едят орехи. Свежие орехи являются для них десертом. Они могут лакомиться орехами в течение дня во время перекусов. Яша рассказал мне, что на самом деле они едят не столько орехи, сколько саму тайгу: «Когда мы едим орехи, мы знаем, что собрали их в тайге своими руками. Они чистые, от природы. Нам они очень нравятся. Это здоровая и вкусная пища, это сама тайга и есть». Обычно они добавляют, когда едят собранную в лесу пищу: «В тайге грязи не бывает!».

Два разных отношения (местных жителей и приезжих) к сбору кедровых орехов приводят к двум разным пониманиям тайги. Для местных жителей сбор кедровых орехов должен быть деликатным процессом, поскольку люди не единственные заинтересованные лица в недревесных ресурсах. Люди признают, что делят тайгу с другими существами и должны помнить об их интересах. Кроме того, в сборе участвует и сам таежный ландшафт. Люди знают о его сезонной динамике и о реакциях других существ, вызванных ею. Сбор кедровых орехов находится под контролем ландшафта в широком смысле. Жители Холодной верят, что собирают относительно небольшое количество орехов по сравнению с так называемыми «всякими», и подобное отношение к промыслу

порождает представление о щадящем отношении к ресурсу и местам сбора, свойственное местным жителям.

С другой стороны, дельцы стоят особняком от контроля естественной динамики тайги и потребностей ее обитателей. Эта социальная когорта имеет свои собственные интересы и подходит к тайге как к пространству для работы. Такое отношение не дает тайге возможности ответить, что вызывает открытое осуждение местных жителей. Тайга молчит, но звуки промысла «всяких» дают сигнал местным жителям о том, что тайга страдает от чужих методов сбора кедрового ореха. Однако этот звук является сигналом только для местных собирателей, которые научились распознавать его и молча сопереживать ландшафту, сохраняя в памяти каждое небольшое изменение и разницу в отношении к партнеру альянса – таежному ландшафту.

Доступные и скрытые знания о хороших «ягодных пятачках»

Сбор ягод стал важной составляющей традиционных экологических знаний и промыслов эвенков Северного Байкала. Элемент секретности среди собирателей ягод Холодной относительно хороших ягодных мест является важным компонентом местных социально-экологических взаимодействий. Подобно локальносформированным принципам обмена знаниями о сборе лекарственных трав и кедровых орехов, хорошие ягодные места также держатся в секрете.

Ягоды составляют важную часть пищевого рациона жителей Холодной. Процесс сбора ягод представляет собой отношения с тайгой, которые местные жители установили благодаря длительной практике и воспоминаниям. Эта деятельность требует от людей обширных и скрупулезных знаний о ягодных местах и их динамике, умения приспосабливаться и быть чувствительными к самым незначительным изменениям окружающей среды. Кроме того, собирательство имеет много общего с культурным повествованием. Места, куда люди собираются отправиться на промысел, потенциально богаты ягодами, но возможно и разочарование. Собранные ягоды представляют собой не только продукт питания и реципрокации, но содержат рассказ о хороших или плохих местах, и о том опыте, который был получен во время сбора. Дальнейшая судьба ягод представляет собой продолжение нарратива.

Марина Арпиульева обычно смешивает разные ягоды в варенье и компоте. Также она просто оставляет свежую бруснику в банках, так как она долго остается пригодной в пищу. Зимой из свежих ягод она готовит варенье и варит фруктовые напитки. Варенье, засушенные или проданные на местном рынке ягоды включаются в расширенный локальный нарратив, связывающий социальные и экономические отношения с тайгой. Также, как и травы, ягоды никогда не выступают обезличенным продуктом потребления и обмена, но всегда наполнены нарративным смыслом и воспоминаниями, и воспроизводят культурные принципы социоприродного взаимодействия и этики.

В Холодной сбор ягод имеет большое значение почти для всего населения деревни, и у этого промысла есть своя история. Как вспоминает Октябрина, практика сбора ягод всегда имела большое значение для эвенков в этом районе. Эвенкийское название женщины-мастера по сбору ягод – *тывликак*. Кроме того, Октябрина связывает эту практику с женской активностью в эвенкийской культуре. Согласно рассказам, которые Октябрина узнала от своей матери, женщины могли охотиться, делать юрту, ухаживать за детьми и собирать ягоды. В отличие от них, мужчины охотились на соболей и полагались на длительные охотничьи сезоны. В любом случае, сбор ягод был преимущественно прерогативой местных женщин. Умелый собиратель ягод – ягодник должен делать это быстро и чисто, а наивысшего мастерства в сборе можно достичь, если человек умеет собирать ягоды обеими руками.

Октябрина и ее муж Захарыч – опытные ягодники. Они помнят, что раньше эвенки использовали для сбора ягод специальный инструмент – *биток*. Чтобы собирать ягоды битком, сборщик должен был быть очень хорошо обучен,

иначе он рисковал рассыпать ягоды. Октябрина вспоминает, что ее мать умела очень быстро собирать ягоды битком. Октябрина несколько раз пыталась освоить навык матери, но у нее ничего не получалось, и она решила продолжать собирать ягоды обычным способом: голыми руками. Биток используется в основном для сбора голубики и не подходит для других сортов ягод. Также в качестве контейнера для собранных ягод люди использовали *набирок* (маленькую берестяную корзинку). Люди вешают *набирок* на пояс или на шею, в зависимости от того, что удобнее в данной ситуации и для конкретного человека. Некоторые эвенки украшают *набирок* орнаментом. Когда *набирок* наполняется, сборщик опустошает его и перекладывает ягоды в большую березовую корзину – *потка*, которая привязывается к *поняге*. В настоящее время при сборе ягод люди используют разные виды поток, которые могут крепиться как к попоне, так и к рюкзаку. Кроме того, люди делают пластиковые *потки* из пластиковых бутылок из-под масла, купленных в местном магазине (рис. 2).

Сбор ягод требует времени на подготовку, несмотря на то, что люди обычно тратят не более одного дня непосредственно на промысел в лесу не слишком далеко от дома. Как правило, кроме инструментов, необходимые для сбора ягоды, помимо «тары» (москитной сетки, мази от комаров, пары перчаток и платка) люди обычно берут с собой в лес еду. Отсутствие еды может вызвать слабость в лесу и привести к тому, что вечером, когда собиратели подводят итоги рабочего дня, ягод будет меньше, чем ожидалось. Анна Ганюгина рассказала мне, что однажды она рассчитывала на небольшое количество еды и вернулась, к удивлению членов своей семьи, лишь с наполовину заполненной корзиной черники: «Я взяла только полхлеба и баночку сайры. Я думала, что этого мне хватит на весь день в лесу. Конечно, это было не так! В результате я осталась голодной и не могла собирать ягоды так, как обычно. Мама удивилась, когда я вернулся домой с таким маленьким ведерком ягод. Что ж, важно позаботиться о себе заранее, иначе вы рискуете потратить время впустую».

Рис. 2. Ученики Киндигирской школы собирают бруснику. Во время сбора они используют березовые корзины потки и пластиковые контейнеры, чтобы принести ягоды домой, 2007 г. Фото автора
Fig. 2. Students of the Kindigir school collect lingonberries. During harvest, they use birch baskets – potki and plastic containers to bring the berries home, 2007. Photo by the author

Собиратели Холодной иногда берут с собой чай, однако они предпочитают «варить чай» прямо в лесу. Поэтому они берут с собой чай и чайник, а не термос. Рита Арпиульева вспоминала, что Михаил Черных взял бутылку вина в подарок хозяину леса [брызнуть хозяину]. Рита рассказала, что они также часто приветствуют хозяина леса водкой. Они брызгают несколько капель водки в огонь и на землю, чтобы угодить духу леса и получить хороший ягодный сезон. «Я лично часто беру с собой бутылку водки, когда иду собирать ягоды. Собственно, почти все мои спутники так и делают. Это для хозяина тайги и для нашего развлечения. У нас не так много возможностей собраться вместе, и сбор ягод – одна из таких возможностей. В повседневной жизни мы слишком заняты, и нам очень трудно собрать людей в одном месте. Мы рады видеть друг друга в лесу, и почему бы не выпить вместе рюмку водки во время сбора ягод? Перед тем как начать собирать ягоды, мы всегда кипятим воду для чая. Приходим на место, делаем табор, раскладываем еду, разводим костер, завариваем чай, выпиваем по рюмочке водки и расходимся в разные стороны. К обеду собираемся снова. Быстро завариваем чай, едим еду, снова выпиваем водки и снова расходимся. Вот и все. Одной бутылки хватает на два глотка на пять-шесть человек».

Приветствие хозяина леса происходит только один раз в сезон сбора. После приветствия люди продолжают пить водку для удовольствия. Каждый человек индивидуально решает, приветствовать ли ему хозяина леса во время сбора. Некоторые вообще не пьют водку на ягодных местах, а некоторые собиратели подкармливают духа-хозяина каждый раз, когда наступает ягодный сезон.

Кроме так называемых «обычных наборов» ягод (брусника, черника, клюква), которые интенсивно собирают местные жители, они также поддерживают свое хозяйство ягодами рябины, жимолости, смородины каменной, смородины красной. В болотистой местности люди собирают морошку и ягоды шикши (*Émpetrum* – Lat.). Жители Холодной используют эти ягоды в медицинских целях, так как считают, что эти ягоды хорошо регулируют кровяное давление. Марина рассказала: «Мы варим варенье из шикши. Вообще-то шикшу собирают люди, у которых есть проблемы с кровяным давлением. Они хранят ягоды зимой. Люди с нормальным давлением обычно не едят шикшу. Ну, вы едите шикшу иногда, когда собираете другие ягоды. Когда вы видите ее, вы вспоминаете, что она полезна для здоровья, и берете ее. Шикша – редкая ягода. Вы можете найти ее случайно недалеко от деревни».

Районы Перевал и Номама считаются местами произрастания жимолости и шикши. Однажды, когда мы ехали в оленеводческое хозяйство Номама, Юра Черноев рассказал мне об уникальном свойстве жимолости, которая в тайге может заменить воду: «Смотрите, это жимолость. Вкус не тот, к которому мы привыкли: слишком горький. Однако она очень полезна для здоровья. Вы редко можете найти ее рядом с деревней. Используйте свой шанс и ешьте как можно больше по пути. Не забывайте также о шикше. Сейчас я хочу пить, поэтому мне нужно осмотреться и найти ее. Я слышал, что раньше эвенки скорее «пили», чем ели шикшу. То есть они ели ее, когда хотели пить, но воды рядом не было. Действительно, шикша очень водянистая. Если ее взять в руку и съесть, то жажда быстро утолится».

Настя и Женя впервые посетили оленеводческую ферму Номама, о которой были наслышаны. Они хотели собрать как можно больше черники. В качестве основных инструментов для сбора девушки взяли два больших молочных бидона. По дороге на оленеводческую ферму во время остановок для отдыха девочки внимательно смотрели по сторонам и оценивали, богаты ли эти места желанными ягодами. Настя с радостью узнала, что год выдался урожайным: «Этот год будет хорошим. Мы привезем домой много ягод. Медведи не агрессивны, так как у них много еды, поэтому они не будут нас пугать, надеюсь. Будет легко собрать и сварить варенье, если у ребят на ферме будет достаточно сахара».

Когда мы пришли на ферму, Настя и Женя взяли свои молочные бидоны и убежали искать

чернику. Когда они вернулись на ферму с полными бидонами, то сразу поделились ягодами со всеми. Они сварили варенье, а на десерт поставили на стол свежие ягоды. Как и подозревала Настя, у оленеводов на ферме не хватало сахара. Чтобы сохранить ягоды в надлежащем состоянии, Настя и Женя варили так называемое «временное варенье» с небольшим количеством сахара, которое потом они собирались переварить с необходимым количеством сахара по возвращении в Холодную.

Несмотря на то, что процесс сбора является общественным мероприятием, у собирателей есть и индивидуальные стратегии в поиске так называемых хороших мест в лесу. Собиратели распространяются по лесу обычно после того, как они достигли точки отправления вместе как группа. При этом они продолжают нести ответственность за безопасность друг друга. Когда Настя и Женя собирали ягоды, они время от времени оглядывались, чтобы проверить, все ли в порядке друг с другом. Если они не видели кого-то, то начинали громко звать друг друга. Настя была сосредоточена на сборе, и вдруг она поняла, что потеряла Женю из виду. Настя стала кричать, но Женя не отвечала. Настя начала волноваться за подругу. Она перестала собирать ягоды и попыталась найти Женю. Через несколько минут Женя закричала в ответ, и Настя почувствовала облегчение и успокоилась. Она упрекнула Женю, что та не ответила раньше, но Женя оправдывалась и говорила, что не слышала никаких звуков, так как была полностью погружена в процесс сбора. Девушки обменялись знаниями о качестве только что изученного места и дали друг другу советы о том, куда стоит или не стоит идти. Перед тем как снова разойтись по лесу, Настя сказала: «Женя, пожалуйста, будь осторожна. Я думала, что тебя медведь задрал! Будь ближе ко мне и отвечай, если я позову тебя. Иначе я буду волноваться за тебя, и это будет нехорошо для нас всех».

Сбор ягод состоит как из групповой, так и индивидуальной работы. С одной стороны, люди чувствуют ответственность за безопасность друг друга и успешные результаты промысла. С другой стороны, каждый собиратель имеет индивидуальную стратегию и полагается на тактические знания о том, как найти хорошие места и, возможно, сохранить их в тайне для личной выгоды.

Местные жители рассказывают истории о несчастных случаях, произошедших с собирателями, которые отправились в лес в одиночку или в паре. Например, весьма распространены истории о людях, которые собирали ягоды в местности, обитаемой медведями. Например, летом перед моей полевой работой, медведь убил двух ягодников в районе Дзелинды. Рита сказала мне: «Мы должны быть осторожнее при сборе ягод и смотреть по сторонам. Нужно собирать ягоды сообща».

Обычно такая ужасная история вызывает вопрос о правильном поведении при сборе ягод. Люди, которые неправильно ведут себя в лесу и игнорируют установленный этикет сбора ягод, входят в группу риска, как сказала мне Рита: «Я помню один случай. Одна женщина решила сохранить в тайне хороший пятачок. Мы вместе пришли в лес, но через некоторое время потеряли ее. Мы звали ее, но она не отвечала. Один из нас заподозрил, что она от нас прячется. В принципе, так бывает, если человек не хочет делиться хорошим ягодным пятачком. Наконец, когда мы вернулись на вокзал, она ждала нас там с полными корзинами. Мы спросили ее, где она была, но она отказалась отвечать. Это было обидно, ведь мы беспокоились, все ли у нее в порядке. Она боялась, что мы заберем ее ягоды. Она не понимала, что подвергалась риску! Вокруг бродят медведи или еще что-нибудь могло случиться! Таким поведением она могла сорвать все предприятие!».

Процесс сбора представляет собой, в числе прочего, соревнование с медведями за ягоды, аналогичное описанному выше соревнованию за кедровые орехи. Истории о медведях, случайно встреченных ягодниками, являются типичными нарративами, циркулирующими среди собирателей Холодной. У разных ягодников существуют разные представления о том, как избавиться от медведя, если они заметили его во время сбора ягод. Кто-то предпочитает шуметь и пугать медведя, кто-то молча уходит, а кто-то просто игно-

рирует присутствие медведя, продолжая сбор и постепенно отодвигаясь с его территории. Октябрина Лекарева вспоминает, как они с мужем встретили медведя, собирая бруснику недалеко от деревни: «Мы собирали бруснику, когда я почувствовал, что кто-то смотрит на меня. Я понял, что это, должно быть, медведь. Действительно, мы услышали рев медведя недалеко от нас. Мы решили не обращать на него внимания. Не стоит бояться медведя, иначе он может напасть. Мы просто продолжали спокойно идти и время от времени собирали ягоды. Мы услышали, что медведь преследует нас. Он перестал нас преследовать, когда мы уже почти дошли до деревни. Это случилось на перевале Акукан. Это место считается медвежьим. Вообще, ягодные места всегда находятся под контролем медведей. Мы делим его с ними и должны быть осторожны, но не пугаться. Нужно помнить, что они существуют и тоже любят ягоды».

Действие в соответствии с определенным набором этических норм является гарантом успеха в сборе ягод. Если человек присоединяется к группе в лесу, а затем пытается собирать ягоды в одиночку, это считается аморальным, поскольку рассматривается как саботаж коллективного духа собирателей. Как мне объяснили, в этой ситуации человек скрывает свой собственный опыт, но в то же время использует знания других. Когда человек не кричит или не отзывается в ответ, когда его зовут другие, все участники процесса начинают нервничать. В сознании собирателей сразу же появляются плохие мысли о медведях или несчастных случаях. В результате сбор может быть нарушен.

Хотя эгоцентричное поведение не является моральным в лесу из-за возможного риска, страх или паника также недопустимы. Если человек во время сбора иногда встречает медведя, он должен спокойно и уважительно покинуть территорию общих интересов и медленно без паники идти обратно в деревню.

Сохранение в тайне хороших мест более характерно для тех, кто в своем хозяйстве в значительной степени зависит от ягод. Например, Тулбуконовы являются настоящими специалистами по сбору ягод для продажи на местном рынке, а также снабжают односельчан, нуждающихся в ягодах. Более того, местные собиратели ягод конкурируют с иркутскими. Как отмечает Марина, люди из Иркутской области едут на Северобайкальский рынок, чтобы продать свои ягоды по справедливой и хорошей цене. Поэтому у Тулбуконовых есть свои подпольные ягодные места, куда они предпочитают ходить без сопровождения. Они бдительно соблюдают конспирацию своих лакомых мест, поскольку в основном полагаются на ягоды как источник дохода и пропитания. Тулбуконовы предпочитают не говорить много о хороших местах и обычно ходят за ягодами «под прикрытием», чтобы собрать ценное сырье отдельно от групп местных и «всяких» ягодников. Такая стратегия помогает семье держать знания о своих хороших местах в секрете и циркулировать только внутри семьи. В результате у них меньше потенциальных конкурентов.

Как утверждает Петя Тулбуконов, хорошие места меняются из года в год. Процесс поиска хороших мест начинается с воспоминаний о прошедшем сезоне сбора. После проверки своих хороших мест, собиратели пытаются найти новые, если их не устраивают уже проверенные места. Таким образом, знание о хороших местах является динамичным и непостоянным. Тактика поиска хороших мест вместе с техникой сбора – это более или менее индивидуальный опыт. Личное решение каждого – делать знание о хороших местах общедоступным или нет. В результате некоторые хорошие места остаются тайной для жителей Холодной.

Например, все жители села знают, что гора ЛЭП – хорошее место для брусники. Алум, или второй стан также известен как место, богатое брусникой. О том, что «Белый камень» – хорошее место для черники, знают не все жители села. Рита Арпиульева была разочарована, когда впервые увидела Белый камень: «Я ожидала чего-то более грандиозного. А камень совсем маленький и неприметный. Люди так много говорят о месте с Белым камнем, но на самом деле это не так интересно».

Ее внук Сема-кан тоже был расстроен: «Я тоже был разочарован. Я ожидал увидеть что-то большое и золотое». Вообще, ягодные места люди называют «полями», а работу по сбору ягод – «ходить на поля». Каждое ягодное место ограничено радиусом движения местных собирателей. В верхнем течении реки Холодная люди собирают бруснику в месте под названием Турив. Акукан также считается хорошим местом для сбора ягод. Если ягодник начинает сбор слишком рано (что особенно актуально для тех, кто хочет собрать редкие виды ягод, такие как каменная смородина и жимолость), это негативно оценивается остальными. Ягоды являются местной ценностью, и начало сезона сбора строго оговаривается. Сроки сбора зависят от погодных условий, которые в разные годы влияют на разные сорта ягод.

Знание ягодных мест также включает в себя знание того, какие ягоды нельзя брать из-за их несъедобности. Действительно, на Северном Байкале можно встретить ядовитые ягоды, такие как вороний глаз и волчья ягода [волчье лыко]. «Если съешь – сразу умрешь [копыта отбросишь]», – предупредил меня Сема-кан Младший, когда мы шли по лесу, и я заметила ягоды, которых раньше не видела. Люди избегают прикасаться к ядовитым ягодам и учат детей распознавать их и отличать от обычных.

Количество людей в группах собирателей может варьироваться от двух до двадцати человек, как вспоминает Рита. Кроме того, за ягодами ходят не только жители Холодной. В ягодных местах Холодной можно встретить людей из Кичеры, Северобайкальска, Нижнеангарска, Душкачана. Известные ягодные места привлекают людей даже из относительно отдаленных районов, таких как поселок Ангойский. Рита Арпиульева вспоминает, что примерно пятнадцать лет назад она с подругами ездила за черникой в Северомуйск (около 300 километров от Холодной) на поезде. В настоящее время популярными черничными местами являются Неручанда, расположенная в пяти километрах от села Кичера, и Дзелинда, находящаяся примерно в двадцати пяти километрах от Холодной по дороге на Кичеру. В этих местах собирают ягоды и мужчины, и женщины, но иногда у женщин и мужчин есть отдельные места для сбора ягод. Рита Арпиульева утверждает, что женщины обычно собирают ягоды в Дзелинде, а мужчины предпочитают ездить на сбор ягод в Неручанду.

Перед началом сезона сбора ягод, люди обращают внимание на погодные условия. Если лето будет достаточно теплым, жители Холодной могут начать собирать ягоды раньше, и наоборот. Поэтому некоторые места, которые запомнились как богатые на ягоды, могут превратиться в бедные. Как рассказала Рите Арпиульевой Валентина Черноева, то же самое происходит с обычно плодородными ягодными участками в районе реки Номама. Чрезвычайно холодные погодные условия стали причиной неурожая ягод. Хотя местные жители помнят даты начала сезона сбора, они полагаются на свой опыт, приспосабливаясь к погоде. Например, сезон сбора морошки начинается двадцатого июля и длится примерно две недели. Затем на смену морошке приходит сезон черники, который длится один месяц до начала сентября. Позже собирают и бруснику, и болотную чернику (голубику).

Дети очень любят есть черемуху, собирают ее с большим удовольствием и каждый год ждут, когда она созреет. Сема-кан Младший предложил мне собрать черемуху. Его бабушка Рита Арпиульева возразила. Она сказала, что сейчас не время для ягод, и он должен подождать, когда черемуха будет готова к употреблению. Однако Сема-кан Младший возразил в ответ и сказал, что черемуха уже достаточно черная и сладкая. Рита Арпиульева сказала, что по сравнению с прошлым годом, этот год действительно другой, и люди никогда не знают точно, когда наступит подходящее ягодное время. Мама Семы Марина сразу же попросила Сему взять мешок и принести черемухи домой. Взрослые тоже с удовольствием добавляют муку из черемухи в свою выпечку. В местном магазине пряники с черемухой очень популярны, и быстро раскупаются.

Выводы

Тайны ландшафтов эвенков-собирателей заключены в их альянсе. Собирательство является

важной традиционно-экологической и этноэкономической практикой, и включает в себя разнообразные отношения с местным ландшафтом и социальные отношения, которые я обозначила как альянс человека и тайги. Принцип совместного использования собранных ресурсов содержит элемент секретности. Коллективное использование ресурсов и взаимодействие с тайгой не являются идентичными процессами для местных жителей. Если обмен редкими лекарственными травами может быть моральным долгом, то обмен знаниями приемлем только среди близких родственников и друзей. Местные жители помнят негативные последствия, вызванные исключительно потребительским отношением «дельцов» в позднесоветский период, и эти воспоминания поддерживают идиому секретности, контролирующую социально-экологические взаимодействия и защищающую тайгу от нежелательных посетителей.

Существует локальное понимание различия между дельцами и местными собирателями, основанное на разной форме отношения к тайге. Местные собиратели используют деликатные методы и инструменты для сбора и заботятся как о тайге, так и о ее обитателях, которые также как и люди заинтересованы в подобных ресурсах. Опыт тайги включает в себя контакт с другими обитателями, кроме людей, и именно таким образом тайга контролирует местных собирателей. В отличие от них, дельцы не признают интереса нечеловеческих действующих лиц (акторов) так, как это делают местные жители, и поведение дельцов не поддается контролю морали реципрокации с тайгой, свойственной местным жителям.

Собиратели Северного Байкала – динамичная социальная категория. Охотники могут стать собирателями, когда нужны редкие недревесные ресурсы. Тайга разрушает строгие границы между категориями собирателей и несобирателей. Собирательством занимается практически все население Холодной. Формы взаимодействия с тайгой у собирателей – это результат их экологических знаний, индивидуального опыта пребывания в тайге и наблюдения за тем, как относятся к тайге при собирательстве иные категории «не местных».

Местные жители хранят эти различные формы отношения к тайге в своей памяти. Каждый раз, когда они собираются на промысел, они вспоминают эти формы взаимодействия и динамику тайги, вызванную ими. Принципы обмена знаниями зависят от ресурсов и моральных обязательств. Редкие ресурсы, такие как лекарственные травы, распространяются только среди жителей села. Знания о местах, где можно найти эти ресурсы, не являются тем, чем можно поделиться со всеми. Сохраняя эти знания в тайне, местные собиратели защищают тайгу от интенсивного использования чужаками.

Секретность – это инструмент контроля циркуляции и реципрокации экологических знаний в локальном социуме. Местные жители помнят, как менялась тайга. Хотя у них нет власти контролировать тайгу, они делятся тайной ландшафтов с конкретными членами сообщества, и эти знания становятся инструментом сохранения лесного ландшафта и этноэкономики. Хотя местные жители обеспокоены проблемой промысла пришлых собирателей, они знают, что их возможности ограничены. Местные знания и секретность являются результатом длительного союза между людьми и ландшафтом. Местные жители считают, что без связи с тайгой любое предприятие вряд ли будет успешным. Тайны ландшафтов, с одной стороны, просты – это богатые дикоросами, удобные места, отвечающие стандартам локальной культуры собирателей в рамках их традиционных экологических представлений. В этом случае, этнография затрагивает не только процесс создания секретности и раскрывает ее значимость для культуры, но и сам секрет, что социологи (см. Введение) полагали практически невозможным. С другой стороны, тайны ландшафтов – это незримая граница, умело сотканная для «всяких», заметных по следам, которые они оставляют в тайге (вспомните, например, поврежденные деревья и опустошенные места золотого корня). Эти следы становятся проблемой для альянса человека и тайги. Тайга удаляет «хорошие места», и «всякие» не могут найти тот же ресурс в том же месте в то же время, а местные жители разрабо-

тали системную стратегию, основанную на глубинном понимании лесной жизни, и преобразовали ее в тайну. У ландшафтов и людей на Северном Байкале свои секреты, а значит, их альянс устойчив и силен.

Библиографический список

Бойко А.К. Тайна и социальное: от антропологии конфиденциальности к социологии секретности // Социология власти. 2019. Т. 31. № 4. С. 112–138.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Ленинград: Наука, 1969. 304 с.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / пер. с франц. В. Земсковой; под науч. ред. Д. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018. 808 с.

Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. Т. 27. № 1. С. 173–200.

Сирагуза Л. Вепсские секреты: двуязычие, переключение кодов и практики сокрытия // Этнография. 2018. № 1. С. 185–194.

Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. Москва: Наука, 1969. 215 с.

Boas F. The Social Organization and the Secret Societies of the Kwakiutl Indians. Smithsonian Institution. United States National Museum. With 51 Plates. US Government Printing Office,. 1897. P. 313–738.

Davydov, V.N. Public health and folk medicine among North Baikal Evenkis. The healing landscapes of Central and Southeastern Siberia. David G. Anderson (ed.) Edmonton: CCI Press, 2011b. pp. 129–146.

Evans-Pritchard E.E. Mani, a Zande Secret Society. *Sudan Notes and Records*. 1931. Vol. XIV. Part. 2. Pp. 105–148.

Fondahl, G., Sirina, A. 2006. Rights and Risks: Evenki Concerns Regarding the Proposed Eastern Siberia – Pacific Ocean Pipeline. *Sibirica*, Vol. 5, No. 2, pp. 115–138.

Lindstrom, L. Secrecy. Anthropology of International encyclopedia of the social and behavioral sciences, 2015. Pp. 374–379.

Lowenhaupt Tsing A. The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins, 2015, Princeton University Press, Princeton, 2015, 352 pp.

Murdock, G.P. The current status of the world's hunting and gathering peoples. Richard B. Lee and Irven DeVore (eds.) Man the hunter: the first intensive survey of a single crucial stage of human development – man's universal hunting way of life. Chicago: Aldine Publishing Company, 1968. p. 13–23.

Murphy, W.P. Secret knowledge as property and power in Kpelle society: elders versus youth., Africa. 1980. Volume 50, Issue 2, pp. 193–207. DOI: 10.2307/1159011.

Simmel G. The sociology of secrecy and of secret societies. American journal of sociology, 1906, Volume XI.

References

Boiko A.K. (2019) Mystery and the Social: From the Anthropology of Privacy to the Sociology of Privacy. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of power.* Vol. 31. No. 4. P. 112–138. (In Russ.)

Vasilevich G.M. (1969) Evenki. Historical and ethnographic essays (XVIII – early XX century). Leningrad: Nauka. 304 p. (In Russ.)

Dyurkgeim E. (2018) Elementary Forms of Religious Life. Moscow: Elementary Forms. 808 p. (In Russ.)

Latur B. (2017) On the actor-network theory. Some clarifications, complemented by even more complications. *Logos.* Vol. 27. No. 1. P. 173–200. (In Russ.)

Siraguza L. (2018) Vepsian Secrets: Bilingualism, Code Switching and Hiding Practices. *Etnografiya = Ethnography.* No. 1. P. 185–194. (In Russ.)

Tugolukov V.A. (1969) Reindeer Riding Pathfinders. Moscow: Nauka. 215 p. (In Russ.)

Boas F. The Social Organization and the Secret Societies of the Kwakiutl Indians. Smithsonian Institution. United States National Museum. With 51 Plates. US Government Printing Office. 1897. P. 313–738.

Davydov, V.N. (2011b) Public health and folk medicine among North Baikal Evenkis. The healing landscapes of Central and Southeastern Siberia. David G. Anderson (ed.) Edmonton: CCI Press, pp. 129–146.

Evans-Pritchard E.E. Mani, a Zande Secret Society. *Sudan Notes and Records*. 1931. Vol. XIV. Part. 2. Pp. 105–148.

Fondahl, G., Sirina, A. 2006. Rights and Risks: Evenki Concerns Regarding the Proposed Eastern Siberia – Pacific Ocean Pipeline. *Sibirica*, Vol. 5, No. 2, pp. 115–138.

Lindstrom, L. Secrecy. Anthropology of International encyclopedia of the social and behavioral sciences, 2015. Pp. 374–379.

Lowenhaupt Tsing A. The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins, 2015, Princeton University Press, Princeton, 2015, 352 pp.

Murdock, G.P. The current status of the world's hunting and gathering peoples. Richard B. Lee and Irven DeVore (eds.) Man the hunter: the first intensive survey of a single crucial stage of human development – man's universal hunting way of life. Chicago: Aldine Publishing Company, 1968. p. 13–23.

Murphy, W.P. Secret knowledge as property and power in Kpelle society: elders versus youth., Africa. 1980. Volume 50, Issue 2, pp. 193–207. DOI: 10.2307/1159011.

Simmel G. The sociology of secrecy and of secret societies. American journal of sociology, 1906, Volume XI.

No. 4, pp. 441–498.

Taussig, M. Defacement: Public Secrecy and the Labor of the Negative. Stanford: Stanford University Press. 1999. 328 p.

Сведения об авторе

Симонова Вероника Витальевна,
доктор антропологии (Ph.D.), кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этносоциальных и этноэкономических исследований геосистем,
Академия Наук Республика Саха (Якутия),
677007, г. Якутск, пр. Ленина, 33, Россия,
руководитель Центра Арктических и Сибирских Исследований Социологического Института,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская 25/14, Россия,
✉ e-mail: siveronika@yandex.ru

Заявленный вклад автора

В.В. Симонова выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 23 апреля 2021 г.

Поступила после рецензирования и доработки 23 мая 2021 г.

Принята к публикации 7 октября 2021 г.

No. 4, pp. 441–498.

Taussig, M. Defacement: Public Secrecy and the Labor of the Negative. Stanford: Stanford University Press. 1999. 328 p.

Information about the author

Veronika V. Simonova,
Ph.D. in Social Anthropology, Cand. Sci. (Sociology),
Principal Investigator at the department of Ethnosocial and ethnoeconomic research of geosystems,
Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia),
33, Lenin Avenue, Yakutsk 677007, Russia,
Head of Centre of Arctic and Siberian Exploration at Sociological Institute,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
25/14, 7th Krasnoarmeiskaya street, St. Petersburg 190005, Russia,
✉ e-mail: siveronika@yandex.ru

Contribution of the author

V.V. Simonova carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received April 23, 2021.

Received May 23, 2021.

Accepted October 7, 2021.

Original article / Оригинальная статья
УДК 39
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-79-95

The Revival of Reindeer Herding in the North Baikal Highlands, Republic of Buryatia

© John P. Ziker

Boise State University, Boise, USA

Abstract: This paper summarizes work with two Evenki reindeer herding collectives in the Severo-Baikal'skoe nagor'e in July, 2010. Ethnographic work with reindeer herder groups Oron and Uluki, both established in the early 1990s in the Kholodnoe community, highlighted two variations on the traditional Evenki approach to reindeer herding evincing numerous commonalities. Both groups relied on natural and human-made features of the landscape to habituate reindeer to areas where reindeer herding had been abandoned for close to 20 years. Reindeer herders and reindeer mutually determine seasonal and daily mobility patterns, and reindeer herding activities are leveraged to conduct big-game hunting and furbearer trapping activities in fall and winter. Hunting and trapping provides reindeer herding personnel with important sources of cash. The Uluki obshchina had grown their reindeer herd to a point by 2010 where they were able to slaughter some reindeer for meat sales, while the Oron obshchina kept a small reindeer herd. This paper presents some of the traces uncovered on the landscape relating to reindeer herding and discusses the rationale behind the revival of reindeer herding in modern times and the sustainability of this traditional Evenki activity. Confirmation of identity and land claims in addition to the material benefits of reindeer herding and hunting may be among the reasons for the reestablishment of reindeer herding in the 1990s.

Keywords: Evenki, ethnoarchaeology, sustainable development, indigenous rights, land claims, mixed economy, mobility, obshchina, reindeer husbandry

Acknowledgements: The author would like to give thanks for the support of A.V. Kharinsky, the Laboratory for Ancient Technology, friends in Severobaikal'sk, Kholodnoe, and obshchinas Uluki and Oron. Appreciation is given to Shelanda Kujala and Karl Mertens for editorial comments. This research was supported by the National Science Foundation of the USA under grant number ARC 0631970, part of an international collaborative project Home, Hearth and Household in the Circumpolar North.

For citation: Ziker J.P. (2021) The Revival of Reindeer Herding in the North Baikal Highlands, Republic of Buryatia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 79–95. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-79-95

Возрождение оленеводства в Северо-Байкальском нагорье, Республика Бурятия

© Дж.П. Зайкер

Государственный университет г. Бойсе, США

Аннотация: В данной статье обобщается работа с двумя эвенкийскими оленеводческими коллективами в Северо-Байкальском нагорье в июле 2010 года. Этнографическая работа с оленеводческими группами Орон и Улуки, основанными в начале 1990-х годов в поселке Холодное, позволила выделить две вариации традиционного эвенкийского подхода к оленеводству, обнаруживающие множество общих черт. Обе группы полагались на природные и антропогенные особенности ландшафта, чтобы приучить оленей к местам, где оленеводство было оставлено почти на 20 лет. Оленеводы и олени взаимно определяют сезонные и ежедневные модели передвижения, а оленеводческая деятельность используется для проведения охоты на крупную дичь и отлова пушных зверей осенью и зимой. Охота и отлов рыбы являются важным источником дохода для оленеводов. Улукская община к 2010 году вырастила свое стадо оленей до такой степени, что они смогли зарезать несколько оленей для продажи мяса, в то время как Оронская община держала небольшое стадо оленей. В данной статье представлены некоторые из обнаруженных в ландшафте следов оленеводства и

обсуждаются причины возрождения оленеводства в наше время и устойчивость этого традиционного вида деятельности эвенков. Подтверждение личности и притязания на землю в дополнение к материальным благам оленеводства и охоты могли быть вескими причинами для восстановления оленеводства в 1990-х годах.

Ключевые слова: эвенки, этноархеология, устойчивое развитие, права коренных народов, земельные претензии, смешанная экономика, мобильность, община, оленеводство

Благодарности: Автор благодарит за поддержку А.В. Харинского, Лабораторию древних технологий, друзей в Северобайкальске, Холодном, общинах Улуки и Орон. Благодарность выражается Шеланде Куяла и Карлу Мертенсу за редакционные комментарии. Это исследование было поддержано Национальным научным фондом США в рамках Гранта ARC 0631970 в рамках международного совместного проекта «Дом, очаг и домашнее хозяйство на циркумполярном севере».

Для цитирования: Зайкер Дж.П. Возрождение оленеводства в Северо-Байкальском нагорье, Республика Бурятия // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 79–95. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-79-95

Introduction

This paper considers the reestablishment of reindeer herding in an Evenki community near the northern shore of Lake Baikal in eastern Russia's Republic of Buryatia. Evenki people are known for their small-scale reindeer herding in taiga environments across central and eastern Siberia (Anderson, Ineshin, and Ziker, 2011; Mertens, 2016; Sirina, 2006; Turov, 2010). This style of herding is well suited to the environment and complements other traditional subsistence activities, such as big-game hunting and hunting and trapping of furbearers. Reindeer herding in the taiga requires frequent seasonal and daily movement, and the technologies herders use for living alongside reindeer are readily accessible. Evenki make use of natural features in the landscape and vernacular elements of the built environment as they establish pastures and seasonal migration routes jointly with the reindeer. Evenki herders also make use of the relics of Soviet industrial exploration and rural economic development, as well as modern technology as it becomes available to them.

In July, 2010 Artur Kharinsky and I completed a joint ethnographic and ethno-archaeological expedition to the reindeer herders of the north Baikal highlands. We visited the community of Kholodnoe in proximity to the Baikal-Amur Mainline (BAM), near the northwest shore of Lake Baikal. We worked with Volodya Zhigun, a local hunter/driver from Kholodnoe (*selo*), and Andrei Panfilov, a videographer from Irkutsk. We traveled up a dirt road that runs alongside the Kholodnaya River (*reka*), and we spent a week with two reindeer herding groups in the mountains northeast of the village. Our main focus for the expedition was to conduct an ethnoarchaeological survey of reindeer herding. What were natural and human-made markers of reindeer herding, the technologies and management strategies involved in reindeer herding, and overall the role of reindeer herding in the modern mixed economy of Evenki in this community? Another research question had to do with the reasons for the revival of reindeer herding in this community. Why, following a twenty-odd year break after the loss of reindeer herding in the 1970s, did people in this community reestablish reindeer herding? We set out with the recognition that reindeer domestication is a long-duration process and with an interest in how Evenki reindeer pastoralists and hunter/trappers sustainably develop and maintain reindeer herding in modern times.

After a brief introduction to the development of indigenous rights in Siberia in the 1990s, I introduce the reindeer herding collectives (*obshchina*) in the highlands (*nagor'e*) north of Kholodnoe. Next, I discuss the movements, overall economic activities, personnel, and technologies involved in reindeer herding by two obshchinas in Kholodnoe. Partly, this survey is presented to understand what might be expected in terms of the traces of reindeer herding that remain on the landscape. Finally, I discuss the multiplicity of reasons for the revival of reindeer herding in this region and issues relating to sustainability.

Reviving reindeer herding in the 1990s

Early in the 1990s, an edict issued by then President Boris Yeltsin set the stage for land claims and revitalization of traditional economic activities by indigenous peoples across Siberia. Much has been written about the Russian federal legislation and the implementation of that legislation across regions, including the Republic of Buryatia (Fondahl, 1998; Fondahl, 2018), which had one of the first regional programs. That program enabled Evenkis from Kholodnoe to establish obshchinas which could apply for a land allotment on which to pursue traditional activities. The regional laws and institutional frameworks in Buryatia were similar to those found in other regions, such as Taimyr (Ziker, 1996; Ziker, 1999; Ziker, 2002a; Ziker, 2002b; Ziker, 2003), Chukotka (Gray, 2005), and Yamal (Stammler, 2005).

In Kholodnoe, two groups formed in the early 1990s – obshchina Uluki' and obshchina Oron – which were both still active during our visit in 2010. A number of anthropologists have worked in the Kholodnoe community in recent years and have reported on human-animal relations and mobility (Davydov, 2014a), identity and place-based identity (Fondahl, 2018; Simonova, 2012), and fishing practices (Davydov, 2014b). When considering the revival of reindeer herding here, this paper takes into account the cultural landscape and the traces of reindeer herding on the landscape.

Oron, with its main base at Pereval (meaning "pass"), utilized a partially-abandoned geological expedition station in proximity to the Tyia River, about 50 km northeast of Kholodnoe. At the time of our visit Oron had around 30 reindeer and one full-time herder. Pereval is located on a relatively gentle ridge separating the Kholodnoe and Tyia river drainages, both of which empty into Lake Baikal to the southwest. One of the brothers heading up the Oron obshchina, Aleksei Ganyugin, told us during a meeting in Kholodnoe how reindeer herding had pretty much died out in the area around the time of the construction of the BAM in the 1970s. However, big-game and fur-bearear hunting continued. Interestingly, Oron obtained their herd by capturing feral domestic reindeer in one of the nearby valleys. The identification of these reindeer no doubt occurred during fall and wintertime hunting activities. While we had limited interaction with the head of Oron, we did visit Pereval, and spent a day with Georgiy Lekarev, the herder looking after the reindeer. Georgiy was spending most of the year in Pereval, and in winters focusses on hunting big game and furbearers along the Tyia River and more than a half dozen lateral tributaries on both sides. He sketched out the trails he set up and checked traplines, along with were 3 "bases" (*baza*) and 4 "winter huts" (*zimov'e*).

The Oron reindeer were very tame, allowing us to approach and make physical contact. Georgiy had a small, semi-open barn, where he had a small smoke-fire (*dymokur*) and the reindeer congregated. The facilities at Oron included some structures and artifacts demonstrating traditional lifeways, including a bark-covered *chum* (conical dwelling), that could be used for educational purposes. Georgiy also showed us his reindeer sledge and equipment. He made the sleigh runners from larch, the verticals and handles from birch, and the cross bars from *talnik* (willow). His backpack was also a traditional hand-made design called a *poniaga*.

We spent most of our time with obshchina Uluki, managed by the Chernoyev brothers Yuri, Yasha, and Pavel. The brothers' father established Uluki, having received a loan and purchased reindeer in the village of Chara, Chita oblast' in 1992. He transported the deer to Kholodnoe by rail and then by truck up to the area near the old village Chaya. Uluki herders spent years acclimatizing their reindeer to their new surroundings, and by 2010 had a large herd of approximately 600-700 deer (Davydov, 2014a; Davydov, 2014b). The technologies they used for this acclimatization were still visible on the landscape. With such a large herd, there was considerable work involved in keeping the deer from wandering and protecting them from harm by predators.

Reindeer herding at obshchina Uluki

The reindeer pastures of the Uluki community are located in a wide montane valley that contributes to two watersheds: the Kholodnaya and Chaya Rivers. In the western part of the Uluki territory, Lake

Kholodnoe drains north and turns west and then south near Pereval before running south ~50 km to join Lake Baikal. In the center of the Uluki territory the Asektamur flows out of two small lakes just below Mt. Inyaptuk (Fig. 1), which forms the northern boundary of the territory. The territory also includes the Nomama River, which flows north out of the picturesque and fjord-like Lake Nomama in the southern part of the territory (Fig. 2). The Nomama River joins the Asektamur River, which flows east and joins the Chaya River. In the eastern part of the valley, the Chaya River flows northwest and eventually joins the Lena. The Uluki community leased their parcel of 206,236 hectares for a period of 25 years. Previously, these lands were used by the Kholodnensky branch of koopzveropromkhoz (KZPH), and prior to that, the area was part of the "2nd Five Year Plan" kolkhoz (Fondahl, 2018). Prior to the construction of the BAM, the kolkhoz reportedly had approximately 2000 reindeer.

The sites of reindeer herding

There is an all-season base with two log cabins and several outbuildings on the right bank of the Nomama River, a summer mustering ground and smudging area (*dymokur*) located on the left bank of the northern channel of the Nomama, winter huts Ban'ka and Buldushkit (also called "Airport" or "Fazenda") on the left bank of the Chaya River, and winter base at the location of a former geological expedition on the right bank of the Chaya River. The territory also had a number of *zimov'e* where they might spend a night or two while hunting or trapping in the fall and winter. The *dymokur* is located 1.4 km west of the all-season base, and it had not changed location since 2003. The area where it is located is also called Dymokur (Fig. 1). Initially, the reindeer herders lived at Dymokur in a tent, then in 2006 they built a yurt, and in 2009, they built a zimov'e. The logs of that zimov'e were obviously still fresh in 2010.

The number of resident reindeer herders varies. During summer 2010, two people were living at Dymokur and two people lived at the Nomama base. Typically, the group is led by one of the representatives of the Chernoev family which manages the obshchina. In July 2010 Yakov Chernoev

Fig. 1. The summer mustering area at Dymokur with Mt. Inyaptuk in the background
Рис. 1. Летний сбор возле дымокура на фоне горы Иняптук

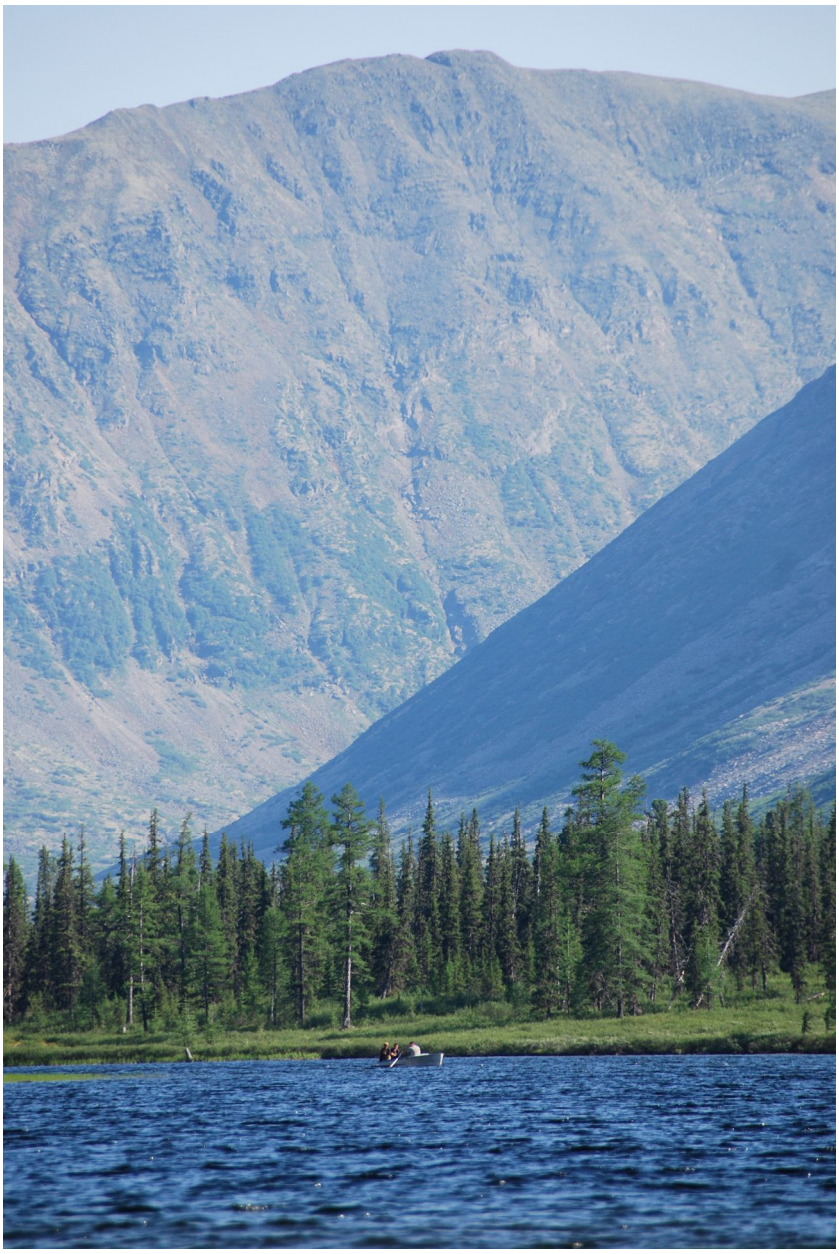


Fig. 2. Reindeer herders taking a fishing break on Lake Nomama
Рис. 2. Оленеводы на рыбалке на озере Номама

lived in the base with helper Vladimir Agdyreev. At Dymokur were Alexei Tulbukonov and Valera Tulbukonov.

Dymokur is dominated by Mt. Inyaptuk, located directly opposite the Asektamur on the northern part of the Uluki territory. Inyaptuk is the highest mountain peak in the system of the North Baikal highlands, reaching a height of 2578 m at the summit. The mountain is legendary among the Evenki, and is associated with supernaturally-caused (mis-)fortune. Inyaptuk is symbolically important and part of the cultural landscape for the Evenki.

Seasonal and daily movements of reindeer

The reindeer pasture area of the Uluki community covers the area surrounding Dymokur, where they spend most of their time in the summer, as well as areas where the herd ruts, calves, and winter pastures. Since 1992, when the reindeer were first released in the Nomama area, the herd has

mastered the grazing lands nearest to the human bases, and developed a seasonal migration route. Like other reindeer in the region, they tend to move in the same way from year to year using the same seasonal pastures (Kharinsky and Ziker, 2013).

Usually, the calving area for the reindeer of the Uluki community is in the vicinity of the winter hut at Buldushkit, (the "Airport"), a flat and relatively bare area, on the left bank of the Chaya River. In 2010, however, calving took place further east, near the winter base on the right bank of the Chaya River. When the fawns are born, the herders catch and tie them to short posts, so their mothers do not go far. Many posts were visible at the Buldushkit site. The fawns are fed salt, birch twigs, and moss. Thus, they gradually get acclimatized to people. The herd stays at the calving site until the warble fly (*Hypodermatidae oestridae*) appears.

When the herd migrates to Dymokur, the fawns are no longer tied. However, care is taken so that the reindeer do not trample the smudge fires, which can cause fatal sores on the soft part of the hoof. In some years, the herd begins to move down the Chaya River even before the onset of heat, and then climbs up the Asektamur River. In that case the herd is accompanied by herders, who spend nights near them in a tent. In the Asektamur drainage ice patches remain into July and are large enough for the whole herd to muster. The deer love to lie on them, fleeing from the summer heat. We observed the herd mustering on one of these large ice patches as part of their daily round. Some of the reindeer reportedly become overcooled when they do this, and fall ill with pneumonia. As a rule, such deer are no longer recoverable, and they are slaughtered for meat.

During the summer, the deer otherwise keep fairly close to Dymokur. Their movements cover the broad lower reaches of the Asektamur River and the lower reaches of the Nomama River. On a sunny day they hide from the warble flies at the smudging area, and at night they go to graze, climbing the Nomama. When it rains, there are no warble flies, and the deer leave the smudge fires, scattering through the pastures (Fig. 3).

Early in July 2010 the herd went to the Baldushkit area (Airport) and stayed there for about a week until

Fig. 3. Reindeer leaving the smudge fires at Dymokur
Рис. 3. Олени выходят из под едкого дыма костров дымокура

they were driven by the herders to Dymokur. The herd is usually driven by three people. One goes behind and two on the sides so that the deer do not scatter. Sometimes, after being scared by a predator, deer can run far.

On July 24, 2010, we tracked the movement of the reindeer throughout one day. At night, reindeer grazed in the Nomama valley. At 7.30 a.m. they crossed the eastern channel of the Nomama 300 m northeast of the base and descended to Asectamur river. At 8.00 am Aleksei Tulbukonov set up three smokers, and the deer began to assemble at the smudging area. Soon the sky was overcast with clouds, and a breeze blew, there were fewer warble flies. By 14.00 most of the deer were laying down at the smoker, and only 20 of them stood. Aleksei spread salt in hand-cut troughs adjacent to the smudging area. One by one they came to lick the salt. At 14.05 it started to rain, at 14.15 it intensified. The deer started to diverge from the smudging area. A third of the deer went to graze on a hill 300 m west of smokers, and two-thirds went down to the mouth of the Nomama. At 14.45 the rain stopped. About 15.00 Aleksei went to add fuel to the smudge fire. About half the herd (194 deer) approached the smudge fire, while the other part remained on the banks of the Nomama. At 15.25 Aleksei again went to throw firewood into the smudge fires. After about 10 minutes, the second part of the herd, which in total consisted of about 400 deer, came to the smudge area. At 16.00 it started raining again. The deer lay down. At 16:20 the rain intensified and almost all the animals left from the smokers to the western hill. At 16.35, 6 deer were left at the smudge fire. At 16:40 there were two deer left, at 16:50 they all left. It rained until evening, and the deer on this day did not return to the smokers.

Usually, the rut of the Uluki reindeer takes place on the Chaya River in the Baldushkit area. Fawns are again tied to posts driven into the ground to prevent the herd from scattering. The does do not abandon their fawns, and the remaining deer do not go far. In 2009, the rut took place near the Dymokur. It began in mid-September and lasted two weeks. After about a week, wild reindeer bulls began to approach the herd. The reindeer herders tried to shoot them. Usually, during the rut, wild reindeer let you get close enough, sometimes up to 30 m. Wild reindeer are distinguished from domestic reindeer, according to their habits. In addition, they are larger than domestic deer, and their horns are not cut off. The herders say that before the deer mates with a female, they do not shoot, because his meat has the smell of the semen.

For some time, Uluki reindeer have not been specially driven to winter grazing areas. The deer chose where they wanted to graze. In the first years, the reindeer of the Uluki community went to graze on Lake Nomama in the winter. The reindeer herders lived at the base at Nomama, sometimes looking after animals. Beginning in 2000, the herders started to drive the reindeer east to the Chaya River (Fig. 4). For two years, the reindeer were accompanied by people. Five or six castrated males were led ahead, so that others could see them, and the remaining deer followed. After that, the reindeer began to walk on their own to winter pastures along the Chaya River.

Bears are the most troublesome in the summer, when they harass and kill fawns and yearlings. Therefore, the herders have set up a series of large snare traps distributed throughout their territory. The snares are typically set up at the base of a tree and covered with a small hutch made from spruce limbs (Fig. 5). Bait is placed inside the hutch and the bear must enter on one or the other end where snares are set up. Uluki was losing deer almost every day during the summer of 2010 due to predators. This trend continued for several years and Davydov (Davydov, 2014a; Davydov, 2014b) reported that the herd had dwindled 7-fold by 2013 due to predation.

Life-activities of reindeer herding and hunting

Reindeer herders spent most of their summer watching after the reindeer mitigating predators. In fall, as the rut begins, hunters can also start to focus on hunting wild reindeer attracted by domestic females, as well as elk (*izubr'*), moose, and bear. Georgiy Lekarev at Oron treated our party to dried, smoked bear meat. At Uluki they hunt big game to eat and to sell for meat. In 2010 the Chernoyev brothers decided how many reindeer they would slaughter depending on how many wild animals they kill, and

Fig. 4. Reindeer herding base at the Chaya River
Рис. 4. Оленеводческая база на реке Чая

Fig. 5. A bear trap near the lower Nomama river
Рис. 5. Медвежья ловушка в нижнем течении реки Номама

considering the success of the herd in reproduction. In addition to big game hunting, the Ululi herders trap sable and squirrel during the winter. They keep several dogs that they use for this purpose. During the summer of 2010 the dogs were tied up to stakes and held in an enclosed area adjacent to the buildings at the Nomama base camp. Purchased food and winter supplies are kept in raised storage sheds (labaz). These sheds provide some protection of supplies from bears and other predators (Fig. 6).

Personnel of reindeer herding

In July 2010 at Uluki Yakov Chernoev lived in the base and Vladimir Agdyreev helped him. At Dymokur Alexey and Valera Tulbukonov were working actively with the reindeer herd, keeping the smoke fires going, spreading salt, and investigating missing reindeer. Alexey and Valera did not own any deer. They received payments and food for their work. Similarly, at Oron, Georgiy Lekarev spent most of the winter hunting and trapping, and these hunting and trapping activities are the main source of his income (Fig. 7).

Technologies

The technologies of reindeer herding rely on both human-made and natural features. For example, the smudging area at Dymokur contained several smoke-fires that were protected by log tripods, so that reindeer would stay away from the fires. The smudging area also had long logs with troughs cut to be used as salt licks. The posts used to tie reindeer fawns are of local manufacture.

Uluki herders often used salt to attract reindeer back to the smudging fires at Dymokur during summer 2010. In fact, Uluki had recently purchased three tons of salt in 2010, and it was being stored at Yuri Chernoyev's house in Kholodnoe.

Features of the landscape, such as ice patches, are utilized in the technologies of reindeer herding. The seasonal migration that the herders and reindeer have mutually determined over the years sets the reindeer to pasture at a lower elevation and more protected part of the valley in wintertime and a higher, more open areas nearer to Mt. Inyaptuk in the summer. Mt. Inyaptuk is an important feature of the landscape that imbues this area with a cultural

Fig. 6. An elevated storage room (labaz) needed to keep bears out
Рис. 6. Надземное хранилище (лабаз), необходимое для защиты от медведей

Fig. 7. Hunter Vladimir Agdyreev with a poniaga backpack leaning against the tree
Рис. 7. Охотник Владимир Агдыреев с рюкзаком-понягой, прислонившийся к дереву

and spiritual importance.

One day in Uluki we hiked with Yasha Chernoev in a large circle around the Nonoma camp to the Asektamur River and back to visit a number of old campsites and smudge camps. The first site we visited did not seem very recent but the Uluki group had used it a year ago in the fawning season (Fig. 8). We also saw two fenced in tent sites that were from the kolkhoz period. The arrangement of these sites was similar to the current site at Dymokur. Yasha told us that the fenced-in ground is necessary in summer to keep the deer out of the tent area because they gather so tightly. The last site we visited was a summer mustering area that was used by the Uluki group in 1996 and 1997 (Fig. 9). They had repaired the fence and made some other modifications to an earlier site. About 25 meters west of a fenced-in area was the actual smudging ground. They had numerous posts in the area to tie up fawns in the fall, so they would not wander.

Smudge fires require a significant amount of fuel. In summer 2010 we observed Yasha and his group and helped cut and load firewood on a large flatbed truck. The cutting was done with a chainsaw. The load was returned to Dymakur and unloaded. Other modern technologies in use by the Uluki group included a

Fig. 8. Tent site used the previous year
Рис. 8. Место для палатки, использованное в прошлом году

Fig. 9. Mustering ground from 1996-7 at the lower Nomama River
Рис. 9. Промежуточный полигон 1996–1997 гг. в нижнем течении реки Номама

satellite phone, so that the reindeer herders could call into their families in the village. Both Uluki and Oron use a road constructed during the Soviet period, and sometimes rely on truck drivers connected with mineral extractive industries to get back and forth between their parcels and the village.

Rationale and sustainability

We considered a number of reasons for the revival of reindeer herding among Severo-Baikalsky Evenki, ranging from more abstract reasons such as identity and status to more material reasons including strengthening or justifying land claims, transport, source of meat, government subsidies. In fact, the revival of reindeer herding was probably due to a combination of these, and possibly, other factors.

There was an initial conflict over the reindeer herding territory now occupied by the Uluki obshchina. The owners of the Oron obshchina were initially using this area and had a winter hut and underground freezer (Fig. 10) by the road at the turnoff to Dymokur and another camp at the old village Chaya. When Uluki was created the Oron founders were forced off this area and moved to the Tyia River valley to the northwest. Both groups had ancestors who had worked in kolkhoz which was centered near the Chaya River. Similarly, the Tulbukonov reindeer herders at Uluki were reportedly descended from the family of the well-off Evenk Tulbukonov, who had a large herd and mastered these lands prior to collectivization in the 1930s.

During a walking survey around the Nomama base camp north to the Asektumur River, we documented numerous relics of reindeer herding from earlier times including fences (Fig. 11), tent platforms, smudging areas, underground freezers (Fig. 12) and other features (Fig. 13). Thus, there was likely a family identity associated with being a reindeer herder, much akin to that of being a part of a family business in the West, for all these individuals.

Being a partner of an obshchina likely also has status benefits within the community. Kholodnoe is a community of hunters and fishermen. Partners and members of obshchina have direct access to lands where they hunt big game and furbearers in the fall and winter. It was apparent that most of the activity in

Fig. 10. An abandoned underground freezer (merzlotnik)
Рис. 10. Заброшенный подземный морозильник (мерзлотник)

Fig. 11. A section of old fence ostensibly from the kolkhoz period
Рис. 11. Участок старого забора, по-видимому, колхозного периода

the fall and wintertime was geared toward hunting big game and furbearers with numerous firearms and discussion of areas where each hunter sets up and checks traps. These hunting activities not only provide meat to the hunters and their families in the village, but also provide the identity of being a hunter alongside whatever status that identity confers within the community.

Reindeer are harnessed to sleds to move meat and supplies about, especially in wintertime. Not many deer are used in this fashion and the weight of supplies is limited to ~50 kg (Davydov, 2014a; Davydov, 2014b). However, the deer are self feeding and are advantageous for certain types of hunting because they are quiet (Mertens, 2016). Reindeer also provide meat in limited amounts for Uluki. Depending on the reproduction of the herd and predation pressure, some monetary benefit was likely gained by the obshchina from selling reindeer meat. After our visit to the area in 2010, Davydov (Davydov, 2014a) reported a significant increase in predation on the reindeer along with shifts in personnel in both obshchinas. Slaughtering reindeer for meat was no longer tenable at least until the herd numbers recovered.

Government subsidies are available to reindeer herders, based on the number of reindeer annually reported in the herd. The subsidies may result in

Fig. 12. An old merzlotnik, probably from kolkhoz times or earlier
Рис. 12. Старый мерзлотник, вероятно, из колхозных времен или ранее

overreporting. In any case, regional Buryat government subsidies are an important incentive to consider in understanding the revival of reindeer herding and maintenance of reindeer herds in modern times.

Reindeer herds may strengthen or justify land claims in an area that contains a large number of hunting parcels, some of which are assigned to non-Evenki hunters. The Oron and Uluki territories are relatively large, and they offer a lot of opportunities to set up trap lines for furbearers. Each member of Uluki reported that they hunt in particular areas within the obshchina. Sable pelts can generate relatively large amounts of cash, as can wolverine, wolf, and bear pelts. Participating in a reindeer herding obschina help secure access to these valued renewable resources, thus contributing to Evenki socio-ecological sustainability.

The reestablishment of reindeer herding among Evenki of Kholodnoe is an important aspect of socio-environmental sustainability in the region. Domestic reindeer and reindeer herders on the land have an important role in maintaining Evenki identity and respect for the environment. Evenki reindeer herders do leave traces on the landscape, but those traces are much lighter than those of industrial development. However, with rapidly increasing predation pressure and reliance on hired reindeer herders whose work was difficult in many respects, the long-term viability of reindeer herding is not without challenges which also include disease and pasture regeneration.

Conclusions

Ethnographic work with reindeer herder groups Oron and Uluki in the North Baikal highlands in 2010 highlighted two variations on the traditional Evenki approach to reindeer herding. There were many overarching commonalities and a few differences. Each herd was habituated to a large highland valley. The reindeer herders and their reindeer in each group had established migratory patterns that took advantage of human-made and natural features of the landscape over a 20-year period. Both groups spent a significant amount of effort on controlling and protecting the herd by tying up fawns, cutting antlers

Fig. 13. An old structure of unknown function in the lower Nomama area. The orientation of the structure is directly to the peak of Mt. Inyaptuk

Рис. 13. Старая структура неизвестного назначения в нижней части района Номама. Ориентация сооружения прямо на вершину горы Иняптук

which reduces potential for injury to human handlers and to other deer when fighting, trapping predators, as well as on subsistence activities that complemented reindeer herding, such as trapping and big game hunting. The income and status related to hunting and trapping was likely a significant benefit of being on the land as a reindeer herder. Both groups experienced significant predation pressure on reindeer from wolves and bears, and this pressure increased after our fieldwork in 2010. Both groups utilized traditional technologies to keep the reindeer within their protection. For example, snares, smudge fires, shelters, and locating summer grazing in more open areas or areas where the reindeer could cool themselves, all provide some benefit to the reindeer. Both groups utilized relics of Soviet development including abandoned facilities from geological expeditions and kolkhoz structures.

The differences between the two groups had to do mainly in the scale of the operation and the personnel needed to maintain that scale. The Oron obshchina had a small-scale operation and utilized deer for transport during the hunting and trapping season, which is the more traditional subsistence

pattern (Turov, 2010). The Uluki group had built their herd up to a size that was approaching the size of the former kolkhoz which required the work of four people. Uluki could afford to slaughter a number of reindeer each year to support sales of meat. Uluki also used substantial quantities of salt in order to keep reindeer close to human protection.

Both Oron and Uluki obshchinas reestablished reindeer herding as a traditional subsistence activity in the 1990s alongside receiving leases on lands from the government of the Buryat Republic, and both groups actively participated in a range of traditional activities on the land as are found in other Evenki communities. There were likely a combination of reasons for their pursuing reindeer herding as a traditional activity including identity, status, production of traditional foods, and other monetary benefits.

References

Anderson, D.G., Ineshin, E.M. and Ziker, J.P. (2011) The Spatial Demography of the 'Outer Taiga' of the Zhuia River Valley, Eastern Siberia. *The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions.* New York: Berghahn. Pp. 199–225.

Davydov, V.N. (2014a) Coming Back to the Same Places: The Ethnography of Human-Reindeer Relations in the Northern Baikal Region. *Journal of Ethnology and Folkloristics*. Vol. 8, No. 2. Pp. 7–32.

Davydov, V.N. (2014b) Fishery in 'Free Spaces': Non-Compliance with Fishery Regulations in a Northern Baikal Evenki Village. *Polar Record.* Vol. 50. No. 4. Pp. 379–90. https://doi.org/10.1017/S0032247414000163.

Fondahl, G.A. (1998) *Gaining Ground?: Evenkis, Land and Reform in Southeastern Siberia*. Boston: Allyn and Bacon. 146 p.

Fondahl, G.A. (2018) Visiting Memorial Tree: Micro-Geopolitics of an Evenki Place Composed and Performed. Visite d'un Arbre Commémoratif: Micro-Géopolitique d'un Lieu Évenk Construit et Mis En Scène." *Études Mongoles Et Sibériennes, Centrasiatiques Et Tibétaines*. No. 49. https://doi.org/10.4000/emscat.3337.

Gray, P.A. (2005) *The Predicament of Chukotka's Indigenous Movement: Post-Soviet Activism in the Russian Far North*. Cambridge: Cambridge University Press. 276 p.

Mertens, K. (2016) Patterns of Evenki Mobility in Eastern Siberia. *Sibirica.* Vol. 15. No. 1. Pp. 1–40. https://doi.org/10.3167/sib.2016.150101.

Simonova, V. (2012) The Evenki Memorial Tree and Trail: Negotiating with a Memorial Regime in the North Baikal, Siberia. *Journal of Ethnology and Folkloristics.* Vol. 6. No. 1. Pp. 49–69.

Sirina, A.A. (2006) *Katanga Evenkis and the Ordering of Their Life World*. Edmonton: CCI Press. 222 p.

Stammler, F. (2005) *Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the "End of the Land.* Münster: Lit. 379 p.

Turov, Mikhail. 2010. *Evenki Economy in the Central Siberian Taiga at the Turn of the 20th Century: Principles of Land Use*. Edmonton: CCI Press. 176 p.

Ziker, J.P. (1999). Survival economy and core-periphery dynamics in the Taimyr Autonomous Region, Russia. Anthropology of Eastern Europe Review 17(2): 59–65.

Библиографический список

Anderson, D.G., Ineshin, E.M. and Ziker, J.P. (2011) The Spatial Demography of the 'Outer Taiga' of the Zhuia River Valley, Eastern Siberia. *The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions.* New York: Berghahn. Pp. 199–225.

Davydov, V.N. (2014a) Coming Back to the Same Places: The Ethnography of Human-Reindeer Relations in the Northern Baikal Region. *Journal of Ethnology and Folkloristics*. Vol. 8, No. 2. Pp. 7–32.

Davydov, V.N. (2014b) Fishery in 'Free Spaces': Non-Compliance with Fishery Regulations in a Northern Baikal Evenki Village. *Polar Record.* Vol. 50. No. 4. Pp. 379–90. https://doi.org/10.1017/S0032247414000163.

Fondahl, G.A. (1998) *Gaining Ground?: Evenkis, Land and Reform in Southeastern Siberia*. Boston: Allyn and Bacon. 146 p.

Fondahl, G.A. (2018) Visiting Memorial Tree: Micro-Geopolitics of an Evenki Place Composed and Performed. Visite d'un Arbre Commémoratif: Micro-Géopolitique d'un Lieu Évenk Construit et Mis En Scène." *Études Mongoles Et Sibériennes, Centrasiatiques Et Tibétaines*. No. 49. https://doi.org/10.4000/emscat.3337.

Gray, P.A. (2005) *The Predicament of Chukotka's Indigenous Movement: Post-Soviet Activism in the Russian Far North*. Cambridge: Cambridge University Press. 276 p.

Mertens, K. (2016) Patterns of Evenki Mobility in Eastern Siberia. *Sibirica.* Vol. 15. No. 1. Pp. 1–40. https://doi.org/10.3167/sib.2016.150101.

Simonova, V. (2012) The Evenki Memorial Tree and Trail: Negotiating with a Memorial Regime in the North Baikal, Siberia. *Journal of Ethnology and Folkloristics.* Vol. 6. No. 1. Pp. 49–69.

Sirina, A.A. (2006) *Katanga Evenkis and the Ordering of Their Life World*. Edmonton: CCI Press. 222 p.

Stammler, F. (2005) *Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the "End of the Land.* Münster: Lit. 379 p.

Turov, Mikhail. 2010. *Evenki Economy in the Central Siberian Taiga at the Turn of the 20th Century: Principles of Land Use*. Edmonton: CCI Press. 176 p.

Ziker, J.P. (1999). Survival economy and core-periphery dynamics in the Taimyr Autonomous Region, Russia. Anthropology of Eastern Europe Review 17(2): 59–65.

Ziker, J.P. (2002a) *Peoples of the Tundra: Northern Siberians in the Post-Communist Transition*. Prospect Heights, Ill.: Waveland Press, Inc. 197 p.

Ziker, J.P. (2002b) Land Use and Economic Change Among the Dolgan and the Nganasan. *People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*, edited by Erich Kasten. Pp. 207–24. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Ziker, J.P. (2003) Assigned Territories, Family/Clan/Communal Holdings, and Common-Pool Resources in the Taimyr Autonomous Region, Northern Russia. *Human Ecology.* Vol. 31. No. 3. Pp. 331–68. https://doi.org/10.1023/A:1025024804641.

Kharinskii, A.V., Zaiker, Dzh.P. (2013) Domestic Reindeer Pasture Territory and Its Humanmade and Natural Markers: The Example of Obshchina "Uluki" (Severobaikal'skii Raion, Buryatia). *Integratsiya Arkheologicheskikh i Etnograficheskikh Issledovanii = Integrating Archaeological and Ethnographic Research*. Irkutsk; Omsk: Irkutsk State Technical University. Vol. 1. P. 277–280. (In Russ.)

Zaiker Dzh.P. (1996) Discussion of the Draft Law of the Russian Federation "Basis of Legal Status of Indigenous Peoples of the North". *Etnograficheskoe Obozrenie = Ethnographic Review.* No. 2. P. 141–143. (In Russ.)

Information about the author

John Peter Ziker,
Ph.D., Professor and Chair, Department of Anthropology,
Boise State University,
1910 University Drive, MS-1950, Boise, Idaho, 83725-1950, USA,
✉ e-mail: jziker@boisestate.edu
https://orcid.org/0000-0001-9059-5594

Contribution of the author

J.P. Ziker carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received July 1, 2021.
Received July 29, 2021.
Accepted August 9, 2021.

Ziker, J.P. (2002a) *Peoples of the Tundra: Northern Siberians in the Post-Communist Transition*. Prospect Heights, Ill.: Waveland Press, Inc. 197 p.

Ziker, J.P. (2002b) Land Use and Economic Change Among the Dolgan and the Nganasan. *People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*, edited by Erich Kasten. Pp. 207–24. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Ziker, J.P. (2003) Assigned Territories, Family/Clan/Communal Holdings, and Common-Pool Resources in the Taimyr Autonomous Region, Northern Russia. *Human Ecology.* Vol. 31. No. 3. Pp. 331–68. https://doi.org/10.1023/A:1025024804641.

Харинский А.В., Зайкер Дж.П. Пастбищная территория домашнего оленя и ее искусственные и естественные маркеры: на примере общины «Улуки» (Северобайкальский район Бурятий) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сборник научных трудов. Иркутск; Омск: Иркутский государственный технический университет, 2013. Т. 1. С. 277–280.

Зайкер Дж.П. Обсуждение проекта Закона Российской Федерации «Основы правового статуса коренных народов Севера» // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 141–143.

Сведения об авторе

Зайкер Джон Петер,
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой антропологии,
Государственный университет г. Бойсе,
1910 University Drive, MS-1950, Boise, Idaho, 83725-1950, USA,
✉ e-mail: jziker@boisestate.edu
https://orcid.org/0000-0001-9059-5594

Заявленный вклад автора

Дж.П. Зайкер выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 1 июля 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 29 июля 2021 г.
Принята к публикации 9 августа 2021 г.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).048
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-96-114

Полк Ерофея Хабарова: к вопросу об организации и боеспособности Амурского войска 1650–1653 гг.

© Е.А. Багрин

Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье на основе опубликованных и неопубликованных источников рассматриваются вопросы, связанные с военными формированиями, действовавшими на р. Амур в 1649–1653 гг. Летом 1650 г. они были объединены в полк Е. Хабарова. Акцент исследования сделан на проблемах, связанных с его численностью, составом и статусом участников походов, их снабжением, условиями перехода из Якутска на р. Амур и боеспособностью. В этот период в Якутском уезде было много промышленных людей, желавших отправиться добровольцами в поход на р. Амур. Дополнительным стимулом для них была возможность в случае успеха экспедиции стать служилыми людьми с государственным жалованьем. Всего в Приамурье в три этапа отправились более 400 чел. Снабжение этих людей потребовало больших средств – несколько десятков тысяч рублей. Большая часть из них была получена не из казны, а от частных инвесторов. Крупнейшим из них был воевода Д. Францбеков. В 1649–1651 гг. финансовые ресурсы для вложения в «Даурский проект» в Якутске были исчерпаны, что привело к прекращению отправления туда новых сил. Переброска войска на р. Амур, занимала около 7 недель, а сплав по реке до ее устья не менее 3 недель. Народы Приамурья значительно уступали в военной организации и вооружении полку Е. Хабарова, так что его численности было достаточно, чтобы взять под контроль весь Амур. Однако вмешательство маньчжуров сделало это невозможным.

Ключевые слова: история, полк, служилые люди, казаки, Даурия, Амур, Сибирь, XVII век, Ерофей Хабаров

Для цитирования: Багрин Е.А. Полк Ерофея Хабарова: к вопросу об организации и боеспособности Амурского войска 1650–1653 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 96–114. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-96-114

Erofey Khabarov's regiment: organization and combat capability of Amur troops in 1650–1653

© Egor A. Bagrin

Boris Yeltsin Presidential Library, Saint-Petersburg, Russia

Abstract: The article examines the issues related to military units operating on Amur River in 1649–1653. They were joined together with the regiment of E. Khabarov in summer 1650. The research focuses on the problems associated with its number, structure and status of the campaigns' participants, their supply, combat capability, conditions of transition from Yakutsk to Amur River. During this period there were many trappers in the Yakutsk district who wanted to volunteer for a campaign on Amur River. As an additional motivation for them was the opportunity to become warriors with a state salary in case if the expedition will appear successful. Generally, more than 400 people moved to Amur region in 3 stages. The supply of these people required large funds – several dozens of thousands of rubles. Most of money was received not from the treasury, but from private investors. The largest of them was the voievoda D. Frantsbekov. The financial resources of "Daurian project" were exhausted in 1649–1651, which had stopped expedition the new forces there. Troop's transfer to Amur River took about 7 weeks and rafting down the river to its mouth took for at least 3 weeks. Amur inhabitants were significantly inferior in military organization and armament to the regiment of E. Khabarov so that its number was sufficient to take control on the entire Amur. However, the Manchurian intervention made this impossible.

Keywords: history, regiment, troops, Cossacks, Dauria, Amur, Siberia, XVII century, Erofey Khabarov

For citation: Bagrin E.A. (2021) Erofey Khabarov's regiment: organization and combat capability of Amur troops in 1650–1653. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 96–114. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-96-114

Проблемы открытия и присоединения Приамурья Россией привлекали большое внимание исследователей в XIX–XXI вв. Этой теме посвящены многочисленные научные статьи и монографии. Естественно, что значительная часть из них освещала поход на р. Амур Ерофея Хабарова (Чулков, 1898; Бахрушин, 1925; Шерстобоев, 1949; Алексеев, 1970; Амур – река подвигов, 1970; Мелихов, 1974; Беспрозванных, 1983; Сафронов, 1983; Александров, 1984; Леонтьева, 1991; Полевой, 1995; Артемьев, 1999; Павлик, 2004; Леонтьева, 2012; Албазинский острог…, 2019). Самым известным трудом, изданным в последние годы и прямым образом относящимся к этой теме, стала книга Г.Б. Красноштанова «Ерофей Павлович Хабаров» (Красноштанов, 2008). Автор не только собрал все известные, опубликованные документальные свидетельства, но и ввел в научный оборот много новых архивных источников, позволяющих более детально исследовать ряд проблем, связанных с действиями русских на Амуре в период с 1649 по 1658 гг.

Несмотря на то, что период пребывания Е. Хабарова изучен достаточно подробно, есть ряд проблем, которые до сих пор не разрешены[1]. На наш взгляд, подробного рассмотрения требует вопрос об организации и боеспособности русских военных сил на Амуре в период с 1649 по 1653 гг.

В данном исследовании мы обратимся к первому этапу формирования Амурского войска во время действия в Приамурье полка Е. Хабарова (1649–1653 гг.). В статье не будет отражена событийная часть его пребывания на Амуре, имеющая достаточно полное описание в других исследованиях. Мы же обратимся к следующим вопросам: о численности и составе полка; статусе его участников; снабжении; условиях его перехода; боеспособности полка.

Состав и численность военных сил, отправленных на р. Амур в 1650–1653 гг.

1. Авангардный отряд (1649/1650 гг.). В марте 1649 г. Д. Францбеков прислал в Усть-Кут и на Чечуйский волок память о сборе охотников[2] для похода в Даурию. Приказчики, которым предписывалось «кликать» добровольцев из числа служилых и промышленных людей, должны были получить от них челобитные с изъявлением желания участия в походе. Служить им предстояло без государственного жалованья, рассчитывая на военную добычу и пушные промыслы в новом месте. Формировал отряд Е. Хабаров, находившийся весной 1649 г. в Илимском остроге. В его состав вошли промышленные люди, приехавшие в Сибирь из различных мест русского севера: тяготеющие к Архангельску и Устюгу жители Соли Вычегодской, устюжане, емчане, зыряне, мезенцы, люди с рек Двины, Ваги (важенцы), Лалы (лалетинцы) и Юга (южаки) (Красноштанов, 2008. С. 199, 202, 204, 220–221).

Г.Б. Красноштанов, опираясь на многочисленные свидетельства современников событий, считал, что первый отряд, набранный Е. Хабаровым, строился по принципу промышленной ватаги и делился на покрученников и своеужинников. Московский торговый человек В. Федотов отмечал, что Е. Хабаров «подрядил с собою итти на соболиные промыслы из доли промышленных людей пополам, а иных из трети». По сведениям участников первой экспедиции, на «подъемах» Хабарова числились 20 чел. Кроме людей, набранных в разных местах Илимского уезда, часть охотников присоединилась к Е. Хабарову на р. Олекме. С Е. Хабаровым также были его люди, находящиеся от него в разной степени зависимости. Среди них упоминается кабальный человек якут Бузюк, попавший в плен под Албазином в

[1] Например, неизвестно место нахождения Ачанского городка и др. (Полевой, 1960; Васильев, 2002).

[2] «охочим служилым и промышленным людем иттить, которые похотят, без государева жалованья».

1650 г[3]. Точное число людей Е. Хабарова, бывших с ним на Амуре, неизвестно, вероятно, около десятка (Красноштанов, 2008. С. 218, 220–222, 258, 267).

Сведения об общей численности участников первого похода разнятся[4]. В отписке в Москву Д. Францбеков отмечает, что на Амур охотниками отправились 70 чел. Среди них было 30 чел. служилых людей. Это число указано как якутским воеводой, так и непосредственными членами экспедиции. Вероятно, их лидерами были березовский служилый человек Роман Рошмак[5] и енисейский казачий десятник, толмач Константин Иванов[6]. Сколько было промышленных людей точно не ясно. Ивашко Седельников и другие люди, бывшие в это время на Амуре, отметили, что с Е. Хабаровым в «первый приход» было 49–50 чел., «а 70 чел. в ту пору с Ярком не было». Вероятно, еще несколько человек из отряда пришли позднее. Когда весной 1650 г. Е. Хабаров ушел в Якутск за помощью, в Албазине, по сведениям подьячего[7] Ивана Прокопьева Посохова, осталось 52 чел. (Красноштанов, 2008. С. 213, 217–218, 220–222, 258, 285; Албазинское воеводство, 2019. С. 37[8]) (рис. 1).

2. Полк Е. Хабарова (1650/1651 гг.). В конце мая 1650 г. Е. Хабаров вернулся в Якутск, оставив почти всех людей из первого отряда на р. Амур. В Якутске должен был сформироваться полк для присоединения Приамурья. Командовать им Д. Францбеков назначил Е. Хабарова, получившего должность приказчика Даурской земли. Добровольцы, которые «пошли в полк к Ярофею Хабарову», теперь считались новоприборными даурскими служилыми людьми (подробнее в разделе о статусе участников экспедиции Е. Хабарова). Часть из них до похода промышляла по рекам Тугирь и Олекма (Красноштанов, 2008. С. 224).

К 9 июля 1650 г. собралась основная часть новоприборных 114 чел. Они жили в остроге в избах и ждали отправки. Затем к ним присоединилось еще несколько человек. Д. Францбеков писал в отписке, что Е. Хабаров прибрал 117 чел. Лидерами их были Дружинка Васильев Попов[9] (из Соли Вычегодской), племянник Е. Хабарова Ортюшка Филипов и Стенка Васильев Поляков[10] (из Пинеги). Вероятно, новоприборные группировались по упомянутому уже принципу промышленных ватаг. Например, С. Поляков тобольский сын казачий, «подымал» для похода на Амур запасами и оружием 5 чел. Затем к его «ватаге» присоединились 32 охотника, которых С.В. Поляков также снабдил своими «хлебными запасы и ружьями, и порохом». Они же выбрали его ясаулом и держались

[3] Одним из них был Семен Марков – дворовый человек торгового человека Митьки Алексеева. Последний отдал его Хабарову на 2 года «идти на государеву службу (в Дауры)… жить ему, Митьке, у него Ярофея, и дорогую идти, всякие работа работать на него … беза всякого ослушанья». Позже И. Посохов писал о том, что в 1650 г. 4 кабальных человека Хабарова были отправлены на устье Урки (Красноштанов, 2008. С. 205–206).

[4] Г.Б. Красноштанов, опираясь на документ о выдаче праздничного вина во время сбора охотников, считает, что в Илимске набрали 121 чел. Однако этот текст можно трактовать двояко и, возможно, речь идет о группе людей, в которой не все были связаны с походом (Красноштанов, 2008. С. 203). Иначе сложно объяснить то обстоятельство, что в дальнейшем на Амур пришло только немногим более 50 чел.

[5] Вероятно, упомянут П. Стеншиным как Васька Рашиев, попавший в плен к даурам в 1650 г. под Албазином (Албазинское воеводство, 2019. С. 25).

[6] Константин (Костка) Иванов приехал в Якутск с Байкала от Ивана Галкина. Толмачи понимали даурский язык, близкий к монгольскому, а речь представителей Цинской империи помогали понять пленные «Даурские бабы» (Албазинское воеводство, 2019. С. 34).

[7] Назначен подьячим в Ачанском остроге в 1652 г. (Красноштанов, 2008. С. 409).

[8] Албазинское воеводство : сборник документов. Библиотека дальневосточного казачества / сост. В.И. Трухин, В.В. Крюков. Изд. 2-е, исп. и доп. Хабаровск, 2019. 628 с.

[9] После экспедиции на Амур служил пятидесятником в Енисейском остроге.

[10] С. Поляков уехал в Москву с Амура вместе с Д. Зиновьевым и Е. Хабаровым. В 1656 г. он был послан в Тобольск с приказом дожидаться назначения в «выбылое» атаманское место. Служил рядовым конным казаком литовского списка с окладом 10 руб., 7 чети ржи, 6 чети овса, 2 пуда с четью соли, в 1659–1660 гг. прапорщик, в 1660–1661 гг. переведен в дети боярские, в 1667–1668 гг. записан рейтаром в списке детей боярских. В 1684 г. упомянут как капитан в Тобольске (Красноштанов, 2008. С. 475–477).

Рис. 1. Ерофей Хабаров. 1653 г.[11]
Fig. 1. Erofey Khabarov. 1653

в походе отдельным подразделением. Д.В. Попов для даурской экспедиции вооружил 9 чел., а А. Петриловский – 10 чел. в 1650 г. и 20 чел. в 1651 г. Есть все основания считать, что полк Е. Хабарова делился на группы, связанные с разными лидерами, которые признавали его общее командование, но в значительной степени сохраняли независимость (Красноштанов, 2008. С. 224, 230, 233–235, 249–250, 475–477, 567–568).

Всего, по подсчетам воеводы, в полк вошли 130 чел. К добровольцам из числа промышленных людей добавились 21 якутский служилый человек[12] и 2 дворовых человека Д. Францбекова. Позднее к полку присоединились еще несколько человек. Среди «новоприборных даурских служилых людей», получивших в Якутске вино перед отправкой на р. Амур, числились 136 чел. Желающих отправиться в поход было очень много, однако Д. Францбеков был вынужден отметить, что «ныне … многие промышленные люди хотят идти в … Даурскую землю», но «за ружьем …не пошли» (т. е. их нечем было вооружить). Воевода считал, что для вооружения всех, согласных служить в Даурии людей, «надо 500 пищалей гладких и 100 пансырей добрых с шапками-мисюрками» (Крас-

[11] Е.П. Хабаров одет в даурские вещи: кафтан алого цвета и малиновые штаны из камки, соболиную шубу с серебряными пуговицами, покрытую малиновой камкой с золотым узором и соболиные рукавицы, покрытые малиновым сукном. Пояс атамана украшен даурскими серебряными бляшками. Одежду народов Приамурья в его гардеробе дополняют русские бархатная шапка с соболем и желтые сафьяновые сапоги. Вооружение Е.П. Хабарова состоит из сабли, мисюрки, панциря (вид кольчатого доспеха – Авт.) наручей и якутского куяка (Албазинский острог…, 2019. С. 225–228).

[12] Начальником у них был тобольский казачий сын Третьяк Ермолин сын Чечигин.

ноштанов, 2008. С. 223–224, 249–250; Албазинское воеводство, 2019. С. 15, 25, 27[8]).

Отметим, что по данным Г.Б. Красноштанова, часть якутских служилых людей, не менее 13 чел., была приверстана из промышленных людей в 1649–1650 гг., видимо, специально для похода на Амур. (Красноштанов, 2008. С. 237–238).

И. Посохов писал, что осенью 1650 г. на Амур с Е. Хабаровым пришло 150 чел. «вольных и служилых людей». Увеличение полка Е. Хабарова произошло в основном за счет того, что якутский служилый человек Михайло Артемьев Кашинец и 40 чел., перевозившие казну вслед за войском, взяли на Олекме из зимовья 12 чел. промышленных людей «со всеми промышленными заводами». После соединения с первым отрядом, бывшим под Албазином, полк стал насчитывать более 200 ратников[13] (Красноштанов, 2008. С. 259, 261).

3. Подкрепление, отправленное под руководством Т. Чечигина (1651/1652 гг.). Весной 1651 г. Е. Хабаров отправил в Якутск людей за подкреплением. Третий отряд возглавил тобольский казачий сын Третьяк Чечигин. Состоял он из 107 чел. охочих служилых промышленных людей и 26 чел. служилых людей[14]. В него входили также подъячий Богдан Габышев, приказной Якутского острога, Иван Антонов Нагиба, крещеный татарин Ананья Русланов (человек Д. Францбекова «для выбору ево … ссудных долгов на служилых людях»[15]), Афонька Михайлов сын Частиков от якутского дьяка и толмач Ильюшка[16]. Всего 137 чел. Среди служилых людей, отправленных в поход, не менее 7 чел. вместе с И. Нагибой были взяты из 40 чел. ссыльных[17] московских служилых людей, поверстанных в служилые люди Якутска (предположительно, в 1649/1650 гг.). Все они должны были поступить в полк Е. Хабарова «в рядовую службу», соединившись с основными силами на Амуре (Красноштанов, 2008. С. 297–299, 309–310, 313, 315, 428; Албазинское воеводство, 2019. С. 59[8]).

После того как отряд Т. Чечигина влился в полк Е. Хабарова, общее число ратников в нем увеличилось до 348 чел. Эту цифру мы знаем благодаря отделению части полка от сил Е. Хабарова из-за несогласия с его действиями как руководителя. В оппозиции оказались сто тридцать шесть человек (по другим данным 132 чел.) под руководством енисейского служилого человека Константина Иванова, якутского служилого человека Семейки Ортемьева Сажина и «вольных казаков» Степана Васильева Полякова, Логина Васильева, Гаврила Щирунова и Антона Павлова. Забрав войсковое знамя и часть казенного оружия, они на 3 дощаниках уплыли вниз Амура[18]. С Е. Хабаровым остались 212 чел. (Красноштанов, 2008. С. 320–322; Албазинское воеводство, 2019. С. 45–46[8]).

Получается, что раз в полку Е. Хабарова было не более 195 чел., то с Т. Чечигиным во время их соединения у Банбулаева города было 153 чел. Еще 27 чел. старых «жалованных» и новоприборных служилых людей ранее, до момента этой встречи, отправились на поиск Е. Хабарова. Таким образом, Третьяк Чечигин, выйдя из Якутска, прибавил к отряду 43 чел. Вероятно, как и ранее это были промышленные люди, промышлявшие в

[13] Осенью 1651 г. в полку Е. Хабарова было 206 чел. Не менее 4-х чел. к этому моменту были убиты. Также есть сведения, что летом 1651 г. Е. Хабаров отправлял 40 чел. в устье р. Урки ждать подкрепление из Якутска с 200 пудами хлеба, но, вероятно, они не дождались и присоединились к основным силам. Количество судов, на которых передвигался отряд весной 1651 г., было – 4 дощаника, а в апреле 1652 г. – 6 дощаников (Албазинское воеводство, 2019. С. 26, 43).

[14] Эти служилые люди получили жалованье (денежное, хлебное и соляное) на 1 год, в то время как посланные в 1650 г. – на 2 года (Красноштанов, 2008. С. 318).

[15] У Д. Францбекова было 40 дворовых людей, которым он покупал хлеб, холсты, сукна, обувь в долг (Красноштанов, 2008. С. 331).

[16] Кроме того, толмачем в полку Е. Хабарова был якутский служилый человек Козьма Терентьев

[17] Д. Францбеков, находясь в условиях кадрового дефицита, активно использовал ссыльных людей. Например, Матюшка Сосновский, не имевший права покидать Якутск, был отправлен им в Москву с донесениями (Албазинское воеводство, 2019. С. 16).

[18] Общая стоимость, увезенного имущества (свинец, порох, куяки и др.), оценивалась в 2000 руб. В т. ч. войсковое знамя – 50 руб. (Красноштанов, 2008. С. 136, 320–321, 366).

местах следования отряда. Привлекательность Даурии, о богатстве которой ходили слухи, была очень велика.

Стремление многих людей попасть на р. Амур хорошо иллюстрирует следующий пример. В 1652 г. воеводой И. Акинфовым в Дауры к Е. Хабарову из Якутска были посланы десятник Никита Прокопьев и 8 якутских служилых людей. Они должны были забрать в Якутск ясачную казну и книги Б. Габышева и А. Русланова. Кроме того, сделать чертеж новой земли и роспись даурским городкам, а также, привезти 4 чел. служилых людей, «которые Даурские землицы знают»[19]. Н. Прокопьеву с полпути пришлось вернуть в Якутск Олешку Босурманова, который скрыл то, что у него не было пищали (т. е. поехал в зону военных действий без оружия) и то, что весь его провиант составлял 10 пудов муки ржаной, которой хватило бы только до Тугиря. После зимовки по Олекме отряд Н. Прокопьева вернулся в Якутск, т. к. их дощаник не прошел дальше из-за весеннего маловодья. При этом один из служилых людей И. Широкой сбежал в Дауры (Красноштанов, 2008. С. 336–337, 339–340; Албазинское воеводство, 2019. С. 29–31[8]).

4. Общая численность ратных людей, отправленных на Амур (1649/1652 гг.). 23 августа 1653 г. якутский воевода М. Лодыженский сообщал, что в 1649, 1650, 1651 и 1653 гг. «в Дауры» отправились 56 чел. якутских служилых людей и 294 чел. «новоприборных вольных» (Красноштанов, 2008. С. 344). Ни один из этих людей к моменту написания челобитной назад не вернулся. Среди служилых людей, видимо, не учтены енисейские и березовские годовальщики, пришедшие на Амур в составе первого отряда Е. Хабарова, т. к. с учетом людей Н. Прокопьева известно о 85 служилых людях, отправленных в Приамурье. Число новоприборных наоборот указано больше – 294 чел. против 264 чел., которых мы можем насчитать благодаря отпискам прежних воевод. Отметим, что если в первом случае не хватает 30 чел., то во втором – 30 чел. избыток, так что, возможно, годовальщики отнесены к «охочим новоприборным служилым».

Общее число ратников, убывших на р. Амур из Якутска в 1649–1653 гг., 350 чел. Естественно, в эту цифру не включены охочие люди в разные годы присоединившиеся к «хабаровцам» на реках Лене, Олекме и Тугире. В документах сохранились сведения о не менее чем 60 из них[20]. Таким образом, всего в Даурию отправились более 400 чел. Эти расчеты подтверждаются сведениями якутских казаков, прибывших с Амура. В 1652 г. они сообщили московскому дворянину Д. Зиновьеву, что «Русских людей в Даурской земле человек с 400» (Красноштанов, 2008. С. 357).

Статус. Очень интересен вопрос о статусе добровольцев, вошедших в состав полка Е. Хабарова. В отписках Е. Хабарова и челобитной С. Полякова они чаще всего называются «вольными казаками». Термин «вольные» подразумевал их участие в походе и подчинение какому-либо руководству исключительно на добровольной основе, в отличие от служилых людей, получавших от государства жалованье за военную службу и подчинявшихся приказам воевод и других начальных людей в обязательном порядке. Охотники (охочие люди) набирались временно в государственные военные походы, получая право на добычу (т. е. по сути они были наемниками).

Однако в походе на р. Амур охочие люди получали промежуточный статус, отделявший их как от «жалованных» служилых людей, так и от наемников. Все желающие из них могли стать «государевыми» служилыми людьми в новой Даурской земле. Участники похода прямо об этом пишут: «мы, холопи твои государевы, подымались для ради твоей государевы службы, а не для ради

[19] Н. Прокофьеву предписывалось составить отчет «сколько которую рекою и через волок пойдут, дней, урочище от урочища и место от места, чтоб подлинно про все было ведомо», а также доставить подробные сведения о количестве воинов у даур, об их способе сражаться и оружии.

[20] Например, П. Савельев с пятью покрученниками «сшел в Дауры» с Олекмы, забрав с собой снаряжение и товары своего нанимателя ценой 430 руб., выданные промышленникам на 2 года (Красноштанов, 2008. С. 529).

своей бездельной корысти, соболиного промыслу, а *хотили мы быть от тебя государя в твоем царском жалованье*» (Красноштанов, 2008. 321).

Видимо, об этом была изначальная договоренность с Д. Францбековым. Во внутренних документах они именовались как «новоприборные охочие даурские служилые люди» или «новой Даурской земли охочии служилые люди». В этом длинном названии отражались все аспекты нового статуса бывших промышленных людей, а именно, добровольность их будущего вхождения в гарнизон, контролирующий Даурию в ранге служилого сословия. При этом Д. Францбеков в отписке, отправленной в Москву, не употреблял этот термин. Добровольцев он традиционно обозначил как «охочие промышленные люди». Это свидетельствует о том, что воевода не был полностью уверен в успехе мероприятия и предпочел умолчать о наделении их правами на приобщение к служилому сословию (табл.).

В июле 1650 г. новоприборные люди ждали отправки на Амур. В это время в соответствии со своим новым положением они подали челобитную: «чтоб государь их пожаловал: не велел с них в Якутском остроге в таможенной избе своих государевых оброков и избных рублев имать, потому что *с ево, государевых, служилых людей оброков и избных пошлин не емлетца*». В связи с чем, Д. Францбеков приказал таможенному голове Василию Ростовщикову не брать с них плату, «потому что они идут против государевых недругов, даурских неясачных людей, на своих проторех» (Красноштанов, 2008. С. 224).

Не все охочие люди стремились к государственной службе. Этим можно объяснить то, что в отписке 1652 г. Е. Хабаров отмечает деление своего полка на 3 части: «бьет челом … приказной человек … Хабаров с служилыми и вольными охочими людьми с новоприборными Даурскими служилыми людьми». Как мы знаем, Е. Хабарову не удалось закрепиться в Приамурье. Острог, контролирующий новую территорию, не был построен. Эти обстоятельства также были причиной того, что произошел раскол войска на две части. Одна часть предпочитала на первом месте видеть свое «вольное» положение и ход дел ее устраивал, вторая – была недовольна действиями Е. Хабарова, из-за которых участники похода лишались возможности получить статус окладных государевых служилых людей. В августе 1653 г. якутский воевода Д. Лодыженский в отписке царю подтвердил их опасения. Он писал: «даурские служилые люди в Якутском *к твоей государевой службе не ненадежны,* потому что …меж даурскими служилыми людьми учинилась рознь и, розделясь, пошли надвое. А как … те даурские служилые люди и вместе были, и тем … служилым людям даурцы были невмочь, потому что … у даурцов много огненного боя» (Албазинское воеводство, 2019. С. 31[8]; Красноштанов, 2008. С. 344).

Следует также отметить, что позднее в период командования войском Онуфрия Степанова Кузнеца (1653–1658 гг.) его состав называл себя амурскими служилыми людьми или амурскими казаками. Они по-прежнему обращали внимание на свой статус, отделяя себя от обычных охочих людей. На запрос якутского воеводы О. Степанов писал: «А гулящих у нас на великой реке Амуре в войске нет, опричь амурских казаков. *И те ноне ожидают государева жалованья и его царской милости и указу*» (Красноштанов, 2008. С. 540).

Снабжение. Авангардный отряд Е. Хабарова был небольшим, но и для его финансирования нужны были деньги, провиант, речные суда, оружие. Воевода Д. Францбеков, в мае 1649 г. сменивший на воеводстве Василия Пушкина и дьяка Кирило Супонева, придя в Якутск, обнаружил, что отряды В. Пояркова и Е. Бахтеярова[21], ходившие к Амуру по Алдану и Витиму, потратили серьезные ресурсы. «Учинилась многая убыль» жалованью (хлебному и денежному), свинцу и пороху. Новая экспедиция силами одних якутских служилых людей была невозможна. Е. Хабаров взял на себя траты на хлеб, запасы, суда, судовые снасти и оружие на 150 чел. (пищали, порох, свинец). Якутский воевода также оказал содействие. В Илим-

[21] В отряд Еналея Бахтеярова входили 70 служилых людей. Посланы на даурских князей Лавкая и Батогу воеводой Головиным (Красноштанов, 2008. С. 199, 204).

Таблица. **Термины, которыми обозначались добровольцы, входившие в полк Е. Хабарова в 1650–1652 гг. (Албазинское воеводство, 2019. С. 16, 22, 24, 26–27, 31–51[8]; Красноштанов, 2008. С. 224, 274–275, 277–278, 296, 302)**

Table. **Terms that denoted the volunteers who jointed to the regiment of E. Khabarov in 1650–1652**

Кем, где написан документ	Год и вид документа	Термин по отношению добровольцев
1. Воеводы и другие представители администрации		
Д. Францбеков (якутский воевода)	Июль 1650 г. память в таможенную избу	«новоприборные служилые люди»
Вахромейко Максимов площадной подъячей якутского острога	Июль 1651 г. заемная кабала	«новоприборный охочей даурский служилый человек» (о Д. Попове, кредиторе)
В. Максимов площадной подъячей якутского острога	Июль 1651 г. заемная кабала	«новоприборный охочей даурский служилый человек» (о А. Петриловском, кредиторе)
Д. Францбеков	1651 г. отписка царю	«охочие промышленные люди» «охочие служилые люди»
А. Пашков (енисейский воевода)	Август 1651 г. отписка царю	«новой Даурской земли охочей служилый человек» (о Д. Попове)
П. Стеншин (якутский дьяк)	1651 г. челобитная царю	«новоприборные промышленные люди»
Написано в съезжей избе в Якутске	Май 1652 г. распросные речи участников похода на Амур	«новоприборные служилые люди» (о П. Володимерове, П. Гарасимове) «охочие новоприборные служилые люди»
Написано в съезжей избе в Якутске	Сентябрь 1652 г. распросные речи участников похода на Амур	«охочие казаки»
Написано в таможне Якутска	Сентябрь 1652 г. запись в таможенной книге	«даурские новоприборные служилые люди» (о вернувшихся с Амура Ф. Самсонове и С. Андрееве)
2. Руководители отрядов		
Е. Хабаров	1652 г. отписка якутскому воеводе	1. «охочие вольные люди» 2. «вольные казаки» 3. «служилые новоприборные Даурские казаки», «новоприборные Даурские служилые люди» (пополнение Т. Чечигина)
Т. Чечигин	1652 г. челобитная якутскому воеводе	«новоприборные охочие казаки, десятники[22] и рядовые» «охочие казаки»
Д. Зиновьев (московский дворянин, прибывший на Амур с наградами для полка Е. Хабарова)	Сентябрь 1653 г. расспросные речи участников похода Хабарова	«служилые люди»
3. Рядовые участники событий		
Дружина Васильев Попов	Июнь 1651 г. челобитная якутскому воеводе	«новой Даурской земли охочей новоприборный служилый человек»
Д.В. Попов	Декабрь 1652 г. заемная кабала	«новоприборный охочей служилый человек новой Даурской земли»
С.В. Поляков и участники походов по Амуру 1649–1653 гг.	Сентябрь 1653 г. челобитная	«охочие вольные казаки» «вольные казаки»

[22] Г.Б. Красноштановым приведены документы с именами части десятников полка Е. Хабарова: Евсевьев Онтонко, Ефимов Ивашко, Иванов Кармашка, Иванов Сенька, Игнатьев Кирилко (Кобель), Кашинец (Ортемьев) Мишка, Леонтьев Федотко (Бурундук), Марков Ивашко, Митропольщина Васка, Михайлов Максимко (Барабанщик), Назаров Митька, Никитин Куземка (Москва), Ондреев Марко, Петриловский (Филипов) Артюшка, Степанов Онофрейко (Кузнец), Хохряков (Микитин) Митька (Красноштанов, 2008. С. 410, 413).

ский острог для добровольцев по приказу Францбекова выданы 30 пищалей гладких, 5 пуд. пороха и 5 пуд. свинца (Красноштанов, 2008. С. 199, 202, 204, 212).

В мае 1649 г. Е. Хабаров, следуя разрешению Д. Францбекова, «сильно имал» для своего отряда суда, судовые снасти и хлебные запасы у промышленных и торговых людей на Чечуйском волоке и р. Лене. Дойдя до Олекмы и Тугиря, часть «хабаровцев» разделились на 2 группы (15 и 30 чел.), которые разместились в зимовьях торговых людей М. Ворыпаева и М. Самойлова (Нерадоский). Здесь они находились от 10 дней до 2-х недель и забрали хлебные запасы, снаряжение, пищали, порох промысловое снаряжение и товары, принадлежавшие промысловикам, ушедшим в леса для ловли пушных зверей. На каждого из членов отряда Е. Хабарова пришлось примерно по 3 пуда «добычи». Кроме того, насильно в «вожи» по Тугирскому волоку они забрали 2-х человек М. Меркурьева и С. Курицына (Красноштанов, 2008. С. 208, 221–222, 324–325). В 1650 г. незаконное пополнение ресурсов экспедиции снова имело место. В ходе продвижения полка Е. Хабарова к Амуру были ограблены ясачные вилюйские тунгусы и якуты на р. Олекме и русские промышленные люди (мезенцы). У них забрали хлебные запасы, снаряжение, товары и скот (Албазинское воеводство, 2019. С. 16–17, 52)[8].

Для организации большой экспедиции летом 1650 г. требовались государственные средства, которых в Якутске в свободном распоряжении было немного. Якутский воевода выдал полку Е. Хабарова из казны в долг «до возвращения, без указа, без порук»:

оружие: 25 пищалей и 10 пудов пороха и 10 пудов свинца, 1 панцирь, 34 куяка, 23 наруча, 13 шапок ерихонских, 2 шапки мисюрки, пищаль полковую медную, 2 пищали железные, 190 свинцовых ядер общим весом 2 пуда, для артиллерии 10 пудов пороха и 10 пудов свинца;

транспорт: 9 дощаников с «государевыми снасти», дополнительные снасти и паруса;

продовольствие: 300 пудов[23] муки ржаной, 100 пудов ржи (семенной), 50 пудов соли;

всякое: книги печатные, ладан, медь в колоколах и разный «медный завод», вино «горячее», сукна летчиные, холст-хрящ. Казенные припасы: «пушки и пищали, и порох, и свинец, и куяки, и сукна, котлы, косы и серпы» перевозились на трех дощаниках.

Кроме того, Е. Хабаров взял в долг у торговых людей суда и холсты. Общая сумма казенного и заемного у торговцев имущества составила 4857 руб. 2 алт. Из приведенных данных очевидно, что выделенного казной ручного огнестрельного оружия было достаточно только для 1/5 части ратников полка, а хлеба для 1/3 и то, только дойти до Тугирского волока (при расчете расхода 7 пуд. хлеба на одного человека в пути от Якутска до Тугиря) (Красноштанов, 2008. С. 239–242, 250–251, 260).

Поэтому участники экспедиции на Амур обеспечивали себя либо за свой счет, либо за средства лидеров по принципу формирования промышленных артелей. Зная общий уровень расходов, мы можем относительно точно рассчитать потребности полка Е. Хабарова. Для этого мы обратимся к расходам ватаг промышленников, которые обеспечивали себя всем необходимым на год (обычно с лета одного года (июнь – июль) до весны (мая) следующего года). Например, С.В. Поляков тратил на снаряжение артелей, с которыми отправлялся на промыслы, следующие средства: на 9 чел. – 221 руб., на 10 чел. – 142 руб. 50 коп., на 14 чел. – 234 руб. Для ватаги из 14 промышленников он приобрел 300 пудов хлеба, 6 пудов соли, 40 аршин сермяжного сукна, холст хрящ, 10 чарок, 100 камосов лосиных, 10 мотов прядена, невод, полпуда меду и 20 топоров. Затраты на одного участника экспедиции в среднем составили около 18 руб. в год. Данная цифра согласуется с тем, что минимальная сумма займа

[23] Это очень небольшое количество хлеба для отряда более чем из 100 чел. Например, на 11 чел. «вновь поверстанных» служилых людей в качестве жалованья на 2 года было выдано 576 пудов 19 гривенок ржи, 150 пудов ячменя и овса (Красноштанов, 2008. С. 239).

для большинства ратников, отправлявшихся в Даурию, составляла от 30 до 100 руб.[24]на одного человека. Пребывание в новой земле рассчитывалось не менее, чем 2 года (это следует из того, что якутские служилые люди, участвовавшие в экспедиции, получали жалованье на 2 года). Следует также учитывать то, что военный характер экспедиции предполагал покупку оружия и большую трату пороха и свинца. Поэтому стоимость снаряжения одного новоприборного служилого человека была выше, чем артельщика, отправляющегося за пушниной. Тот же С.В. Поляков, отправляясь в поход на Амур, потратил 359 руб. на вооружение и снабжение 5 чел. Это около 72 руб. на одного человека, что в 4 раза больше, чем он тратил, снаряжая промысловые экспедиции. П. Аксентьев и Г. Семенов, войдя в полк Е. Хабарова «на своих проторех», потратили на оружие и снаряжение «по 50 р. и больше» (Красноштанов, 2008. С. 233–237; Албазинское воеводство, 2019. С. 15, 17–18, 475–477, 500[8]).

Большинство людей, собиравшихся в экспедицию на р. Амур, брали деньги в долг (давали кабалы) для покупки оружия, боеприпасов, одежды, снаряжения, продовольствия и различного инвентаря[25]. Главным заемщиком людей, ушедших в поход в 1650 и 1651 гг., стал Д. Францбеков. По сведениям дьяка П. Стеншина, он получил от служилых и новоприборных людей кабалы (расписки) на сумму до 30 000 руб.[26]. В кабалах указывалась сумма на треть превышавшая сумму полученных средств (например, взяв 20 руб. расписку писали на 30 руб.). Служилые люди, поверстанные в Якутске из московских ссыльных, отдавали свое денежное и хлебное жалованье за «пищали и свинец, и зелье, и платье» (Албазинское воеводство, 2019. С. 15, 17–18)[8].

Е. Хабаров писал о том, что в 1649 г. он «подымал» 70 чел., затратив на них 3500 руб., а через год потратил 4000 руб. на 138 чел., включая якутских служилых людей. Дьяк П. Стеншин докладывал, что воеводa дал Е. Хабарову в долг 2900 руб. Официально он занял у воеводы 1363 руб. 25 алт. 3 денги, а в якутской казне 300 руб. Позднее у Д. Францбекова были изъяты кабалы общей суммой 6763 руб. 19 алт.[27], полученные от 63 служилых, торговых и промышленных людей. На Хабарове был долг 4382 руб. 22 алт. 2 деньги (Красноштанов, 2008. С.240–242, 250, 327–328, 336–337, 468). Перейдя на Амур, Е. Хабаров с выгодой перепродавал закупленное им снаряжение (в т. ч. незаконно и государственное). За набор: пищаль, 2 фунта пороха, 2 фунта свинца и котел (4 фунта) участники экспедиции отдавали от 70 руб. и больше. Таким образом, он участвовал в оснащение части своего отряда, но не всей. Позднее бывшие с ним люди отмечали, что «многие были на своих подъемах, а не на Хабарова» (Красноштанов, 2008. С. 321; Албазинское воеводство, 2019. С. 54, 60[8]).

Д. Попов получил в займ от Францбекова 600 руб.[28] На эти деньги он снарядил 9 чел. «на своих проторях, должась великими долгами, хлебными запасы и оружьем, и порохом, и свинцом, и всякими служилыми заводы». Сам Д. Попов был «на боях» в куяке, «шапке железной» и наручах. Его пример показывает, что охотники серьезно воспринимали покорение Амура и тратили на вооружение большие деньги (Красноштанов, 2008. С. 251, 275) (рис. 2).

Очень острой была проблема снабжения полка продовольствием. В отписке в Москву Д. Францбеков, опиравшийся на опыт Е. Хабарова, отметил, что для питания одного человека от

[24] Францбеков выдавал кабалы и на меньшие суммы. Например, Кирил Кобель получил 10 руб.

[25] Очень большое значение имело наличие топоров, с помощью которых делали суда и жилище. Люди из отряда И. Нагибы писали, что они «наги и босы, голодны, и холодны, со всякие нужи вконец погибаем, потому что у нас топоров нет». Кроме того, нужны были и другие инструменты: напареи, сверла и тесла (Красноштанов, 2008. С. 333).

[26] Францбеков в своей духовной грамоте по кабалам завещал простить заемщикам их долги (Красноштанов, 2008. С. 333).

[27] Кроме того, у воеводы забрали наличными 4155 руб. и пушнины на 2123 р. 8 алт. 2 деньги.

[28] Часть денег он, вероятно, вернул после возвращения в 1651 г. У воеводы оставалась кабала на 332 руб 16 алт. 4 деньги.

Рис. 2. Ратник полка Е. Хабарова 1650–1653 гг.[29]
Fig. 2. Warrior of the E. Khabarov regiment 1650–1653

[29] Ратник полка Е. Хабарова одет в «шубу нагольную (мехом наружу – Авт.) даурскую с полурукавами», «озям даурский рудожелтой (желтый с красноватым оттенком, рыжий – Авт.) золотной, подложеный камкою лазоревою», «штаны даурские камчатые» красного цвета и собольи рукавицы, даурский пояс с металлическими бляшками и русские черные сафьяновые сапоги. Он вооружен пищалью, саблей и ножом. На его поясе висит пороховница с государственным орлом (аналогичная экспонатам, хранящимся в Оружейной палате) (Албазинский острог…, 2019. С. 228–230). Защитное вооружение соответствует по комплектности вооружению казака Дружинки Васильева Попова: якутский куяк, наручи и «шапка ерихонская».

Якутска до Тугирского волока требовалось 7 пудов хлеба (Красноштанов, 2008. С. 270; Албазинское воеводство, 2019. С. 25[8]). Таким образом, отряд в 100–150 чел. съедал около 700–1050 пудов хлеба только на пути к сухопутному переходу на р. Амур. Стоимость 1 пуда хлеба в Якутске в 1650 г. равнялась 1 руб.[30], а в 1651 г. – 1 руб. 40 алт. По мере удаления от Якутска цена хлеба существенно возрастала. Е. Хабаров на Тугире и Урке оценивал пуд хлеба в 10 руб. (Красноштанов, 2008. С. 322, 331).

В Якутске не было собственного хлеба и запасы его в казне были сильно ограничены. Летом 1650 г. якутский воевода снова, как и в 1649 г., «взял» хлеб «на государя» у торговых людей в Якутском остроге (Красноштанов, 2008. С. 224, 239). Однако очевидно, что в Якутске, ни у государства, ни у частных предпринимателей не было ресурсов продовольствия, которым можно было бы обеспечить большую экспедицию. Хлеба и в 1650 и в 1651 г. едва хватало, чтобы обеспечить 130–150 чел. Однако Д. Францбеков делал ставку на даурский хлеб.

После первого прихода на р. Амур Е. Хабаров считал, что запасов хлеба в даурских городках хватит на 2–3 года[31], а затем увеличил свои расчеты до 5 лет. Эти сведения, вероятно, не являются сильным преувеличением. Зимой 1650 – весной 1651 г. запасов одного Албазина хватило для питания более чем 200 чел.[32] При этом еще осталось 200 пудов хлеба и 20 пудов овса. В 1651 г. Е. Хабаров писал в Якутск, что у дауров можно «взять» хлеба на 20 000 служилых людей. Это было несомненным преувеличением. Его сподвижники считали, что запасов зерновых хватит, чтобы год кормить 5000–6000 чел. Д. Францбеков под впечатлением того, что в Приамурье в изобилии произрастает ячмень, овес, просо, горох, гречиха и конопляное семя, поспешил сообщить в Москву «в Якутский острог хлеба присылать будет не надобно» (Красноштанов, 2008. С. 216, 269, 366; Албазинское воеводство, 2019. С. 25[8]).

Снабжение пополнения, отправленного из Якутска Т. Чечигиным, производилось также в основном на средства, занятые у Д. Францбекова. Из государственной казны были отправлены пушка, 30 пуд. пороха «дано 7 бочек малых, в которых мочно порох на нартах через Даурский волок перевесть … Весом те бочки 3 пуда», 30 пуд. свинца и стопа писчей бумаги (Красноштанов, 2008. С. 298–299, 305, 307; Албазинское воеводство, 2019. С. 43[8]).

Условия перехода из Якутска до р. Амур. Наиболее удобным путем из Якутска до р. Амур считался маршрут, пролегающий сначала по р. Лене, затем по рекам Олекме и Тугирю и затем через Тугирский волок на р. Урку, впадающую в р. Амур. В августе 1649 г. Д. Францбеков считал, что большой отряд может пройти его за 15 недель. В 1650 г. полк Е. Хабарова преодолел эту дорогу гораздо быстрее, немногим более, чем за 2 месяца неспешного пути: «мешкотно, запасы уметывали и стоянки были». Якутские казаки в Москве докладывали, что путь до Даурии из Якутска занимает 9 недель, однако они укладывали в него и 3 недели спуска в низовья Амура. Обратный путь от устья р. Зеи до Якутска занимал 6,5 недель. Таким образом, в среднем, этот маршрут преодолевали за 7 недель (Красноштанов, 2008. С. 212, 342–343, 357; Албазинское воеводство, 2019. С. 17, 48–49[8]).

[30] В этом же году 1 пуд соли стоил 8 алтын 2 деньги.

[31] Естественно, несмотря на то, что хлеб являлся основой рациона, члены экспедиции максимально использовали для питания все возможные природные ресурсы. На Амуре это была рыба. Ее ловили в больших количествах и забирали в качестве трофея (вяленую) в селениях приамурских народов. Зимой добывали из ям подо льдом. Кроме того, хабаровцы захватывали большое количество даурских лошадей и крупнорогатого скота. Коней перевозили на судах, несколько раз их использовали для преследования дауров, но в итоге, скорее всего, также съели (Красноштанов, 2008. С. 266, 318, 322; Албазинское воеводство, 2019. С. 22, 33–35, 38–39).

[32] Изобилие хлебных запасов в даурских городках привело к их «нецелевому» использованию. Е. Хабарова обвиняли в том, что он «городов Албазина и Атуя в вино и пиво переварил, продавал по чаркам и ведрам в кабалы». Подобная же ситуация повторилась в Мингальском зимовье (Красноштанов, 2008. С. 347; Албазинское воеводство, 2019. С. 55).

1. Путь от Якутска до Тугирского волока. В 1651 г. путь отряда Третьяка Чечигина из Якутска до Тугирского волока составил 6 недель и 2 дня[33]. По данным посланцев Е. Хабарова, малыми дощениками по 30 чел. в судне до Олекмы из Якутска добирались 8 дней[34], затем Олекмой и Тугирем до волока – 4, 5 недели. Эти данные подтверждаются и другими участниками похода (Красноштанов, 2008. С. 304, 343,357; Албазинское воеводство, 2019. С. 50[8]).

2. Путь через Тугирский волок. Обычно отсчет этого пути велся от 2 зимовий промышленных людей, построенных Ивашкой Квашниным[35]. Впервые «официально»[36] он был проложен в марте 1649 г. 4-мя служилыми людьми из отряда В. Юрьева (березовский пятидесятник) и А. Оленя (енисейский казачий десятник): Ларкой Барабанщиком, Анашкой Воробьем, Ивашкой Осетром и Марчко Васильевым[37]. Путь от Тугирского зимовья до устья реки Урки они прошли налегке «негрузными нартами» за 2 дня. Отряд, передвигаясь к Амуру, «на стоячем лесу тес тесал», т. е. отмечал свой маршрут, делая зарубки на деревьях. Выйдя на р. Амур, они также измерили ширину реки, определив, что по ней можно плавать большими судами (Красноштанов, 2008. С. 210–211; Албазинское воеводство, 2019. С. 14–15[8]).

В январе 1650 г. продвижение первого отряда Е. Хабарова, состоявшего из 49 чел., «нартами налегке» по Тугирскому волоку до устья р. Урки заняло 7 дней. Вернувшиеся в 1652 г. от Хабарова посланцы сообщили, что через волок на Амур «с ношами пешего хода» – 8 дней. Обратный ход из Тугирского зимовья до Якутска (реками Олекмою и Леной) занимал 2 недели и день (Красноштанов, 2008. С. 216–217, 343, 357; Албазинское воеводство, 2019. С. 48–50[8]).

Естественно, с грузом переход занимал гораздо больше времени. Осенью 1650 г. отряд с оружейной казной полка Е. Хабарова, шедший вслед за основными силами на лыжах нартами, преодолел отрезок пути от Олекмы до Амазара за 7 недель[38] (Красноштанов, 2008. С. 261, 263). Весной 1652 г. Иван Артемьев сын Портняга, 7 чел. даурских новоприборных казаков вместе с 11-ю (по другим данным 13-ю) якутскими служилыми людьми «старого прибору» переправляли через волок 60 пудов пороха и свинца[39]. Таким образом, на одного человека приходилось около 3 пудов казенного груза (48 кг), не считая вес собственного снаряжения. Интересно отметить, что путь по волоку «стороною не дорогою» также отнимал много времени. У четверых человек из полка Е. Хабарова с вещами «на себе в ношах» он занял 12 дней (Красноштанов, 2008. С. 304–305, 311, 533; Албазинское воеводство, 2019. С. 48–49[8]).

3. Путь по Амуру. Перейдя волок, отряд добирался до устья реки Урки. Здесь делали большие суда – дощаники, вмещающие 40–50 чел.[40] Важно, чтобы река была полноводной, иначе при

[33] Этот же маршрут преодолевали и за большее время. Г. Выжовцов, промышленный человек из Колмогорского уезда, в1647 г. добирался из Якутска до своего зимовья в верховьях Туриря 14 недель: от Якутска до устья Олекмы 2,5 недели, отсюда до устья Тугиря 8 недель и 4 недели по Турирю до зимовья (Красноштанов, 2008. С. 550).

[34] Обратный путь от Олекминского острожка до Якутска якутские служилые И. Тимофеев и 5 чел., возвращавшиеся из Даурии в 1659 г., преодолели в лотке за 6 дней (Красноштанов, 2008. С. 550).

[35] Зимовья, построенные Ивашкой Квашниным и Однрюшкой Ворыпаевым, представляли избу, а «на против изб по сеням», без острога (Красноштанов, 2008. С. 307; Албазинское воеводство, 2019. С. 27).

[36] Естественно, до этого момента промышленные люди уже имели опыт проникновения в Даурию по этому маршруту.

[37] Разведка была произведена из Якутска по приказу якутского воеводы В. Пушкина и дьяка К. Супонева.

[38] По другим данным 40 чел. на лыжах с нартами, имеющими груз по 10 пудов, шли по Олекме до Тугиря 10 дней, затем волокли по Тугирю 2 недели до волока, и еще 2 недели по волоку до Лавкаева городища (Албазинское воеводство, 2019. С. 53).

[39] До Тугирского волока люди и грузы умещались на одном дощенике. В его оснастке был 21 пуд подчалов и бечев. Вероятно, их использовали и для волока грузов нартами.

[40] В 1650 г. якори на дощаники и легкие суда кузнецы выковали в Албазине. Интересно, что струги дючеров также были рассчитаны на 50–60 чел. (Албазинское воеводство, 2019. С. 39, 55).

передвижении возникали проблемы. Например, людям, пришедшим на р. Амазар в ноябре 1650 г., из-за малой воды пришлось оставить «дощаник 10 сажен» и сделать «барку 5 сажен». Однако и ее на порогах и шиверах разбирали, перенося казну по берегу на себе (Красноштанов, 2008. С. 261, 263, 302; Албазинское воеводство, 2019. С. 50[8]).

Маршрут по Амуру наиболее полно описан в показаниях казаков С. Андреева и Ф. Самсонова[41]:

« ... от устья Урки до Албазина – 1 сутки

от Албазина до Гойгударова городка – 3 суток

от Гуйгударова до Банбулаева городка – 1 сутки

от Банбулаева городка до устья р. Зеи и Кокорева улуса – 2 суток

от устья Зеи до Толгинова городка – 1 сутки

от Толгина городка до Каменю (граница даурской земли с дючерами) – 4 суток

от устья Зеи до владений гиляков – 10 дней».

Обратная дорога вверх по течению Амура занимала существенно больше времени. Например, один из отрядов Е. Хабарова плыл от устья р. Зеи до устья р. Урки 2,5 недели. Пройти путь вверх Амура с помощью бечевника, когда судно люди тянули бечевой вдоль берега, можно было только от р. Сунгари (Красноштанов, 2008. С. 342–343, 366; Албазинское воеводство, 2019. С. 48–49, 50, 56[8]).

Боеспособность Амурского войска. Данные о том, сколько ратников нужно для присоединения Даурии, изменялись в процессе получения информации о новой земле. В августе 1649 г. воевода Д. Францбеков, на основании имевшихся у него данных считал, что покорить новый край смогут 300 чел., при том что 1000 чел. требовалось для действий в Якутии. Е. Хабаров, вернувшись с Амура в Якутск, 26 мая 1650 года доложил, что для присоединения Амура и боевых действий против «князя Богдоя», о котором он получил сведения от местных жителей, необходимо 6000 ратников с пушками. В 1652 г. после реальных столкновений с маньчжурами эта цифра возросла до 40 000 служилых людей с огнестрельным оружием и артиллерией, иначе «*той земли обладать не можно, потому что та земля многолюдна и бой огненной*» (Красноштанов, 2008. С. 212, 248, 323, 342–343). Впрочем, для ведения боевых действий против народов, живших в Приамурье, было достаточно полка, увеличившегося к 1653 г. до 400 чел.

Военные силы дауров, дючеров, и гиляков, населявших Амур, довольно сложно оценить точно[42]. Сведения о них разрознены и нередко преувеличены. Однако в целом об их возможностях мы можем судить из результата их противостояния с русскими силами, действовавшими в Приамурье. Первый отряд, пришедший на р. Амур, порядка 50 чел., пытался взять штурмом Албазинский городок, в котором укрывались 300–400 чел. Русские штурмовали Албазин, укрываясь от стрел за большими щитами и имея в тылу укрепление («избу о четырех житьях … в ней четверы бои»), построенное на дистанции выстрела из лука от даурской крепости. Штурм не удался. По разным сведениям, потери осаждавших ратников исчислялись 15 ранеными и 4-мя убитыми[43]. Урон, нанесенный даурам – от 20 до 40 чел. убитыми. После этого «служилые вольные люди» Иван Посохов и енисеец-толмач Костка Иванов заняли пассивную оборону в своем острожке, дожидаясь прихода полка Е. Хабарова. Дауры, в свою очередь, также не смогли ничего предпринять против русского укрепления. Оно не было даже блокировано т. к., находящиеся в нем ратники совершили 12 походов за аманатами. Блокада требовала объединения сил нескольких князей, которые должны были долго оставаться на одном месте вокруг русского острожка. Вероятно, военная организация дауров была не приспособлена для таких действий, или даурская аристократия не ви-

[41] О местонахождение даурских городков (Гонсович, 1913).

[42] Б.О. Долгих считал, что в этот период в Приамурье проживало 18 065 трудоспособных мужчин у дауров, дючеров, гиляков, тунгусов и др. (Долгих, 1958; Долгих, 1960. С. 613).

[43] Дьяк П. Стеншин писал о 25 убитых членов отряда Е. Хабарова, но это скорее всего преувеличение (Албазинское воеводство, 2019. С. 17).

дела в русском отряде большой опасности (Красноштанов, 2008. С. 217, 257–259).

В землях дючеров и гиляков, стоявших на более низкой ступени общественного развития, чем дауры, и имевших менее совершенную военную организацию, малочисленные русские отряды также были под угрозой уничтожения. Эти выводы подтверждаются и сведениями самих «хабаравцев» отмечавших, что «в низ Амура без 100 чел. не пройти». При этом силы гиляков оценивались в 4000 «луков добрых и надежных бойцов, опроче старых и малых» (Красноштанов, 2008. С. 339, 347).

Показательным примером в этом отношении является путь отряда Ивана Нагибы и Ивана Уварова (6 якутских служилых людей и 21 новоприборный даурский человек). Все дни, когда их дощаник плыл на низ Амура от Банбулаева города до земли гиляков, его по берегу сопровождали дауры (на конях) и дючеры. Они не давали пристать к берегу. Около 20 стругов с воинами постоянно беспокоили русских, нападая из-за островов и подбираясь ближе («скрадывая») по ночам. Гиляки придерживались подобной же тактики «выдавливания» чужеземцев из своих земель в сторону моря «за нами скоп учинили в многих стругах, с щитами провожали от улуса к улусу атаковали и наперед и из прикрыта». Отряд Нагибы выиграл два боевых эпизода, нанеся гилякам серьезный урон. В первом случае бой произошел в улусе, где гиляки устроили засаду, заманивая пришельцев к запасам вяленой рыбы. Последние вышли на берег, прикрывшись щитом, и в бою убили больше 30 чел. Во втором случае гиляки «во многих стругах» напали на берегу Амурской губы, где русские делали нашвы на свое судно «для морского ходу». Защищаясь, они пробили один струг, после чего в морской воде погибли около 40 гиляцких «мужиков». За время всей экспедиции отряд не потерял ни одного человека, но был вынужден покинуть Приамурье (Красноштанов, 2008. С. 295, 311, 314–318; Албазинское воеводство, 2019. С. 44, 59[8]).

Таким образом, отряд, насчитывавший менее 100 чел., не мог рассчитывать на серьезный военный успех на Амуре, особенно в зоне проживания дауров, которые имели достаточно развитую военную организацию и укрепленные городки. Однако, укрывшись за стенами небольшого острога, он мог быть в относительной безопасности, по крайней мере, до того момента, пока было достаточно продовольствия.

С осени 1650 г. когда русские силы в Приамурье стали насчитывать около 200 ратников, противостоять им в открытом сражении местные народы уже не могли. Все походы хабаровцев завершились победой. В том числе и против сил, объединенных с маньчжурами, располагавшими 6 пушками и 30-ю трех- и четырехствольными пищалями[44]. Потери убитыми в 1650–1652 г. были небольшими – 4 чел. при штурме города князя Гуйгудара, 1 чел. (Николай Ермолаев) при обороне Ачанского городка, и еще 10 чел. там же во время сражения с маньчжурами. Подводя итоги походов по Амуру в 1651–1652 гг., Е. Хабаров отчитался о 20-ти убитых[45] (Красноштанов, 2008. С. 323; Албазинское воеводство, 2019. С. 33–34, 39, 43, 48[8]).

Наибольший урон «хабаровцы» несли от попаданий стрел. Дружинка Попов, имевший хороший комплект доспехов: куяк, шапку железную и наручни писал: «приходили многие стрелы, и меня ... ранили, наручень пробили у правой руки и уранили в мышку, и по полым местам ранили в правую ногу по берцу, а мою ногу по колену. И от тех ... ран я, ... лежал многое время». Коземка Федоров Байкаловский, имевший большой опыт службы в Енисейске, Братске и «байкаловских острогах», писал, что «в той даурской службе из-

[44] Маньчжуры 600 чел. на конях, по 3 лошади на 2-х чел., 420 чел. из Манзанского улуса, 500 чел. дючеров и еще 500 чел. из других улусов. Хабаровцы захватили 830 лошадей с хлебными запасами, две пушки «малых железных, привязаны верхами на конях, 17 пищалей тройные» и 1 пищаль с 4 стволами (Красноштанов, 2008. С. 292; Албазинское воеводство, 2019. С. 41–42).

[45] Позже к ним добавились потери, понесенные в результате междоусобицы. Е. Хабаров, видимо, казнил часть несогластных с его руководством: «от его … побой и мук умирало много … батогами бил вместо кнута без рубах насмерть» (Красноштанов, 2008. С. 345).

ранен я двенатцатью ранами стрельными» (Красноштанов, 2008. С. 275, 474). Значительная часть полка не имела дорого защитного вооружения, поэтому в течение 1–2 лет, прошедших с начала похода, большинство людей получили ранения[46].

Укрепления даурских городков оценивалось «хабаровцами» не очень высоко: «в том де городке пять башен. А городок де огорожен также, как юрты деланы, жердями. А щели де с обе стороны замазаны глиною. А городок де ево вдоль сажен з двадцать, а поперек сажен с пятнадцать. А башнишка деланы также, как и юрты. *А крепость де тот городок – от стрелы, а ис пищали де – простреlить насквозь по обе стороны*. А около городка де был ров не в большего человека глубиною. А из городка де были в ров подлазы. А надолб де и тайников не было» (Красноштанов, 2008. С. 217, 257–259). Впрочем, единственный серьезный штурм крепости князя Гуйгудара показал, что взять ее было не просто. Ратникам Е. Хабарова пришлось применить артиллерию и осадные приспособления: «учиня крепь …стали бить по башням …и у башни стену пробили», «куячные люди, а иные служилые за щитами, стену отняли». Три пушки за день расстреляли 3 пуда пороха и свинца (Албазинское воеводство, 2019. С. 33–35)[8]. Это около 30 % боезапаса, выданного к орудиям в Якутске в 1650 г. Если бы дауры защищали свои городки и дальше, то положение полка Е. Хабарова могло сильно усложниться. Однако огромные потери[47], понесенные даурами во время этого боя, видимо, повлияли на то, что все остальные городки они сдавали без боя.

Особняком от остальных крепостей стоит даурский Толгин городок, занятый Е. Хабаровым в сентябре 1651 г. «Толгин городок крепок был выше меры, в две стены рублен в целом древе. *А промежу стенами был сыпан хрящ*. И кругои города было копано три ряда, по три сажени глубина, а широта по четыре сажени». Русским оставалось только добавить башни, чтобы превратить его в хорошо укрепленную базу, из которой удобно было контролировать значительную часть Амура. По приказу Е. Хабарова ратники его полка сделали «на городе тройной чеснок, и аманатский двор. Кругом аманатского двора поставили тын стоячий да нарубили в городе четыре башни, и на башни поставили пушки[48]». Заметим, что имея стены, усиленные хрящем, Толгин городок мог успешно противостоять и огнестрельному оружию. Однако дауры ничего не предприняли для его защиты. (Красноштанов, 2008. С. 286; Албазинское воеводство, 2019. С. 56[8]).

Например, подобное укрепление, имевшее три башни, возвела часть полка, отколовшаяся от Е. Хабарова в низу Амура: «и середи Гиляцкие земли острог поставили тебе, государю, з башнями, и тарасы нарубили, и хрящем насыпали для ради иноземносково приходу». Е. Хабаров направил против этой крепости всю свою огневую мощь, но безрезультатно: «учинил роскаты, и на роскаты вкатил пушки, и велел стрелять ис пушек служилому человеку Онофрею Степанову да охочему служилому человеку Титу Левонтьеву осташковцу. И иным служилым людем велел стрелять по аманатскому двору … острогу, и по нас, холопям … велел стрелять из мелкого оружья с раннего обеда до вечера». Видя, что обстрел никого «в

[46] В документах упоминаются раненые в 1650–1652 гг.: 20 (по другим данным 0) – у Лавкаева города, 9 (по другим данным 0) – у города князя Атуя, 45 (по другим данным 30) по другим данным – у города князя Гуйгудара, 5 (по другим данным 10) – во время штурма Ачанского городка ачанами и дючерами, 78 (по другим данным 80) – при отражении нападения маньчжуров на Ачанский городок. Всего 157 чел. Это ¾ от состава полка Е. Хабарова до его соединения с Т. Чечигиным. Даже если учесть то, что некоторые люди могли быть ранены дважды и трижды. В последней отписке Е. Хабаров также заметил в заключение: «во оных походах убито 20 человек раненых 59 человек». Вероятно, эти цифры отражают потери войска после включения в него подкрепления Т. Чечигина, т. к. они не соответствуют упоминаемому количеству убитых и раненых из этого же и предыдущих его донесений (Красноштанов, 2008. С. 266, 292, 323; Албазинское воеводство, 2019. С. 22, 33–34, 39, 43, 48).

[47] По данным Е. Хабарова, И. Посохов писал, что в этом бою у дауров убили 200 чел. и 50 чел. бежало (Красноштанов, 2008. С. 282).

[48] Толгин городок сжег волный охочий казак Петрушка Оксенов (Албазинское воеводство, 2019. С. 38).

остроге неймет», Е. Хабаров приказал сделать осадные щиты и идти на штурм, после чего «смутьяны» сдались (Красноштанов, 2008. С. 346, 475). Интересно, что и Толгина и эта крепости были разрушены и сожжены Е. Хабаровым, хотя обе из них могли стать надежными опорными пунктами русских на Амуре.

Угроза появления на Амуре маньчжурских войск поменяла расклад в соотношении сил. Если 350 чел. были готовы зимовать на устье р. Зеи, то вследствие раскола отряда, оставшиеся 208 чел.[49] вынуждены были идти в низ Амура, на относительно безопасное расстояние от устья р. Сунгари, откуда можно было ждать «богдойские» войска (Красноштанов, 2008. С. 366).

Численность отрядов[50], которые отправляли в небольшие походы, определялась, видимо, исходя из ожидания того, с какими силами им предстоит столкнуться. В любом случае в лагере оставалось не менее 50–60 чел. Интересно отметить, что состав таких отрядов определялся по жребию, например, в поход на Гиляцкую землю: «по приказу … жеребьи метали по пяти человек с десятка». Иногда действовали небольшими группами, которые передвигались скрытно. В 1652 г. 36 чел. сопровождающих 4-х посланцев Хабарова в Якутск разгромили 3 улуса князей Емарды, Шангамона и Ундая, перебив в них всех «для того чтоб в Даурскую землю вести те Дауры не подали»[51] (Красноштанов, 2008. С. 342–343, 348; Албазинское воеводство, 2019. С. 48–49[8]).

Подводя общий итог, следует отметить, что администрация Якутского острога, объединив государственный и частный ресурсы, сумела направить в Приамурье силы, достаточные для присоединения нового края. Немаловажным моментом для привлечения добровольцев в даурскую экспедицию стала договоренность о возможности перехода охочих людей на государственную службу в статусе служилого сословия. Транспортная система позволяла в летне-осенний период достаточно быстро отправлять на р. Амур людей и грузы. Однако экспедиции 1649–1651 гг. исчерпали возможности как государственной казны, так и частных инвесторов Якутска в отношении обеспечения военного контингента в Приамурье. Воевода Д. Францбеков делал ставку на то, что ратники полка Е. Хабарова сами обеспечат себя продовольствием за счет хлеба, захваченного или выращенного в Даурии, а их дальнейшее содержание возьмет на себя государство. Эти обстоятельства ставили полк Е. Хабарова в крайне уязвимое положение, которое в полной мере раскрылось позднее, когда в борьбу за Приамурье включились маньчжуры.

---

[49] Из оставшихся после ухода части полка 212 чел. четверых Е. Хабаров отправил в Якутск.

[50] Походы полка Е. Хабарова. В скобках (руководитель / процент людей от общей численности полка). Ноябрь 1650 г.: а) к городу князя Атуя, 135 чел. в легких стругах (Дунай Трофимов, Т. Чечигин / 67 %), б) десятидневный поход вниз по Амуру от Албазина, на нартах с 2 пушками, почти все люди (Хабаров); декабрь 1650 г. по р. Шилке, 60 чел. (Т. Чечигин, С. Поляков, К. Иванов / 30 %); конец ноября 1651 г., на князя Кечу из Ачанского городка, 95 чел. (по другим данным 120 чел.) (С. Поляков и Д. Трофимов /50 (или 60) %).; июнь 1652 г. 2 раза отряд по 140 чел. на дючеров из улуса Тоенчи (Т. Чечигин / 40 %) (Красноштанов, 2008. С. 295; Албазинское воеводство, 2019. С. 22, 39, 43–44, 54, 57).

[51] При этом они потеряли только 2-х человек ранеными: С. Андреева и И. Телятьева.

Библиографический список

Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Черкасов. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 348 с.

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.

References

Zabiyako A.P., Cherkasov A.N. (2019) Albazin fortress: History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region. Novosibirsk: IAET SO RAN. 348 p. (In Russ.)

Aleksandrov V.A. (1984) Russia at the Far Eastern borders (second half of the 17th century). Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 272 p. (In Russ.)

Амур – река подвигов. Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1970. 975 с.

Алексеев А.И. Сыны отважные России. Магадан : Магаданское книжное издательство, 1970. 368 с.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток : Дальнаука, 1999. 336 с.

Бахрушин С.В. Казаки на Амуре. Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1925. 97 с.

Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений, XVII – середина XIX в. М.: Наука, 1983. 206 с.

Васильев Ю.М. Где искать Ачанский городок // Вестник ДВО РАН. 2002. № 1. С. 23–33.

Гонсович Е. Гора «Шапка» на Амуре // Сибирский архив. № 12, декабрь 1913. Минусинск, 1913. С. 505–522.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. Москва : Академия наук СССР, 1960. 622 с.

Долгих Б.О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII веке по русским источникам // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958. С. 125–142.

Красноштанов Г.Б. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск : Приамурское географическое общество, изд-во «РИОТИП» краевой типографии, 2008. 752 с.

Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М. : Просвещение, 1991. 143 с.

Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012. 321 с.

Мелихов Г.В. Маньчжуры на северо-востоке Китая (XVII в.). Москва : Наука, 1974. 246 с.

Павлик В. Долгий путь на Амур: Ерофей Хабаров и его «войско». Хабаровск : Изд-во Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры, 2004. 190 с.

Полевой Б.П. Изветная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Владивосток, 1995. Т. 2. С. 7–54.

Полевой Б.П. О местонахождении Ачанского городка // Советская археология. 1960. № 3. С. 328–333.

Сафронов Ф.Г. Ерофей Хабаров: Рассказ о судьбе русского землепроходца. Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1983. 112 с.

Чулков Н. Ерофей Павлов Хабаров. Добытчик и прибыльщик XVII века // Русский архив. 1898. № 2.

(1970) Amur is a river of exploits. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 975 p. (In Russ.)

Alekseev A.I. (1970) Brave sons of Russia. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 368 p. (In Russ.)

Artem'ev A.R. (1999) Towns and Forts of Transbaikalye and Priamurye in the second part of the XVII–XVIII centuries. Vladivostok: Dal'nauka. 336 p. (In Russ.)

Bakhrushin S.V. (1925) Cossacks on the Amur. Leningrad: Brokgauz-Efron. 97 p. (In Russ.)

Besprozvannykh E.L. (1983) Priamurye in the system of Russian-Chinese relations, XVII – mid XIX century. Moscow: Nauka. 206 p. (In Russ.)

Vasil'ev Yu. M. (2002) Where should we search for the Achansky township? *Vestnik DVO RAN = Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences.* No. 1. P. 23–33. (In Russ.)

Gonsovich E. (1913) Mount "Shapka" on the Amur. *Sibirskii arkhiv = Siberian Archive.* No. 12. Minusinsk. P. 505–522. (In Russ.)

Dolgikh B.O. (1960) Clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century. Moscow: USSR Academy of Sciences. 622 p. (In Russ.)

Dolgikh B.O. (1958) Ethnic composition and settlement of the Amur peoples in the 17th century according to Russian sources. *Sbornik statei po istorii Dal'nego Vostoka = Collection of Articles on the History of the Far East.* Moscow. P. 125–142. (In Russ.)

Krasnoshtanov G.B. (2008) Erofei Pavlovich Khabarov. Khabarovsk: Priamurskoe geograficheskoe obshchestvo, izd-vo "RIOTIP" kraevoi tipografii. 752 p. (In Russ.)

Leont'eva G.A. (1991) Explorer Erofei Pavlovich Khabarov. Moscow: Prosveshchenie. 143 p. (In Russ.)

Leont'eva G.A. (2012) Service people in Eastern Siberia in the second half of the XVII – first quarter of the XVIII century (based on materials from the Irkutsk and Nerchinsk counties). Moscow: MPGU. 321 p. (In Russ.)

Melikhov G.V. (1974) Manchu in the north-east of China (XVII century). Moscow: Nauka. 246 p. (In Russ.)

Pavlik V. (2004) The Long Way to the Amur: Erofey Khabarov and his "army". Khabarovsk: Izd-vo Khabarovskogo kraevogo blagotvoritel'nogo obshchestvennogo fonda kul'tury. 190 p. (In Russ.)

Polevoi B.P. (1995) Well-known petition of S.V. Polyakov, 1653, and its significance for archaeologists of the Amur Region. *Russkie pervoprokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. = Russian pioneers in the Far East in the 17th – 19th centuries.* Vladivostok.Vol. 2. P. 7–54. (In Russ.)

Polevoi B.P. (1960) On the location of the Achansk town. *Sovetskaya arkheologiya = Soviet archeology.* No. 3. P. 328–333. (In Russ.)

Safronov F.G. (1983) Erofei Khabarov: A story about the fate of a Russian explorer. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 112 p. (In Russ.)

Chulkov N. (1898) Erofei Pavlov Khabarov. Earner and profit man in XVII century. *Russkii arkhiv = Russian Archive.*

С. 177–178.

Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. I. 596 с.

No. 2. P. 177–178. (In Russ.)

Sherstoboev V.N. (1949) Ilimsk arable land. Irkutsk. Vol. I. 596 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Багрин Егор Андреевич,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-методической службы,
Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина,
190000, Санкт-Петербург, Сенатская площадь, 3, Россия,
✉ e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Information about the author

Egor A. Bagrin,
Cand. Sci. (History), leading researcher of the Scientific and Methodological Department,
Boris Yeltsin Presidential Library,
3, Senatskaya Square, Saint-Petersburg 190000, Russia,
✉ e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Заявленный вклад автора

Е.А. Багрин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

E.A. Bagrin carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 15 марта 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 10 апреля 2021 г.
Принята к публикации 19 апреля 2021 г.

Article info

Received March 15, 2021.
Received April 10, 2021.
Accepted April 19, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).048+568.9
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-115-126

Артиллерия в ходе первой осады Албазинского острога

© А.Ю. Лохов[a], И.Е. Еремин[b], А.В. Нацвин[b]

[a] Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище им. К.К. Рокоссовского, г. Благовещенск, Россия
[b] Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия

Аннотация: В статье авторами рассматривается комплексная реконструкция качественного и количественного состава русской и китайской пороховой артиллерии, непосредственно использованной в ходе первой осады Албазинского острога летом 1685 года. Также для более детального дополнения реконструкции использованы уже имеющиеся исследования в области военного исскуства в части, касающейся построения боевого порядка артиллерии и тактики противоборствующих сторон. Развитие пушечного вооружения в XV веке, всё чаще используемого при осадах крепостей, привело к тому, что уже в начале следующего века и в последующем практически полностью были вытеснены образцы осадных метательных систем. Безусловно, это обстоятельство вызвало существенное изменение в фортификационном зодчестве. Его основным критерием выступало соответствие новым военно-техническим требованиям к крепостному строительству, которое масштабно разворачивалось на всей территории России, в том числе и на Дальнем Востоке, где строительство крепостей рассматривалось приказной администрацией как способ закрепления за Российским государством новых территорий. Несмотря на несколько иной порядок сооружения, которое демонстрирует история основания дальневосточных острогов, следование общерусским нормам градостроительства всё же позволяет нам опираться на проекты, по аналогии с которыми возводились укрепленные поселения в Европейской России. Возводимые долговременные остроги в Приамурье своим основанием обязаны исключительно надвигающейся опасности со стороны маньчжуров и были способны противостоять пушечному бою, что подчёркивает важность выбранного авторами направления при проведении онтологической реконструкции Албазинского острога 1684 года постройки.

Ключевые слова: затинная пищаль, полковая пищаль, острог, цзянцзюньпао, хунъипао, габион, осадное орудие, колодное окно, трехмерное моделирование

Для цитирования: Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Артиллерия в ходе первой осады Албазинского острога // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 115–126. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-115-126

Artillery during the first siege of the Albazin fort

© Aleksei Yu. Lokhov[a], Ilya E. Eremin[b], Aleksei V. Natsvin[b]

[a] The Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky Far Eastern Higher Combined Arms Command School, Blagoveshchensk, Russia
[b] Amur state University, Blagoveshchensk, Russia

Abstract: The authors consider a complex reconstruction of the qualitative and quantitative composition of the Russian and Chinese gunpowder artillery directly used during the first siege of the Albazin fort in the summer of 1685. For a more detailed addition to the reconstruction authors also used already existing research in the field of military art in terms of the construction of the combat order of artillery and the tactics of the opposing sides. The development in the 15th century of cannon armament being more and more often used in the siege of fortresses, led to the fact that at the beginning of the next century and later the samples of siege throwing systems were almost completely replaced. Undoubtedly, this circumstance caused a significant change in fortification architecture, the main criterion for which was a compliance with the new military and technical requirements for fortress building, that was unfolding on a large scale throughout Russia, including the Far East, where the construction of fortresses was considered by the Prikaz administration as a way of securing new territories for the Russian state. Despite a slightly different procedure of construction, which is shown to us by the history of the founding of the Far East-

ern forts, adherence to the general Russian norms of urban planning still allows us to rely on projects by analogy with which fortified settlements were built in European Russia. The foundation of long-term forts in the Amur Region was exclusively caused by the impending danger from the Manchus. Hence the new forts were supposed to be able to withstand cannon battle, which emphasizes the importance of the chosen by the authors direction to carry out the ontological reconstruction of the Albazin fort built in 1684.

Keywords: fortress arquebus, regimental arquebus, prison, jiangjunpao, hongyipao, gabion, siege weapon, gun port block, three-dimensional modeling

For citation: Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2021) Artillery during the first siege of the Albazin fort. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 115–126. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-115-126

Военная энциклопедия 1911 года описывает Албазин как станицу Амурского казачьего войска на левом берегу Амура и подчеркивает, что с ее именем тесно связаны первые попытки русских обосноваться на этой реке. Перечисляются первые партии: письменный голова В. Поярков, отправленный якутским воеводой Головиным, соболинные промышленники – Выжигин, Квашнин и Барабанщик, Е. Хабарова (Величко, 1911).

С древних времен формирование Русского государства происходило в условиях непрерывной борьбы как в междоусобных войнах, так и с внешними врагами. Оборонное зодчество, начавшееся с примитивных укрытий, усложняясь по мере общественного развития, явило миру огромное разнообразие форм, соответствующих тому или иному времени. Возводимые твердыни всегда являлись показателями состояния государства. Появление огнестрельного оружия произвело резкий качественный сдвиг в фортификации. Анализ национального военного строительства (в англоязычной традиции – развития «военной организации») и приемов войны позволяет глубже понять механизм функционирования государственных институтов, оценить роль вооруженных сил как инструмента политики государства. В Китае под военным строительством понимают собирательный термин для всех задач, решаемых для повышения боеспособности армии. При этом употребляется выражение «цзюньдуй цзяньшэ» – «строительство армии», обозначающее как непосредственно военное, политическое и материально-техническое обеспечение вооруженных сил, так и в целом укрепление обороноспособности на государственном (общенациональном) уровне.

Исследования фортификационных сооружений Албазинского острога (далее – острог), а также его вооружения во время осадных действий, предпринятых Цинским Китаем в 1685 и 1686–1687 гг., являются актуальными еще со времен амурского сплава середины XIX века, проведенного под руководством Муравьева-Амурского (Забияко, Черкасов, 2019). Между осадами укрепления Албазинского острога были отстроены заново. При этом учтывались возросшие требования по обороноспособности, сохранялись более старые постройки. Таким образом, острог включал в себя восточную и южную «круглую» башни с воротами, двойные стены с бойницами, плетень, образующий вторую стену с засыпкой грунтом между ним и основной стеной, укрепления старого острога, западная одинарная стена, ров, вал, бойницы в стене для артиллерийского огня в сторону Амура, острые колья, врытые в землю (Трухин, Багрин, 2019. С. 395–401). Однако, несмотря на весомость накопленной информации, некоторые вопросы, связанные с тактико-техническими параметрами и боевым применением артиллерийских орудий, использованных противоборствующими сторонами в боях за острог в 1685 году (Рудакова, 2013; Багрин, 2013; Трухин, Багрин, 2019), требуют дополнительной проработки и детализации в целях дальнейшего анализа и уточнения.

Кроме того, для выявления дополнительных аспектов комплексного решения исследуемой задачи, по мнению авторов, целесообразно использовать комплексное согласование всего массива

доступных справочных данных и методологических наработок современной отечественной историографии (Тульнов, 2010). При этом в качестве первичного критерия объективной оценки общей эффективности предлагаемого метода можно ограничиться анализом адекватности традиционно используемых исторических источников фактически возможной картины наиболее рационального заполнения поля боя артиллерийским вооружением, построения боевого порядка и оборудования боевых позиций артиллерии и тактики противоборствующих сторон.

Очевидно, что возможность осуществления предлагаемого алгоритма основывается на детализации выборки ряда необходимых данных – количества и габаритных размеров всех разновидностей русских и китайских артиллерийских орудий, планиметрии внешних стен и башен Албазинского острога, способных как вести пушечный бой, так и противостоять ему, а также топологии устройства маньчжурских осадных батарей. Учитывая общую структуру исходной информации, первый шаг решения задачи был направлен на определение параметров русской крепостной артиллерии.

Конкретное число рассматриваемых орудий, указанных в источнике (Дополнения к «Актам историческим», 1867. С. 227–295), в начале 1685 года указывает на то, что на вооружении острога находились по меньшей мере три медные полковые и четыре железные затинные пищали.

Пищаль – общее русское название ранних образцов среднего и длинноствольного огнестрельного оружия прицельной (настильной) стрельбы. Впервые упоминается с конца XIV века, широко распространяется со второй половины XV века как самый многочисленный тип орудия. По сравнению с пушкой пищаль имела более длинный ствол и меньший калибр.

По назначению пищали подразделялись на стенобитные (осадные), затинные (крепостные) и полковые (полевые). Самые мощные стенобитные пищали имели собственные имена: «Инрог» (калибр 219 мм, масса 7,4 т, длина ствола 5,8 м) и «Лев» (183 мм, 5,6 т, 5,4 м), отлитые А. Чоховым в 1577 и 1590 годах. Первая из них применялась в Смоленской войне 1632–1634 годов, вторая – в Нарвском сражении 1700 года (ныне хранятся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге). Для стрельбы использовались железные, свинцовые и чугунные ядра, дробь (свинцовая и железная картечь), а с начала XVII века и разрывные снаряды. Эффективная дальность стрельбы даже самых мощных пищалей не превышала 600 м. Из-за сходства пищалей и пушек их часто смешивали в исторических источниках.

Процесс сближения между ними завершился в конце XVII века образованием одного типа орудий – пушек. К ручному огнестрельному оружию относились наиболее лёгкие затинные пищали, использовавшиеся в крепостях. Выделившиеся затем несколько типов ручного оружия имели общее название пищали: ручницы – оружие пеших воинов; завесные пищали – переносившиеся за спиной на ремне; недомерки – с укороченным стволом и другие.

С появлением фитильных замков ручные пищали приобрели свойства стрелкового оружия. Калибр ручной пищали доходил до 22 мм, масса – до 8 кг (при стрельбе обычно опиралась на бердыш или другую опору), дальность стрельбы составляла 150–200 м. Ручные кремнёвые пищали находились на вооружении российской армии до XVIII века. Воины, обслуживавшие пищаль-орудия или вооружённые ручными пищалями, назывались пищальниками. В Западной Европе оружие, подобное ручной пищали, называют аркебузой (Верховод, 2014).

При этом роспись Албазинского острога 1684 года (Трухин, Крюков, 2019)[1], а также работы (Лобин, 2012; Лобин, 2016; Крадин, 2002; Горбачев, Крадин и др., 2011) позволяют идентифицировать разновидности описываемых полковых орудий: одна 1¾-фунтовая пищаль с длиной ствола 2 аршина и 2 вершка; две двухфунтовых пищали – по 2 аршина и 3 аршина 7 вершков (рис. 1). Эти орудия могли поражать противника не с коротких дистанций (дробом), а с дальних, ибо длинный ствол в

[1] Албазинское воеводство: сборник документов / авторы-составители: В.И. Трухин, В.В. Крюков. 2-е изд., испр. и доп. Хабаровск, 2019. 610 с.

2,5 метра позволял уверено обстреливать противника цельными и цепными («на чепях») ядрами на дистанциях, превышавших ружейный выстрел пехотинцев (Лобин, 2012. С. 15–16).

Наиболее близким аналогом имевшихся затинных пищалей можно считать русский ¼-фунтовый крепостной фальконет. Фальконет – это старинное артиллерийское орудие небольшого калибра (2–10 фн.) с ядрами из свинца, использовалось на мелких судах; также было упомянуто в числе орудий, использованных французским королем Карлом VIII при походе в Италию в 1494 г. В XVIII в. фальконетами именовались полковые пушки 1–2-фунтового калибра (Брокгауз, Ефрон, 1902). Фальконет длиной 170 см представлен в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (рис. 2).

Ответ на вопрос о реальном месторасположении орудий в сооружениях острога справочной литературой освещен лишь частично (Забияко, Черкасов, 2019). Более или менее конкретно описаны только три полковые пищали, сгруппированные на боевом развале восточной проездной башни. При этом в росписи 1684 года указано наличие у развала четырех колодных (пушечных) окон, обычная трактовка расположения которых подразумевает их ориентацию по всем сторонам света. «На третьем мосту четыре окна колодные. Крыта тесом, зубцы на кровле, чердак для караула, да на той же башне орел, обит железом белым, да на той же проезжей башне три пищали медные на колесах в станках. Пищаль весом 19 пуд. 20 гривенок, ядра в

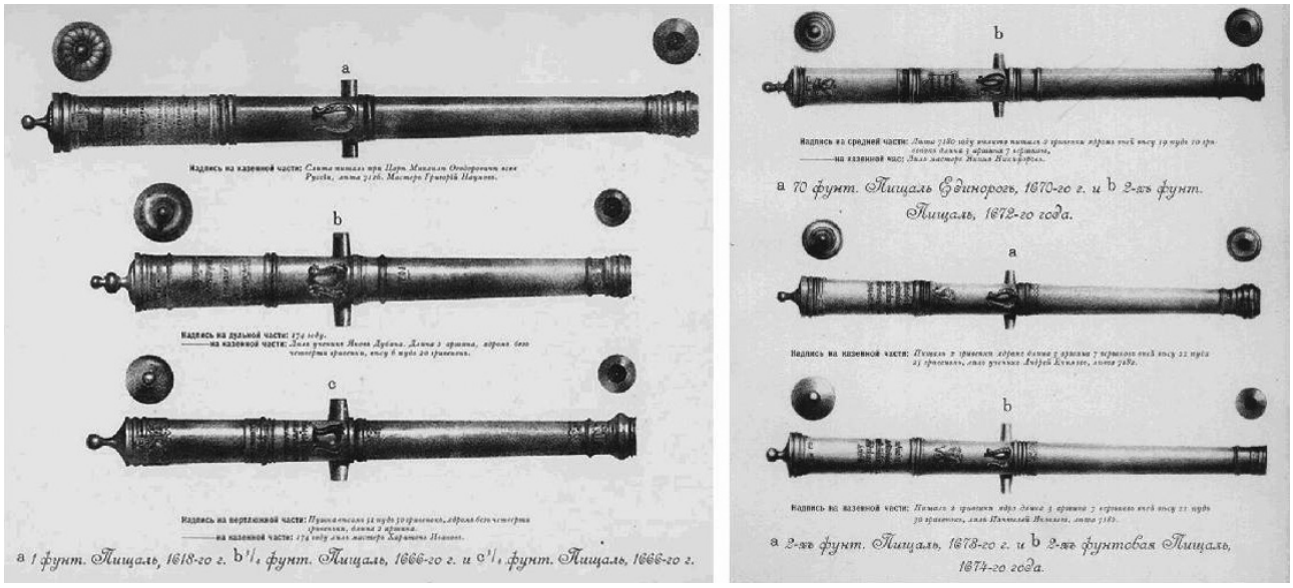


Рис. 1. Прорисовки медных полковых пищалей второй половины XVII века
Fig. 1. Drawings of the copper regimental arquebuses of the second half of the 17th century

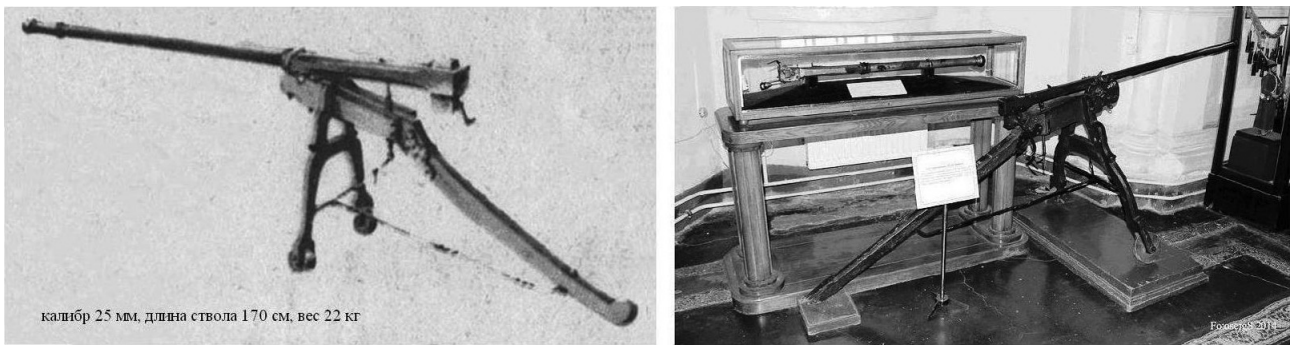


Рис. 2. Тихвинская железная затинная пищаль второй половины XVII века
Fig. 2. Tikhvin iron fortress arquebus of the second half of the 17th century

две гривенки, к ней 38 ядер. Другая пищаль весом 9 пуд 10 гривенок, ядром в 2 гривенки, 7 ядер. Третья пищаль весом шесть пуд 20 гривенок ядром гривенка, всех к ней 14 ядер» (Крадин, 1992). Однако компьютерное макетирование острога позволяет придти к выводу о практической нецелесообразности устройства колодного окна в западной стене разбираемого фортификационного элемента (Еремин, Нацвин, Трухин, Лохов, 2020). Скорее всего, фактическая конфигурация пушечных портов восточной башни была следующей. На ее восточной стене располагались два колодных окна, занятые двухфунтовыми пищалями, а на северной и южной стене было по одному окну, выборочно занимаемому более легкой пищалью. В свою очередь количество затинных пищалей (фальконетов) полностью согласуется с общим числом боевых мостов трех угловых башен (Еремин, Нацвин, Трухин, 2020). Действительно, согласно росписи 1684 года, на северо-восточной башне их было два, а на юго-восточной и юго-западной башне по одному.

Таким образом, комплексная информационная модель фактического состава и тактической диспозиции русской артиллерии во время первой осады острога может быть реконструирована в виде схемы, представленной на рис. 3. Предлагаемая методика обусловлена необходимостью функционального анализа мест расположения рассматриваемых орудийных установок для выработки уточненных и детализованных данных, необходимых при проведении реконструкции.

Предварительно целесообразно оценить тактику использования маньчжурской артиллерии. Конкретных данных весьма немного и есть острая потребность в привлечении новых источников. Однако то, что у маньчжур была хорошая артиллерия, с которой они умели обращаться, не вызывает сомнения. С 1631 г. любая атака маньчжурских войск

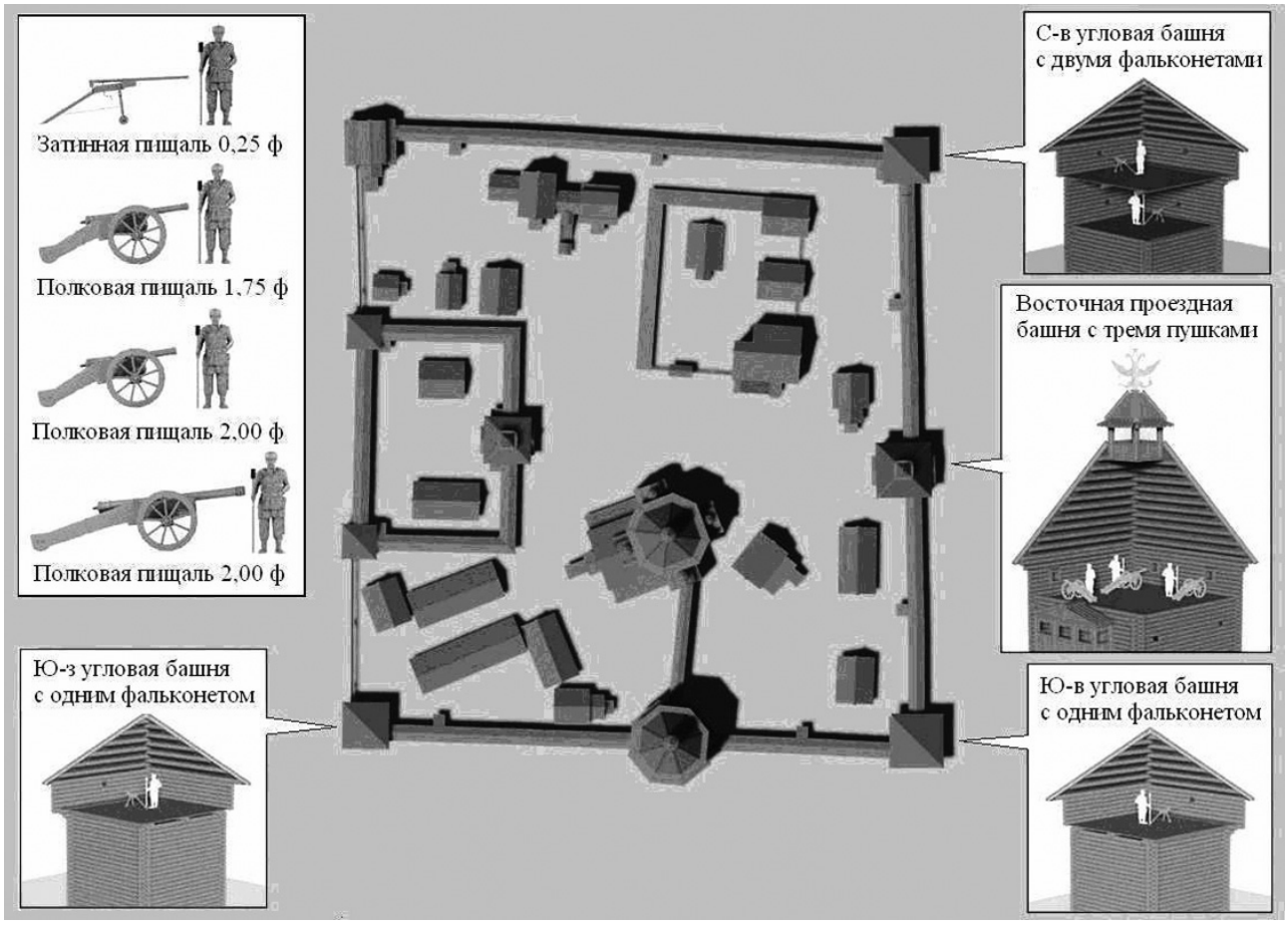


Рис. 3. Онтологическая реконструкция диспозиции русской артиллерии
Fig. 3. Ontological reconstruction of the disposition of the Russian artillery

сопровождалась артиллерийской поддержкой (Кычанов, 1986. С. 85). Маньчжуры применяли артиллерию во всех видах боя: при осадах и оборонах крепостей, в полевых сражениях, что обеспечивало сокращение потерь личного состава своих войск. При этом маньчжуры тяготели к применению орудий крупного калибра. Артиллерийские позиции хорошо оборудовались габионами, защищались от конных ударов рогатками. Таким образом, можно утверждать, что маньчжуры умели применять различные тактические приемы: фронтальный, фланкирующий, анфиладный (огонь с вынесенных за линию общего строя позиций, ведущийся вдоль фронта, – прим. авт.) к противнику (Слесарчук, 2000. С. 385)[2].

Вместе с тем на примере действий маньчжурских войск и их артиллерии в описании осады Кумарского острога, приводятся свидетельства не достаточного качества артиллерии. Поэтому для её улучшения маньчжуры обращались к помощи европейских специалистов, в частности, иезуитов, которые были при китайском дворе и помогали отливать пушки. При таком иностранном содействии отливались и сверхсовременные для того времени разрывные снаряды («гранаты») (Кычанов, 1986. С. 85).

Важно отметить, что маньчжурские войска тщательно и грамотно подходили к построению боевых порядков в действиях при осаде крепостей, стремясь тем самым максимально избежать больших потерь. Для этого применяли наступление в ночное время, оборудовали ложные позиции, различными способами воздействовали на боевой дух противника, задействовали перебежчиков. Если же противник упорно сопротивлялся, маньчжуры предпочитали организовать блокаду, широко используя заграждения. Например, в ходе осады Албазинского острога по всему сухопутному периметру были выкопаны вырыты рвы, расположены рогатки и вкопан деревянный частокол. Повсюду расставлены сторожевые посты (Мелихов, 1974. С. 177). Штурм проводился силами специально подготовленных и хорошо вооруженных воинов, имевших щиты особого типа. Также, по приказу маньчжурского императора, в качестве особой ударной группы был сформирован специальный отряд из нескольких сотен пленных китайцев с опытом форсирования рек. (Мясников, 1980. С. 179–180).

В процессе детализации тактико-технических характеристик артиллерийских орудий китайской стороны приходится отметить гораздо менее четкую аргументацию необходимых справочных данных. Единственным неоспоримым фактом является то, что Цинская армия использовала два типа орудий – полевые пушки – цзянцзюньпао и осадные пушки – хунъипао (Трухин, Багрин, 2019). При этом, судя по русским архивным источникам, осадные орудия обладали калибром от 12 до 20 фунтов и длиной ствола в полторы и две печатные сажени. Про полевые орудия сведений меньше, так как документально подтверждается только их длина, составлявшая одну сажень и менее.

Результаты определения возможного облика исследуемых пушек, полученные с помощью глобальной электронной сети, представлены на рисунке 4.

Принимая во внимание недостаточную полноту собранной информации, авторами было осуществлено компьютерное моделирование и 3D-печать всего рассматриваемого набора как русских, так и китайских орудий (рис. 5).

При определении фактического количества китайских орудий, использованных во время единственного штурма острога 16 июня 1685 года, авторам приходится сталкиваться с явной противоречивостью сохранившихся данных. С одной стороны, русские архивы дают явно завышенную информацию (Забияко, Черкасов, 2019). Например, по одним источникам летом 1685 года многотысячное маньчжурское войско при наличии 150 орудий окружило Албазинский острог и приступило к его осаде (Величко, 1911). Настоятель Спасского монастыря Гермоген в своем донесении в Москву писал, что непосредственно у стен острога находились 150 полковых и 50 проломных пищалей. Другой информатор – крестьянин Никифоров рассказывал

[2] Слесарчук Г.И. (сост.) Русско-монгольские отношения. 1685–1691: сборник документов / Демидова Н.Ф. (отв. ред.). М.: Восточная литература, 2000. 488 с.

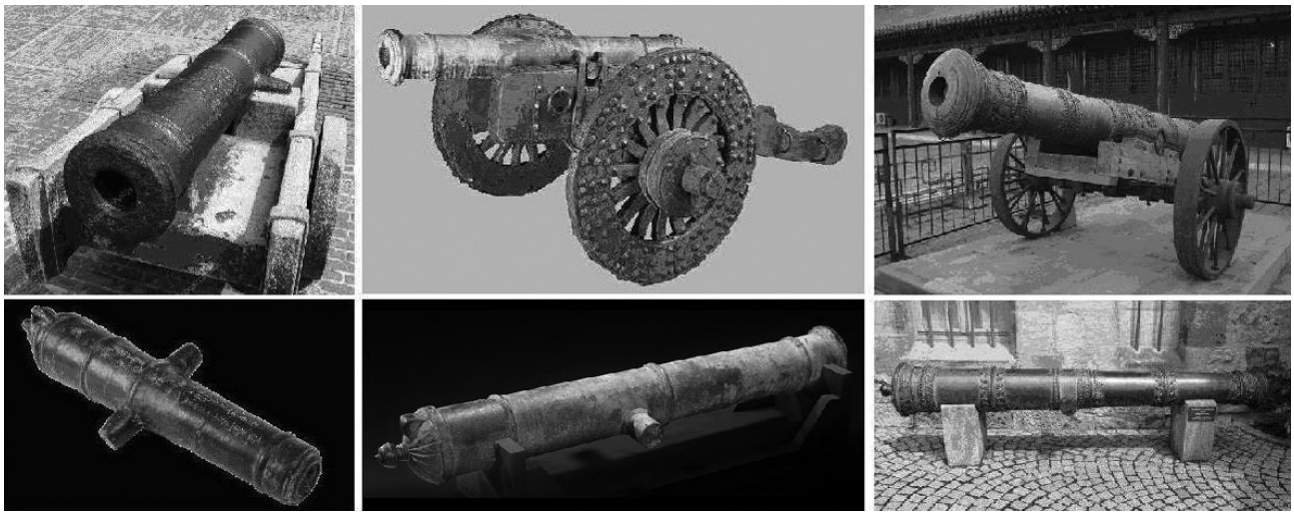


Рис. 4. Аналоги китайской артиллерии середины XVII века. Слева направо: цзянцзюньпао калибром в 0,9 фунта; цзянцзюньпао калибром в 3,6 фунта; хунъипао с диаметром канала ствола 17 сантиметров и длиной 3,5 метра
Fig. 4. Analogs of the Chinese artillery of the middle of the 17th century. From the left to the right: jiangjunpao with the caliber of 3.6 pounds; hongyipao with the bore diameter of 17 centimeters and the length of 3.5 meters

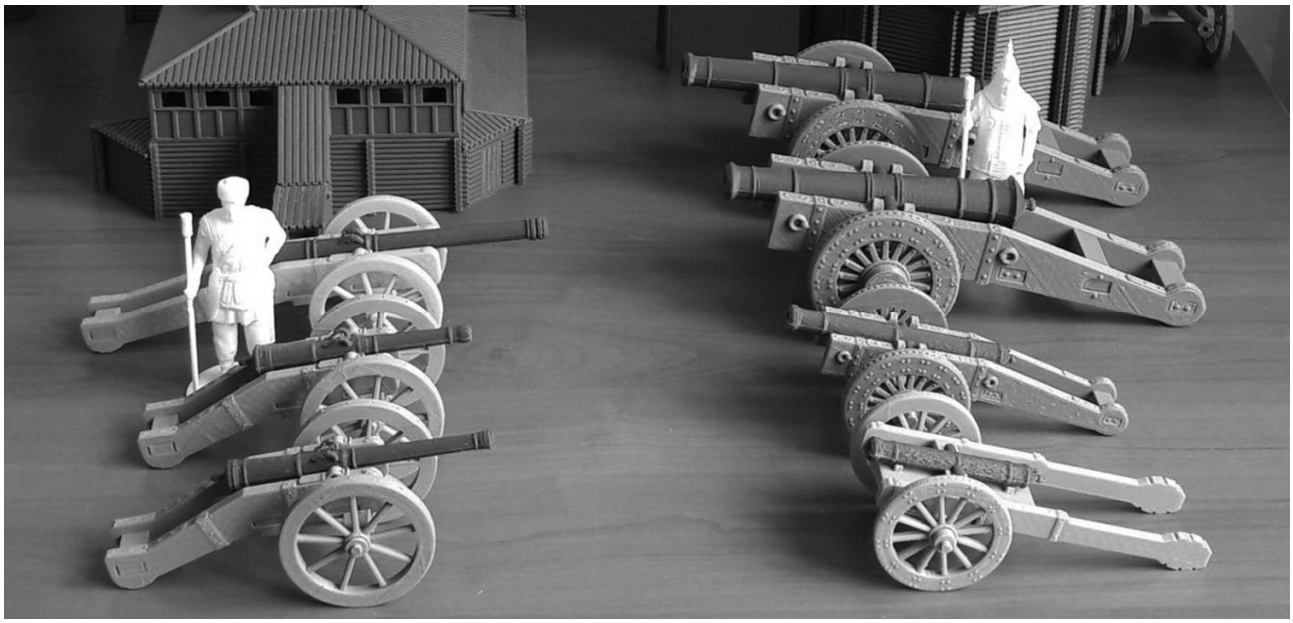


Рис. 5. Прототипирование русских и китайских орудий в масштабе 1:15
Fig. 5. Prototyping of Russian and Chinese guns on a scale of 1:15

Якутскому воеводе Михаилу Кровкову, что маньчжуры переправили под Албазин 250 больших и малых пушек. В свою очередь русские пленники, присланные китайской стороной в качестве переговорщиков, сообщили Албазинскому воеводе Алексею Толбузину, что вражеская артиллерия состоит из 100 полевых и 40 осадных орудий. С другой стороны, допрос китайского военнопленного, захваченного уже во время осады, дал информацию, что в наличии имелось всего 45 пушек, из которых 30 были крупного калибра (Дополнения к «Актам историческим», 1867. С. 227–295).

Изображение диспозиции маньчжурской артиллерии на рисунке «Luosha», взятого из китайского атласа XVII века, позволяет получить сведения, необходимые для общего анализа. Атлас включает четыре карты, датируется периодом с 1697 по 1722 гг., хранится в библиотеке Конгресса

США в Вашингтоне. Изображения охватывают четыре приграничные области Китайского государства XVII–XVIII веков: Айгун – военная колония середины XVII века на берегу реки Амур, Лоча – русский лагерь в Восточной Сибири, Тайвань и Пескадорские острова, Внутренняя Монголия. По технике исполнения – это рукопись на шелке. Все четыре карты находятся в свитке размером 55 × 585 см. Период создания атласа приходится на время правления в Китае Цинской династии. Её политика по расширению границ в XVII–XVIII веках превратила Китай в крупнейшую военную силу Восточной Азии. Это позволило сгладить противоречия иноэтничной по происхождению династии с конфуцианским представлением о социальном порядке. В современной Китайской народной республике распространен принципиальный тезис, что Китай никогда не был частью других государств – просто лишь управлялся разными династиями: народы, которые завоевывали Китай, создавали не собственные империи, а «династии из национальных меньшинств Китая».

Анализируя вопросы интерпретации Ю.О. Каморная отмечала, что подводить идеологический базис под конкретные события в Срединной империи поручалось официальному историописанию, игравшему и роль науки, и механизма социальной индоктринации. Специально для этой цели цинскими историографами в конце XVII столетия был разработан особый вид исторических трудов – фанлюэ или цзилюэ, который российские китаеведы переводят как «стратегические планы» или «описания войн». Первые три «описания» (чье содержание согласуется с рисунком «Luosha»), были посвящены победам Канси над «князьями – данниками», русскими и ханом Галданом: «Описание подавления трёх изменников» (1682), «Описание усмирения русских» (1689) и «Описание государева похода и усмирение населения территорий к северу от пустыни» (1708). (Каморная, 2014. С. 143). Оценка достоверности всех перечисленных данных позволяет придти к выводу, что наиболее правдивыми оказываются сведения, поступившие от захваченного пленного.

Действительно, из воспоминаний командующего осадной армией Лантаня известно, что на северном и южном фасах острога во время штурма располагались только цзянцзюньпао, так как все хунъипао были сосредоточены против северного участка восточной стены. При этом подсчет фланговых пушек, изображенных на историческом рисунке 6, совпадет с числом цзянцзюньпао, названным пленным. Следовательно, можно считать доказанным, что китайских полевых орудий было пятнадцать.

В свою очередь осадных пушек на рисунке изображено только пять, то есть в шесть раз меньше их минимального количества, указанного в русских источниках. Причина этого обстоятельства скорее всего связана с массированной дезинфор-

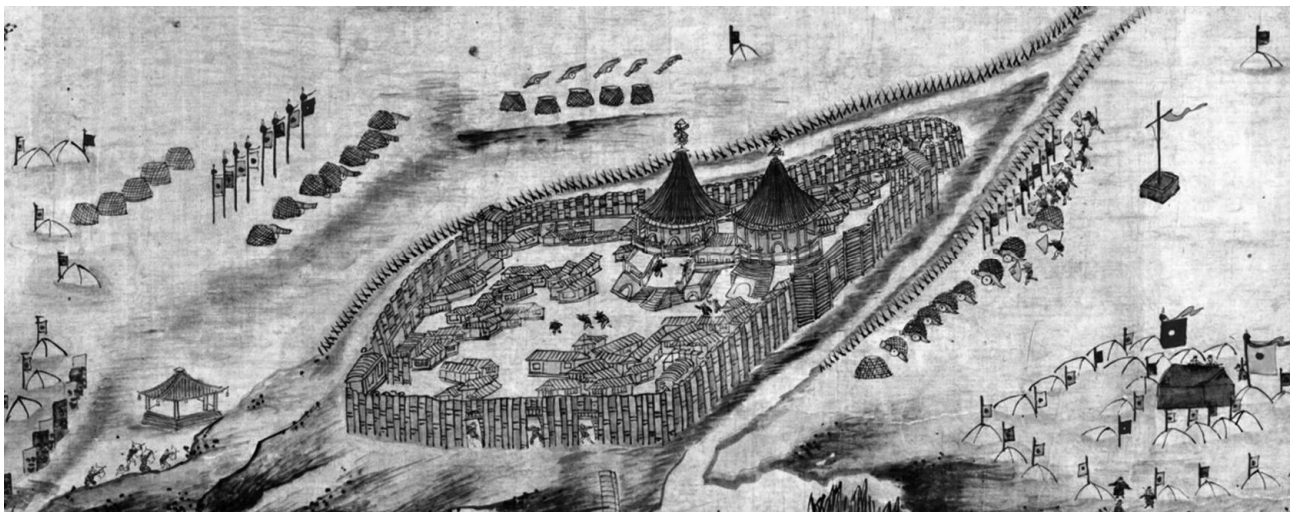


Рис. 6. Фрагмент рисунка осады острога 1685 года из китайского атласа XVII века
Fig. 6. Fragment of a drawing of the siege of the fort in 1685 from a Chinese atlas of the 17th century

мацией против гарнизона крепости, посредством которой маньчжуры стремились склонить его к добровольной сдаче. Однако точное соответствие справочного рисунка фактическому количеству цзянцзюньпао порождает гипотезу, что и хунъипао были отображены на нем со скрупулезной точностью. Для проверки выдвинутой гипотезы авторами проведен теоретический расчет реально возможного фронта тяжелой батареи.

Учитывая результаты компьютерного моделирования (рис. 5), ширина колесной базы хунъипао имела полтора метра. Кроме того, из рисунка «Luosha» следует, что их позиции оборудовались габионами (рис. 6), диаметр которых был не меньше одного метра (рис. 7). Иными словами, фронт позиции каждого орудия имел порядок трех метров. Если бы в осадной батарее имелось 30 хунъипао, как утверждал китайский пленный, то ее протяженность должна была иметь длину около 90 метров и оказалась бы соизмеримой с восточной стеной острога, составлявшей 50 саженей (108 метров). Однако исследуемые позиции изображены гораздо менее протяженными.

Кроме того, дополнительная информация, позволяющая определиться с реальной численностью осадных орудий, содержится в описании тактики их действий (Трухин, Багрин, 2019). Будем считать, что замысел штурма острога основывался на атаке китайскими лучниками западного участка северной стены, призванной выманить к нему основную часть русского гарнизона. Тогда при перемещении хунъипао на новую восточную позицию, учитывая их взаимодействие с южной батареей средних цзянцзюньпао, возникала возможность эффективного перекрестного огня. Значит, тяжелая батарея должна была обладать компактной структурой, соответствующей ее изображению. Следовательно, осадных орудий в действительности было только пять (рис. 8).

Таким образом, практическая реализация методики комплексного согласования обобщенного массива известных справочных данных дает возможность обоснованно детализировать не только количественный состав артиллерии противоборствующих сторон, но и проявить детали их диспозиции на поле боя. При этом в рамках использования предлагаемого подхода были получены достаточно интересные научные данные, существенно дополняющие общепринятую историческую картину первой осады Албазинского острога. Наиболее важным из них оказывается показанное авторами обстоятельство того, что исторический рисунок «Luosha», а также ему подобные изображения, могут рассматриваться не только с позиции справочной информации о присутствующих на них архитектурных сооружениях, но и оцениваться в качестве боевых графических документов, целиком и полностью раскрывающих замысел тактических

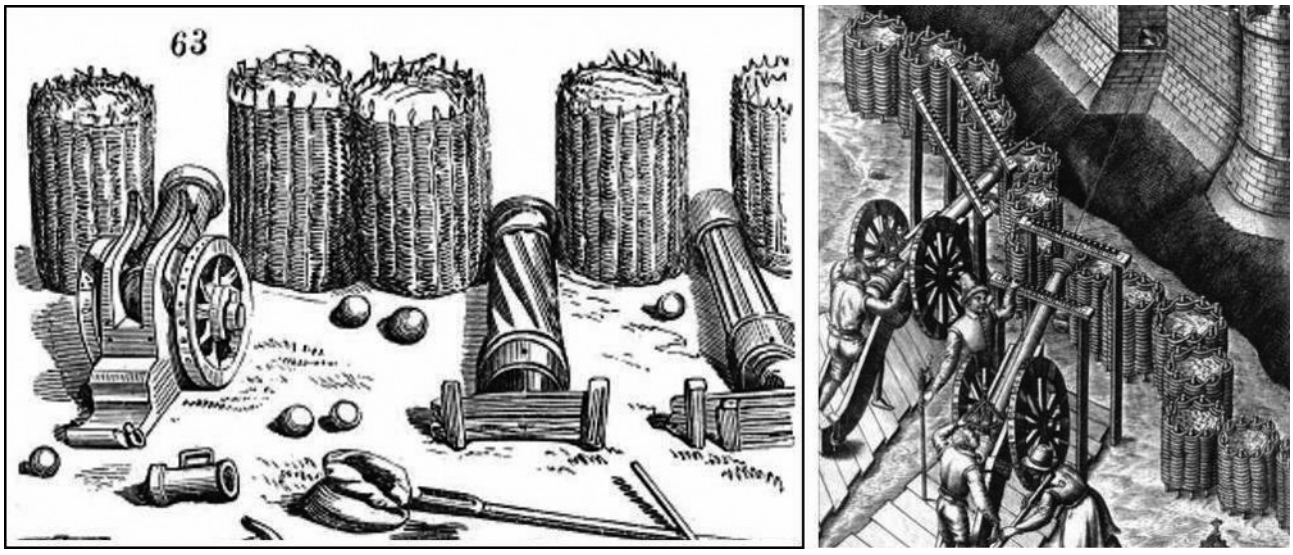


Рис. 7. Исторические изображения общего устройства габионов XVI века
Fig. 7. Historical images of the general arrangement of gabions of the XVII century

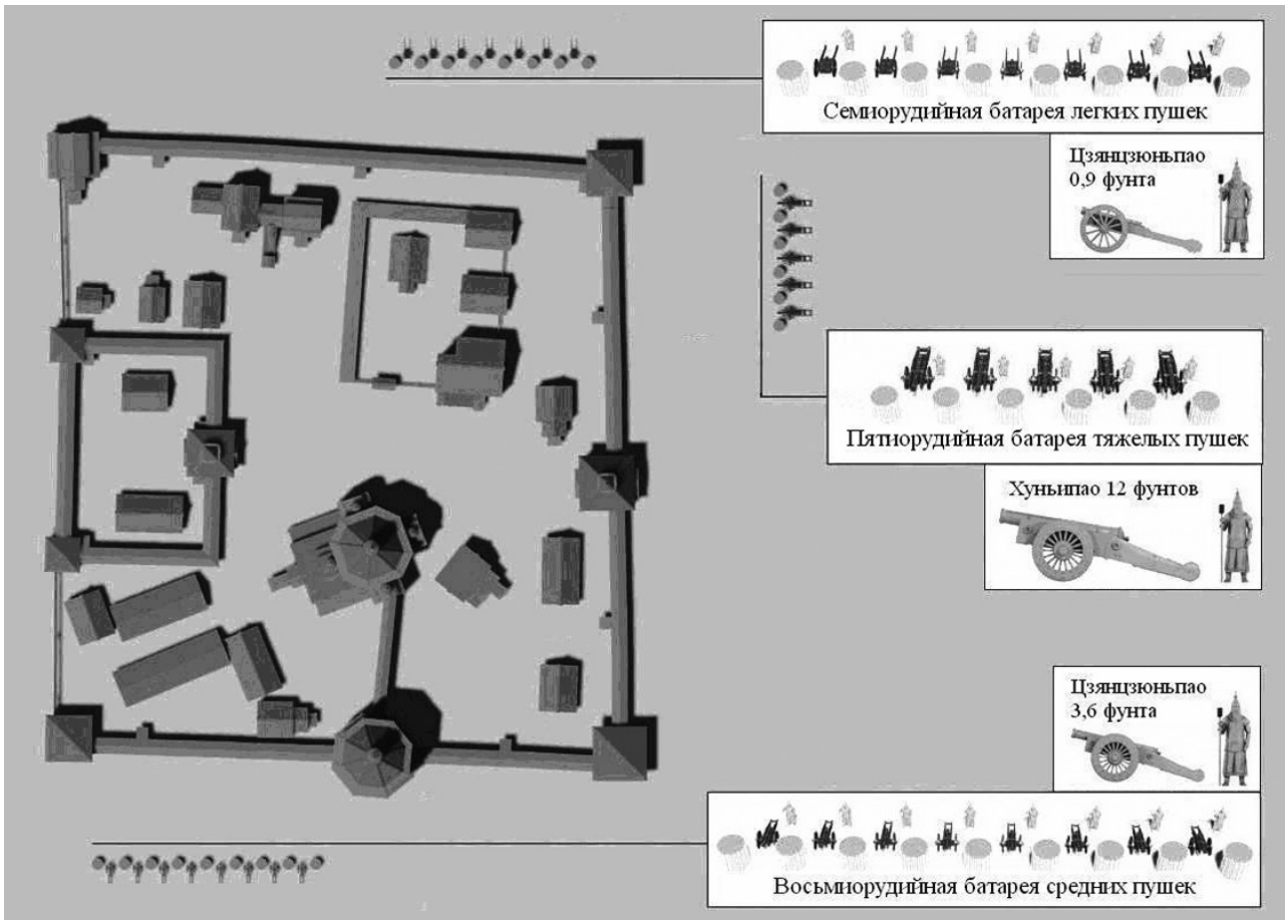


Рис. 8. Онтологическая реконструкция диспозиции китайской артиллерии
Fig. 8. Ontological reconstruction of the disposition of the Chinese artillery

действий китайской армии. В свою очередь особенностью описываемого исследования служит генерация его результатов путем трехмерного компьютерного моделирования, весьма упростившего алгоритм определения численных параметров конструкционного устройства всех рассматриваемых элементов.

Библиографический список

Багрин Е.А. Русская артиллерия в Восточной Сибири в 1640–1715 годах // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды IV международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15–17 мая 2013 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 1. С. 184–199.

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Фальконет // Энциклопедический словарь. СПб: Брокгауз-Ефрон, 1902. Т. 35. С. 278.

Величко К.И. Албазин // Военная энциклопедия, 1911. СПб.: Тип. т-ва И.Д. Сытина. Т.1. С. 235–236.

Верховод В.В. Пищаль // Большая российская энциклопедия. М.: Большая Российская Энциклопедия,

References

Bagrin E.A. (2013) Russian artillery in Eastern Siberia in 1640–1715. *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy: trudy IV mezhdunar nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 15–17 maya 2013 g. = War and weapons. New research and materials. Tr. IV int. scientific-practical conf*. St. Petersburg: The Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps. Part 4. P. 184–199. (In Russ.)

Brockhaus F.A., Efron I.A. (1902) Falconet. *Entsiklopedicheskii slovar'= Encyclopedic Dictionary*. St. Petersburg: Brockhaus-Efron. Vol. 35. P. 278. (In Russ.)

Velichko K.I. (1911) Albazin. *Voennaya entsiklopediya = Military Encyclopedia.* St. Petersburg: Tip. t-va I.D. Sytina. Vol. 1. P. 235–236. (In Russ.)

Verkhovod V.V. (2014) Arquebus. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya = Great Russian Encyclopedia.* Moscow:

2014. Т. 26. С. 307.

Горбачев В.Т., Крадин Н.Н., Крадин Н.П., Крушлинский В.И., Степанская Т.М., Царёв В.И. Градостроительство Сибири. С.-Петербург: ИД «Коло». 2011. 784 с.

Дополнения к «Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией». СПб.: ЭЗГБ, 1846–1875. 1867. Т. 10. 516 с.

Еремин И.Е., Нацвин А.В., Трухин В.И. Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. II // Информатика и системы управления. 2020. № 2 (64). С. 43–56.

Еремин И.Е., Нацвин А.В., Трухин В.И., Лохов А.Ю. Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. III // Информатика и системы управления. 2020. № 3 (65). С. 14–25.

Забияко А.П., Черкасов А.Н. Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2019. 348 с.

Каморная Ю.О. Завоеватели или мироустроители проблема внешних войн в официальном историописании периода Цин // Россия и АТР. 2014. №. 2 (84). С. 138–157.

Крадин Н.П. Забайкальские фортеции // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 305–323.

Крадин Н.П. Роспись Албазинского острога 1684 г. // Россия и АТР. 1992. № 2. С. 109–110.

Кычанов Е.И. Абахай. Новосибирск: Наука, 1986. 148 с.

Лобин А.Н. Артиллерия московских стрелецких полков в 1670–1680-х гг. // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 1–41.

Лобин А.Н. Производство русской артиллерии на Пушечном дворе в 1584–1645 гг. // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. 2016. Ч. 2. С. 97–157.

Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 246 с.

Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. 312 с.

Рудакова Л.П. Албазинская пищаль – забытый памятник воинской славы // Война и оружие. Новые ис-

Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediyaю. Vol. 26. P. 307. (In Russ.)

Gorbachev V.T., Kradin N.N., Kradin N.P., Krushlinsky V.I., Stepanskaya T.M., Tsarev V.I. (2011) Urban planning of Siberia. St. Petersburg: Publishing house “Kolo”. 784 p. (In Russ.)

(1867) Additions to the “Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission”. St. Petersburg: the Expedition of Storing State Papers, 1846–1875. Vol. 10. 516 p. (In Russ.)

Eremin I.E., Natsvin A.V., Trukhin V.I. (2020) Three-dimensional computer modeling of the Albazin fort of the period of 1684 II. *Informatics and control systems = Informatika i sistemy upravleniy*a. No. 2 (64). P. 43–56. (In Russ.)

Eremin I.E., Natsvin A.V., Trukhin V.I., Lokhov A.Yu. (2020) Three-dimensional computer modeling of the Albazin fort of the period of 1684 III. *Informatics and control systems = Informatika i sistemy upravleniy*a. No. 3 (65). P. 14–25. (In Russ.)

Zabiyako A.P., Cherkasov A.N. (2019) Albazinsky fort: History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region. Novosibirsk: Institute of Automation and Electrometry of the Siberian Branch of the RAS. 348 p. (In Russ.)

Kamornaya Yu.O. (2014) Conquerors or world-builders, the problem of external wars in the official historiography of the Qing period. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*. No. 2. P. 143. (In Russ.)

Kradin N.P. (2002) Transbaikal fortresses. *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka i Tsentral'noi Azii = Achaeology and cultural anthropology of the Far East and Central Asia.* Vladivostok: DVO RAN. P. 305–323. (In Russ.)

Kradin N.P. (1992) The list of Fort Albazin in 1684. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*. No. 2. P. 109–110. (In Russ.)

Kychanov E.I. (1986) Abakhai. Novosibirsk: Nauka. 148 p. (In Russ.)

Lobin A.N. (2012) The artillery of the Moscow rifle regiments in the 1670–1680. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki = History of military affairs: research and sources*. Vol. II. P. 1–41. (In Russ.)

Lobin A.N. (2016) Production of Russian artillery at the Cannon yard in 1584–1645. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Spetsial'nyi vypusk VI. Russkii «bog voiny»: issledovaniya i istochniki po istorii otechestvennoi artillerii = History of military affairs: research and sources. Special issue VI. Russian “God of War”: Research and Sources on the History of Russian Artillery*. Part 2. P. 97–157. (In Russ.)

Melikhov G.V. (1974) Manchus in the North-East (XVII century). Moscow: Nauka. 246 p. (In Russ.)

Myasnikov V.S. (1980) The Qing Empire and the Russian State in the 17th Century. Moscow: Nauka. 312 p. (In Russ.)

Rudakova L.P. (2013) Albazin arquebus – a forgotten monument of military glory. *Voina i oruzhie. Novye issledo-*

следования и материалы: труды IV международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 15–17 мая 2013 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 4. С. 88–103.

Трухин В.И., Багрин Е.А. Албазинский острог в 1665/1666–1689 гг.: фортификация и защитники – опыт исторической реконструкции // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 385–431.

Тульнов О.В. Гипотетическая реконструкция средневековой русской крепости на примере Изборска // Фортовед. 2010. № 2. С. 2–7.

vaniya i materialy: trudy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 15–17 maya 2013 g. = War and weapons. New research and materials. tr. IV int. scientific-practical conf. Sankt-Peterburg, 15–17 maya 2013. St. Petersburg: VIMAIViVS. Part 4. P. 88–103. (In Russ.)

Trukhin V.I., Bagrin E.A. (2019) Albazin fort in 1665/1666–1689: Fortification and defenders – the experience of historical reconstruction. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki = History of military affairs: research and sources*. Vol. X. P. 385–431. (In Russ.)

Tulnov O.V. (2010) Hypothetical reconstruction of a medieval Russian fortress on the example of Izborsk. *Fortoved = Fortoved*. No. 2. P. 2–7. (In Russ.)

Сведения об авторах

Лохов Алексей Юрьевич,
кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра тактики,
Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище им. К.К. Рокоссовского,
675021, г. Благовещенск, ул. Ленина, 158, Россия,
✉ e-mail: kluger999@inbox.ru

Еремин Илья Евгеньевич,
доктор технических наук, доцент, профессор кафедры информационных и управляющих систем,
Амурский государственный университет,
675021, г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21, Россия,
✉ e-mail: ilya.eremin.70@mail.ru

Нацвин Алексей Викторович,
аспирант, кафедра информационных и управляющих систем,
Амурский государственный университет,
675021, г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21, Россия,
✉ e-mail: natsvin1998@yandex.ru

Information about the authors

Aleksei Yu. Lokhov,
Cand. Sci. (History), senior teacher, tactics department,
The Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky,
158, Lenin street, Blagoveshchensk 675021, Russia,
✉ e-mail: kluger999@inbox.ru

Ilya E. Eremin,
Dr. Sci (Technical), senior lecturer, professor, department of information and control systems,
Amur State University,
21, Ignatevskoye highway, Blagoveshchensk 675021, Russia,
✉ e-mail: ilya.eremin.70@mail.ru

Aleksei V. Natsvin,
Postgraduate student, department of information and control systems,
Amur State University,
21, Ignatevskoye highway, Blagoveshchensk 675021, Russia,
✉ e-mail: natsvin1998@yandex.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 3 мая 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 16 июня 2021 г.
Принята к публикации 28 июня 2021 г.

Article info

Received May 3, 2021.
Received June 16, 2021.
Accepted June 28, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(571.54)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-127-136

Опыт исследования генеалогии старообрядцев Забайкалья

© Н.М. Нестеренко

Восточно-Сибирский институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: История русского населения в Забайкалье, в частности семейских, все еще недостаточно изучена и содержит множество лакун. Результат данной работы, на наш взгляд, внесет важный вклад не только в изучение генеалогий семейских Забайкалья, но и в целом в исследование истории старообрядцев России. Статья посвящена апробации методики составления родословной конкретного исторического лица на основе сопоставления фольклорных преданий и воспоминаний с документальными (архивными) источниками. Изучена история известной старообрядческой семьи, связанная с селом Большой Куналей (Тарбагатайский район Республики Бурятия, РФ) с XVIII в. В статье предложен подход, выработанный в рамках генеалогических исследований, основанный на анализе учетно-массовых генеалогических источников, и апробируется методология сопоставления и комплексного изучения различных архивных источников с данными из устных преданий, интервью и личных воспоминаний. Родословная составлена путем движения одновременно как по восходящей (от предков к потомкам), так и по нисходящей (от потомков к предкам) линиям. Анализируются оптимальные способы поиска недостающей информации в различных, в том числе в хозяйственных и статистических документах. Источниками исследования являются материалы фискального учета (ревизские сказки, окладные книги, подворные (похозяйственные) книги президиума Больше-Куналейского сельского совета депутатов трудящихся за 1929–1930, 1936, 1941–1943 гг.), административно-полицейского учета (посемейные списки), церковного учета (исповедная роспись), данные статистики (анкетные листы подворного обследования 1897 г.), делопроизводственные материалы (прошения, донесения, ведомости, наряды), источники личного происхождения (мемуары-автобиографии, интервью).

Ключевые слова: генеалогия крестьянских родов, фольклор, архивные документы, семейские, старообрядцы Забайкалья, ревизские сказки, посемейные списки, статистические источники, генеалогические источники

Для цитирования: Нестеренко Н.М. Опыт исследования генеалогии старообрядцев Забайкалья // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 127–136. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-127-136

The experience of studying the genealogy of the Trans-Baikal Old Believers

© Nataliya M. Nesterenko

East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The history of the Russian population in Transbaikalia such as Semeiskie is still insufficiently studied and contains many gaps. The result of this work, to our mind, will make an important contribution not only to the study of family genealogies of Transbaikalia, but also to the history of the Old Believers of Russia as a whole. Semeyskie (Trans-Baikal Old Believers) – are the independent ethno-confessional group of Russian people. Their ancestors had to settle in Trans-Baikal region in 1760s after the split in Russian Orhtodoxy. This article is devoted to testing the methodology of compiling the genealogy of a particular historical person, based on a comparison of folklore traditions and memories with documentary (archival) sources. The history of the well-known Old Believer family associated with the village of Bol'shoi Kunaley (Tarbagatai district of the Republic of Buryatia, Russia) since the XVIII century is studied. In this study we propose an approach developed in the framework of genealogical research, and based on the analysis of mass genealogical sources, and then we test the methodology of comparing a comprehensive study of various archival sources with data from oral legends, interviews and personal memories. The genealogy is compiled by moving simultaneously along both the ascending (from ancestors to descendants) and descending (from descendants to ancestors) lines. Optimal ways of finding missing information in various, including economic and statistical, documents are analyzed. The sources of the study are fiscal accounting materials (revision tales, salary books, backyard

(household) books of the Presidium of the Bolshe-Kunaleysky Village Council of Workers' Deputies for 1929–1930, 1936, 1941–1943), administrative and police records (family lists), church records (confession list), statistics (statistics on the home inspection of 1897), records (petitions, reports, statements, orders), sources of personal origin (memoirs, autobiographies, interviews).

Keywords: genealogy of peasant families, folklore, archive documents, Semeyskie, Old Believers of Transbaikalia, revision tales, family lists, statistical sources, genealogical sources

For citation: Nesterenko N.M. (2021) The experience of studying the genealogy of the Trans-Baikal Old Believers. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 127–136. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-127-136

Семейские (старообрядцы Забайкалья) – многочисленная группа (от 100 тыс. чел.) русского населения Республики Бурятия и Забайкальского края (Назарова, 2009. С. 57), потомки старообрядцев, сосланных сюда в 1760–х гг. за раскол в русском православии (Нестеренко, 2019. С. 129). Они «сегодня – единственные прямые наследники древнерусской певческой культуры» (Ефимова, 2014. С. 176)[1].

Изучение генеалогии крестьянских родов России сталкивается с многочисленными трудностями, особенно это касается старообрядцев. Их миграции сначала из России на территорию Польши, затем в Сибирь делают невозможным обращения при поиске информации к источникам ранее второй половины XVIII в. (Александров, Покровский, 1991. С. 333; Иванов, 1997. С. 57). К тому же, если для остальных православных возможно обращение к таким обширным источникам как метрические и исповедные книги, то у старообрядцев Забайкалья таковые практически не велись, ввиду запрета иметь церкви и приходы (Быковский, 1906. С. 56), а с 1874 г., когда метрические книги были разрешены, старообрядцы повсеместно отказывались их вести (Машковцева, 2011. С. 29; Васильева, 2007. С. 156), поскольку записываться в них надо было «раскольниками».

Фёдор Ферапонтович Рыжаков (1895–1979) – из семьи старообрядцев, родился и жил в с. Большой Куналей. Один из основателей и запевала, первый руководитель (до 1966 года) широко известного в СССР Большекуналейского семейского народного хора. Участник Первой мировой войны (Нестеренко, 2020), Заслуженный работник культуры Бурятской АССР (1962 г.), Кавалер ордена «Знак Почета», награжден медалью «За трудовое отличие», знаками «Ударник коммунистического труда». Участник I и II Декад литературы и искусства БМАССР в г. Москве (1940, 1959), концертов в Большом театре Союза ССР, Колонном зале Дома Союзов (1941), зале им. П.И. Чайковского, записи хора в фонд Всесоюзного радио (1940, 1959, 1967) (Народное художественное творчество…, 2014. С. 285). «Был богатырского сложения. […] Его связь с музыкой чувствовалась во всем. Это был артист от Бога. Если бы не замкнутая жизнь крестьянина-старообрядца, выросшего в семейской среде, в которой о пении и о светском образовании не могло быть и речи, то из этой среды можно было бы ожидать появления певца общероссийского масштаба» (Болонев, Выхристюк, 2002. С. 64).

При составлении родословной Ф.Ф. Рыжакова отправной точкой послужило предание, записанное Л.Е. Элиасовым и опубликованное в его сборнике фольклора семейских (старообрядцев Забайкалья) в 1963 г. в разделе «О переселении староверов в Забайкалье, их жизнь и родословные», записи № 473, озаглавленной «Родословная Рыжаковых», читаем: «Первыми из семейских за Байкал попали Феломей и Аристарх Рыжаковы. Они были родными братьями. Их прадед жил когда-то в Москве, занимался торговлей и был знатным человеком. […] Когда другие семейские сюда пришли, Рыжаковы Куналей основали, и там от них свой род пошел. […] Мой отец шибко хорошо

[1] Ефимова И.В. Источниковедение древнерусского церковно-певческого искусства: учеб. пособие. Красноярск: Изд-во Красноярской государственной академии музыки и театра, 2014. 252 с.

знал, откуда его род идет. А вот нонешнее поколение всё по книгам хочет свой род найти, да только не находит. Про это у стариков надо спрашивать». В комментарии к этому материалу указано: «Записал Л.Е. Элиасов от Рыжакова Ферапонта Федоровича, 1883 г. рождения, с. Большой Куналей Тарбагатайского аймака, 1939 г.» (Элиасов, Ярневский, 1963. С. 617). Как нами установлено, здесь Л.Е. Элиасовым допущена ошибка: эти воспоминания записаны от Рыжакова Фёдора Ферапонтовича, как и многие другие материалы (песни и др.) в данном издании (Элиасов, Ярневский, 1963. С. 570, 550 и др. записи песен). В комментариях к этим записям верно указаны его фамилия, имя, отчество и год рождения – 1895.

Поскольку этот источник является фольклорным произведением (преданием), на его достоверность не можем рассчитывать полностью. С некоторым допущением мы взяли из него только тезис о том, что предки Рыжаковых пришли в Забайкалье вместе с основной партией ссыльных старообрядцев и были поселены в с. Куналей (Большим Куналей стал называться много позже, после основания с. Малый Куналей в Бичурском районе). Однако документального подтверждения этого факта до сих пор не находилось. Так, в публикациях Ф.Ф. Болонева введенной им в научный оборот исповедной росписи Зосимо-Савватиевской церкви (Болонев, 1992; Болонев, 2004) (в спор по датировке этого документа мы не вступаем, различными авторами предлагаются варианты 1765, 1768 и др.), нет ни одного человека с фамилией Рыжаков или Рыжакова. Есть только «Конан Рыжак, 72 л.» (в другой перепечатке – Конан Рыжаков) (История старообрядцев, 2016. С. 32)[2], но в силу преклонного возраста он вряд ли мог быть родоначальником большой семьи.

Фамилия «Рыжаков» образована из прозвища «Рыжак» (от цвета волос) с присоединением суффикса «ов», распространена среди русских, белорусов, украинцев (имеется ряд ее вариантов – Рыжак, Рыжков, Рыжиков, и т. п.). В кратких пояснениях к публикации Ф.Ф. Болонев пишет: «В списках имеются фамилии белорусского и украинского происхождения: Рыжак – Рыжаков» (Болонев, 2004. С. 302).

В вышедшей в свет в 2016 г. публикации архивных документов (История старообрядцев, 2016. С. 44)[2] находим сразу несколько Рыжаковых в «Ведомости о старообрядцах Куналейской деревни Тарбагатайской мирской избы. 1795 г.»: Данила, Ивкиндий, Павел и Андреян (в документе указаны как подписавшиеся только лица мужского пола). С момента заселения прошло около 30 лет, откуда же они появились? Пришли не с первой партией? Цель этого документа – дать объяснение властям: «…мы, нижеподписавшиеся, по содержанию святой веры именуемые старообрядцы, прошлого 1764-го года выведены из Польши из разных мест, жительство имели около Ветки и поселены […] в означенную Куналейскую деревню» (История старообрядцев, 2016. С. 43)[2]. Данных о том, что в Куналей старообрядцы были заселены несколькими партиями, нет. Стало быть, эти Рыжаковы, действительно пришли, с первой партией.

Важную роль в подтверждении этого факта сыграл документ «Из посемейной ревизской сказки Тарбагатайского старообрядческого общества за 1811 г.» (сентябрь 1811 г.) (История старообрядцев, 2016. С. 66)[2]. Его большое значение для нашего исследования в том, что в нем записаны члены семьи мужского пола с указанием родства и возраста: «Лаврентий Павлов сын Рыжаков, у меня дети Антон, Федор, Антона сына моего дети Петр, Александр», «отец мой Павел Архипов сын Рыжаков» и т. д. (История старообрядцев, 2016. С. 85–86)[2]. Именно путем сопоставления имен, отчеств и возраста членов нескольких семей мы пришли к однозначному выводу: в исповедных росписях Тарбагатайской Зосимо-Савватиевской церкви (Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 207. Оп. 1. Д. 1616. Л. 252–254 об.), действительно, есть Рыжаковы: № 617 Павел Архипов (на самом деле Архипович) Рыжаков (он же в ревизской сказке за 1811 г. № 688), Данила из

[2] История старообрядцев (семейских) в документах Государственных архивов Байкальского региона (1766–1917 гг.): сб. документов, комментарии, перечень документов. Иркутск: Оттиск, 2016. 336 с.

«Ведомости…» 1795 г. – никто иной как «Данила Един сын Рыжаков» из сказки 1811 г., он же есть в «росписи» как сын Юды Архипова (его отец – Юда (в разных источниках это имя представлено в вариантах Еда, Иуда – прим. авт.) Архипов из исповедной росписи. Аналогично приходим к выводу, что Акиньф (сын Юды Архипова) – это Ивкиндий из документа 1795 г. В ревизской сказке 1811 г. он записан как Акинфей Рыжаков, «с сыном Поликарпом и племянником Федором» (наряду с Макаром № 700 ревизской сказки 1811 г., который ошибочно указан с отметкой «перечислился от старожилов» (т. е. не старообрядец – прим. авт.) – это в действительности сыновья Архипа № 623 «Росписи» (ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1616. Л. 252–254 об.), которому в период ее написания было 8 лет (История старообрядцев, 2016. С. 32)[2].

Таким образом, начало рода Рыжаковых с момента переселения старообрядцев в Забайкалье нами обнаружено. Было две ветви: потомки Еды (Иуды, Юды) Архиповича (1725 г.р.) и потомки Павла Архиповича (1727 или 1735 г.р.). Скорее всего, это два родных брата.

Но к какой из этих ветвей принадлежал Федор Ферапонтович Рыжаков? Наши дальнейшие изыскания состояли в изучении документов более поздних лет: «Список Иркутской губернии Верхнеудинского уезда Тарбагатайской волости жительствующим в Куналейском селении старообрядцам за первую половину 1819-го года» (ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 22. Л. 36–53 об.), аналогично озаглавленный список за 1-ю половину 1820 г. (ГАРБ. Ф. 207. Оп. 2. Д. 38. Л. 28–47), дело с посемейными списками старообрядцев Тарбагатайской волости за 1823 г. (ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 59. Л. 73, 80, 80 об.). Эти документы дали нам ценную информацию о женщинах и детях обоих полов, а также о возрасте всех членов семейств. В возрасте имеются разночтения, обусловленные тем, что год рождения записывался со слов информантов.

В процессе поиска данных нам встретились источники, не имеющие существенной ценности для наших целей, как то: «Списки прибыли и убыли по Куналейскому селению новорожденных и умерших за вторую половину 1820 г.» (ГАРБ. Ф. 207. Оп. 2. Д. 38. Л. 17), «Сведения о родившихся и умерших по Тарбагатайской волости за 1821 г.» (ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 34. 20 л.), «Список прибывшим душам обоего пола старообрядцам, с 1814 по 2-ю половину 1819 года» (ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 22. Л. 13). Ряд изученных нами документов содержит данные по Тарбагатайской волости, но по Куналею сведений нет (ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1965. 9 л.; Д. 1966. 12 л.; Д. 1892. 63 л.; Д. 2016. 23 л.; Д. 2019. 36 л.; Д. 2061. 22 л.; Ф. 52. Оп. 1. Д. 17. 20 л.). Это обусловлено тем, что административное деление Забайкалья неоднократно менялось. Была выделена Куналейская волость, в которую входили Куналейское селение и деревня Барская (Бар). Некоторые архивные документы Куналейского волостного правления хранятся также в Государственном архиве Забайкальского края. Часть документов хранилась в Куналейском волостном правлении (с. Куналей) и была утрачена при пожаре в 1922 г. (Пашинин, 2015. С. 20). Всего 56 дел за период 1853–1918 гг. сохранилось в ГАРБ в фонде № 69 «Куналейское волостное правление». Посемейных списков среди них нет. Полезными для нашего исследования стали «Именные списки владельцев повозок и упряжи» за 1912 г. (ГАРБ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 32. 30 л.), «Протоколы (приговоры) волостного схода, списки лиц, доверенных на волостной сход Куналейской волости» (ГАРБ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 39. 25 л.) за 1915 г. и «Ведомости о состоянии продовольственных запасов и капиталов Куналейской волости» (ГАРБ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 29. 62 л.).

Фонд № 52 «Куналейское сельское управление» состоит из 19 дел за 1900–1916 гг. Для нашего исследования ценной стала «Окладная книга на записки казенных сборов Куналейского сельского общества на 1914 г.» (ГАРБ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 7. 96 л.). Сохранилась только часть II, с номера 486. В ней записаны плательщики (полностью указаны фамилия, имя, отчество) с указанием количества податных душ. В основном, это мужчины, но есть и несколько женщин. Также интерес представляет «Нарядъ о хлебозапасных магазинах» за 1912–1913 гг. (ГАРБ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 2. 85 л.). В «Тематическом перечне документов Государственных ар-

хивов Байкальского региона по истории старообрядцев (семейских) (1766–1928 гг.) (История старообрядцев, 2016. С. 305–326)[2] перечислено 285 дел. В ходе изучения некоторых из них нами был выявлен ряд ошибок: например, дело «Именные списки старообрядцев Тарбагатайской волости» указано как хранящееся в ГАРБ, фонд 207, опись 1, № 38; дело «Посемейные списки старообрядцев Тарбагатайской волости» – ГАРБ, фонд 207, опись 1, № 59 (История старообрядцев, 2016. С. 308, 309)[2]. В действительности же оба дела хранятся в ГАРБ с указанными номерами, но по описи 2. В запрошенном нами деле «Ревизская сказка жителей Куналейской волости» за 1851 г. (История старообрядцев, 2016. С. 314[2]. Табл. «Тематический перечень…», строка 126), хранящемся в Государственном архиве Забайкальского края (ГАЗК) (г. Чита), фонд 1, опись 1, дело № 17591 на самом деле содержится ревизская сказка по Кульской волости (с. Кулевское и другие). Некоторые из запрошенных дел нам не выдали по причине их «плохого физического состояния» (ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17632).

В ГАЗК мы ознакомились с делом № 17538 (ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17538. 184 л.). Оно также представляет собой ревизские сказки от «1834 года, месяца июня 1-го дня, Иркутской губернии Верхнеудинского округа Куналейской волости Куналейской слободы». Содержит данные о казенных, экономических и пахотных крестьянах, поселенцах (ссыльных), их детей, отставных солдат, их детях, о т. н. «пропитанных», евреях, инородцах. Данных о старообрядцах нет. Нет и старообрядческих фамилий. В деле № 538 ГАЗК. фонд 1, опись 1 «Дело об отказе крестьянам Ивановым и Гурию Ковалеву в открытии рескольнических часовен» (начато 23 марта 1862, кончено 28 февраля 1863 г.) среди многочисленных подписей есть и подписи семерых Рыжаковых: Петра, Вавилы, Кузьмы, Александра, Аникея, Ивана и Никифора (ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 538. Л. 4–6.). Кроме этого, в ГАЗК ничего ценного обнаружить не удалось.

В деле «Прошение куналейских крестьян Верхнеудинского округа генерал-губернатору Восточной Сибири В.Я. Руперту о защите и покровительстве в решении судьбы часовни» от 16 декабря 1841 г. (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 2. К. 1502. Д. 3. Л. 76–78.) нами также были найдены подписи Макара, Дементия и Андреяна Рыжаковых.

Метрические книги, введенные с начала XVIII в., служили для записи крещений, браков, отпеваний и представляют собой источники церковного учета. Старообрядцам, не имеющим собственных официальных церковных приходов, запретили вести метрические книги (Кожурин, 2014. С. 195). Их обязали раз в три года представлять в полицию т. н. посемейные списки (Васильева, 2001. С. 138). С 1874 г. метрические книги старообрядцам вести разрешили, однако записываться в них им пришлось бы как «раскольники». Считая раскольниками «новообрядцев» («никониан»), старообрядцы на это согласны не были. Отказывались и для того, чтобы официальные власти не могли с легкостью контролировать их численность.

Поэтому нами было принято решение вести поиск «пробелов» в родословной Ф.Ф. Рыжакова по «восходящей» линии, то есть от потомков к предкам. Из воспоминаний его дочери Екатерины Фёдоровны Брыковой (в дев. Рыжаковой): «Деда звали Ферапонт Нефёдович, а не Фёдорович» (ПМА 1)[3]. Его сын Мартемьян Федорович Рыжаков в своих воспоминаниях писал: «Как рассказывал отец, дед умер в возрасте около 40 лет от аппендицита. Был он деловой, жизнерадостный человек, любил петь, очень много знал песен. Вина никакого не пил. Неплохо вел свое хозяйство, занимался в зимнее время извозом товаров из г. Кяхты, Верхнеудинска, торговал в селе рыбой, свечами, чаем. Семья была хотя и большая, однако жила в достатке» (ПМА 2)[4]. Из воспоминаний Е.Ф. Брыковой – «Его младшая дочь, Лукерья Фе-

[3] ПМА (полевые материалы автора) 1: Записано от Брыковой Екатерины Фёдоровны (род. 01.12.1929 г. в с. Большой Куналей) в г. Улан-Удэ, 18 декабря 2009 г., аудиозапись, расшифровано Нестеренко Н.М.

[4] ПМА 2: Рукопись воспоминаний Мартемьяна Фёдоровича Рыжакова (род. 19.02.1925 г. в с. Большой Куналей), г. Улан-Удэ, точная дата написания неизвестна.

рапонтовна, родилась в 1918, отца совсем не помнила, значит, он умер в 1920–1921 гг., в возрасте около 49 лет» (ПМА 1)[3]. Следовательно, Л.Е. Элиасов никак не мог записывать его воспоминания в 1939 г. Ферапонт не мог родиться в 1883 году, а сына родить в 1895, в 12 лет. Делаем вывод, что комментарий Элиасова об этом предании – ошибочен почти во всем.

Предположим, что нужно искать данные по Рыжакову Ферапонту Нефёдовичу, примерно, 1870–1875 года рождения. В упомянутом деле «Окладная книга на записки казенных сборов Куналейского сельского общества на 1914 г.» (ГАРБ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 7. 96 л.) обнаруживаем запись «Рыжаков Феопент Нефёдович». Возможна описка, к тому же в деле сохранилась только часть II. Поэтому однозначного вывода о том, что это именно тот, кто нам нужен, сделать нельзя.

Решающую роль в доказательстве существования Ферапонта Нефёдовича Рыжакова сыграла находка, сделанная нами в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург). Информацию о том, что там сохранились оригиналы переписных листов I Всероссийской переписи населения 1897 года, мы нашли в книге «Сокровища земли Тарбагатайской» – Ф.Ф. Болонева (Болонев, 2012. С. 55). В действительности же перечисленные Болоневым дела содержат оригиналы анкет сплошного подворного обследования, проведенного в Забайкалье в 1897 г. Это обследование проводилось с целью обследования земель перед постройкой Сибирской железной дороги (Лебедева, 1967. С. 99). Нами были изучены микрофиши – микрофильмы на фотонегативах, представляющие собой фотоизображения листов этих дел. «Микрофиша – носитель в виде микроформы на форматной пленке, микроизображения на которой расположены построчно или колонками» (ГОСТ…)[5]. Просмотр микрофиш осуществляется с помощью специального читального аппарата. Каждая микрофиша содержит по 33–34 анкетных листа (их лицевая и оборотная стороны располагаются рядом). Данные домовладельца (фамилия, имя, отчество и т. д.) находятся на лицевой стороне.

Фонд № 1290 в Российском государственном историческом архиве (РГИА) хранит документы Центрального Статистического комитета Министерства внутренних дел. В фонде 1290 – 11 описей. Опись № 6 (917) озаглавлена: «Сведения по сельскохозяйственной статистике. Ведомости о происшествиях, пожарах, насильственных и случайных смертях, о числе и роде преступлений. 1837–1917 гг.». В этой описи соседние с интересующими нас делами имеют «даты начала и окончания (крайние даты)» 1887, 1894, 1898. Дело № 336, с которого начинается перечисление административных единиц (волостей, станиц, округов) с указанием «то же – по …», называется «Подворные ведомости о семейном составе; наемных рабочих; о количестве скота, построек; сельско-хозяйственном инвентаре; об урожаях по домохозяйствам станиц Акшинского окр. Забайкальской области: Акшинской, Бухунинской, и Верхне-Ухульской (?) – имеется разрыв страницы в этом месте, возможно неверное наименование (прим. авт.).

Изученные нами дела: № 349 (РГИА. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 349. 1500 л.) (в описи значится: «То же – по волостям Куналейской и Мало-Куналейской») – 1500 листов, микрофильмировано, хранится в виде микрофиш – 47 (46) шт., 1653 кадра; № 355 (РГИА Ф. 1290. Оп. 6. Д. 355. 1637 л.) («То же – по Тарбагатайской волости») – 1637 листов, 52 микрофиши. Мы обнаружили анкетный лист следующего содержания: «Домохозяин – Рыжаков Ферапонт Нефёдович, 25 лет, отец 70 лет, брат 35 лет, жена 24 года, мать 60 лет, невестка 30». Почему в качестве домохозяина указан самый младший мужчина в семье – неясно. В переписном листе фамилия, имя и отчество указываются только у домохозяина. Отчество его отца нам тоже осталось неизвестным. Зато стало понятно, что теперь необходимо искать данные Нефёда Рыжакова, предположительно 1897 – 70 = 1827 года рождения.

Именно за период с 1824 по 1897 год в документах по истории села Большой Куналей (по-

[5] ГОСТ 13.002-84 «Репрография. Термины и определения» // URL: https:/www.litmir.me/br/?b=536310&p=11 (дата обращения 10.02.2020).

семейных списков, ревизских сказок, как и любых других) имеется существенная лакуна. Вероятное направление поиска недостающих данных нам удалось обнаружить в монографии В.М. Пыкина (Пыкин, 2019. С. 179). В сводной таблице (Приложение 9) «Старообрядческое население Тарбагатайской волости в 1851 г.» автор указывает 5 домохозяйств Рыжаковых, в количестве 42 мужчин и 30 женщин, всего 72 человека. В качестве источника информации – ревизская сказка «за 1851 г. Иркутской губернии Верхнеудинского уезда Тарбагатайской волости Куналейского селения» (ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1689. Л. 204–277 об.). Изучив это дело, нашли искомое недостающее звено: «Рыжакова Андриана Ларионовича второй сын Нефёд, 1826 г.р.» (ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1689. Л. 277 об.). Других Нефёдов в этой сказке нет, в более поздних документах ни одного Рыжакова с отчеством Нефёдович не было найдено.

Таким образом, нами была достоверно установлена прямая мужская линия родословной Рыжакова Фёдора Ферапонтовича, документально подтвержденная с 1765 (1768) года (с исповедной росписи Тарбагатайской Зосимо-Савватиевской церкви):

1. Павел Архипович Рыжаков 1727(?) г. р.

2. Ларион Павлович Рыжаков, 1765 г. р.

3. Андрей (Андреян, Андриан) Ларионович Рыжаков, 1777 (1780?).

Жена Евгения, 1789 г.р.

4. Нефёд Андреянович Рыжаков, 1827 г. р.

5. Ферапонт Нефёдович Рыжаков, 1872 г. р.

Жена – Улита Ивановна Рыжакова (в дев. Назарова), 1873 (1874?) г. р., четверо выживших детей – Куприян, 1899 г. р., Аксинья (Ксения), 1910 г. р., Гликерья (Лукерья), 1916 г. р.

6. Фёдор Ферапонтович Рыжаков, 1895 г. р.

Жена – Степанида Климовна Рыжакова (в дев. Антонова), 10 детей: Елена, Парфен, Мавра, Куприян умерли во младенчестве, выжили: сын – Мартемьян Фёдорович Рыжаков (1925–1989), дочери – Наталья (1927–2005), Екатерина (1929–2014), Ефросинья (1933–1993), Епистимея (1940–2011), Устинья (1941–2013). Прямая мужская линия этой ветви рода Рыжаковых продолжается. Единственный сын Мартемьяна, Михаил (1964–2013), оставил после себя дочь Александру (31 год) и двоих сыновей, Ивана (22 года) и Фёдора (18 лет) Рыжаковых. В настоящее время подсчитать точное число всех потомков Ф.Ф. Рыжакова не представляется возможным, среди них много достойных продолжателей трудовых и песенных традиций рода Рыжаковых.

Со стороны его матери, Рыжаковой (в девичестве Назаровой) Улиты Ивановны, 1873 (1874?) г. р. нам еще предстоит составить подробную родословную, поскольку род Назаровых еще более многочислен, чем род Рыжаковых. Нами также составлена родословная (по мужской линии) жены Ф.Ф. Рыжакова Степаниды Климовны (Антоновой), 1898 г. р., тоже с момента заселения семейских в Бурятию. По мужской линии родословные представляется возможным составить до 7–8 колена, по женской линии – практически только до второго, реже третьего колена. У женщин девичьи фамилии (иногда даже отчества) в посемейных списках и ревизских сказках не указывались, записей о браках сохранились единицы, в списках новорожденных у «законных» детей писали данные отца, у незаконнорожденных – матери («девки»).

Для установления данных за послереволюционный период нами были изучены подворные (похозяйственные) книги президиума Больше-Куналейского сельского совета депутатов трудящихся за 1929–1930, 1936, 1941–1944 гг., хранящиеся в архиве сельской администрации с. Большой Куналей. Они служили для налогообложения и представляют собой ценный источник по составу семей, их имущественному положению, источникам доходов. Нередко дополнялись отметками о выбытии какого-либо члена семьи и по какой причине (арестован, призван в РККА, «вышла в замуж», уехал в другую деревню, в город). К сожалению, сохранность документов неполная, за 1936 г. сохранились книги только за некоторые улицы, в ряде книг вырваны листы и на нескольких страницах, поверх оригинального текста, велись протоколы собраний.

Заключение

Осуществленное нами исследование генеалогии одной семьи позволило не только аккумулировать наиболее востребованные для подобных исследований источники, но и дать им оценку, определить их информационный ресурс. Нами предложен примерный алгоритм и направление поиска и анализа документальных источников. Для составления родословной мы сопоставили фольклорные предания и устные и письменные воспоминания с официальными документами фискального, полицейского и статистического учета, тем самым проверив их истинность. Возможно, наши результаты заинтересуют других исследователей и помогут потомкам старообрядцев найти свои «корни».

В ходе исследования были сделаны некоторые выводы:

1. Впервые предпринятая нами попытка сопоставления фольклорных источников с официальными документами показала, что в устных преданиях содержится истинная информация о приходе семейских в Забайкалье и поселении предков рода Рыжаковых в Большом Куналее. Нам не удалось найти подтверждение именам предков рода Рыжаковых, на которые ссылаются многие авторы, к примеру, (Карнышев, Помуран, 2004. С. 74), и других подробностей предания, записанного Л.Е. Элиасовым. Более поздние воспоминания потомков Ф.Ф. Рыжакова о нём – истинны. Поэтому опираться на фольклорные предания и устные (письменные) воспоминания при составлении родословных – возможно, при условии проверки и их сопоставления с документальными источниками.

2. При наличии лакун за некоторые периоды генеалогии старообрядцев возможен поиск как по нисходящему, так и по восходящему (от потомков к предкам) направлениям.

3. Необходим критический подход и сопоставление данных года рождения или смерти, а также возраста. Нередко по различным причинам эта информация по одному и тому же человеку не совпадает (возраст записывался со слов, часто завышался или занижался сознательно). Года рождения нами отсчитывались по каждому найденному источнику и сравнивались с аналогично вычисленными по другому документу.

4. Написание имён, отчеств, фамилий может отличаться в разных источниках. Иногда расшифровка затрудняется плохой сохранностью документов или особенностями почерка.

5. Несмотря на определенные трудности, составление генеалогии непривилегированных родов – крестьянских, и в частности, старообрядческих (после поселения в Забайкалье) – вполне возможно. Однако в большей степени это касается поиска по мужской линии.

Библиографический список

Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 401 с.

Болонев Ф.Ф. Семейские: историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1992. 224 с.

Болонев Ф.Ф. Сокровища земли Тарбагатайской: очерки истории и культуры. Улан-Удэ; Иркутск: Медиаинформ, 2012. 220 с.

Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Москва: ИПЦ «ДИК», 2004. 352 с.

Болонев Ф.Ф., Выхристюк О.И. Певцы и песни Большого Куналея, или Академия народного пения. Новосибирск: Книжица, 2002. 220 с.

Быковский И.К. История старообрядчества всех согласий. Единоверие, начало раскола и сектантства: очерк. Москва: Типография Филатова, 1906. 144 с.

References

Aleksandrov V.A., Pokrovskii N.N. (1991) Power and society. Siberia in the 17th century. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie. 401 p. (In Russ.)

Bolonev F.F. (1992) Semeyskie: historical and ethnographic essays. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 224 p. (In Russ.)

Bolonev F.F. (2012) Treasures of Tarbagatai land: essays on history and culture. Ulan-Ude; Irkutsk: Mediainform. 220 p. (In Russ.)

Bolonev F.F. (2004) Trans-Baikal Old-Believers in 18–20 centuries. Moscow: IPC “DIK”. 352 p. (In Russ.)

Bolonev F.F., Vykhristyuk O.I. (2002) Singers and songs of the Bol’shoi Kunalei, go to the Academy of Folk Singing. Novosibirsk: Knizhitsa. 220 p. (In Russ.)

Bykovskii I.K (1906) The history of the Old Believers of all accords, common belief, the beginning of schism and sectarianism: essay. Moscow: Tipografiya Filatova. 144 p. (In Russ.)

Васильева С.В. Власть и старообрядчество Забайкалья (XVII – начало XX в.): монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2007. 231 с.

Васильева С.В. Практика государства и старообрядцы Западного Забайкалья в XVIII и XIX вв. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы III международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 137–139.

Донсоронова Н.Г., Алхунова С.Х., Архинчеева Ж.А. и др. Народное художественное творчество Республики Бурятия. Энциклопедия. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2014. 320 с.

Иванов К.Ю. Старообрядческие миграции и Томский край // Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII – начале XX в. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 57–64.

Карнышев А.Д., Помуран Н.Н. Этнопсихология старообрядчества. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. 181 с.

Кожурин К.Я. Повседневная жизнь старообрядцев. М.: Молодая гвардия, 2014. 555 с.

Лебедева А.А. Анкета как этнографический источник (по материалам сплошного подворного обследования 1897 г. в Забайкалье) // Советская этнография. 1967. № 1. С. 99–103.

Машковцева В.В. Конфессиональная политика государства по отношению к старообрядческим культовым центрам в середине – второй половине XIX в. (на примере Малмыжского уезда Вятской губернии) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2–5. С. 26–36.

Назарова В.Х. Источники исследования песенной культуры старообрядцев Забайкалья // Вестник Московского государственного университета культуры. 2009. № 3 (29). С. 56–64.

Нестеренко Н.М. Руководитель Большекуналейского семейского народного хора Ф.Ф. Рыжаков в годы Великой Отечественной войны // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2020. № 1 (22). С. 20.

Нестеренко Н.М. Труд как фундаментальная основа мировоззрения и смысл существования: трудовые традиции старообрядцев Забайкалья // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019. № 2 (34). С. 129–133.

Vasil'eva S.V. (2007) Power and Old Believers of Transbaikalia (XVII – early XX century). Monograph. Ulan-Ude: Buryat State University. 231 p. (In Russ.)

Vasil'eva S.V. (2001) State practice and Old Believers of Western Transbaikalia in the 17th and 19th centuries. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy III mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Old Believers: History and Modernity, Local Traditions, Russian and Foreign Relations. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference.* Ulan-Ude: BNC SO RAN. P. 137–139. (In Russ.)

Donsoronova N.G., Alkhunova S.Kh., Arkhincheeva Zh.A. (2014) Folk art of the Republic of Buryatia. Encyclopedia. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya. 320 p. (In Russ.)

Ivanov K.Yu. (1997) Old Believers' migrations and the Tomsk Territory. *Iz istorii osvoyeniya yuga Zapadnoy Sibiri russkim naseleniyem v XVII – nachale XX vv. = From the history of the development of the south of Western Siberia by the Russian population in the 17th – early 20th century.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. P. 57–64. (In Russ.)

Karnyshev A.D., Pomuran N.N. (2004) Ethnopsychology of the Old Believers. Irkutsk: BGUEP. 181 p. (In Russ.)

Kozhurin K.Ya. (2014) The everyday life of the Old Believers. Moscow: Molodaya gvardiya. 555 p. (In Russ.)

Lebedeva A.A. (1967) Questionnaire as an ethnographic source (Based on the data of a continuous household survey in 1897 in Transbaikalia). *Sovetskaya etnografiya = Soviet Ethnography*. No. 1. P. 99–103. (In Russ.)

Mashkovtseva V.V. (2011) Confessional policy of the state in relation to Old Believer cult centers in the middle – second half of the 19th century. (on the example of the Malmyzhsky district of the Vyatka province). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Herald of Vyatka State University*. No. 2–5. P. 26–36. (In Russ.)

Nazarova V.Kh. (2009) Sources of the study of the song culture of the Old Believers of Transbaikalia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury = Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts.* No. 3 (29). P. 56–64. (In Russ.)

Nesterenko N.M. (2020) Head of the Bolshekunaleiskiy Semeyskiy Folk Choir F.F. Ryzhakov during the Great Patriotic War. *Vestnik Krasnodarskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury = Bulletin of the Krasnodar State Institute of Culture.* No. 1 (22). P. 20. (In Russ.)

Nesterenko N.M. (2019) Labor as a fundamental basis of the worldview and the meaning of existence: the labor traditions of the Old Believers of Transbaikalia. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN = Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS*. No. 2 (34). P. 129–133. (In Russ.)

Пашинин А.В. Статистические источники по генеалогии крестьянских родов (семей) конца XVII – начала XX вв. в фондах Государственного архива Республики Бурятия: монография. Иркутск: Оттиск, 2015. 496 с.

Пыкин В.М. От Ветки до Забайкалья: очерки истории и родословные семейских. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2019. 196 с.

Элиасов Л.Е., Ярневский И.З. Фольклор семейских. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1963. 672 с.

Сведения об авторе

Нестеренко Наталия Михайловна,
аспирант кафедры культурологии и искусствоведения,
Восточно-Сибирский институт культуры,
670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1, Россия,
✉ e-mail nata_nestere@mail.ru;
nesterennatalia@gmail.com

Заявленный вклад автора

Н.М. Нестеренко выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 30 мая 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 5 сентября 2021 г.
Принята к публикации 13 сентября 2021 г.

Pashinin A.V. (2015) Statistical sources on the genealogy of peasant clans (families) of the late 17th – early 20th centuries in the funds of the State Archives of the Republic of Buryatia. Monograph. Irkutsk: Ottisk. 496 p. (In Russ.)

Pykin V.M. (2019) From Vetka to Transbaikalia: essays on the history and genealogies of the Semeiskie. Ulan-Ude: Buryat State University. 196 p. (In Russ.)

Eliasov L.E., Yarnevskii I.Z. (1963) Folklore of Semeyskie. Ulan-Ude: BNC SO RAN. 672 p. (In Russ.)

Information about the author

Nataliya M. Nesterenko,
Post-graduate student of the Department of Culturology and Art History,
East-Siberian State Institute of Culture,
1, V. Tereshkova street, Ulan-Ude 670031, Russia,
✉ e-mail nata_nestere@mail.ru;
nesterennatalia@gmail.com

Contribution of the author

N.M. Nesterenko carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received May 30, 2021.
Received September 5, 2021.
Accepted September 13, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 930(470)(092)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-137-146

«История», обращенная в будущее (К 190-летию со дня рождения Афанасия Прокопьевича Щапова)

© А.С. Маджаров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья посвящена историку Афанасию Прокопьевичу Щапову (1831–1876). В октябре 2021 г. профессиональное сообщество, люди знакомые с его творчеством и судьбой, отметят 190-летие со дня рождения ученого и общественного деятеля. В работе раскрываются основные вехи биографии ученого, этапы эволюции его мировоззрения, становление демократической исторической концепции. Показано, как развитие новых взглядов в науке на уровне идеологических представлений и затем в процессе научного познания обретало логические очертания научной концепции. Новая народническая идеология, основоположником которой он явился, позволила А.П. Щапову как ученому и лектору оставить заметный след в истории Казанского университета. Жертвенное слово на Куртинской панихиде по невинно убитым крестьянам, как и вся его жизнь, являлись реализацией на деле этой идеологии. А «просветительские», «гуманитарные» советы Александру II отражали насущные потребности в реформировании государства. Построение демократической системы «ценностей» и логики познания, в которой народ стал предметом исторического исследования, позволило А.П. Щапову открыть новую историю отечества. Выявленные им «народные» начала процесса: колонизация, областность, вече, община, земские соборы – легли в основание доктрины народной колонизации (освоение) страны. Прочтение истории как движения масс в корне изменило прежние представления о старообрядчестве, земстве: глубина религиозного раскола заключалась не в обрядах, а в «жизни народа»; «раскол земства» являлся опасным для страны противостоянием «государева и земского дела», наконец, с «земской точки зрения», стали очевидны негативные последствия «покорения природы». Прошедшее время подтвердило глубину прогнозов историка. Вневременное, выходящее за пределы второй половины XIX в. значение лучших исследований ученого, засвидетельствованное в трудах многих поколений историков и в учебной литературе, ставит А.П. Щапова в разряд классиков русской историографии.

Ключевые слова: А.П. Щапов, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, А.И Герцен, Н.Г. Чернышевский, народничество, проект демократических реформ, история народной колонизации (освоения) России, областность, религиозный раскол Русской православной церкви, раскол земства, «смутное время»

Для цитирования: Маджаров А.С. «История», обращенная в будущее (К 190-летию со дня рождения Афанасия Прокопьевича Щапова) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 137–146. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-137-146

“History” facing to the future (To the 190th anniversary of the birth of Afanasiy Prokopyevich Shchapov)

© Alexander S. Madzharov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article is devoted to the historian Afanasiy Prokopyevich Shchapov (1831–1876). In October 2021 the professional community as well as the people familiar with his work and fate will celebrate the 190th anniversary of the birth of the scientist and public figure. The paper reveals the main milestones of the scientist's biography, the stages of the evolution of his worldview, the formation of a democratic historical concept. It is shown how the development of new views in science, at the level of ideological representations, and then, in the process of scientific knowledge, acquired the logical outlines of a scientific concept. The new narodnik ideology, the founder of which he was, allowed A.P. Shchapov as a scientist and lecturer to leave a noticeable mark in the history of Kazan University. The sacrificial word at the Kurtin memorial service for the innocently murdered peasants, like his whole life, was the realization of this ideology in practice. And the “educational”, “humanitarian” ad-

vices to Alexander II reflected the urgent needs for reforming the state. The construction of a democratic system of “values” and the logic of cognition, in which the people became the subject of historical research, allowed A. P. Shchapov to open a new history of the fatherland. The “popular” beginnings of the process revealed by him such as colonization, oblastness, veche, community, zemstvo councils formed the basis of the doctrine of people's colonization (development) of the country. Reading history as a movement of the masses radically changed the previous ideas about the Old Believers, the Zemstvo: the depth of the religious split was not in the rituals, but in the “life of the people”; the “split of the zemstvo” was a dangerous confrontation for the country between “the sovereign and the zemstvo case”, finally, from the “zemstvo point of view” the negative consequences of the “conquest of nature” became obvious. The past time has confirmed the depth of the historian's forecasts. The timeless significance of the scientist's best research, which goes beyond the second half of the XIX century, attested in the works of many generations of historians and in the educational literature, puts A.P. Shchapov in the category of classics of Russian historiography.

Keywords: A.P. Shchapov, N.M. Karamzin, S.M. Solovyov, A.I. Herzen, N.G. Chernyshevsky, narodnichestvo, the project of democratic reforms, the history of the people's colonization (development) of Russia, oblastness, the religious split of the Russian Orthodox Church, the split of the Zemstvo, “the Time of Troubles”

For citation: Madzharov A.S. (2021) “History” facing to the future (To the 190th anniversary of the birth of Afanasiy Prokopyevich Shchapov). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 137–146. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-137-146

Историография и цель исследования

В октябре 2021 г исполняется 190 лет со дня рождения русского историка Афанасия Прокопьевича Щапова. Исследование его вклада в развитие исторической мысли и общественное движение в России началось с 1850-х гг. и творчески продолжаетсядо настоящего времени. О нем писали С.М. Соловьев, К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.Я. Аристов, Н.М. Ядринцев, Н.Н. Козьмин, Г.А. Лучинский, Г.В. Плеханов; а также В.И. Пичета, М.Н. Покровский, М.А. Гудошников, Н.Л. Рубинштейн, Б.П. Козьмин, П.И. Кабанов, М.Е. Киреева, Н.Н. Комов, Н.П. Болтухин, М.В. Научитель, Wachendorf I., М.В. Нечкина, В.Е. Иллерицкий Г.Н. Вульфсон, В.Ф. Семенов, В.Г. Мирзоев, А.Н. Цамутали, Сили Ш., А.С. Маджаров и др. Развивающаяся на протяжении более полутора веков историография «Истории» А.П. Щапова охватила разные научные направления второй половины XIX в., советскую эпоху и новейшее время. Далеко выходящая за рамки своего времени актуальность трудов историка свидетельствует о глубине проблематики истории России, поставленной автором, о значимости его научного наследия. Памятная дата предполагает подведение итогов, оценку исследований ученого XIX в. в свете современных представлений. Поскольку успехи познания, особенно изысканий в гуманитарной сфере, во многом определяет личность исследователя, биография, важно подчеркнуть ее неразрывную связь с направлением, содержанием и глубиной его «Истории». С учетом сказанного, рассмотрим основные вехи жизни и деятельности А.П. Щапова и итоги его научных изысканий в свете современных представлений.

Личность в историографии

В эпоху перемен, когда прошлое зримо соприкасается с современностью, историк, способный сказать новое слово в науке, бывает вынужден оторваться от письменного стола и выйти в жизнь. «История» и ее создатель в такие времена проходят непосредственную проверку практикой: огнем, водой, а если повезет, и медными трубами.

Каков результат этой проверки? Как соотносятся жизнь и мысль, какова их цена?

Афанасий Щапов появился на свет 3 октября 1831 г. в селе Анга Иркутской губернии. В этом же селе тремя десятилетиями ранее родился и митрополит Московский и Коломенский Иннокентий. А.П. Щапов скончался в Иркутске 25 февраля 1876 г. на сорок пятом году жизни (Маджаров, 2005. С. 463). У него, согласно данным клировых ведомостей, было три брата и пять сестер.

Будущий историк окончил бурсу и семинарию в Иркутске (1839–1852). В училище Моисей, – так прозвали Афанасия однокашники, любил, уединившись, особенно на страстной неделе, писать сочинения о страданиях Христа за людей.

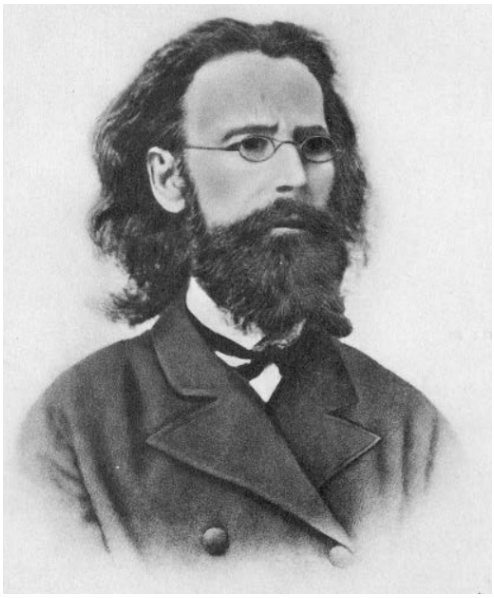


Рис. А.П. Щапов
Fig. A.P. Shchapov

В студенческие годы в Казанской духовной академии (1852–1856) он за свои упорные занятия отечественной историей получил прозвище столпника Афанасия.

Старания были замечены, и по завершении учебы выпускника академии приняли на службу.

Историк России из Казанского университета

В 1856 г. А.П. Щапов приступил к чтению лекций по русской истории в академии, а в 1860 г. был приглашен преподавать и в Казанский университет, предоставив перед занятиями на факультет лично разработанную «Программу истории русского народа» (Щапов, 1883).

В «высшей школе» он прослужил до середины апреля 1861 г.

Развитие молодого ученого шло вразрез с канонами официальной народности.

В 1859 году, после выхода в свет книги «Русский раскол старообрядства», отмеченной С.М. Соловьевым, К.Н. Бестужевым-Рюминым и др. как сочинение, открывающее новую страницу в исследовании раскола, историк отечества А.П. Щапов стал известен в России.

Профессор Московского университета дал высокую оценку работе историка, подчеркнул особенности нового метода, примененного ученым в исследовании старообрядчества. «Г[осподин] Щапов, – писал С. М. Соловьев, – с замечательным талантом сделал счастливую попытку указать на происхождение и причины силы и долговременности раскола. Он искал этих причин не во внешних случайных явлениях, но во внутреннем состоянии общества» (Соловьев, 1859. С. 415).

А через год историк раскола сформулировал и представил на суд общественности демократическую земско-областную теорию истории России.

Уже первая лекция педагога в Казанском университете, которая состоялась 11 ноября 1860 г., имела «громадный» успех.

И это неудивительно, если учесть, что педагог представил собравшимся «Общий взгляд на историю великорусского народа», говорил о значении «народности и областности» в истории отечества (Щапов, 1992. С. 237–261).

По словам Аристова, лекция являла собой «мастерский очерк и … самобытный обзор исторической русской жизни с древнего времени до освобождения крестьян. Но не одним богатством и новостью мыслей, не одной самостоятельной разработкой и по местам художественным изложением и прочувствованным пересказом лекция Щапова произвела потрясающее действие на студентов: большинство из них очарованы были необычайной энергией и силой убеждения доцента, его свободой и независимостью воззрений и живым энтузиазмом» (Аристов, 1883. С. 56, 57).

Чтения были продолжены, и вскоре о них узнало все «просвещенное меньшинство» Казани.

Вряд ли, однако, кто-либо из слушателей в то время отчетливо понимал, что выступления А.П. Щапова были полемическими, направлялись в частности против односторонности концепции С.М. Соловьева и восполняли «пропущенный» классиком теоретический и конкретно-исторический федералистский аспект русской истории.

А.П. Щапов хотел лично встретиться с С.М. Соловьевым, Н.И. Костомаровым, и 12 апреля 1861 г. подал на факультет заявление о командировке в Москву. Однако поездка не состоялась (Аристов, 1883. С. 63).

Куртинская панихида

В дни успешных научных изысканий и аудиторных занятий, фактически публичных лекций, в каждой из которых слушателям открывался авторский взгляд на историю России, «идол студенческой массы» принял участие в событии, которое получило широкую известность в стране.

16 апреля 1861 г. историк выступил на Куртинской панихиде, – заупокойном богослужении, посвященном крестьянам, недовольным «Положением» об отмене крепостного права, и за это расстрелянным войсками под командованием генерал-майора, графа А.С. Апраксина.

Свою речь оратор завершил словами: «Да здравствует демократическая конституция» (Щапов, 2001. С. 154–155).

Для педагога и ученого, воспитанного в духовной традиции, это был акт искупления, крестной смерти во имя убитых крестьян.

1 мая 1861 г. по приказу царя его арестовали и заключили в III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии в Петербурге (Маджаров, 2005. С. 101).

Советы А.П. Щапова Александру II

У А.П. Щапова сложился свой взгляд на историю России и общественно-политические задачи, которые, по его мнению, стояли перед страной (Щапов, 1926).

Как теоретик и практик «уязвленный действительностью», человек цельный, у которого слово и дело не расходились, он спешил высказать их. Лекции в университете, участие в Куртинской панихиде и последовавшие далее события были звеньями одной цепи.

Оказавшись в заключении за Куртинское выступление, историк предпринял попытку представить свое видение перспектив развития России царю.

16 мая А.П. Щапов обратился к Александру II с проектом демократических реформ в России. (Н.Г. Чернышевский создал свои «Письма без адреса», адресованные царю, в 1862 г.).

Автор проекта писал монарху о пагубном для отечества «сословном разделение земства», дефиците во власти «честных и просвещенных» людей, невозможности реализовать на практике народную точку зрения на события (отсутствие Земских соборов, «городовых» депутатских собраний, свободы слова).

Как просветитель, он говорил самодержцу о насущной потребности в школах, гимназиях, семинариях в каждом селе и в городе, а в губернских центрах – университетов и духовных академий.

Памятуя о малой родине, преподаватель Казанского университета убеждал царя в том, что «для Восточной Сибири чрезвычайно нужен университет в Иркутске» (Щапов, 2001b. С. 183).

В Петербурге

Ответ А.П. Щапов не получил, а лишь усилил подозрения Александра II в своей «неблагонадежности». В июле 1861 г. по приказу властей он был освобожден из заточения и отправлен на службу в канцелярию по «раскольничьим делам» под надзор полиции (Маджаров, 2005. С. 103). Вскоре его лишили работы и выдворили на улицу (Маджаров, 2005. С. 124).

В Петербурге, в статусе «свободного» историка и журналиста, ученый продолжил исследования в контексте демократической теории истории России (1861–1864).

А.П. Щапов посещал популярный «Шахматный клуб», в котором бывали Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, Д.И. Писарев, Н.И. Костомаров, М.А. Антонович, Г.З. Елисеев, Н.Г. Чернышевский, В.И. Семевский и др., выступал с чтением своих работ.

В эти дни он встречался и спорил о судьбах отечества с Н.Г. Чернышевским, получил лестное письмо от А.И. Герцена, фрагмент которого сохранился в книге Аристова. «Ваш свежий голос, чистый и могучий, теперь почти единственный, – писал Герцен, – отрадно раздается среди разбитых и хриплых голосов современных русских писателей и глубоко западает в душу» (Аристов, 1883. С. 74).

В Иркутске

16 ноября 1860 г. А.П. Щапов прочитал студентам Казанского университета единственную в университетах России 1860-х гг. лекцию о декабристах,

опровергающую официальную доктрину борона Корфа, а 28 марта 1864 г. его самого вместе с будущей женой О.И. Жемчужниковой, отправили без суда и следствия вслед за ними в Иркутск (Маджаров, 2005. С. 326–327).

На родине, в столице Восточной Сибири, в исследованиях по истории России, прошли его последние дни (1864–1876).

Здесь, на Знаменской горе, ученый был похоронен, а в 1886 г. на его могиле поставлен памятник, собранный на средства горожан.

«Сущность истории есть жизнь народная»

Понять смысл истории, увидеть в отрывочных свидетельствах о прошлом движение ее судьбоносных потоков, уходящих в будущее, способны только выдающиеся историки.

У А.П. Щапова были хорошие учителя.

Н.М. Карамзин открыл «Историю России» как Колумб Америку, показал значение просвещенного «монархического» правления, нравственного начала в истории страны. С.М. Соловьев воссоздал процесс становления и развития русского государства как главное достижение отечественной истории.

Но в трудах классиков историографии, предшественников А.П. Щапова, которые лежали у него на рабочем столе, не было представлено главное действующее лицо исторической драмы – народ!

Об односторонности официальной науки писали Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Д.И. Писарев.

Мимо этого факта не смог пройти и А.П. Щапов.

Идеология основоположника народничества

Взгляд на минувшее России из Зимнего дворца или министерской канцелярии был генетически чужд выросшему в суровой атмосфере сельской глубинки, разночинцу А.П. Щапову (Щапов, 1906a; Щапов, 1906g).

В детстве Афанасий беспокоился о здоровье матери, переживал за сестер, односельчан. В юности ему не давала покоя судьба народа, частью которого он ощущал и себя. Потомок ссыльного раскольника, сын русского пономаря и бурятки, равнодушный к деньгам бессребреник, будущий историк с молодых ногтей болезненно воспринимал социальное неравенство (Щапов, 1937).

Он был лишен ренессансного ощущения радости, полноты, гармонии жизни, остро чувствовал трагическую ипостась мира.

В процессе научной работы детские переживания Афанасия ложились на мысли и чувства постигающего премудрости познания историка А.П. Щапова.

Еще в семинарии его поразила несправедливость, воплощенная и в книгах. В «Истории» Н.М. Карамзина ученик не нашел рассказа о создателе государства – народе!

Позднее, когда он познакомился с антинародной крепостнической позицией, проводившейся в историографии, это чувство укрепилось.

Исследуя документы, особенно челобитные крестьян, историк встретился с идущим из глубины русской истории мироощущением крестьянина, «правдой» минувших дней.

Необоснованное отрицание народного начала в жизни и в истории ученый всегда воспринимал как личную проблему. Внутреннее неприятие этой позиции укрепляло его мировоззрение, построенное на вере в народ, вело его как ученого к новому прочтению истории России.

На особенности идеологии, которую развивал А.П. Щапов, первым обратил внимание Г.В. Плеханов. Он характеризовал историка как основоположника народничества и подчеркнул большое значение его трудов в русской историографии (Плеханов, 1922).

Духовная революция как предпосылка исторического познания

А.П. Щапов не доверял «официальным» трактовкам происхождения «смут», искал народное объяснение причин «антигосударственных» выступлений.

В 1854 г. он выбрал тему магистерской диссертации по история раскола Русской православной церкви в XVII – первой половине XVIII в.

А в 1859 г. издал книгу «Русский раскол старообрядства», в которой исследовал историю религиозного раскола Русской православной церкви – едва

ли не самого значимого коренного разлома в истории отечества, возникшего в середине XVII в., столетия, и неуклонно набиравшего силу (Щапов, 1859).

Проблема раскола была не только исторической, но и политической. Старообрядческая община оказывала большое влияние на духовную и экономическую жизнь страны и в середине XIX в. Господствующая в обществе клерикально-охранительная доктрина не видела в протесте народного движения, разбирала схоластические «мнения», обрядовые разночтения, обличала и не способствовала ликвидации раскола (Макарий, 1855. С. 260; Муравьев, 1854. С. 213; Устрялов, 1858. С. XV, XVII; Филарет, 1857. С. 182).

Писать о расколе вне рамок этой утвержденной схемы означало отвергать авторитет официального взгляда на «старую веру», противопоставлять себя «академическому» сообществу. А главное, новое слово предполагало отказ от изучения протеста исключительно в рамках религиозной идеологии!

За шесть лет с 1854 по 1860 г. А.П. Щапов сумел вырваться из схоластической системы интерпретации старообрядчества. В 1860 г. он читал лекции по русской истории в Казанском университете уже в контексте своей демократической земско-областной теории.

Земство и раскол

Годы научной работы и педагогической практики в Казани оказались наиболее благоприятными для его творчества. Именно в городе на Волге историк продумал большую часть своих сочинений, которые создали ему имя.

От представления о расколе как «зле», «безобразном струпе», «плевелах», «невежестве» и пр. историк отказался уже в первой книге (Щапов, 1859).

В «Земстве и расколе», работе изданной в Петербурге (1861), А.П. Щапов полностью «реабилитировал» старообрядчество.

В первой половине 1860-х гг. он (как и А.И. Герцен) считал, что жизнь народа не может быть ложью. От «теоретика» Н.Г. Чернышевского историка А.П. Щапова отличала органическая связь с «объектом» исследования.

Он первым в России поставил изучаемое явление в исторический контекст, определил и описал его как «историю и жизнь массы народной» в XVII–XIX вв. и на многие годы вперед задал формат изучения этого процесса (Щапов, 2001а. С. 260).

Историк показал, что старообрядческий вариант земского дела был созидательным, являлся новой колонизацией, созданием согласий, общин, объединением их в «федерацию».

«Народное дело» шло помимо «дела государева». Как «антигосударственное», оно существовало в форме народного протеста, направленного на защиту собственных религиозных и мирских ценностей.

В новой работе ученый оценил истинную историческую протяженность, глубину, нацеленность в будущее этой далеко выходящей за пределы обрядовых разночтений конфронтации. Он связал религиозный раскол (идеология) с расколом «земства» (бунты «стрельцов», «Стеньки Разина» и др.) и интерпретировал его в широком смысле как «могучую, страшную общинную оппозицию податного земства, массы народной против всего государственного строя – церковного и гражданского»! (Щапов, 2001а. С. 258, 274).

Эти исторические оценки А.П. Щапова прозвучали в период реформы 1861 г. и как предупреждение, но были отвергнуты в Синоде.

Государство и народ: область как социокультурный феномен

В 1851 г. С.М. Соловьев приступил к изданию «Истории России» в 29-ти томах, фактически истории русского государства. В год он писал и выпускал по тому своего сочинения.

«История народа» в науке о прошлом представлена не была. Исследователю предстояло раскрыть историческое движение масс, его формы, достижения и неудачи.

К работе А.П. Щапов подошел творчески.

Он увидел в «Истории России» важные особенности, мимо которых прошел С.М. Соловьев. В противовес профессору Московского университета, А.П. Щапов показал ее как масштабный органичный процесс народной колонизации страны, включаю-

щий и старообрядческую струю, осуществлявшийся в рамках неорганичной «московской централизации» (Щапов, 1906с).

Основное внимание историк уделил описанию процесса освоения территории, расширения границ русской земледельческой культуры, который опирался на имеющиеся «народные» механизмы: община, вече, земские соборы.

А.П. Щапов ввел в русскую историографию идею областного основания русской истории, его неразрывной связи с народной жизнью, с созиданием, а подчас и с катастрофическим разрушением.

В исторической динамике освоения страны он выделил важное явление, которому дал название – областность, и описал объективные параметры этой социокультурной единицы, игравшей на протяжении веков важную роль в структуре государства.

Ее облик обусловливался географическими (реки, горы, климат), экономическими (территориальная специализация), этническими (взаимодействие народов, культур), политическими и другими конкретно-историческими причинами.

Историк по-иному, чем Н.М. Карамзин, Н.Г. Устрялов, С.М. Соловьев, с демократической точки зрения объяснил причины смуты – «гражданской войны» начала XVII в.

В смутное время, которое едва не закончилось разрушением государства, по словам А.П. Щапова, области выступили против централизации. Обнаружилась «рознь» этнографическая («восстали области инородческие»), юридическая (в областях открылись «земские советы»), нравственная («области были недоверчивы одна к другой»), а также земская, территориальная.

По заключению историка, опирающегося на источники, борьба велась за свободный, самодеятельный, основанный на «взаимной любви и совете» федеративный союз.

Об уроках смутного времени, как и о расколе, ученый писал в дни реформы 1861 г. Его исторические очерки увидели свет в «Отечественных записках» в октябре – ноябре 1861 г.

В эти дни он читал на публике и свое публицистическое сочинение: «Письмо П.П. Вяземскому» (8 октября 1861 г.) (ответ на известное стихотворение его отца П.А. Вяземского «Заметка»), в котором сообщал, что если царь сам не созовет земский собор и не отречется от императорства, то его ждет страшный суд – «ужаснейшая в свете предстоящая русская революция»! (Нечкина, 1980. С. 373).

Характеризуя «механизм» возникновения смуты и определяя условия, которые могли бы позволить избежать трагедии в будущем, историк, средствами науки, предупреждал власть об опасности.

Связь времен

А.П. Щапов был историком всероссийского масштаба, первооткрывателем.

Он определил, утвердил и реализовал в исследовании новое понимание предмета исторической науки: «Сущность истории есть жизнь народная».

Его волновали коренные общероссийские проблемы, а также история Сибири, которую он рассматривал как неотъемлемую часть страны. Ученый писал о влиянии гор и моря на характер поселений, в частности, показал связь болезней человека с местом его проживания, раскрыл историю земских сборов, общины, женщины в истории России, много страниц своих трудов посвятил проблемам образования.

Творческий метод А.П. Щапова отличался важной особенностью: исследователь ставил проблему народного и государственного начал в истории предельно широко и всегда выявлял главное противоречие, которое определяло характер процесса.

Научные труды позволили ученому занять достойное место в истории отечественной исторической науки. Он, наряду с выдающимися русскими историками Н.М. Карамзиным, С.М. Соловьевым, Н.И. Костомаровым, В.О. Ключевским, вошел в университетские учебники, в том числе современные, по истории России и отечественной исторической мысли.

Вспоминая о А.П. Щапове сегодня, в дни 190-летия со дня рождения ученого и педагога, мы имеем возможность проверить на практике обоснованность его просветительских проектов и глубину исторических прогнозов.

Идеи материализуются.

Построены школы в каждом селе, возобновили работу духовные академии, развивается Иркутский государственный университет.

Спустя сорок один год после смерти основоположника народничества в России разразилась революция, о возможности которой историк предупреждал царя?

Что могло ввергнуть и ввергло страну в этот разрушительный кризис? В системе понятий А.П. Щапова – углубляющийся раскол между «народным, земским» и «государственным, царственным» делом?!

А в годы гражданской войны, последовавшие за этой революцией, дали о себе знать «областность», региональная специфика, о необходимости учета которых, как о важнейшей, но «пропущенной» в исторической науке проблеме, говорил историк?!

Многие страницы своих работ А.П. Щапов посвятил пагубности «расхищения» природных богатств. Сегодня его предупреждения из 60–70 гг. XIX в., об опасности потребительского отношения к окружающему миру, опустошения «народной экономии», необходимости естественнонаучного образования, звучат немым укором… (Щапов, 1906d; Щапов, 1906f; Щапов, 1906e; Щапов, 1908; Щапов, 1906b).

Анализ кризисных эпох отечественной цивилизации, данный историком, по-своему ложится и на современность!

В Иркутске с 1996 г. по настоящее время, в течение 25 лет, проводятся Всероссийские Щаповские чтения. Состоялось одиннадцать конференций, посвященных историографии, источниковедению, истории отечества, изданы сборники трудов историков России, развивающих проблемы отечественной исторической мысли, поставленные А.П. Щаповым (Назимов, 2019).

Вневременное, выходящее за пределы второй половины XIX в. значение лучших сочинений А.П. Щапова, засвидетельствованное в трудах многих поколений исследователей и в учебной литературе, выводит его в разряд классиков русской историографии и дает нам возможность сегодня говорить с историком как с нашим современником.

Библиографический список

Аристов Н.Я. Афанасий Прокопьевич Щапов. СПб. : Типография А.С. Суворина, 1883. 192 с.

Маджаров А.С. Афанасий Прокопьевич Щапов: история жизни (1831–1876) и жизнь «Истории». Иркутск : Иркутская областная типография № 1 им. В.М. Посохина, 2005. 528 с.

Макарий. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб. : Типография Королева и комп., 1855. 375 с.

Муравьев А.Н. Раскол, обличаемый своей историей. СПб., 1854. 429 с.

Назимов Е.С. Щаповские чтения: история и историография // Историки об историке: штрихи к историографическому портрету. К семидесятилетию доктора исторических наук, профессора А.С. Маджарова / под ред. Н.Б. Селунской, К.Б. Умбрашко, Ю.А. Зуляра. Иркутск : Оттиск, 2019. С. 36–52.

Нечкина М.В. А.П. Щапов в годы революционной ситуации: Письмо А.П. Щапова к кн. П.П. Вяземскому от 8 октября 1861 г. // Встреча двух поколений. М.: Наука, 1980. С. 355–377.

Плеханов Г.В. Афанасий Прокопьевич Щапов. Сочинение Н.Я. Аристова (Посмертное издание) // Плеханов, 1906f; Щапов, 1906e; Щапов, 1908; Щапов, 1906b).

References

Aristov N.YA. (1983) Afanasiy Prokopyevich Shchapov. St. Petersburg: Printing house of A.S. Suvorin. 192 p. (In Russ.)

Madzharov A.S. (2005) Afanasiy Prokopyevich Shchapov: the history of life (1831–1876) and the life of “History”. Irkutsk: Irkutsk Regional printing House. No. 1. Named after V.M. Posokhin. 528 p. (In Russ.)

Makarii (1855) The history of the Russian schism, known as the Old Believers. St. Petersburg: Korolev printing house and comp. 375 p. (In Russ.)

Murav'ev A.N. (1854) The schism exposed by its history. St. Petersburg. 429 p. (In Russ.)

Nazimov E.S. (2019) Shchapov’s Readings: history and historiography. *Istoriki ob istorike: shtrikhi k istoriograficheskomu portretu. K semidesyatiletiyu doktora istoricheskikh nauk, professora A.S. Madzharova = Historians about a historian: touches to a historiographical portrait. For the seventieth anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor A.S. Madzharov.* Irkutsk: Ottisk. P. 36–52. (In Russ.)

Nechkina M.V. (1980) A.P. Shchapov in the years of the revolutionary situation. A letter from A.P. Shchapov to the book P.P. Vyazemsky dated October 8, 1861.*Vstrecha dvukh pokolenii = Meeting of two generations.* Moscow: Nauka. P. 355–377. (In Russ.)

Plekhanov G.V. (1922) Afanasy Prokopyevich Shchapov. The work of N.Ya. Aristov (Posthumous edition).

нов Г.В. Сочинения. М. : Государственное издательство, 1922. Т. II. С. 10–22.

Соловьев С.М. «Уния, казачество и раскол» // Атеней, 1859. № 8. С. 393–420.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб. : Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1858. Т. 1. 496 с.

Филарет. История русской церкви. М. : Тип. В. Готье, 1857. 206 с.

Щапов А.П. Программа истории русского народа // Аристов Н.Я. Афанасий Прокопьевич Щапов. СПб. : Типография А.С. Суворина, 1883. С. 143–154.

Щапов А.П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним стоянием русской церкви и гражданственности в XVII в. и в первой половине XVIII в. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань : Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1859. 549 с.

Щапов А.П. Великорусские области и смутное время (1606–1613). Соч. : в 3 т. СПб. : Издание М.В. Пирожкова, 1906c. Т. 1. С. 648–710.

Щапов А.П. Сельский мир и мирской сход. Соч.: в 3 т. СПб. : Издание М.В. Пирожкова. 1906g. Т. 1. С. 768–783.

Щапов А.П Сельская община. Соч.: в 3 т. СПб. : Издание М.В. Пирожкова. 1906a. Т. 1. С. 760–768.

Щапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения. Естественные и умственные условия земледельческих поселений в России. Соч.: в 3 т. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906d. Т. 2. С. 182–365.

Щапов А.П. Историко-этнографическая организация русского народонаселения. Соч.: в 3 т. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906e. Т. 2. С. 398–481.

Щапов А.П. О влиянии гор и моря на характер поселений. Соч.: в 3 т. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906f. Т. 2. С. 173–182.

Щапов А.П. Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа. Соч.: в 3 т. СПб. : Издание М.В. Пирожкова. 1908. Т. 3. С. 1–121.

Щапов А.П Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. Соч.: в 3 т. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906b. Т. 3. С. 121–390.

Щапов А.П. О конституции // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1926. Т. 33. Вып. 2–3. С. 38–58.

Plekhanov G.V. Essays. Moscow: State Publishing House. Vol. II. P. 10–22. (In Russ.)

Solov'ev S.M. (1859) “Union, cossacks and split”. *Atenei = Athenaeum*. No. 8. P. 393–420. (In Russ.)

Ustryalov N.G. (1858) History of the reign of Peter the Great. St. Petersburg: Type. II-th Department of the Russian Academy of Sciences. His Imp. Led. Office. Vol. 1. 496 p. (In Russ.)

Filaret. (1857) History of the Russian Church. Moscow: Type. V. Gauthier. 206 p. (In Russ.)

Shchapov A.P. (1883) Program of the history of the Russian people. Aristov N.YA. Afanasy Prokopyevich Shchapov. St. Petersburg: Printing House of A.S. Suvorin. 143–154. (In Russ.)

Shchapov A.P. (1859) Russian schism of the Old Believers considered in connection with the internal state of the Russian Church and citizenship in the XVII century and in the first half of the XVIII century. The experience of historical research on the causes of the origin and spread of the Russian schism. Kazan': The publication of the bookseller Ivan Dubrovin. 549 p. (In Russ.)

Shchapov A.P. (1906c) Great Russian regions and the Time of Troubles (1606–1613). Essays: in 3 vols. St. Petersburg: Edition of M. V. Pirozhkov. Vol. 1. P. 648–710. (In Russ.)

Shchapov A.P. (1906g.) The rural world and the community (mir) meeting. Essays: in 3 vols. St. Petersburg: Edition of M.V. Pirozhkov. Vol. 1. P. 768–783. (In Russ.)

Shchapov A.P. (1906a) Rural community. Essays: in 3 vols. St. Petersburg: Edition of M.V. Pirozhkov. Vol. 1. P. 760–768. (In Russ.)

Shchapov A.P. (1906d) Historical and geographical distribution of the Russian population. Natural and mental conditions of agricultural settlements in Russia. Essays: in 3 vols. St. Petersburg: Edition of M.V. Pirozhkov. Vol. 2. P. 182–365. (In Russ.)

Shchapov A.P. (1906e) Historical and ethnographic organization of the Russian population. Essays: in 3 vols. St. Petersburg: Edition of M. V. Pirozhkov .Vol. 2. P. 398–481. (In Russ.)

Shchapov A.P. (1906f) On the influence of mountains and the sea on the nature of settlements. Essays: in 3 vols. St. Petersburg: Edition of M.V. Pirozhkov. Vol. 2. P. 173–182. (In Russ.)

Shchapov A.P. (1908) Natural-psychological conditions of the mental and social development of the Russian people. Essays: in 3 vols. St. Petersburg: Edition of M.V. Pirozhkov. Vol. 3. P. 1–121. (In Russ.)

Shchapov A.P. (1906b) Socio-pedagogical conditions of the intellectual development of the Russian people. Essays: in 3 vols. St. Petersburg: Edition of M.V. Pirozhkov. Vol. 3. P. 121–390. (In Russ.)

Shchapov A.P. (1926) About the Constitution. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii = Izvestia of the Society of Archeology, History and Ethnography.* Kazan'. Vol. 33. Iss. 2–3. P. 38–58. (In Russ.)

Щапов А.П. Эгоистические инстинкты в Ленской народной общине бурятской улусной, оседло-инородческой и русско-крестьянской. Соч. Доп. Том. Иркутск, 1937. С. 224–257.

Щапов А.П. Общий взгляд на историю великорусского народа // Маджаров А.С. Афанасий Щапов. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1992. 272 с.

Щапов А.П. Земство и раскол I : Избранное / сост. А.С. Маджаров. Иркутск : Изд-во Оттиск, 2001a. С. 245–327.

Щапов А.П. Письмо А.П. Щапова Александру II // «История России» А.П. Щапова и история России. Первые Щаповские чтения / сост. А.С. Маджаров. Иркутск: Оттиск, 2001b. С. 171–199.

Щапов А.П. Речь А.П. Щапова после панихиды по убитым в с. Бездна крестьянам // «История России» А.П. Щапова и история России. Первые Щаповские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции / сост. А.С. Маджаров. Иркутск : Оттиск, 2001c. С. 154–156.

Shchapov A.P. (1937) Egoistic instincts in the Buryat ulus, settled non-Russian and Russian-peasant Lena folk community. Irkutsk. Op. Add. Vol. P. 224–257. (In Russ.)

Shchapov A.P. (1992) A general view on the history of the Great Russian people. *Madzharov A.S. Afanasiy Shchapov.* Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 272 p. (In Russ.)

Shchapov A.P. (2001a) Zemstvo and schism I. Selected. Irkutsk: Ottisk. P. 245–327. (In Russ.)

Shchapov A.P. (2001b) The letter of A.P. Shchapov to Alexander II. *«Istoriya Rossii» A.P. Shchapova i istoriya Rossii. Pervye Shchapovskie chteniya = "History of Russia" by A.P. Shchapov and the History of Russia. The First Shchapovsky Readings.* Irkutsk: Ottisk. P. 171–199. (In Russ.)

Shchapov A.P. (2001c) Speech of A.P. Shchapov after the memorial service for the peasants killed in the Bezdna village. *«Istoriya Rossii» A.P. Shchapova i istoriya Rossii. Pervye Shchapovskie chteniya: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = "History of Russia" A.P. Shchapov and the History of Russia. The First Shchapovsky Readings. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference.* Irkutsk: Ottisk. P. 154–156. (In Russ.)

Сведения об авторе

Маджаров Александр Станиславович,
доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, исторический факультет,
Иркутский государственный университет,
664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: massa49@yandex.ru

Information about the author

Alexander S. Madzharov,
Dr. Sci. (History), Professor, the Department of Russian History, Faculty of History,
Irkutsk State University,
1, K. Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: massa49@yandex.ru

Заявленный вклад автора

А.С. Маджаров выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

A.S. Madzharov carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 20 июля 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 17 августа 2021 г.
Принята к публикации 30 августа 2021 г.

Article info

Received July 20, 2021.
Received August 17, 2021.
Accepted August 30, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 930:355/359.07
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-147-160

Братья по несчастью: Иркутская и Красноярская казачьи сотни в 1899 г. (по материалам поездки А.Н. Куропаткина)

© Р.С. Авилов

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Аннотация: В статье, на впервые вводимых в научный оборот материалах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), рассматривается состояние Красноярской и Иркутской казачьих сотен в 1899 году. Именно тогда состоялась поездка военного министра Российской империи А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ. Визит представляет большой научный интерес, так как имел место, примерно, за четыре года до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. и менее чем за семь месяцев до начала мобилизации Сибирского военного округа 8 июля 1900 г. в связи с Боксерским восстанием в Китае. Поездка осуществлялась в целях личного ознакомления военного министра с состоянием созданного незадолго до этого Сибирского военного округа, оценки боеспособности дислоцировавшихся в нем войск, сбора материала для разработки планов дальнейших военных преобразований, а также обороны азиатской части Российской империи. Передвигаясь по сибирской железной дороге, А.Н. Куропаткин осмотрел войска крупнейших гарнизонов: Омска, Томска, Красноярска, Иркутска, в числе которых были Красноярская и Иркутская казачьи сотни. В статье публикуются подробные из известных к настоящему времени описания этих двух воинских частей. Анализируется качество офицерского состава сотен, их строевое обучение, хозяйственное и экономическое состояние, казарменное обеспечение. Приводится мнение военного министра о выучке и боевой готовности казаков, а также о проведенных в Красноярске и Иркутске маневрах. Дается оценка крайне неудачной системы отбывания казаками воинской повинности и результатам ее применения. Анализируются предложенные во всеподданнейшем отчете варианты улучшения положения казаков.

Ключевые слова: Сибирский военный округ, Иркутский военный округ, Иркутские казаки, Енисейские казаки, А.Н. Куропаткин, Восточная Сибирь, Забайкалье, Иркутск, русская армия

Для цитирования: Авилов Р.С. Братья по несчастью: Иркутская и Красноярская казачьи сотни в 1899 г. (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 147–160. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-147-160

Companions in misfortune: Irkutsk and Krasnoyarsk Cossack Hundreds in 1899 (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin)

© Roman S. Avilov

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Abstract: This article based on a large body of unpublished documents from the Russian State Military Historical Archive (RSMHA). The author analyzes the current situation of Irkutsk and Krasnoyarsk Cossack Hundreds in 1899. In that year, there was a visit of the War Minister of Russian Empire Aleksey N. Kuropatkin to Siberian Military District. That visit was of historic importance as it took place about 4 years prior the Russo-Japanese War of 1904–1905, and less than 7 months before the Siberian Military District mobilization in response to the Boxer Rebellion in China. Its purpose was personal acquaintance of the War Minister with the recently created Siberian Military District; specifically, evaluation of the actual state and combat readiness of the dislocated troops, data gathering to further develop defense plans and regional military reforms in Siberia. Traveling by Trans-Siberian Railway, Kuropatkin inspected troops of the largest Siberian garrisons in cities of Omsk, Tomsk, Krasnoyarsk, Irkutsk, including Krasnoyarsk Cossack Hundred in Krasnoyarsk and Irkutsk Cossack Hundred in Irkutsk. In this article is

first published the most detailed descriptions of both troops. It has been analyzed the quality of officership, the drilling, property and economic status, barracks accommodation. The article gives the opinion of War Minister about the level of training and combat readiness of Cossack Hundreds, and also about the maneuvers near Krasnoyarsk and Irkutsk. It has been estimated the extremely unsuccessful system of Cossacks compulsory military service, and the results of its use. It has also analyzed the proposal of how to improve the Cossacks existence, presented in the Most Devoted Report of War Minister.

Keywords: Siberian Military District, Irkutsk Military District, Irkutsk Cossacks, Yenisei Cossacks, Aleksey N. Kuropatkin, East Siberia, Transbaikalia, Irkutsk, Russian Army

For citation: Avilov R.S. (2021) Companions in misfortune: Irkutsk and Krasnoyarsk Cossack Hundreds in 1899 (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 147–160. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-147-160

Настоящая статья продолжает цикл публикаций по истории поездки военного министра Российской империи генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 году, в рамках которой он впервые посетил Забайкалье, познакомился с дислоцировавшимися в регионе войсками и осмотрел различные военные учреждения. В предыдущих статьях уже были рассмотрены: общий ход поездки (Авилов, 2019), знакомство министра с военно-учебными заведениями в Иркутске (Авилов, 2021a; Авилов, 2021b). В данной работе остановимся на осмотре А.Н. Куропаткиным Иркутской и Красноярской казачьих сотен, оценке их хозяйственного состояния и боевой готовности.

В советской историографии эта поездка не исследовалась (Бескровный, 1977; Бескровный, 1986; Зайончковский, 1973), в обобщающих работах по истории Сибирского и Иркутского военных округов (Авилов, 2014a; Авилов, 2014b; Копылов, Милюхин, Фабрика, 1995; Ращупкин, 2003), современных исследованиях по истории военно-окружной системы (Безугольный, Ковалевский, Ковалев, 2012), русской армии (Ульянов, Леонов, 1998) и даже биографии А.Н. Куропаткина (Генерал Куропаткин…, 2018; Субботин, 2019) данные о ней фигурируют в минимальной степени.

Не рассматривалась она специально и исследователями Енисейского (Дацышен, 2006; Дацышен, 2010, Дацышен, 2014) и Иркутского казачьих войск (Романов, 1995). Традиция комплексного изучения этих двух сотен была заложена П.А. Новиковым и Г.И. Романовым в 2009 г., когда увидела свет их монография – первая и единственная обобщающая работа по истории данных военных частей (Романов, Новиков, 2009), остающаяся наиболее полным исследованием по теме до настоящего времени. В то же время проблема еще далеко не исчерпана. Так, выявление в РГВИА полного комплекса материалов по истории поездки военного министра А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. позволяет существенно дополнить сформировавшуюся в историографии картину состояния сотен на рубеже XIX–XX вв., пролить свет на некоторые предпосылки создания комиссии Н.Г. Путинцева и более четко охарактеризовать позицию самого А.Н. Куропаткина в дискуссии о дальнейшей судьбе этих сотен. В этом и состоит цель настоящей статьи.

На момент поездки военного министра в Сибирском военном округе находился только один из трех первоочередных полков Сибирского казачьего войска (3-й Сибирский казачий полк). Квартировал он в Семипалатинской области и Зайсанском посту. Оставшиеся два первоочередных полка Сибирского казачьего войска находились на службе в Туркестанском военном округе. В целом войско было организовано на тех же основаниях, что и Донское, Уральское и Оренбургское, и обязано было выставлять в мирное время 3 казачьих полка 6-сотенного состава, а в военное время – 9 таких полков и 3 запасные сотни. Таким образом, в мирное время на льготе находились 6 казачьих полков. Они имели одинаковый численный состав как в мирное, так и в военное время, причем в каждом из них по штату положено было иметь 44 офицера и 991 казака в мирное время, а в военное число офицеров изменялось с 44 до 21 на полк. В военное время в состав войск Сибирского округа, кроме

указанного первоочередного полка, должны были войти еще 6 льготных полков Сибирского казачьего войска (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 17 об.–18).

В свою очередь казаки Енисейской и Иркутской губерний несли службу на совершенно иных началах, нежели в других казачьих войсках. На момент приезда А.Н. Куропаткина в обеих губерниях, по официальным данным, предоставленным в распоряжение министра, насчитывалось казачьего населения 14590 душ – 6193 мужчин и 8397 женщин. «Население это живет крайне разбросанно в 133 населенных пунктах (54 в Иркутской и 79 в Енисейской губернии), причем только 16 пунктов таких, в которых проживает свыше 100 казаков мужского пола; в остальных 117 пунктах проживает менее 100 казаков мужского пола» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 17 об.–18). Проблема заключалась в том, что из-за особенностей освоения региона и ряда последовательных управленческих просчетов и ошибок это население по сути застряло между двумя правами состояния: крестьянским и казачьим. Местным начальством такая юридическая коллизия трактовалось в пользу необходимости выполнения казаками обязанности сразу двух сословий, т. е. выполнение всех крестьянских повинностей, оплаты подати, после чего еще и являться на службу «конно и оружно», а также возможности властей не реализовывать в полной мере их права, хотя бы в рамках одного из сословий до тех пор, пока их юридический статус не будет окончательно урегулирован. Все это, при общей запутанности вопроса, вело к бесконечной переписке, а население к постепенному обнищанию.

В отчете военного министра Николаю II об этой поездке отмечалось: «Все казаки входят в состав крестьянского населения и управляются на одинаковых с последним основаниях, состоя в ведении общей губернской администрации. На службу для военного ведомства как в мирное, так и в военное время выставляется всего две конные казачьи сотни, расположенные в Иркутске и Красноярске, в составе: *Иркутская сотня – 6 офицеров [и] 137 нижних чинов и Красноярская сотня – 6 офицеров и 93 нижних чина*. Независимо от указанных сотен, казаки названных губерний обязаны выставлять ежегодно команды для службы в посторонних ведомствах, а именно: *335* чел. для службы на золотых приисках и *37* чел. в распоряжении гражданского начальства для несения полицейской службы» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 18).

Следует подчеркнуть, что 3-й Сибирский казачий полк Сибирского казачьего войска во время поездки не осматривался – министр проинспектировал лишь его льготную сотню. В остальном, что касалось казаков, все внимание А.Н. Куропаткина было сосредоточено именно на Красноярской и Иркутской отдельных казачьих сотнях (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 24–24 об.; 29 об.–31; 32 об.–33). Специальный осмотр был возложен на сопровождавшего министра, числящегося по гвардейской кавалерии, полковника графа Г.А. Бобринского.

Поскольку министр со свитой передвигался по Сибирской железной дороге сначала с запада на восток, а затем – в обратном направлении, то сначала, 15 октября, была осмотрена Красноярская казачья сотня, а 19 и 20 октября – Иркутская.

На этот момент состав Красноярской казачьей сотни был следующий (табл. 1).

Кроме того, в списках сотни состояло 2 подхорунжих. Больных в день смотра было всего 2 казака и лошадь. В командировке находились: обер-офицер и лошадь – на приисках; урядник, 5 казаков и 6 лошадей – в распоряжении Усинского пограничного начальника. Против штатного состава в

Таблица 1. **Состав Красноярской казачьей сотни к 15 октября 1899 г.**
Table 1. **The state of Krasnoyarsk Cossack Hundred to 15 October 19, 1899**

	Обер-офицеров	Урядников	Трубачей	Казаков	Итого	Лошадей
По штату	6	8	1	80	89	95
По списку	6	6	1	82	89	89
На лицо (включая домашний наряд)	5	5	1	75	81	81

сотне не хватало всего 2 урядников и 6 лошадей, что было очень немного. В строй было выведено: 4 обер-офицера, 2 подхорунжих, 3 урядника, трубач и 62 казака в 8-ми рядном составе (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 74).

Проверка строевого обучения сотни показала результаты, близкие по неоднозначности к ее правовому статусу: «1) в ответ на приветствие отвечают неестественно – слишком выкрикивают; 2) в развернутом фронте вид людей бодрый и хороший, но посадка у некоторых вялая и не все правильно держат шашки; 3) справа по одному на разных аллюрах – хорошо, посадка ровная и хорошая, исключение составляют не более 10 казаков; несколько казаков без теплых перчаток, между тем как положено их иметь всем; 4) мелкая ломка фронта и перестроение из больших колонн в меньшие и обратно во 2-м и 3-м взводе хорошо, в 1-м и 4-м – ошибались и видимо не твердо знали свои места; 5) учение во взводной колонне отличное, вытягивание колонны, движения в облическом направлении, заезды, повороты и построения фронта – сомкнуто, отчетливо, отлично; 6) движение развернутым фронтом и заезды хорошо; 7) рассыпная атака хороша, только первая полусотня по сигналу аппель – замешкалась; 8) немое учение очень хорошо и без разговоров; 9) спешивание хорошо, но при появлении противника недостаточно скоро сели, замешкались и опоздали произвести атаку; 10) лава хороша; 11) песенники хороши; 12) уколы и рубка очень неудовлетворительны, даже и на шагу; почти все лошади боялись чучел, впрочем размах руки у казака хорош, но видимо редко этому обучаются; кроме того, настоящей чучелы для рубки нет, а пользуются чучелой, сделанной для уколов; 13) прыганье через препятствие как казаков, так и офицеров весьма плохо, лошади видимо не привыкли брать препятствия и особенно боятся хворостяного барьера» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 74). Казаки 1899 года гарнизонный устав знают порядочно, полевой – хуже; старые казаки, кроме урядников, отвечают гораздо хуже: один приказный, недавно прибывший на третий год службы, ничего не знает и все позабыл (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 74 об).

Лагерного сбора у сотни не было. Курс стрельбы проходился на горе, в двух верстах от города, в хорошем месте. Строевые учения сотни производились летом там же, но «в этом отношении сотня очень стеснена тяжелой обязанностью являться на все пожары во время лагерного расположения батальона. В течение всего года раз в месяц сотня должна принимать участие в полицейских облавах» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 75). И то, и другое существенно снижало качество боевой подготовки, времени на которую оставалось немного, но было неизбежно в условиях типичной для империи экономии на пожарных командах и полиции.

Впрочем, впечатление у Г.А. Бобринского сотня оставила скорее положительное. Полковник констатировал, что «в общем сотня съезжена хорошо и даже отлично; офицеры знают свои обязанности. Следует только обратить серьезное внимание на уколы, рубку и прыганье через препятствия, которые производятся плохо». При этом у него не было возможности посмотреть прохождение аллюров по времени и джигитовку. Пришлось поверить на слово командиру сотни, который сообщил, что он основательно обучил этому казаков (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 74 об.).

Лошади, за некоторыми исключениями, оказались в удовлетворительном состоянии, потертых не было, но были следы старых потертых мест. Ноги лошадей, кроме 2 или 3 лошадей казаков, тоже были в порядке, что говорило о надлежащем уходе.

Проведенный осмотр одежды, снаряжения и вооружения сотни показал, что оружие содержится хорошо. Винтовки были уже нового образца – 3-лин. системы Мосина обр. 1891 г., шашки отпущены, а кинжалов нет. Седла у большинства были в хорошем виде, но у многих кожа прогорела и легко рвется; ленчики старого образца, за исключением 25 – нового; потники – достаточно толстые и сложены в 3 и 4 листа, но многие из них с дырками и разорваны. Папахи были хорошие, но у некоторых казаков мех на них оказался короткий, а положено было иметь длинный. У 22 казаков папахи оказались на холщевой подкладке, а не на теплой, что начальству сильно не понравилось. Мундиры в

большинстве своем отличны. Шинели – хорошие, за редкими исключениями – последние стары и разлезаются по швам. Теплая одежда, шубы и теплушки у всех в порядке, и только у некоторых казаков вместо теплушки были старые шинели, а у двух человек не оказалось шуб. Теплых портянок не было, их заменяли теплые чулки. Белье, за редким исключением, было у всех хорошее и в достаточном количестве. «В общем, – констатировал Г.А. Бобринский, – одежда казаков в хорошем порядке. Следует только обратить внимание на дополнение недостающих теплых вещей и хорошо бы заменить собственные шубы форменными полушубками» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 74 об.).

С казарменным размещением сотни ситуация была прямо противоположная, и характеризовалась очень часто употребляемой относительно помещений в периферийных военных округах фразой – «положительно неудовлетворительно». Даже просто пройти по этим помещениям для столичных гостей оказалось проблематично: «Казармы сотни расположены в одном небольшом доме, хорошо ремонтированном, но ужасно тесном; например: 2-я полусотня помещена в зале 27 куб. саж.; в ней с трудом поставлено 30 кроватей для 35 казаков, так что трое спят на двух кроватях. Учебный зал очень мал, гимнастики нет, а лестница прикреплена к потолку передней. Кухня и столовая вместе в очень маленькой комнате. Отхожее место устроено первобытным способом, оно очень мало, чистым очевидно быть не может, но впрочем запаха нет. Помещение цейхгауза удовлетворительно. Конюшня удовлетворительна, но следовало-бы для безопасности от пожара снаружи ее оштукатурить. Вообще близкое соседство разных частных построек к казармам сотни очень опасно в пожарном отношении (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 74 об.–75).

Хорошо была организована в сотне работа хозяйственной части. Отчетность оказалась в порядке, что для русской армии вообще было редкостью. В день осмотра состояло: хозяйственных сумм 609 руб. 85 коп., переходящих – 464 руб. 8 коп., артельной – 174 руб. 40 коп., образной – 15 руб. 24 коп., сотенного экономического капитала – 10.665 руб. 20 коп. Экономический капитал хранился в Государственном Банке, а остальные деньги – при сотне.

Одеждой, сапогами и папахами сотня обеспечивалась почти на полный состав казаков наемным способом и платила за работу из хозяйственных сумм. Затем она пополнялась из хозяйственных денег казаков, а в случае их крайней бедности – из магазинных сумм станиц. Вследствие этого сотне не всегда хватало денег на наличную оплату поставщикам за работу, и она оставалась должна им впредь до получения денег с казаков. Впрочем, они «уплачивали свои долги правильно как посредством обязательных вычетов из жалованья, так и из частных личных их средств». При этом в сотне все-таки собирались завести свою собственную мастерскую.

Жалование казаков составляло 12 руб. в год, что признавалось местным начальством «очень недостаточным – желательно было-бы увеличить его до 25 руб., как это имеет место в остальных казачьих войсках» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 75).

Цейхгауз содержался в порядке. Мука и овес на поверку оказались хорошими. Имелись 26 полушубков, выписанных на артельные суммы и 30 папах и фуражек. Вещи неприкосновенного запаса хранились в порядке, но количество их было далеко не полным и «представляет как-бы случайный временный склад; так например, имеется 20 чехлов для малых лопат, а самих лопат нет» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 75).

Внутренний порядок в сотне, за редкими исключениями, тоже не вызвал у проверяющего серьезных нареканий. Он в казарме и на конюшне был вполне хорош, все помещения сотни содержались в чистоте. «Пища хорошего качества, мясо хорошо, но щи пресные и не вкусные, а каша в день осмотра слегка пригорела и отдавала дымом. На улучшение вкуса щей следует обратить внимание» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 75). Необходимо подчеркнуть, что квашеная капуста и приготавливаемые на ее основе щи считались в русской армии продуктом стратегическим, поскольку являлись основным источником аскорбиновой кислоты для личного состава, особенно в

осенне-зимний период. Любые упущения в заквaске капусты и приготовлении щей приводили к снижению потребления витамина С в воинской части и, как следствие, резкому росту заболеваемости цингой. Поэтому за квашением капусты и приготовлением щей начальство всегда следило особенно тщательно.

Офицерский состав сотни был хороший, за исключением одного слишком старого и вялого офицера. Подхорунжие – хорошо подготовлены, причем один из них уже 3 года ожидал производства в офицеры. Все офицеры окончили курс Иркутского юнкерского училища. Командир сотни есаул Мунгалов окончил курс Офицерской кавалерийской школы и «производит отличное впечатление как своим хорошим строевым образованием и знанием быта казаков, так и бодрым видом, свежестью и энергией». По итогам осмотра Г.А. Бобринский пришел к неожиданному выводу: «В общем заключении сотня производит очень хорошее впечатление» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 75).

Наиболее ответственным этапом проверки сотни оказались маневры, проведенные в присутствии военного министра А.Н. Куропаткина. В ходе них стало очевидно, что, несмотря на все старания командного и офицерского состава, сотня, которую использовали в первую очередь для помощи по линии гражданских ведомств, просто не умеет вести себя в боевой обстановке и явно не обучена этому в достаточной степени. Дало о себе знать и отсутствие лагерных сборов, на которых обычно отрабатывалось, в том числе и взаимодействие различных родов оружия. «…Оба перехода как туда, так и обратно сотня совершила в порядке, отсталых не было и при возвращении прошла церемониальным маршем отлично; однако к действию в поле, во время маневров, сотня видимо не приучена и командир очевидно не имеет достаточно практики; так например: 1) сотне приказано было выслать вперед разъезды; для этого она вся рассыпалась почти в виде лавы, а потому, когда неприятельская кавалерия произвела атаку, то казакам пришлось поспешно собираться, и сотня произвела контратаку отдельными взводами, один за другим, что неправильно. Следовало бы сохранить одну полусотню в сомкнутом строе; 2) сотня стояла скрытой в лесу, затем для последней атаки вышла из леса и построилась лавой; так она и стояла минут 10 под огнем неприятеля, потом пошла рысью, а на полпути до неприятеля снова остановилась под огнем, чтобы атаковать одновременно с пехотой; в действительности же эта атака немного опоздала и сотня не воспользовалась прикрытием соседней рощи» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 74 об.). Таким образом, если военное ведомство рассчитывало в перспективе использовать сотню как боевую единицу в реальной войне, то следовало как можно скорее решить три основные проблемы, препятствовавшие ее превращению в полноценную казачью часть: неудобный характер прохождения действительной службы, неопределенный правовой статус и необходимость несения полицейской службы.

Наиболее точно эти проблемы были сформулированы в разделе «Общие сведения о службе казаков Енисейского войска и о командировании их на прииска», завершавшем отчет Г.А. Бобринского об инспекции сотни. Он писал, что ежегодно из всех казаков, достигших 20-ти лет, производится выбор от 45 до 50 человек, годных к службе; затем, числясь в полевом разряде до 35 лет, они отбывают 3 года службы с 2-х и 3-х-летними промежутками между каждым годом. В учебную команду многие из казаков попадают осенью первого года службы, а производятся в урядники в начале второго года, если к тому времени не все позабыли.

«Такой порядок несения службы по многим причинам очень неудобен: 1) казаки 3 раза отрываются от хозяйственных работ, что для них очень стеснительно; они сами мне говорили, что предпочитали-бы сразу отслужить даже 4 года, лишь-бы затем они были свободны; 2) большинство окончивших учебную команду, ко времени возвращения на вторичную службу, многое перезабудут и производятся в урядники, не будучи того достойны; 3) сотня не может располагать нужным числом урядников, в большинстве случаев их не хватает до штатного числа, а бывают года, где их слишком много.

Желательно было-бы призывать казаков к отбытию воинской повинности сразу на 3 или 4 года, а затем уже увольнять их на льготу.

Казаки жалуются, что местное высшее начальство забывает о правах их казачьего сословия и смешивает с крестьянами, настойчиво требуя от них уплаты разных повинностей и налогов. Казаки находят это очень несправедливым, так как им приходится являться на службу с собственным снаряжением и лошадью; они говорят, что такой порядок окончательно их разорит и отнимет у них возможность добросовестно снаряжаться на службу.

На эту жалобу следует обратить серьезное внимание, так как очень желательно было-бы сохранить и даже поддержать казачество в этом крае» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 75 об.). Он отмечал также, что в Минусинском округе живет около 35 тыс. татар, христиан и язычников, вполне годных к казачьей службе, но не подлежащих отбыванию воинской повинности. Это население тоже можно было использовать в военных целях.

«Ежегодно из казачьего населения Енисейской губернии командируются казаки на прииски для несения полицейской службы; в эти командировки идут преимущественно охотники как из полевого разряда, так и из других. Служба на приисках для них очень выгодна; так например, за последнюю треть года они получили по девяносто рублей – эта цифра изменяется в зависимости от фуражных цен.

Но пребывание на приисках очень вредно отзывается на нравственности и здоровье казаков, которые возвращаются оттуда испорченными и с дурными болезнями. Поэтому следовало-бы строго воспретить полевому разряду идти на прииски; а затем, после достижения ими 35 лет, разрешать и в случае нужды, даже командировать» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 75 об.).

Состояние и проблемы в Иркутской казачьей сотне, которую подробно осматривали 19 и 20 октября, были во многом схожи, поскольку вызывались аналогичными причинами.

На момент осмотра состав сотни был следующий (табл. 2).

Кроме того, в списках сотни состоял один подхорунжий. Больных в дни смотра было 9 человек, арестованных – один казак, в командировке – два обер-офицера, один при Иркутском уездном воинском начальнике, а другой – при Иркутском юнкерском училище. Против штатного состава в сотне не хватало всего 6 урядников и 14 лошадей. Сотня была выведена в строй в 11-ти-рядном составе: штаб-офицер, 3 обер-офицера, подхорунжий, 3 урядника, трубач и 92 казака. Вид людей вполне бодрый и военный – много молодых казаков, но немало и бравых смышленых лиц. По заявлению командира сотни, войскового старшины Михаила Федоровича Коршунова, казаки поступали на службу не умея ездить верхом. Лошади для совершенно неимущих казаков покупались казенные, на проценты с войскового капитала, которого имелось 138 тыс. руб. Таких лошадей в сотне имелось 20 (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 33, 76).

В ходе проверки строевого обучения сотни Г.А. Бобринскому предстала картина, сходная с уже виденной при осмотре Красноярской казачьей сотни, но в данном случае, кроме проблем с применением холодного оружия, сотня еще и не умела толком стрелять: «1) когда здороваются, отвечают не естественно – слишком выкрикивают; 2) внешний вид людей в развернутом фронте хороший и бодрый, седловка правильная, посадка хорошая, только многие неправильно держат

Таблица 2. **Состав Иркутской казачьей сотни к 19 октября 1899 г.**
Table 2. **The state of Irkutsk Cossack Hundred to 19 October 19, 1899**

	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Урядников	Трубачей	Казаков	Итого	Лошадей
По штату	1	5	12	1	120	133	139
По списку	1	5	6	1	125	132	125
На лицо (включая домашний наряд)	1	3	6	1	115	122	123

шашки – слишком промеж ног; 3) справа по одному на разных аллюрах, за редкими исключениями, – хорошо, посадка довольно однообразная, только некоторые казаки слишком тянутся, а другие недостаточно сжимают пальцы левой руки; дурных ездоков около 10 человек; 4) мелкая ломка фронта и перестроение из больших частей в меньшие и обратно – хорошо и разговоров не слышно; 5) учение во взводной колонне очень хорошо и даже отлично; только при движениях в облическом направлении головные взводы недостаточно твердо держат направление; 6) наступление полусотнями производится вполне правильно и хорошо; только люди когда рассыпались, видимо, не твердо знают сигналы; 7) движения развернутым фронтом и заезды – очень хорошо и сомкнуто; 8) немое учение отлично; 9) спешивание значительно хуже, весьма медленно и многие казаки ошибочно слезали, как-бы для усиленного спешивания; большинство казаков, по приказанию стрельбы на 450 шагов, не верно ставили прицел и все различно, но командир сотни уверяет, что они просто ошалели и что курс стрельбы проходили основательно; при внезапном появлении противника сели медленно и потеряли много времени для атаки; 10) лава хороша, но аллюр карьера слишком мал; 11) прыганье через канаву очень хорошо, но канава слишком мелка, отлога и запущена; прыганье через барьер в аршин вышины отлично: ни одна лошадь не отказалась, только 3 уронили барьер; посадка большинства хороша, только некоторые дергают повод; хворостяного барьера нет – следует завести; 12) уколы большинства хороши, но рубка плоха: многие машут шашками на удачу, срубило хворостину не более 20-ти человек (прибор для рубки неудобен – следует завести вертящуюся раму).

В общем сотня съезжана хорошо, офицеры хорошо знают свои обязанности, следует только обратить внимание на спешивание и рубку» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 76–76 об.).

Уставные знания казаков 1899 г. были еще удовлетворительны, а у остальных – слабее. Некоторые урядники плохо знали полевой устав, что объяснялось отсутствием лагерного сбора.

Лошади в сотне были сибирской и монгольской породы. Первые более рослые (до 2 аршин 1 вершка), вторые – меньше (1 аршин 14 вершков). При выводке лошадей оказалось, что почти половина из них в сотне в не вполне хороших телах: казенные лошади и часть других – в хороших телах, а у остальных – плоховато, и в целом конский состав был явно хуже, чем в Красноярской сотне. Между тем, по прикидкам Г.А. Бобринского, вследствие высоких справочных цен, экономия от фуража должна была получаться в сотне порядочная, что позволяло кормить лошадей заметно лучше. Так, овес, сено и солома были в сотне хорошего качества, причем покупная цена овса составляла 75 коп., при справочной – 90 коп., покупная цена сена 55 коп., при справочной – 75 коп., а покупная цена соломы всего 20 коп. за пуд (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 77). При этом во всеподданнейшем отчете было констатировано, что справочные цены по Иркутску на фураж очень высоки, а в Ачинске можно закупать овес по 17 коп. за пуд, что и с доставкой обойдется явно дешевле 75 коп. (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 33). Ноги лошадей (за исключением 5) – удовлетворительны, потертых лошадей не было, но на некоторых следы старых потертых мест (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 76 об.).

Проведенный осмотр одежды, снаряжения и вооружения сотни показал, что оружие в порядке, но шашки сильно притупились. Седла были в удовлетворительном состоянии, хотя кожа немного перегорела и иногда легко рвалась. Ленчики – все переделаны по новому образцу и находились в хорошем состоянии, потники – достаточно толстые, причем рваных было не много. Мундиры и шинели оказались в порядке, но старых мало – у всех казаков имелось всего по одному мундиру и по одной шинели. Мундирной одежды 2-го срока не было вовсе. Теплая одежда имелась в достаточном количестве – у всех казаков были: теплушки («но они ветхи и мало греют»), теплые папахи, перчатки и портянки, а у большинства – еще и теплые чулки. Однако у многих казаков не было ни шуб, ни полушубков, которые, по их словам, оставлены были дома. «Этого не следовало бы допускать, – конста-

тировал ревизор, – тем более, что начальник бригады уже в прежние года обратил на это внимание начальства сотни». Впрочем, оказалось, что командир сотни уже успел заказать полный комплект новых форменных полушубков для своей части. Белье имелось у всех в достаточном количестве. Конское снаряжение было в порядке (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 33, 76 об.).

С казарменным размещением в Иркутской сотне было также плохо как и в Красноярской. На всю сотню имелась одна небольшая казарма на 4 комнаты. Помещение очень тесное и кровати располагались даже у окон, так что некоторым казакам приходится спать на двух кроватях втроем. Форточек во всей казарме не было ни одной, а потому «и воздух в ней дурной; комнат для учебной команды, для умывания и гимнастики нет. Теперь городом строится на дворе сотни новая казарма для полусотни – казарма хорошая, но жаль, что ее построили как обыкновенный дом, не применяясь к нуждам сотни, а потому и не практично» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 76 об.–77). Кухня была удобная и чистая. Столовая – большая, но без форточек и со спертым воздухом. Отхожее место «очень плохо устроено, но не пахнет; конюшни удовлетворительны, с хорошей крышей, без потолка, но стены дырявые и просвечивают; кладовые и цейхгаузы вполне удовлетворительны – даже хороши; канцелярия хороша». Кроме того, в сотне была еще очень понравившаяся столичным гостям часовня, сооруженная казаками в память проезда в 1891 г. наследника цесаревича Николая Александровича – будущего императора Николая II. В сотне также хранились седло и, как особо подчеркивалось во всеподданнейшем отчете, стоявший в особом стойле «заботливо содержанный, вороной конь, на котором ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО выезжали на смотр войск, при посещении ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ в 1891 году г. Иркутска» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 33, 77).

Хозяйственная работа была поставлена в сотне необычно хорошо и практически не вызвала нареканий со стороны Г.А. Бобринского. Отчетность, как и в Красноярской сотне, оказалась в порядке. В день осмотра состояло: хозяйственных сумм – 535 руб. 44 коп., сотенного экономического капитала – 16.212 руб. 3 коп., на устройство часовни – 515 руб. 41 коп. (остатки после строительства часовни), переходящих – 470 руб. (предназначались на случай покупки лошади для бедных казаков), артельных сумм – 1471 руб. 74 коп. (увеличивались в зависимости от экономии фуража). Итого – 19.204 руб. 35 коп. Из хозяйственных сумм документы имелись на 418 руб. 99 коп., из которых 200 руб. – выдано на мелкие нужды и 218 руб. 99 коп. – на обмундирование. Из экономического капитала документов – на 300 руб., которые были выданы заимообразно на 10-летний срок резервному батальону для постройки офицерского собрания.

Сотня имела собственную швальню и сама шила почти для всех казаков мундиры, шинели, шаровары, папахи и фуражки, а также снаряжение, в случае если оно было старым. Затем сотня рассчитывалась с казаками посредством вычетов из их жалованья. Деньги на производство брались из хозяйственных сумм, с возвратом из личных денег казаков. В случае крайней бедности казака, генерал-губернатор, по приговору казачьих обществ, выдавал на пошив одежды безвозвратное пособие из казачьего капитала. Капитал этот к моменту поверки достигал 150000 руб. и ежегодно возрастал благодаря банковским процентам.

В 1899 г. сотней было куплено «на ежегодные текущие экономии» 20 казенных лошадей для замены негодных. Цена каждой лошади в среднем около 70 руб. Предполагалось, что их будет достаточно, и больше покупать лошадей не придется. Цейхгаузы были в порядке и содержались чисто. Только сухари, на взгляд проверяющих, оказались слишком мелки, а соль – сыровата. Неприкосновенный запас, так же как и в Красноярской сотне, был далеко не полон (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 77).

Внутренний порядок в сотне, за редкими исключениями, тоже не вызвал у проверяющего серьезных нареканий. Все помещения сотни содержались чисто и хорошо, в казарме и в конюшне был порядок, а казаки, судя по штрафному журналу, с которым ознакомился Г.А. Бобринский, вели себя в общем удовлетворительно. Бросалось в гла-

за только то, что из 9 больных (7,5 % общего списочного числа), 7 страдали венерическими болезнями (5 – сифилисом), на что следовало обратить внимание, поскольку это говорило о доступности для казаков услуг проституток. «Пища удовлетворительна и провизия хорошего качества; мясо хорошо, но в порциях слишком много жиру в ущерб мясу; каша хороша, щи слишком пресны и не довольно вкусны; на улучшение вкуса щей следует обратить внимание». Хлеб был выпечен хорошо (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 32 об., 77–77 об.).

Офицерский состав сотни был хорош и весь окончил курс Иркутского юнкерского училища. Командир, войсковой старшина М.Ф. Коршунов – «хороший и опытный командир сотни». Серьезной проблемой являлся недостаток урядников. В 1899 г. их было всего 6, вместо полагавшихся по штату 12. Происходило это от неудачных «условий службы казаков и легко может случиться, что в следующем году будет излишек урядников. Кроме того, сотня страдает от необходимости часто командировать своих офицеров и казаков на разные посторонние службы», – заключал Г.А. Бобринский. В общем, увиденным он остался доволен и указал в отчете, что «сотня производит хорошее впечатление и представляет собою настоящую боевую единицу» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 77 об.). Относительно последнего пункта он, безусловно, выдавал желаемое за действительное, но следует признать, что с учетом системы организации прохождения казаками службы, их материального и правового положения, состояние и боеспособность Иркутской сотни действительно оказались значительно лучше того, чего можно было ожидать.

Как и в Красноярске, в Иркутске тоже были проведены в присутствии А.Н. Куропаткина маневры, в которых Иркутская казачья сотня приняла участие. Результат оказался практически тот же, что у красноярцев – сотне явно не хватало умения и навыков действий в условиях военных учений, что обусловливалось отсутствием лагерных сборов, а значит и соответствующей практики. «Вид людей как в начале, так и в конце маневров был молодцеватый, но командир сотни и офицеры, видимо, не имеют достаточно практики. В начале маневров вперед выслан был офицерский разъезд, который наткнувшись на стрелявшего в него из-за забора неприятеля, укрылся в роще и так оставался там до подхода пехоты, не дав себе труда хотя-бы слегка объехать позицию неприятеля и постараться разузнать его силу; тем временем вся остальная сотня остановилась позади в овраге, пропустила вперед пехоту и считала свою задачу оконченною, между тем как маневр только начинался. Затем сотню перевели на левый фланг, но она все время держалась позади своей пехоты, ничего не разузнавая о неприятеле, и совсем его не тревожила; кроме того, переезжая забор поодиночке, сотня не приняла мер предосторожности и подверглась атаке неприятельской кавалерии. В конце маневров сотня не помогла общей атаке, а въехала на удачу в лес и как-бы атаковала впустую. Следовало бы с самого начала маневров занять левый фланг, постоянно держаться впереди своей пехоты, разузнавать все о неприятеле и постоянно тревожить его правый фланг» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 76 об.). Таким образом, и эту сотню, для применения в условиях реальных боевых действий в качестве полноценной казачьей части, следовало серьезно доучивать.

Основные проблемы у иркутских казаков оказались те же, что и у енисейских: неудобный характер прохождения действительной службы, неопределенный правовой статус и необходимость несения полицейской службы. Отличались они лишь мелкими частностями:

«Ежегодно гражданское начальство составляет призывные списки всем казакам, достигающим 20 лет; правильность этих списков проверяется в сотне. Затем казаки служат 4 или 5 лет, с промежутками в 2 или 3 года; срок службы в 4 года или 5 лет зависит от величины ежегодного комплекта молодых казаков; срок службы больше, чем в Красноярской сотне, вследствие бóльшего штатного состава Иркутской сотни.

В учебную команду поступают в начале второго года службы и производятся в урядники в конце второго года.

Желательно было бы на тех же основаниях, как изложено в отчете по осмотру Красноярской

сотни, соединить всю службу сразу, а не разбивать ее на 4 очереди.

Командировки казаков на прииски также вредно отзываются на казаках Иркутского войска, как и на казаках Енисейского войска. На основании фактов, изложенных в отчете по осмотру Красноярской сотни, следовало бы и здесь воспретить казакам первого разряда идти на прииски» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 77 об.).

В основной текст «Всеподданнейшего отчета Военного Министра об осмотре войск, управлений, учреждений и заведений Сибирского военного округа в 1899 году» все эти данные попали в существенно сокращенном виде, однако полные версии отчетов об осмотре сотен были приложены к нему в качестве приложений и 11 и 12 (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 74–77 об.). Отмечалось, что, несмотря на все имевшиеся недостатки, боевая подготовка Иркутской казачьей сотни была явно выше, чем Красноярской: «Справа по одному, рысью, прошли лучше и однообразнее, нежели в Красноярской сотне. Но препятствия брать не приучены; плетня нет, а ров слишком ничтожный и не соответствует требованиям.

Рубить и колоть приучены мало, хотя этот отдел поставлен несколько лучше, чем в Красноярской сотне. Офицеры в этом отношении подать примера не могли.

Сотенное ученье было произведено стройно и хорошо; в пешем срою прицелы ставили невнимательно. Сбатовывали коней медленно. При действиях лавою путали. Офицеры строй знают хорошо» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 33).

В текст всеподданнейшего отчета вошла и подробная характеристика неудачной организации службы сотен, двойственности их правового статуса и выводы о необходимости наконец эту ситуацию разрешить, хотя бы из сугубо военных соображений: «Общий срок службы казаков 22-летний, из коих 15 лет (от 19 до 35-летнего возраста) они числятся в полевом разряде, а 7 лет (от 35 до 42-летнего возраста) – в разряде внутренно служащих. Достигшие 42-летнего возраста перечисляются в отставку.

15-летнюю службу в полевом разряде казаки обязаны отбывать периодически: год на действительной службе и 2 года на льготе, повторяя это по 5 раз, т. е. из общего 15-летнего срока проводят 5 лет на действительной службе и 10 – на льготе.

Такой порядок периодической службы казаков (год на службе и 2 года на льготе) давно уже признается крайне неудобным во всех отношениях и особенно неблагоприятно влияет на экономическое состояние казаков, обязанных 5 раз снаряжаться на службу.

Ежегодная смена казаков со службы на льготу и назначение взамен увольняемых новой смены делается по нарядам, утверждаемым Командующим войсками округа.

Входя в состав крестьянского населения, казаки, помимо обязанности снаряжаться на службу на собственный счет, несут еще все мирские денежные повинности, наравне с прочим крестьянским населением, и освобождены лишь от платежа Государственных податей и налогов.

Если принять во внимание, что казаки Иркутской и Енисейской губерний до сего времени не наделены положенною им землею (по 30 десятин на душу и по 10 десятин в общий воинский запас), а владеют ею на общем основании с крестьянами и, следовательно, в этом отношении находятся в худших условиях, нежели казаки всех прочих казачьих войск, – то положение их нельзя не признать крайне тяжелым и скорейшее устройство их крайне необходимым.

В скорейшем благоустройстве казачьего населения Иркутской и Енисейской губерний Военное Министерство особенно заинтересованно в виду того, что тогда, несомненно, явится возможность привлекать большее число казаков на военную службу и увеличить число частей, выставляемых казаками на службу.

При отсутствии в Сибирском военном округе частей регулярной кавалерии и дороговизне их формирования и содержания, – увеличение числа казачьих частей имеет весьма важное значение, особенно если принять во внимание, что состоящее ныне на службе в Сибирском военном округе число конных частей не достаточно и не соответствует количеству пехоты» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 18–18 об.).

В разделе «Общие выводы» отчета еще раз подчеркивалось: «*Казачьи части* представились в лучшем виде, нежели можно было ожидать. Условия службы казаков в Красноярской и Иркутской отдельных сотнях крайне тяжелы. В течение 15 лет состояния в полевом разряде – им приходится снаряжаться на службу, ибо они 5-летний срок действительной службы отбывают не подряд, а с промежутками в два года, т. е. год состоят на действительной службе и два – на льготе. Такой способ отбывания службы не только отражается на строевой подготовке казаков, но отзывается крайне тяжело и на их материальном положении. Оно не обеспечено потому, что до сего времени они не наделены теми земельными участками, которые положены для казаков прочих казачьих войск. Кроме того, казаки Иркутской и Енисейской губернии, комплектующие названные сотни, состоят в ведении гражданского Начальства и, входя в состав крестьянских обществ, обязаны отбывать все мирские денежные повинности, лежащие на всех крестьянах. При таких условиях отбывать службы казакам трудно и скорейшее устройство их в отношении правильного землепользования и внутреннего управления представляется настоятельно необходимым» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 38 об.).

В завершающем разделе отчета, где Николаю II предлагались «меры, подлежащие осуществлению для лучшей подготовки резервных войск, как кадров», казачеству были посвящены лишь 2 из 17 пунктов: «7) сформировать еще один казачий полк 4-сотенного состава, со штабом в Омске, из 5 и 6 сотен 3-го Сибирского казачьего полка, находящегося на службе в Сибирском военном округе в Зайсане, и из Иркутской и Красноярской отдельных казачьих сотен. Для осуществления сего причислить казаков Иркутской и Енисейской губерний к Сибирскому казачьему войску и образовать новый 4-й отдел Сибирского казачьего войска. Вместе с тем разрешить, по возможности скорее, вопрос о земельном устройстве Иркутских и Енисейских казаков. 8) из существующего 3-го и формируемого вновь 4-го Сибирского казачьих полков образовать Сибирскую казачью бригаду, со штабом в Омске» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 40).

Поскольку отчет писался в значительной степени на основе дневниковых записей А.Н. Куропаткина, то эти два тезиса можно считать официально сформулированной позицией военного министра по вопросу о дальнейшей судьбе Иркутской и Красноярской отдельных казачьих сотен, к тому же представленной императору. Именно исходя из этого взгляда на проблему и были даны инструкции комиссии Н.Г. Путинцева (Романов, Новиков, 2009. С. 92).

Следует подчеркнуть, что о проекте создания из иркутских и енисейских казаков отдельного казачьего войска ни в самом отчете, ни в многочисленных приложениях к нему не было сказано ни слова. Таким образом, с высокой долей вероятности можно констатировать, что вариант с новым казачьим войском либо возник уже после отъезда А.Н. Куропаткина из Иркутска, либо просто не вызвал у него никакого интереса.

Начавшийся вскоре Китайский поход 1900–1901 гг., а затем и Русско-японская война 1904–1905 гг. в очередной раз отодвинули на второй план вопрос о судьбе этих сотен, а когда к нему снова вернулись в 1906 г. оказалось, что его решение в интересах военного ведомства уже просто невозможно по объективным причинам. В очередной раз подтвердилась старая аксиома, что одна из основных бед России – это бесконечные переписка и обсуждение там, где требуется оперативная выработка решения и его исполнение, а в более широком смысле – неумение своевременно решать застарелые исторически сформировавшиеся проблемы.

Библиографический список

Авилов Р.С. Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г. Ч. 1. Иркутская приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021а. № 1. С. 182–194.

References

Avilov R.S. (2021a) The military-educational institution of Transbaikalia in 1899. Pt. 1. Irkutsk Preparatory School of Siberian Cadet Corps (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 1. P. 182–194. (In Russ.)

Авилов Р.С. Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г. Ч. 2. Иркутское юнкерское училище (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021b. № 2. С. 112–126.

Авилов Р.С. Иркутский военный округ (1884–1899, 1906–1918 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014a. № 12. С. 26–32.

Авилов Р.С. Поездка военного министра А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. и ее результаты // Мир политики и социологи. 2019. № 4. С. 157–176.

Авилов Р.С. Сибирский военный округ (1899–1906 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014b. № 7. С. 15–21.

Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История военно-окружной системы в России. 1862–1918. М.: Центрполиграф, 2012. 463 с.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1977. 615 с.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в начале XX века. М.: Наука, 1986. 238 с.

Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: коллективная монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова; О.А. Белозерова, И.В. Белоконь, О.А. Гоков, Н.В. Григорьева, С.В. Моисеев, Н.Ю. Николаев, Ю.Г. Попов, Р.Ю. Почекаев, В.П. Сальников. СПб.: Фонд «Университет», 2018. 370 с.

Дацышен В.Г. Енисейское казачество в Присаянье и фактор границы в его истории // Сборник материалов научно-практической конференции «Древние поселения Сибири: охрана, сохранение, использование», посвященной 295-летию Саянского острога. Шушенское, 2014. С. 65–79.

Дацышен В.Г. Красноярские казаки в конце XIX – начале XX в. К проблеме сохранения идентичности и сословной замкнутости // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность. Вып. 2. Кн. 1. Красноярск, 2006. С. 92–100.

Дацышен В.Г., Тарасов М.Г. Енисейское казачество в XIX–первой четверти XX в.: проблема статуса и идентичности // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 33–37.

Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903. М.: Мысль, 1973. 351 с.

Копылов В.А., Милюхин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ: Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995. 246 с.

Avilov R.S. (2021b) The military-educational institution of Transbaikalia in 1899. Pt. 2. Irkutsk Junker School (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 2. P. 112–126. (In Russ.)

Avilov R.S. (2014a) Irkutskiy Military District (1884–1899, 1906–1918): pages of history. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military History Magazine.* No. 12. P. 26–32. (In Russ.)

Avilov R.S. (2019) The visit of the War Minister Gen. Kuropatkin to the Siberian Military District in 1899 and its results. *Mir politiki i sotsiologi = The World of Politics and Sociology.* No. 4. P. 157–176. (In Russ.)

Avilov R.S. (2014b) Siberian Military District (1899–1906): pages of history. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military History Magazine.* No. 7. P. 15–21. (In Russ.)

Bezugol'nyi A.Yu., Kovalevskii N.F., Kovalev V.E. (2012) The history of military-district system in Russia. 1862–1918. Moscow: Sentrpolugraph. 463 p. (In Russ.)

Beskrovnyi L.G (1977) Russian Army and fleet in XIX century. Moscow: Nauka. 615 p. (In Russ.)

Beskrovnyi L.G. (1986) Russian Army and fleet in early XX century. Moscow: Nauka. 238 p. (In Russ.)

(2018) General Kuropatkin – State and Military Leader of the Russian Empire. 170th Anniversary of his Birth: Collective monograph. St. Petersburg: Foundation “University”. 370 p. (In Russ.)

Datsyshen V.G. (2014) Yenisei Cossacks in Sayan region and the frontier factor in it’s history. *Sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii «Drevnie poseleniya Sibiri: okhrana, sokhranenie, ispol'zovanie», posvyashchennoi 295-letiyu Sayanskogo ostroga = Collection of materials of research and practice conference “Old settlements in Siberia: security, protection, utilization*”. *Dedicated to the 295 years of Sayan Sockade.* Sushenskoye. P. 65–79. (In Russ.)

Datsyshen V.G. (2006) Krasnoyarsk Cossacks in the late XIX – early XX century. To the problem of identity and estate restraint. *Sibirskii subetnos: kul'tura, traditsii, mental'nost'= Siberian subpopulation: culture, traditions, mentality.* Iss. 2. Pt. 1. Krasnoyarsk. P. 92–100. (In Russ.)

Datsyshen V.G., Tarasov M.G. (2010) Yenisei Cossacks in XIX–1st quarter of XX century: problem of statute and identity. *Gumanitarnie nauki v Sibiri = Humanities in Siberia.* No. 1. P. 33–37. (In Russ.)

Zaionchkovskii P.A. (1973) Autocracy and the Russian Army in the late XIX–early XX century. Moscow: Mysl' Publishing Company. 351 p. (In Russ.)

Kopylov V.A., Milyukhin V.P., Fabrika Yu.A. (1995) Siberian Military District: first pages of history (1865–1917). Novosibirsk. 246 p. (In Russ.)

Ращупкин Ю.М. Иркутский военный округ во второй половине XIX–начале XX веков: формирование, специфика и деятельность. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. 207 с.

Романов Г.И. Казачье население Иркутской губернии конца XIX–начала XX в. // Земля иркутская. 1995. № 3. С. 30–33.

Романов Г.И., Новиков П.А. Иркутское казачество (2-я половина XVII–начало XX в.). Иркутск: ООО НПФ «Земля Иркутская», 2009. 352 с.

Субботин Ю.Ф. «Дела на Дальнем Востоке могут привести нас к конфликту с Японией» // Армия и флот в геополитических интересах России. М.: Институт Российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 145–182.

Ульянов Э.И., Леонов О.В. Регулярная пехота 1855–1918. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. 288 с.

Rashchupkin Yu.M. (2003) Irkutsk Military District in 2nd part of XIX–early XX century: creating, particularity and practice. Irkutsk: East-Siberian Institute of Russian Ministry of Internal Affairs. 207 p. (In Russ.)

Romanov G.I. (1995) Cossack population of Irkutsk governorate in late XIX–early XX century. *Zemla Irkutskaya = Land of Irkutsk.* No. 3. P. 30–33. (In Russ.)

Romanov G.I., Novikov P.A. (2009) Kossaks of Irkutsk (2nd part of XVII–early XX century). Irkutsk: OOO NPF “Terra Irkutska”. 352 p. (In Russ.)

Subbotin Yu.F. (2019) “The matters in the Far East may lead us to a conflict with Japan”. *Armiya I flot v geopoliticheskikh interesakh Rossii = Army and Navy in geopolitical interests of Russia*. Moscow: Institute of Russian History RAS, Center of Human Initiative. P. 145–182. (In Russ.)

Ul'yanov E.I., Leonov O.V. (1998) Regular infantry in 1855–1918. Moscow: AST-LTD Publishing Company. 288 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Авилов Роман Сергеевич,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
главный библиотекарь Научной библиотеки,
Дальневосточный федеральный университет,
690095, г. Владивосток, ул. Алеутская, 65-б, Россия,
✉ e-mail: avilov-1987@mail.ru

Information about the author

Roman S. Avilov,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher,
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS,
89 Pushkinskaya Street, Vladivostok 690001, Russia,
Chief Librarian of the Scientific Library,
Far Eastern Federal University,
65b Aleutskaya street, Vladivostok 690095, Russia,
✉ e-mail: avilov-1987@mail.ru

Заявленный вклад автора

Р.С. Авилов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

R.S. Avilov carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 25 июля 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 20 августа 2021 г.
Принята к публикации 30 августа 2021 г.

Article info

Received July 25, 2021.
Received August 20, 2021.
Accepted August 30, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 614.5(571.53)(091)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-161-171

Характеристика медицинского персонала Восточной Сибири конца XIX – начала XX в.

© В.А. Шаламов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются звания и должности медицинских работников, встречавшиеся в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в., дается их характеристика. Подробно исследуется система подготовки врачей, приводится их численность. Отдельно анализируются квалификация докторов медицины, имевщих более высокий социальный статус, подготовка врачей женского пола, что связано с проблемой получения ими высшего образования. Поднимается проблема повышения квалификации медицинских работников в России в эпоху императора Николая II. В исследовании отмечается наличие в Восточной Сибири систематического кадрового дефицита, в том числе врачей узких специальностей, что делало актуальным организацию в регионе высшей медицинской школы, которая могла бы готовить квалифицированных врачей. Открытие фельдшерских школ в Красноярске, Иркутске и Якутске способствовало занятию вакантных ставок хорошо подготовленным средним медицинским персоналом. Вместе с тем до 60 % фельдшеров имели низкую квалификацию, поскольку они получали ускоренное обучение во время службы в армии. По причине высокой рождаемости огромное значение для населения имели фельдшерицы-акушерки, которые постепенно появляются на каждом врачебном участке. Отдельно рассматриваются сестры милосердия, поскольку они находились на службе у Российского общества Красного Креста. Автор статьи уделяет внимание тому, что в конце XIX – начале XX в. происходит постепенный отказ от ремесленной практики обучения будущих работников. Вместо этого открываются новые или реформируются старые медицинские образовательные учреждения.

Ключевые слова: история медицины, история здравоохранения, медицинские должности и звания в дореволюционной России, социальная история Восточной Сибири, кадровая политика, доктор медицины, врач, дантист, фельдшер, фельдшерица-акушерка, провизор, сестра милосердия

Для цитирования: Шаламов В.А. Характеристика медицинского персонала Восточной Сибири конца XIX – начала XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 161–171. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-161-171

Characteristics of medical personnel in Eastern Siberia of the late XIX – early XX centuries

© Vladimir A. Shalamov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article examines the ranks and positions of medical workers that were encountered in Eastern Siberia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries, and gives characteristics to them. The system of training doctors is studied in details, their number is given. Such questions as the qualifications of doctors of medicine who have a higher social status, the training of female doctors, which is associated with the problem of obtaining higher education by them are analyzed separately. The problem of professional development of medical workers in Russia in the era of Emperor Nicholas II is raised. The study notes the presence in Eastern Siberia of a systematic shortage of personnel, including doctors of narrow specialties, which made it relevant to organize a higher medical school in the region that could train qualified doctors. The opening of paramedic schools in Krasnoyarsk, Irkutsk and Yakutsk contributed to the employment of vacant positions by well-trained paramedical personnel. At the same time, up to 60 % of paramedics had low qualifications, since they received accelerated training while serving in the army. Due to the high birth rate, paramedics-midwives were of great importance for the population, who are gradually appearing at each medical department. Sisters of mercy are considered separately, since they were in the service of the Russian Red Cross Society. The author pays attention to the fact that in the late XIX – early XX centuries there

was a gradual abandonment of the craft practice of training future workers. Instead, new medical educational institutions were opened or old ones were reformed.

Keywords: history of medicine, history of health care, medical positions and titles in pre-revolutionary Russia, social history of Eastern Siberia, personnel policy, doctor of medicine, doctor, dentist, paramedic, paramedic midwife, pharmacist, nurse

For citation: Shalamov V.A. (2021) Characteristics of medical personnel in Eastern Siberia of the late XIX – early XX centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 161–171. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-161-171

Известно, что в Российской Империи существовала довольно дробная классификация медицинских кадров. В Восточной Сибири же из-за незначительного их количества полный набор, естественно, не наблюдался, что позволяет нам сконцентрироваться на наиболее массовых должностях и званиях в российской провинции. Кроме того, такой регион как Восточная Сибирь позволяет обратиться к должностям, которые в европейской части страны уже прекратили свое существование.

Итак, на вершине медицинского мира в регионе стояли врачи. Признавалось их равенство. Более того, в специальной медицинской периодике («Русский врач», «Сибирские врачебные ведомости» и др.) и в повседневном обиходе они часто называли себя не иначе как «врачебным сословием». Конечно, о сословии говорить не приходится. Этим они хотели только продемонстрировать общность деятельности и интересов. В реальности врачи имели массу различий по происхождению, материальному положению, политическим воззрениям и т. д.

Чтобы стать врачом, необходимо было окончить медицинский факультет одного из российских университетов или Военно-Медицинскую академию. В Сибири работали выпускники всех учебных заведений России, но чаще встречались питомцы Военно-Медицинской академии, Томского и Казанского университетов. Иностранные врачи, а также русские подданные, получившие звание за рубежом, должны были пересдать выпускной экзамен, таким образом подтвердив свой диплом. Среди студентов медицинского факультета преобладали выходцы из духовенства (Архангельский, Введенский, Виноградов, Калинников, Писарев, Попов, Флоренский, Муратов и др.). Далее шли купцы и разночинцы, чиновники. Выходцев из казаков, крестьян, мещан и дворян было немного. В основном на факультет поступали питомцы духовных и учительских семинарий (52 %) и классических гимназий (43 %) (Сибирская врачебная газета. 1910. № 5. Иркутск). Численность выпускников сильно колебалась по годам, что зависело от непоследовательной политики в области образования. Например, из-за войны и революции ни один выпускник 1905 г. не был принят на службу в Восточной Сибири, хотя в 1911 г. их было 32 человека (Российский медицинский список… на 1913 год, 1913)[1]. В целом по стране ежегодный выпуск медиков не покрывал потребностей, что искусственно создавало дефицит людей с высшим медицинским образованием. Впервые медфак Томского университета сделал выпуск в 1893 г. Его питомцы обеспечивали кадрами всю Сибирь, Среднюю Азию и Дальний Восток. За 25 лет было выпущено 994 врача, около 40 человек в год. Но этого было недостаточно (Врачебная газета. 1913. № 32. Санкт-Петербург). Постоянно имелось большое количество вакантных мест, особенно в сельско-врачебной части и в переселенческом ведомстве. В силу чего в 1908 г. было выдвинуто сразу два предложения – открыть в Иркутске высшую медицинскую школу и в Томске женский медицинский институт (Сибирская врачебная газета. 1908. № 35. Иркутск*)*. Оба предложения не были осуществлены, хотя данный период был наиболее благоприятным для этой акции. По завершении обучения молодой

[1] Российский медицинский список, изданный Управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел на 1913 год. СПб.: Тип. МВД, 1913. 547 с.

специалист сдавал выпускной экзамен, давал клятву Гиппократа и получал диплом лекаря или лекаря с отличием, который давал право на ведение самостоятельной медицинской практики.

Изучаемый период интересен тем, что происходила смена кадрового состава. Если раньше этого особо не чувствовалось, то в исследуемое нами время рост научных знаний, за счет открытий в области естествознания, дал медикам широкие возможности. Врачи старых выпусков, как правило, не имели узкой специализации и являлись врачами общей практики. Университетское образование во второй половине XIX в. позволяло получить узкую специализацию. Однако этим пользовались далеко не все. Врач узкой специализации мог оказаться в невыгодном положении. К примеру, сельские или железнодорожные врачи привлекались к судмедэкспертизе. Они могли быть прекрасными терапевтами, но посредственными полицейскими врачами (Крутовский, 1902. С. 31). Главный врач городской больницы в Верхнеудинске В.М. Танский в своих мемуарах писал, подводя итоги деятельности во время войны с Японией, что лечить приходилось, в основном, травматических и сыпнотифозных больных, а его специализация – акушерство и гинекология – оказались не востребованы. Мирная жизнь ничего не изменила: «Жизнь предъявляла свои требования: в повседневности была, главным образом, нужда в терапевте и педиатре, и волей-неволей приходилось втягиваться в эти дисциплины...», – писал он (Государственный архив республики Бурятия (ГАРБ). Ф. р-1778. Оп. 1. Д. 31. Л. 45). И это совершенно неудивительно, учитывая, что в областных и губернских центрах Восточной Сибири дети и подростки от рождения и до 19 лет составляли от 35 до 40 % от численности всего населения (Шаламова, 2008). Отсюда и потребность в педиатре. О том же пишет в своем обзоре врач Н.А. Вигдорчик, но уже по сельской местности (Вигдорчик, 1903. С. 14). А если мы учтем, что предупредительной (санитарной) медицины почти не было, то вся нагрузка по лечению падала на терапевтов. Поэтому и была популярна эта специальность.

Молодые врачи временами высмеивали старшее поколение за их косность, нежелание учиться, боязнь белых халатов, которые плотно вошли в оборот у молодежи. Доктор А.К. Белявский даже привел в качестве примера казачьего врача в Кударе Забайкальской области: «Врачом был старик Славинский, до того забросивший медицину, что при каком-то заболевании обратился не к врачу, а к ламе» (Белявский, 2016. С. 112). Новое же поколение врачей охотно училось. Однако администрация не всегда шла навстречу человеку, желавшему поднять свою квалификацию. Основная причина заключалась в том, что врач, выехав в университетские города, легко находил более выгодные места службы, и регион оставался без специалиста. Как следствие, шли отказы в поездке на усовершенствование даже за свой счет или отказ в финансировании, как это было в Минусинске с городовым врачом Г.А. Фридманом (Русский врач. 1902. № 20. Санкт-Петербург). Этот вопрос поднимался на первом съезде сельских врачей Иркутской губернии в 1912 г., когда были разрешены основные правила усовершенствования врачей. В год могли выехать 4 врача, которые должны были отработать не менее года за командировку. Выдавались небольшие суммы. Срок усовершенствования ограничивался 3–4 месяцами (Труды Первого губернского съезда…, 1913. С. 74). Уже в 1913 г. три врача (Е.И. Фридман, Д.Д. Калинников и А.И. Зисман) отправились на учебу (Сибирская врачебная газета. 1913. № 45. Иркутск).

Желающие могли продолжить обучение в университете. Обычно они прикреплялись к выбранному ими профессору для подготовки научной работы. Результатом должен был быть научный труд, после защиты которого присваивалась степень доктора медицины. Большинство из них занимали руководящие посты в провинциях. Даже такой неудобный («политически неблагонадежный») для местной администрации врач как Е.В. Бек в Забайкалье после защиты своей известной работы по эндемическому полиартриту в долине реки Уров был, спустя несколько лет, назначен главой медицинской службы горного округа в

кабинетских землях Забайкальской области (Андрусевич, 1996. С. 67–75). Численность этой категории высококвалифицированных врачей была невелика. Так, в 1898 г. на всю Восточную Сибирь приходилось 18, а в 1913 г. – 33 доктора медицины (Российский медицинский список… на 1913 год, 1913)[2].

Контроль за деятельностью всех медиков возлагался на губернские врачебные отделения и врачебных инспекторов. По прибытию в губернию желающий практиковать обязан был известить отделение об этом, подтвердить свое образование и только после этого ему выдавалось разрешение на практику (Гецманова, 2010). Все выпускники получали право быть внесенными в особые списки, которые медицинский департамент периодически публиковал. Такие издания нужны были для идентификации личности. Запрашивать каждое учебное заведение о подтверждении образрвания было затруднительно. Такая же система была более удобной (Устав врачебный…, 1915 С. 72–80)[3]. Также все газеты не имели права печатать объявления без разрешения врачебного инспектора. Таким образом осуществлялась довольно простая процедура проверки. Впрочем, она не всегда была правильной. Вообще вся деятельность врачей, а через них и всего прочего персонала, осуществлялась через посредство врачебного устава, который был принят в 1892 г. и обновлен в 1905 г. Это довольно архаичный документ, несущий в себе заряд законодательства начала XIX в. Врачи дружно критиковали его и требовали модернизации, но власть так и не решилась серьезно его пересмотреть (Новиков, 2013).

Длительное время в России не признавалось за женщинами не только право на медицинское образование, но и вообще – на высшее образование (Гарбуз, 2009). В государстве не было высшего медицинского образования для женщин. Они вынуждены были получать его за рубежом, чаще всего в Швейцарии или Франции. В 1897 г. был открыт Женский медицинский институт, окончание которого давало все права, за исключением прав на чинопроизводство (Первый женский календарь…, 1903 С. 232–236)[4]. С первых лет желающих поступить было значительно больше возможностей института. В 1904 г. взяли всего 250 студенток из 950 подавших заявления о приеме (Русский врач. 1904. № 35. Санкт-Петербург). Это объяснялось гендерными барьерами, введенными Министерством просвещения, считавшим, что женщинам не место в медицинской специальности (Руднева, 2012). Так, в 1906 г. в МГУ поступило 187 вольнослушательниц, и ни одна из них не была принята на медицинский факультет. Похожая картина наблюдалась и в других учебных заведениях. Только в Томском университете в числе 138 студентов медицинского факультета значилось 23 девушки (Русский врач. 1906. № 38. Санкт-Петербург). Со временем наборы увеличивались. Так, в 1913 г. в том же Томском университете на медфак было принято уже 60 девушек. Однако это было осуществлено за счет вакантных мест, и набор велся только из уроженок Сибири (Врачебная газета. 1913. № 13. Санкт-Петербург). Существовало довольно много ограничений в деятельности врачей женского пола. Еще предстояла борьба за право заниматься научной деятельностью, преподавать в вузе и т. д. Женщинам было сложно работать в условиях сибирской глубинки, например, сельским, переселенческим, тюремным врачом и т. д. Периодически встречались различного рода препятствия в деятельности этой категории медиков. В 1913 г. один из мировых судей Забайкальской области из морально-этических побуждений запретил женщине-врачу произвести судебно-медицинское вскрытие трупа мужчины. Кстати, эта одна из важнейших этических про-

[2] Российский медицинский список, изданный медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1913 год. СПб.: Тип. МВД, 1913. 577 с.

[3] Устав врачебный, изд. 1905 г. и по прод. 1912 и 1913 г.г., и узаконения по врачебно-санитарной части, дополненные постатейными разъяснениями Сената и правительственных установлений, правилами и инструкциями / Сост. Л.А. Колычев. Петроград: Издание юридического книжного магазина В.П. Анисимова, 1915. 660 с.

[4] Первый женский календарь на 1903 год: год 5-й / [Сост.] П.Н. Ариян. СПб.: Паровая скоропеч. «Труд», 1903. 546 с.

блем, по которой не допускали женщин к медицинской деятельности. Вскоре, однако, суд отменил данное решение, и в последующем таких проблем уже не было (Врачебная газета. 1913. № 2. Санкт-Петербург). Изредка встречались случаи игнорирования женщин-врачей и в медицинской среде, как это было в Красноярске в 1909 г., когда возник конфликт из-за нетактичных высказываний ряда товарищей (Сибирская врачебная газета. 1909. № 20. Иркутск). Численность их в Восточной Сибири была незначительной. В 1898 г. имелось всего 5 женщин-врачей. Две работали в Иркутске, две – в Красноярске и одна – на приисках Енисейской губернии. По данным 1913 г. их уже стало 23. Из них 9 трудилось в Енисейской губернии, 8 – в Иркутской, 5 – в Забайкальской области и 1 – в Якутской. В их числе были врачи для командировок М.Н. Жукова (урожденная Флоренсова) и Л.А. Цитович, врач рудника Г.П. Делярю (Куломзина), сельские врачи А.И. Гусарова (Шипунова), Г.Д. Кищук, А.А. Софронова и переселенческий врач М.Н. Ильинская. С этого времени начинается медленный, но неуклонный рост женского врачебного персонала.

Врачи, конечно же, занимались не только своей профессиональной деятельностью. К примеру, военный врач А.К. Белявский любил в свободное от работы время удить рыбу, а в Сретенске при его активном участии был создан самодеятельный театральный кружок (Белявский, 2016. С. 94, 102 и др.). Врачи В.М. Крутовский из Красноярска, П.И. Федоров и Л.С. Зисман из Иркутска, П.Я. Каплунов из Нерчинска и некоторые другие занимались издательским делом или участвовали в редактировании местных газет, в том числе «Сибирской врачебной газеты», «Сибирского врачебного вестника», «Нерчинского вестника», «Тайги» и других (Лисичникова, 2003). В целом разностороннее развитие врачей позволяло им включаться в различные виды культурной и общественной жизни региона.

Основная масса среднего медицинского персонала была представлена фельдшерами. До 1871 г. они именовались лекарскими помощниками (лекпомами) и подразделялись на несколько групп. В основном, фельдшерами были выходцы из простонародья и очень редко из интеллигентных семей. Наиболее привилегированное положение занимали школьные фельдшеры. По грубым оценкам их число не превышало 40 % от общего количества фельдшерского персонала. От других они отличались тем, что заканчивали гражданские фельдшерские школы[5]. В XIX в. большинство из них в Восточной Сибири были выпускниками фельдшерских школ в Казани, Тобольске и Омске. Небольшой промежуток времени существовала школа в Иркутске. В 1906 г. открылась фельдшерская школа в Якутске, давшая первый выпуск в 1909 г. (Федотов, Мендрина, 1975. С. 189–192; Николаев, 2007).

Еще одним источником подготовки были военно-фельдшерские школы. С 1872 по 1905 гг. такая существовала и в Чите при военном госпитале. Учеников было немного 15–30 человек (Цуприк, 2014. С. 217–218). В 1905 г. ее закрыли, а учащихся направляли в Петербургскую школу. Это было накладно, поэтому позднее стали выделять стипендии в Иркутской школе, оставшейся единственной в Сибири. Она была рассчитана на 200 человек, из которых ежегодно выпускалось 50. Каждый год сюда направлялись стипендиаты казачьих войск: Забайкальского 8 человек, Уссурийского и Амурского по 4 человека (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 532. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 20). Небольшое число воспитанников и удаленность от основных центров Восточной Сибири стали причиной дефицита медиков этой категории.

Школьных фельдшеров ориентировали на помощь населению во время эпидемий и наиболее часто встречающихся болезней. При этом они законодательно были ограничены. Их деятельность должна была контролироваться врачом. При серьезных травмах фельдшер не имел права

[5] Устав врачебный, изд. 1905 г. и по прод. 1912 и 1913 г.г., и узаконения по врачебно-санитарной части, дополненные постатейными разъяснениями Сената и правительственных установлений, правилами и инструкциями / Сост. Л.А. Колычев. Петроград: Издание юридического книжного магазина В.П. Анисимова, 1915. 660 с.

на хирургическое вмешательство, а только осуществлял первую доврачебную помощь. А также накладывать щипцы при рождении ребенка и тому подобные сложные манипуляции. Врачи откровенно эксплуатировали фельдшерский персонал. Часто высказывались о слабой подготовке последних. Временами им навязывали совершенно посторонние обязанности по ведению хозяйства, уходу за скотом, ведению делопроизводства и т. д. Наиболее квалифицированные фельдшеры пытались отстаивать свои права, образовывали общества взаимопомощи (Иркутск, Чита, Якутск) (Сибирская врачебная газета. 1910. № 2. Иркутск).

Следующей категорией фельдшеров были ротные. Впервые они появились в армии в 1871 г. Готовили их из фельдшерских учеников в армейских частях или местных госпиталях и лазаретах, например, в Омске, Сретенске, Хабаровске, Владивостоке. Из-за коротких сроков службы в армии перешли к подготовке фельдшеров в упоминавшихся выше военно-фельдшерских школах. Однако на окраинах империи, изобиловавших войсками, фельдшеров не хватало, поэтому практика кустарной подготовки ротных фельдшеров продолжалась. После службы в армии некоторые из них охотно шли на службу в гражданские ведомства. Считалось, что их подготовка чрезвычайно низкая. Особенно это касалось небольших школ, группирующихся при госпиталях и лазаретах, где в основном шло натаскивание учеников на практике. Ротных фельдшеров главным образом ориентировали на выявление симуляций среди военнослужащих, а также правилам оказания помощи во время боя. Работали они, в основном, с физически крепкими мужчинами. Родовспоможение осваивали только теоретически. Все эти минусы сказывались, когда ротные фельдшеры после службы в армии шли на службу в гражданские ведомства. По свидетельствам некоторых врачей эта категория работников часто пользовалась популярностью в народе, ими дорожили, поскольку они были «своими» и не отказывались работать за низкое жалование в глухих углах (Труды Первого съезда врачей…, 1912. С. 73–76). Тем не менее периодически ставился вопрос о ликвидации категории ротных фельдшеров или, по крайней мере, постепенном их замещением школьными, но за отсутствием в регионе собственных школ, эта мера могла быть только платонической.

Женщины в поздней Российской империи имели право получать среднее медицинское образование. Для этого было несколько вариантов – фельдшерица, акушерка (сельская повивальная бабка) или фельдшерица-акушерка. Собственно первоначально женщин допускали только к родовспоможению. С 1878 г. существовали школы повивальных бабок в Тобольске и Томске. Короткое время такая школа была в Чите. Опыт показывал, что женщины неплохо справляются не только с родами, но и с лечением несложных заболеваний. К тому же они были готовы служить за более низкое содержание, чем мужчина. Учитывая частоту родов, женщина была куда более желательной, чем мужчина. Все эти доводы были приняты во внимание во время реформы, начавшейся в середине 1890-х гг., когда стали открываться новые школы, готовившие не только акушерок, но и фельдшериц-акушерок. В 1892 г. одна из них была открыта в Иркутске, а в 1889 г. в Красноярске. Последняя состояла при Обществе врачей Енисейской губернии, хотя и получала дотацию из земских сумм. В 1895 г. Тобольская школа повивальных бабок была преобразована в фельдшерско-акушерскую, а в 1906 г. – Томская (Долидович, 2005). Антисемитская политика прослеживалась в подготовке фельдшеров также как и в университетах. Некоторое время в Сибири закрывали глаза на 3 % норму обучающихся евреев (в Красноярской школе их число доходило до 30 %). Однако революция 1905 г. спровоцировала власть, и с этого времени она требовала неукоснительного выполнения буквы закона, хотя это вызывало бурные протесты во врачебной корпорации (Сибирские письма. 1910. С. 46–48). На съездах врачей 1912 г. ставили вопрос о назначении фельдшериц-акушерок на самостоятельные фельдшерские пункты, как имеющие достаточную подготовку, и пользующиеся популярностью у женского населения (Труды Первого съезда врачей…, 1912. С. 73–76). На всех врачебных участках фельдше-

рица-акушерка, в крайнем случае акушерка, обязательно находились в штате. Некоторые работали в родотделениях городских больниц и даже вели частную практику. К примеру, в Чите в 1910 г. в газете «Забайкальская новь» было помещено 8 объявлений о подаче медицинской помощи акушерками и фельдшерицами. Некоторые из них имели дополнительную специальность «массажистка» или «оспопрививательница» (Забайкальская новь. 1910. 23 апреля. Чита). В остальном их положение совпадало с положением обычных фельдшеров.

Начальным звеном среди фармацевтов было аптекарское ученичество кустарного типа. Проработав 3–5 лет в аптеке и усвоив краткий лекционный курс при медицинском факультете, аптекарский ученик мог сдать экзамен на звание помощника. Другой путь – краткосрочные курсы при медфаках и некоторых аптеках длительностью 6–9 месяцев. В свою очередь аптекарский помощник после 2–3 лет работы мог подать документы на сдачу экзамена для получения звания провизора. К примеру, при медфаке Томского университета ежегодно в качестве вольнослушателей проходило обучение от 3 до 15 фармацевтов. Высшая фармацевтическая квалификация – магистр фармации в гражданской сфере в России не присваивалась. На магистра готовили только в Военно-Хирургической академии. К началу Первой мировой войны женщины постепенно добились права получения всех видов фармацевтического образования. С 1906 г. они могли сдавать все экзамены при Женском мединституте в Санкт-Петербурге (Русский врач. 1906. № 3. Санкт-Петербург). Фармацевтический бизнес практически полностью был частным. При этом существовали квоты, которые зависели от числа жителей в населенном пункте и числа обслуживаемых рецептов. Рынок был занят, и в поисках удачного места фармацевты путешествовали по стране. Среди них преобладали евреи, поляки, прибалты и другие национальности, поскольку за отсутствием формального образовательного учреждения их выпуск было очень сложно проследить. В Енисейской губернии на 1914 г. из 23 управляющих и владельцев-фармацевтов 7 было русских, 5 – евреев, 4 – литовца, по 2 немца и поляка и по 1 латышу, грузину и белорусу (Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 22. Д. 1279. Л. 7–9 с об).

Зубные врачи, несмотря на название, относились к среднему медперсоналу. Считалось, что они являются усеченной версией врача, специализирующейся только на лечении болезней ротовой полости, следовательно, не достойные звания лекаря. В России зубные врачи готовились в зубоврачебных школах, начиная с 1880-х гг. После двух с половиной лет обучения и сдачи экзамена, специалист мог работать по специальности на тех же условиях, что и врачи. Специальность не считалась престижной, поэтому многие из них были выходцами из евреев, поляков, прибалтов и т. д. Менее квалифицированными считались дантисты, которые не получали систематического образования, а прикреплялись к известному специалисту для практики. Спустя три года они имели право сдать экзамен на звание дантиста (Ермолаева, Павлова, Дорфман, 2016). С 1900 г. с кустарным способом подготовки было покончено. С этого времени готовили только зубных врачей. Они и дантисты имели право открывать частные кабинеты. Также имелись зубные техники, заканчивавшие специальные курсы, но не имевшие права лечить, а только изготавливали зубные протезы. Иностранные зубные врачи для работы в России обязаны были сдать экзамен при одном из российских медицинских факультетов университетов или Военно-Хирургической академии. Известен случай, когда японские зубные врачи просились в Иркутске открыть свои кабинеты, но им было отказано (ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 2198. Л. 2, 4).

Еще одной категорией медперсонала были сестры милосердия. С историей их появления в России можно ознакомиться, к примеру, в работе С.Н. Акишина и его коллег (Акишин, 2014). В пределах Восточной Сибири длительное время была всего одна община сестер милосердия – Мариинская в Иркутске, существовавшая с 1868 г. В 1890 г. в ней числилось 13 сестер (Отчет Восточно-

Сибирского…, 1891. С. 29)[6]. В силу того, что на Дальнем Востоке росла международная напряженность, в Читу были направлены 6 сестер милосердия из Санкт-Петербурга. Местные отделения Красного Креста активизировали свою деятельность. В 1896 г. открывается община сестер милосердия в Красноярске с десятью испытуемыми сестрами (ГАИО. Ф. 25. Оп. 18. Д. 330. Л. 2–9), тогда же – вторая община (Яково-Александрийская) в Иркутске с одиннадцатью сестрами (Отчет о состоянии..., 1911. С. 1–7)[7] и в 1901 г. – в Чите с десятью сестрами (Батоев, 2017). Все общины сестер милосердия в Восточной Сибири состояли при Российском обществе Красного Креста (РОКК). После 1903 г. все они перешли на автономное существование. Совет общины, в который сами сестры не входили, определял все направления жизни организации. В общины принимали девиц или вдов, решивших служить на медицинском поприще. Сестры жили на полумонастырском уставе. Первые 2–3 года вновь набранные числились ученицами. Они проходили в мирное время теоретический курс по анатомии, уходу и санитарии. Также под надзором врача общины или старших сестер учениц привлекали к практике – уходу за больными в госпиталях и больницах. После сдачи экзаменов ученица становилась сестрой милосердия (Каспрук, Канюкова, 2013). Она могла жить в общине или вне ее, но в любом случае обязана была отдавать половину заработка общине. Спустя 5–6 лет работы сестры получали уровень подготовки, близкий к фельдшерам. Они не состояли в штатах лечебных учреждений, а приглашались в случае необходимости за отдельную плату. Кроме штатных сестер, Красный Крест периодически подготавливал на шестимесячных курсах запасных сестер милосердия, которые в случае войны составляли резерв. Краткость подготовки сильно ослабляли их уровень знаний. Более того, в разгар войны с Японией готовили сестер по особым шестинедельным курсам запасных сестер военного времени. К тому же, в состав общин входило большое число волонтерок с весьма поверхностными знаниями, которые доставили во время войны немало трудностей. Часто среди сестер оказывались малограмотные деревенские девушки, которым некуда было деться. Некоторые врачи даже ставили вопрос о замене слабых ротных фельдшеров на более аккуратных сестер милосердия, как например, известный исследователь Сибири и Дальнего Востока Н.В. Кирилов (Восточное обозрение. 1896. 17 апр. Иркутск). Однако на съезде врачей Забайкальской области пришли к выводу о том, что их уровень подготовки ничуть не выше (Труды Первого съезда врачей…, 1912. С. 73–76). Вместе с тем следует отметить, что в состав сестер теоретически могли входить также лица женского пола, имеющие солидное медицинское образование, в том числе фельдшерицы и студентки-медички. Обычно это происходило только во время войны. Сестры в зависимости от уровня подготовки распределяли обязанности, облегчая работу прочего персонала. Наиболее подготовленные по медицинской части помогали при операциях, приеме больных, изготовлении лекарств. Наиболее чистоплотные следили за порядком в палатах. Прочие готовили пищу, следили за больными в палатах и выполняли разную работу (ГАИО. Ф. 25. Оп. 18. Д. 330. Л. 2–9). Обычно сестры не лечили, а только ухаживали, что отличает их от медицинских сестер, прообразом которых они стали. Таким образом, это был незаменимая и низкооплачиваемая, оттого и малочисленная категория медицинских работников.

Кроме вышеупомянутых медработников, в штатах упоминаются также различные должности младшего медицинского персонала. Наиболее массовыми были оспопрививатели. Чаще всего это

[6] Отчет Восточно-Сибирского окружного управления и Мариинской общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста, состоящего под высочайшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы за 1890 г. Иркутск: Тип. штаба Иркутского воен. округа, 1891. 34 с.

[7] Отчет о состоянии и деятельности Иаково-Александрийской общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста, состоящего под высочайшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны за 1910 год. Иркутск: Губ. тип., 1911. 49 с.

были крестьяне, которых врач обучил методике прививания оспы (Полное собрание…, 1897. С. 340–341)[8]. Общее их число законом никак не оговаривалось. Оплата за труд была настолько низкой, что на эту работу шли крестьяне или ссыльные с целью получить дополнительный приработок. Иногда сельские общества доплачивали из своих средств оспопрививателям (Крутовский, 1902. С. 68–71). На похожих условиях трудились дезинфекторы, палатные надзиратели и прочий младший медицинский персонал. В составе крупных лечебных учреждений были еще и смотрители больниц (завхозы), дворники, истопники и т. д.

В общем, на примере кадрового состава Восточной Сибири рубежа XIX–XX вв. мы можем наблюдать эволюционный переход от ремесленно-кустарной подготовки кадров к современной системе обучения в специальных учебных заведениях. Постепенно от десятилетия к десятилетию открывались учебные заведения, позволявшие, хотя бы минимально, закрывать имеющиеся вакансии. Назревшая проблема подготовки медицинских специалистов с высшим образованием так и не была решена.

[8] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. СПб.: Гос. тип., 1900. Т. XVII. 1897. 1571 с. № 14188. С. 340–341.

Библиографический список

Акишина С.Н. Сестры милосердия в России, XIX – начало XX века. СПб.: Альянс, 2014. 263 с.

Андрусевич Е.К. Общее дело: жизнь и деятельность известных врачей Забайкалья Е.В. и А.Н. Бек. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 216 с.

Батоев С.Д. Читинская и Верхнеудинская общины сестер милосердия в истории здравоохранения Забайкалья // Quantum Satis. 2017. № 3–4. С. 107–115.

Белявский А.К. Записки военного врача. Чита: Экспресс-издательство, 2016. 212 с.

Вигдорчик Н.А. Материалы к характеристике сельской медицины в Сибири. Красноярск: Енисейская губ. тип., 1903. 28 с.

Гарбуз Г.В. Женщины на государственной службе в России в начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 2 (10). С. 22–28.

Гецманова И.В. Из истории отечественного законодательства в области врачевания и охраны здоровья населения // Медицинское право. 2010. № 3. С. 49–56.

Долидович О.М. Красноярская женская фельдшерская школа (к истории создания и деятельности) // Красноярский край – 70 лет исторического пути: материалы V краеведческих чтений (Красноярск, ноябрь 2004 г.). Красноярск: ГУНБ Красноярского края, 2005. С. 174–178.

Ермолаева Е.В., Павлова Л.А., Дорфман С.В. Развитие стоматологического образования в России // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2016. Т. 6. № 1. С. 164–166.

Каспрук Л.И., Канюкова Ю.В. Развитие сестринского медицинского образования в России в XIX–XX вв. //

References

Akishin S.N. (2014) Sisters of mercy in Russia, XIX – beginning of XX century. St. Petersburg: Alliance. 263 p. (In Russ.)

Andrusevich E.K. (1996) Common cause: Life and work of famous doctors of Transbaikalia E.V. and A.N. Beck. Novosibirsk: Siberian khronograf. 216 p. (In Russ.)

Batoyev S.D. (2017) Chita and Verkhneudinsk communities of nurses in the history of health care of Transbaikalia. *Quantum Satis*. No. 3–4. P. 107–115. (In Russ.)

Belyavskiy A.K. (2016) Notes of a military doctor. Chita: Ekspress-izdatelstvo. 212 p. (In Russ.)

Vigdorchik N.A. (1903) Materials for the characterization of rural medicine in Siberia. Krasnoyarsk: Yeniseyskaya gubernskaya tipografiya. 28 p. (In Russ.)

Garbuz G.V. (2009) Women in public service in Russia in the early XX century. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. Volga region. Humanitarian Sciences*. No. 2 (10). P. 22–28. (In Russ.)

Getsmanova I.V. (2010) From the history of domestic legislation in the field of medicine and public health protection. *Meditsinskoye pravo = Medical Law*. No. 3. P. 49–56. (In Russ.)

Dolidovich O.M. (2005) Krasnoyarsk Female Medical Assistant's School (to the history of creation and activity). *Krasnoyarskiy kray – 70 let istoricheskogo puti = Krasnoyarsk region – 70 years of the historical path. Proceedings of V local history readings* (*Krasnoyarsk, November 2004).* Krasnoyarsk: Gosudarstvennaya Universalnaya Nauchnaya Biblioteka Krasnoyarskogo kraya. P. 174–178. (In Russ.)

Yermolayeva Y.V., Pavlova L.A., Dorfman S.V. (2016) Development of dental education in Russia. *Byulleten meditsinskikh internet-konferentsiy = Bulletin of Medical Internet Conferences*. Vol. 6. No. 1. P. 164–166. (In Russ.)

Kaspruk L.I., Kanyukova Yu.V. (2013) The development of nursing medical education in Russia in the XIX–XX centu-

Медицинский журнал Западного Казахстана. 2013. № 4 (40). С. 55–61.

Крутовский В.М. Очерки современного положения сельско-врачебной помощи в Енисейской губернии. Томск: Паровая типолитография П.И. Макушина, 1902. 92 с.

Лисичникова А.В. Роль периодической печати в жизни врачей губернских и областных центров Восточной Сибири в конце XIX века // Шестые Макушинские чтения: материалы научной конференции (г. Новосибирск, 22–23 мая 2003 г.). Новосибирск, 2003. С. 133–135.

Николаев В.П. Из истории подготовки кадров здравоохранения в Якутии XIX – начала XX в. // Сборник научных тезисов и статей «Здоровье и образование в XXI веке». 2007. Т. 9. № 1. С. 49.

Новиков Д.А. Правовое регулирование труда в сфере медицинской деятельности врачебным уставом 1905 г. // Казанская наука. 2013. № 1. С. 144–147.

Руднева Я.Б. Из истории высшего женского образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Казанского учебного округа) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2012. Т. 12. Вып. 3. С. 99–107.

Сибирские письма // Сибирские вопросы: период. сб. / ред. А.И. Иванчин-Писарев. СПб., 1905. № 31–32. 86 с.

Труды Первого губернского съезда сельских врачей Иркутской губернии (7–12 дек. 1912 г.). Иркутск: Губ. тип., 1913. 127 с.

Труды Первого съезда врачей Забайкальской области (6–16 июня 1912 г.) / Под ред. В.А. Бурмакина. Чита: [б.и.], 1912. 125 с.

Федотов Н.П., Мендрина Г.И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск: ТГУ, 1975. 260 с.

Цуприк Р.И. Литературное, историческое и медицинское краеведение. Чита: ЗабГУ, 2014. 456 с.

Шаламова С.А. Иркутская молодёжь в структуре городского населения (по материалам переписи населения 1897 года) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: БГУЭП, 2008. С. 442–444.

ries. *Meditsinskiy zhurnal* Zapadnogo *Kazakhstana = Medical Journal of Western Kazakhstan*. No. 4. P. 55–61. (In Russ.)

Krutovskiy V.M. (1902) Essays on the current situation of rural medical care in the Yenisei province. Tomsk: Parovaya tipolitografiya P.I. Makushina. 92 p. (In Russ.)

Lisichnikova A.V. (2003) The role of periodicals in the life of doctors in the provincial and regional centers of Eastern Siberia at the end of the 19th century. *Shestye Makushinskie chteniya: material nauchnoi konferentsii (Novosibirsk, 22–23 maya 2003 g.) = Sixth Makushinsky Readings. Proceedings of the Scientific Conference (Novosibirsk, May 22–23, 2003).* Novosibirsk. P. 133–135. (In Russ.)

Nikolayev V.P. (2007) From the history of health personnel training in Yakutia in the 19th – early 20th centuries. *Sbornik nauchnykh tezisov i statey "Zdorovye i obrazovaniye v XXI veke" = Collection of scientific abstracts and articles "Health and education in the XXI century"*. Vol. 9. No. 1. P. 49. (In Russ.)

Novikov D.A. (2013) Legal regulation of labor in the field of medical activity by the medical charter of 1905. *Kazanskaya nauka = Kazan Science*. No. 1. P. 144–147. (In Russ.)

Rudneva Ya.B. (2012) From the history of higher education for women in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on the materials of the Kazan educational district). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Saratov State University. New series. Series: History. International relationships*. Vol. 12. Iss. 3. P. 99–107. (In Russ.)

Ivanchin-Pisarev A.I. (1905) Siberian letters. *Sibirskiye voprosy: periodicheskiy sbornik = Siberian Issues: periodical collection.* Sankt-Peterburg. No. 31–32. 86 p. (In Russ.)

(1913) Proceedings of the First Provincial Congress of Country Doctors of Irkutsk Province (December 7–12, 1912). Irkutsk: Gubernskaya tipografiya. 127 p. (In Russ.)

Burmakin V.A. (1912) Proceedings of the First Congress of Physicians of the Trans-Baikal Region (June 6–16, 1912). Chita: [without publ.]. 125 p. (In Russ.)

Fedotov N.P., Mendrina G.I. (1975) Essays on the history of medicine and healthcare in Siberia. Tomsk: Publishing House of the Tomsk State University. 260 p. (In Russ.)

Tsuprik R.I. (2014) Literal, historical and medical local history. Chita: Zabaykalskogo Gosudarstvennogo Universiteta. 456 p. (In Russ.)

Shalamova S.A. (2008) Irkutsk youth in the structure of the urban population (based on the census of 1897). *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy yezhegodnik = Irkutsk Historical and Economic Yearbook*. Irkutsk: Baykalskogo Gosudarstvennogo Universitet ekonomiki i prava. P. 442–444. (In Russ.)

Сведения об авторе

Шаламов Владимир Александрович,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России,
Иркутский государственный университет,
664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: Wladimir13x@ya.ru

Information about the author

Vladimir A. Shalamov,
Cand. Sci (History), Associate Professor Department of the History of Russia,
Irkutsk state University,
1, K. Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: Wladimir13x@ya.ru

Заявленный вклад автора

В.А. Шаламов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

V.A. Shalamov carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 18 марта 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 2 июня 2021 г.
Принята к публикации 28 июня 2021 г.

Article info

Received March 18, 2021.
Received June 2, 2021.
Accepted June 28, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(57)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-172-180

Художественная жизнь городского общества Иркутской губернии на страницах газет «Восточное обозрение» и «Сибирь» второй половины XIX – начала XX в.

© В.В. Ткачев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье представлена художественная жизнь городского общества Иркутской губернии второй половины XIX – начала XX в. Проводится анализ газет «Восточное обозрение» и «Сибирь», которые раскрывают основные этапы развития художественного пространства в регионе. Определяется степень участия авторов статей в формировании общественного мнения о предметах изобразительного искусства, художественных выставках, общественной и творческой деятельности мастеров и других проблемах. В исследовании отмечается то, что источники периодической печати раскрывали с разных сторон творческие мероприятия мастеров: выставки, встречи, лекции, исторические события. В периодической печати обсуждались ключевые моменты, связанные с художественной жизнью Иркутской губернии. Используется комплексный подход при анализе статей, что помогает определить ценностные ориентиры городского общества в искусстве. Газеты, с одной стороны, отражали участие художников в создании иллюстративных материалов, картин, а с другой – подробно описывали результаты проведения художественных выставок, реакцию посетителей на живописные полотна. События второй половины XIX – начала XX в. способствовали развитию общественного мнения об искусстве, творчестве известных мастеров. Благодаря знакомству жителей с картинами, постепенно расширялся круг знаний о культуре Российской империи, а у художников появилась возможность реализовать свои творческие способности, используя разные методы и приёмы. Было замечено то, что искусство формировало у общества интерес к актуальным социальным проблемам. Жителей Иркутской губернии волновали социальные, политические, экономические, культурные перемены, которые происходили во второй половине XIX – начале XX в. Определено значение источников периодической печати для изучения художественной жизни городского пространства.

Ключевые слова: история Сибири, Иркутская губерния, городская культура, городское общество, художественная жизнь, периодическая печать, выставки, музеи, коллекционирование, общественное мнение

Благодарности: Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-21-322 «Художественная жизнь в городах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX в.: история и особенности развития».

Для цитирования: Ткачев В.В. Художественная жизнь городского общества Иркутской губернии на страницах газет «Восточное обозрение» и «Сибирь» второй половины XIX – начала XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 172–180. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-172-180

Artistic life of the urban society of the Irkutsk province on the pages of the newspapers “Vostochnoe obozrenie” and “Siberia” of the second half of the XIX – beginning of XX centuries

© Vitaliy V. Tkachev

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article presents the artistic life of the urban society of the Irkutsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries. Author analyzes articles from the newspapers “Vostochnoye Obozreniye” and “Siberia”, which reveal the main stages in the development of artistic space in the region. The degree of participation of editors in the formation of public opinion about objects of fine art, art exhibitions, and public activities of masters and other problems is determined. The study notes

that the sources of periodicals revealed the creative events of the masters from different sides: exhibitions, meetings, lectures, historical events. The articles exposed the opinions of both editors and participants in the events. The periodicals discussed the key points related to the artistic life of the Irkutsk province. An integrated approach is used in the analysis of articles, which helps to determine the value orientations of urban society in art. Newspapers, on the one hand, reflect the participation of artists in the creation of illustrative materials, and on the other hand, describe the results of art exhibitions, the reaction of visitors to paintings. Events of the late 19th – early 20th centuries contributed to the development of public opinion on art and work of famous masters. The horizons of knowledge about the culture of the Russian Empire were gradually expanded, and the artists appeared the new opportunity to realize their creative abilities by using different methods and techniques,. The society showed interest in topical social problems. Residents of the Irkutsk province were worried about the social, political, economic, cultural changes that took place in the second half of the 19th – early 20th centuries. The importance of the sources of periodicals for the study of the artistic life of the urban space is determined.

Keywords: history of Siberia, Irkutsk province, urban culture, urban society, artistic life, periodicals, exhibitions, museums, collecting, public opinion

Acknowledgements: The research was supported by Irkutsk State University, project N 091-21-322 “Artistic life in the cities of Baikal Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries: history and features of development”.

For citation: Tkachev V.V. (2021) Artistic life of the urban society of the Irkutsk province on the pages of the newspapers “Vostochnoe obozrenie” and “Siberia” of the second half of the XIX – beginning of XX centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 172–180. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-172-180

В современной исторической науке особое значение придается источникам периодической печати, которые фиксировали изменения в художественном пространстве Иркутской губернии. Они отражали, с одной стороны, события, связанные с городской жизнью, с другой – передавали впечатления, мнения участников мероприятий. Правильный подход в проведении подробного анализа источников периодической печати при изучении художественной жизни Иркутской губернии даёт возможность определить ценностные ориентиры в городском обществе, роль предметов изобразительного искусства в жизни людей, значение творческой и общественной деятельности мастеров в регионе.

В статьях газет «Восточное обозрение» и «Сибирь» отмечалось, что творческая интеллигенция городской среды активно включается в художественное пространство Иркутской губернии. В городском обществе они нашли своё главное место как носители культуры, определённых взглядов, исследователи региона, реставраторы и педагоги. Жители городов уважительно относились к творческим людям, обращались к ним за советами, заказывали портреты и пейзажи для своих домов, помогали в приобретении необходимых материалов. Художники много времени уделяли совершенствованию своего образования. В учебных заведениях проводились дополнительные занятия по определенной тематике, а лучших учеников отправляли знакомиться с центральными художественными школами Российской империи.

Мастера выражали свои взгляды через произведения искусства: портреты, городские пейзажи и т. д. Многие проблемы ими поднимались и на встречах с местной властью на общественных собраниях. Художники стремились улучшить своё положение в обществе. Они хотели создать творческие объединения, определиться с местом для показа своих живописных работ, создать городские галереи и музеи. Также поднимали вопрос о необходимости улучшить сферу художественного образования. Многие аспекты, связанные с развитием художественной жизни Иркутской губернии, участием в мероприятиях представителей творческой интеллигенции, можно найти в источниках периодической печати.

Во второй половине XIX – начале XX в. в Иркутской губернии просветительской деятельностью активно занимались творческие организации. Они охватывали разные культурные сферы:

искусство, театр, кино. В данный период выпускались и газеты «Восточное обозрение», «Сибирь», «Сибирский еженедельник», «Сибирская газета для всех», «Вестник понедельника», юмористический еженедельник «Сибирский альманах» и другие. В них не только освещались художественные мероприятия, которые проходили в Иркутской губернии, но и показывались работы мастеров через тематические иллюстрации. Такие изображения передавали события, которые авторы видели в действительности. На основе источников периодической печати можно представить процесс изменения взглядов жителей Иркутской губернии на художественные выставки, изобразительное искусство. Общество активно подключалось к обсуждению разных социальных, культурных, политических, экономических проблем.

Исследование охватывает период второй половины XIX – начала XX в. Была изучена организация творческого пространства; проведение художественных выставок; история формирования представлений жителей городов об искусстве. Целью исследования было на основе изучения периодической печати представить художественную жизнь Иркутской губернии и историю развития взглядов жителей региона на художественные выставки во второй половине XIX – начале XX в. В качестве задач исследования было намечено: определить значение деятельности художников в создании журналов, газет; проследить историю отражения в периодической печати организацию и проведение мероприятий, связанных с художественной жизнью региона.

Историю развития взглядов жителей Иркутской губернии на художественные выставки и мероприятия во второй половине XIX – начале XX в., художественное пространство региона изучали исследователи разных научных направлений (Паликова, 2007; Паликова, 2008; Паликова, 2020). Многие историки сосредотачивали своё внимание на изучении фондов. Художественные коллекции музеев изучали: А.Д. Фатьянов, В.В. Фалинский, Л.Н. Снытко, Т.А. Крючкова и т. д. (Фатьянов, 1967; Фатьянов, 1990; Фатьянов, 1995; Тихонова, 1983; Турунов, 1938). Историю развития художественной жизни городов Восточной Сибири представили в своих работах: П.Д. Муратов, Л.Н. Малкина, Ю.П. Лыхин, Т.Г. Ларева и другие (Лыхин, 2002; Ларева, 2015; Малкина, 2007; Муратов, 1974; Копылов, 1974; Кошман, 2008). Экономические и культурные стороны региона изучают: Н.И. Гаврилова, В.П. Шахеров и т. д. (Шахеров, 2006; Шахеров, 2013). Исследователи обращались ко многим историческим источникам. Особенно подробно изучали источники личного происхождения. Рассматривали они и материалы периодической печати. К сожалению, многие фрагменты статей из газет, которые публиковали в своих работах историки, не были в полной степени проанализированы. Авторы давали определённую характеристику статей, раскрывали вопросы об исторических событиях в тот период. Вопросы же более глубокие – такие как предпочтения жителей в направлениях искусства, ценностные ориентиры и особенности развития художественного пространства не были рассмотрены. Также стоит отметить, что сами редакторы газет и их авторы участвовали в определении путей развития общественного мнения об искусстве. Так, о художественных выставках во второй половине XIX – начале XX в. писали в газетах «Восточное обозрение» и «Сибирь»[1]. Многие авторы публикаций критиковали мероприятия, указывали на недостатки, неэффективность события для публики и наоборот отмечали положительные стороны. Особенно редакторы постоянно стремились найти уникальные мероприятия, которые вызывали большой интерес для городского общества (Государственная власть и общество…, 2019. С. 370).

Таким образом, несмотря на обширные исследования по истории живописи в Сибири и в Иркутске, историки подробно не изучают особенности формирования взглядов жителей Иркутской губернии на мероприятия, связанные с художественной жизнью региона второй половины XIX – начала XX в. В полной степени не изучены источ-

[1] Лыхин Ю.П., Крючкова Т.А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год) : биобиблиографический словарь. Иркутск: Архитектур.-этнограф. музей «Тальцы», 2000. 408 с.

ники периодической печати: газеты, журналы. При анализе таких исторических источников необходимо использовать комплексный подход, чтобы выявить механизмы, закономерности в определении основных этапов развития художественного пространства, ценностных ориентиров городского общества, общественного мнения о предметах изобразительного искусства.

Художники активно участвовали в работе по выпуску разных газет, журналов. Так, выходили с тематическими рисунками номера юмористического еженедельника «Сибирский альманах», в котором чётко отражались страницы истории региона: политические, экономические, культурные изменения. Также известно то, что В.П. Линкевич создавал литографии для «Сибирской газеты для всех», юмористического еженедельника «Сибирский альманах». В одном из номеров еженедельника читатель может увидеть рисунки художника, выполненные в направлении шаржа: «Иркутск, Большая ул. В 5 час. Вечера» (1908), «Концерт – спектакль в Общественном Собрании 25 марта» (1908), «К возобновлению экзаменов» (1908) и другие (Романов, 1993; Романов, 1994). Использование шаржа в юмористических журналах было распространённым явлением в начале XX в. Через карикатуры мастера показывали реальную жизнь и те проблемы, с которыми сталкивалось общество. Они отражали взгляды народа на происходящие события и в общественной, и в художественной жизни Иркутской губернии. Многие другие художники тоже участвовали в оформлении газет и журналов, что сильно привлекало внимание читателей к актуальным проблемам действительности.

Во второй половине XIX – начале XX в. газеты «Восточное обозрение» и «Сибирь» освещали разнообразные мероприятия, связанные с художественной жизнью Иркутской губернии, – выставки, творческую и общественную деятельность мастеров, лекции и экскурсии, тематические встречи, организацию и проведение концертов и праздников, развитие образования в сфере искусства и т. д. Периодическая печать раскрывала значение художественных мероприятий, выставок для развития общества и общественных взглядов на искусство.

Газета «Восточное обозрение» активно отражала культурную сферу региона. На её страницах обсуждались новые постановки спектаклей в городском театре, общественные мероприятия и праздники. Также размещались объявления о том, где и когда состоятся очередные собрания творческих объединений. В одном из номеров газеты «Восточное обозрение» за 6 января 1900 г. было опубликовано объявление: «Правление иркутского общества любителей музыки и литературы покорнейше просить гг. членов общества пожаловать на общее собрание, назначенное в помещении общественного собрания в субботу 8 января, в 7 часов вечера, для выслушивания доклада председателя правления об изменившихся отношениях общества к музыкальной теме А.А. Гинита-Иилсудскаго и для дополнительных выборов кандидатов по членам правления. Если к назначенному часу достаточного по уставу числа членов общества не соберётся, в субботу 15 января, в 7 час. вечера, назначается вторично общее собрание, на котором вопросы будут решены наличным числом членов общества. Председатель правления Н. Оглоблин» (В общественном собрании // Восточное обозрение. Иркутск. 1900. № 3. 6 янв.).

Во многих статьях говорилось о том, как устраивались в городе тематические вечера и концерты. В оформлении торжественных залов участвовали известные мастера того времени. В 1900 г. в газете «Восточное обозрение» рассказывалось, как в зале частной музыкальной школы А.Ю. Гиниты-Пилсудского по воскресным и праздничным дням проводились спектакли, концерты и свадьбы. Оформлением помещения занимался известный художник (в будущем член Императорской Академии Художеств) Н.И. Верхотуров. Мастер выполнял заказы, писал картины, занимался и преподавательской деятельностью. Известно, что совместно с М.А. Рутченко-Короткоручко он открыл рисовальную школу в Иркутске. В апреле 1900 г. Николай Иванович принимал участие в городской художественной выставке, где пред-

ставил свои работы: портреты А.П. Богословского, В.В. Оглоблина и др., а также несколько этюдов. Его деятельность активно освещалась в периодической печати, в том числе и в газете «Восточное обозрение». Авторы писали об общественной и творческой работе мастера. Отмечали роль Николая Ивановича в распространении народного образования (был членом общества распространения народного образования...), в изучении родного края.

На страницах газеты «Восточное обозрение» освещали открытие важных для городского общества художественных выставок. Так, 14–23 апреля 1900 г. в статье писали о том, что в зале Общественного собрания г. Иркутска состоялась художественная выставка имеющихся в городе произведений искусства. Организацией выставки занимался А.П. Боголюбский и другие представители кружка любителей живописи, образовавшегося при Обществе любителей музыки и литературы в 1899 г. В экспозиции были представлены работы как отечественных, так и зарубежных художников: И.К. Айвазовского, М.М. Антокольского, А.Г. Варнека, А.И. Корзухина, К.Е. Маковского, С. Тончи, Л. Хофелиха, Р. Шульца, польских ссыльных С. Вронского и Ю. Беркмана, лейтенанта Ф.М. Белкина и др. Также указывалось, что в результате проведения выставки появилась возможность и местным художникам продемонстрировать свои творческие способности в разных направлениях искусства. Были представлены работы таких мастеров, как Н.И. Верхотуров, М.И. Зязин, А.И. Кузнецов, В.Г. и И.Г. Шешуновы. Данный фрагмент из статьи свидетельствует о том, что проведение важного для городского общества события вызвало большой интерес у посетителей. Редактор посредством статистики показывает, что выставка горожанам понравилась, так как только за первые три дня экспозицию посетили более 550 человек. Организаторы и мастера составили подробный каталог (Художественная выставка // Восточное обозрение. Иркутск. 1900. № 69. 23 апр.).

На страницах газеты «Восточное обозрение» приводились фрагменты из художественной жизни, связанные и с музейной деятельностью. Так, 8 апреля 1901 г. вышла заметка о том, что на Тихвинской площади, в самом центре Иркутска состоялось открытие «музея-паноптикума». В музее были представлены отделы: «художественно-скульптурный, исторический, научно-анатомический, большая художественная панорама и проч.». В панораме для публики демонстрировались «художественные картины», в том числе «всемирно-известная картина» «Нана» (по роману Э. Золя) работы художника Черепахина. Данное событие активно обсуждалось в городском обществе. Выражали своё мнение и профессиональные художники. Н.И. Верхотуров выступил с резкой критикой мероприятия в своей статье. Он оценил работы, как «балаганное малевание» и «лжехудожество».

Газета «Восточное обозрение» также отмечала резкий рост интереса городского общества к зарубежной живописи. В номере от 28–29 мая 1902 г. сообщалось, что в зале Общественного собрания г. Иркутска эффективно работала выставка французских гобеленов. В экспозиции были представлены цветные и однотонные гобелены. Они были «исполнены или в подражание старинным знаменитым гобеленам или сделаны по образцу картин знаменитых художников». Данная выставка получилась яркой, интересной, многие известные иркутяне желали приобрести гобелены для своих домов. Владельцы таких работ стремились не только их купить, но и как можно больше узнать о творчестве художников. Таким образом, происходил процесс приобщения городского общества к произведениям иностранных мастеров.

Во второй половине XIX – начале XX в. газета «Сибирь» также освещала на своих страницах события, связанные с художественной жизнью Иркутской губернии. В статьях в большинстве случаев описывались художественные выставки известных мастеров, творческих объединений. Особенно после создания творческих организаций художников, газеты стараются раскрыть просветительскую роль художественных выставок для общества.

Во многих статьях авторы отмечают стремление местных художников создать своё творческое

объединение по примеру других регионов. Так происходило, когда общественность проводила выставки мастеров из разных городов, иркутяне начинали обсуждать планы создания своей организации (Ткачев, 2020). В очередном номере газеты «Сибирь» от 1910 г. сообщалось, что в малом зале Общественного собрания г. Иркутска работала «1-я сибирская передвижная выставка картин томских художников»: А.П. Базановой, В.Д. Ложкина, В.И. Лукина, Н.П. Никифорова, З.А. Рокачевского, П.Г. Тарасова, П.С. Тарского и Н.П. Ткаченко – членов возникшего в 1909 г. Томского общества любителей художеств. Одной из задач нового общества было объединение художественных сил Сибири. С этой целью Томское общество любителей художников решило организовать ряд периодических передвижных выставок сибирских художников в крупных центрах Сибири. Выставка томских художников в Иркутске стала первым шагом в реализации этой идеи. В организации выставки большую роль сыграл Г.Н. Потанин.

В дальнейшем источники периодической печати подробно описывают художественные выставки Иркутского общества художников. Так, в газете «Сибирь» от 20 марта 1915 г. говорится о том, что в Иркутске открылась первая выставка Иркутского общества художников. Автор статьи так описывает событие: «В Иркутске устраивается выставка картин недавно образовавшимся здесь «Обществом художников». Это первые шаги молодого общества и по многим причинам нельзя не пожелать этой новой общественной организации большого успеха» (Выставка картин // Сибирь. Иркутск. 1915. № 73. 12 апр.). Автор подчёркивает, что задачи искусства всеобъемлюще и невозможно полно проследить всех видов воздействия искусства на человека и формы его жизни и деятельности, так форма жизни отражается на росте и характере искусства, как и последнее служит творческим, действующим фактором и влияет на изменение формы быта.

Данный фрагмент показывает, что городское общество интересуется положением творческих объединений, следит за их активностью, проведением выставок. Для общественности было важно, чтобы у мастеров получилось не только объединиться в одной организации, но и найти помещение для демонстрации своих работ. Обсуждались постоянно и живописные полотна художников.

Многие аспекты живописи авторы статей отражали в разных номерах. Так, в данном фрагменте от 20 марта 1915 г. определена позиция городского общества в художественной жизни Иркутской губернии. Искусство и живопись в своём воздействии обслуживает ни одни духовные, но через них и материальные нужды народа. Развитие вкуса, графических искусств находится под непосредственным влиянием живописи, а развитие в народе вкуса есть необходимое основание промышленного успеха. Главная задача Иркутского общества художников состояла в том, чтобы создать художественную галерею, которая будет способствовать развитию вкуса жителей Иркутской губернии в искусстве. Для выставки, организованной 20 марта 1915 г., В.Е. Маковский дал одну из любимых своих картин, являющуюся повторением картины, приобретённой Третьяковской галереей: «Варить варенье». Также в выставке активно приняли участие, по замечанию автора статьи, такие мастера, как Е.Е. Волков, Н.П. Богданов-Бельский, Н.К. Бодаревский, Н.Н. Дубовской, В.И. Зарубин, К.Е. Маковский. Старшина Петроградского общества художников И.А. Вельц, объединив художников своего общества, принял на себя ответственность по отправке картин в Сибирь. Далее автор отмечает: «Такое начало даёт возможность рисовать широкие перспективы устройства в близком будущем в Сибири сезонных и, в особенности, передвижных выставок «Товарищества Передвижных Художественных выставок», свято хранящего высокие заветы искусства» (Художественная выставка // Сибирь. Иркутск. 1915. № 67. 20 марта).

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. в Иркутской губернии активно просветительской деятельностью занимались творческие организации, мастера, образовательные учреждения. Важное место в описании художественных выставок, отражении взглядов жителей региона,

занимали источники периодической печати. Выпускались газеты «Восточное обозрение», «Сибирь», «Сибирский еженедельник», «Сибирская газета для всех», «Вестник понедельника», «Сибирский альманах» и другие. Они не только рассматривали художественные мероприятия, которые проходили в Иркутской губернии, но и показывали работы мастеров через тематические иллюстрации. Такие изображения передавали события, которые авторы видели в действительности. Согласно источникам периодической печати, можно говорить о том, что в обществе формировались определённые взгляды на просветительские мероприятия, художественные выставки и на произведения искусства.

Материалы периодической печати активно используют в своих исследованиях многие историки в качестве иллюстрации исторических событий, их подтверждения. В то же самое время более глубокий анализ статей газет не проводится. Используя комплексный метод, можно просмотреть разные стороны событий. Так, можно определить мнения участников процесса, самого автора статьи. Появляется возможность определить ценностные ориентиры городского общества того времени, предпочтения в искусстве.

Во второй половине XIX – начале XX в. газеты «Восточное обозрение» и «Сибирь» показывали разнообразные мероприятия, связанные с художественной жизнью Иркутской губернии: выставки, творческую и общественную деятельность мастеров, лекции и экскурсии, тематические встречи, организацию и проведение концертов и праздников, развитие образования в сфере искусства и т. д. Периодическая печать раскрывала значение художественных мероприятий, выставок для развития общества и общественных взглядов на искусство. Многие авторы статей показывали положительные и отрицательные стороны исторических событий. Выражали свои пожелания и критические замечания в адрес организаторов этих мероприятий. В этом и заключается важность изучения источников периодической печати тех лет в современной исторической науке, что дает возможность эффективного, детального исследования разных сторон художественной жизни региона.

События второй половины XIX – начала XX в. способствовали развитию общественного мнения об искусстве, творчестве известных мастеров. Для жителей Иркутской губернии проводились выставки, просветительские мероприятия, экскурсии, работали музеи и частные галереи. В данный период формировалась система художественного образования. В результате знакомства горожан с искусством, постепенно расширялся кругозор знаний о культуре Российской империи. Для художников появлялась возможность реализовать свои творческие способности, участвуя в выставочных проектах. Появляется большое количество площадок для демонстрации посетителям живописных полотен. В процессе приобщения горожан к искусству, активно проявлялся интерес среди разных представителей общественности и к актуальным социальным проблемам. Жителей Иркутской губернии волновали социальные, политические, экономические, культурные перемены, которые происходили во второй половине XIX – начале XX в. Они читали свежие номера газет и журналов, где были представлены события, связанные с художественной жизнью Иркутской губернии.

В результате исследования было отмечено то, что источники периодической печати по освещению вопросов художественной жизни остаются неизученными. Работа представила художественную жизнь городского общества Иркутской губернии второй половины XIX – начала XX в. Был проведён анализ статей из газет «Восточное обозрение» и «Сибирь», которые раскрывают основные этапы развития художественного пространства в регионе. В исследовании отмечается то, что источники периодической печати раскрывали с разных сторон творческие мероприятия мастеров: выставки, встречи, лекции, исторические события. Газеты и журналы, с одной стороны, отражали участие художников в создании иллюстративных материалов, а с другой – подробно описывали результаты проведения художественных выставок, реакцию посетителей на живописные полот-

на. События второй половины XIX – начала XX в. способствовали развитию общественного мнения об искусстве, творчестве известных мастеров. Определено значение источников периодической печати для изучения художественной жизни городского пространства.

Правильный подход в проведении подробного анализа источников периодической печати при изучении художественной жизни Иркутской губернии даёт возможность определить ценностные ориентиры в городском обществе, роль предметов изобразительного искусства в жизни людей и значение творческой, общественной деятельности мастеров в регионе.

Библиографический список

Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX века / науч. ред. проф. Л.М. Дамешек. Иркутск: Оттиск, 2019. 612 с.

Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX века. Новосибирск: Наука, 1974. 252 с.

Кошман Л.В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.

Ларева Т.Г. История изобразительного искусства Прибайкалья XX – начала XXI века: научное издание. Иркутск : Принт Лайн, 2015. 615 с.

Лыхин Ю.П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск : Архитектур.-этнограф. музей «Тальцы», 2002. 336 с.

Малкина Л.Н. Историография художественной жизни Иркутска // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. № 1 (29). С. 171–174.

Муратов П.Д. Художественная жизнь Сибири 1920-х гг.: монография. Ленинград : Художник РСФСР, 1974. 141 с.

Паликова Т.В. Купечество – Верхнеудинск – Улан-Удэ. Улан-Удэ : ЭКОС, 2007. 189 с.

Паликова Т.В. Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. 260 с.

Паликова Т.В. Формирование музейного пространства городов Забайкалья рубежа XIX–XX веков // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Братск : Изд-во Братского госуниверситета, 2020. № 1 (9). С. 148–154.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 544 с.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 560 с.

Тихонова Л.В. Резцом и кистью : очерк жизни и творчества художника Б.И. Лебединского. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 112 с.

References

Dameshek L.M. (2019) State power and society: on the materials of the cities of the Irkutsk province of the XIX – early XX century. Collective monograph. Irkutsk: Ottisk. 612 p. (In Russ.)

Kopylov A.N. (1974) Essays on the cultural life of Siberia of the XIX – early XX century. Novosibirsk: Nauka. 252 p. (In Russ.)

Koshman L.V. (2008) City and urban life in XIX century: social and cultural aspects. Moscow: ROSSPEN. 446 p. (In Russ.)

Lareva T.G. (2015) The history of the fine arts of the Baikal region of the XX –beginning of the XXI century: scientific publication. Irkutsk: Print Layn. 615 p. (In Russ.)

Lykhin Yu.P. (2002) The artistic life of Irkutsk (first quarter of the XX century). Irkutsk: AEM “Taltsy”. 336 p. (In Russ.)

Malkina L.N. (2007) Historiography of the artistic life of Irkutsk. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* = *Proccedings of the Irkutsk State Technical University*. No. 1. P. 171–174. (In Russ.)

Muratov P.D. (1974) The artistic life of Siberia in the 1920s. Monograph. Leningrad: Khudozhnik RSFSR. 141 p. (In Russ.)

Palikova T.V. (2007) Merchants – Verkhneudinsk – Ulan-Ude. Ulan-Ude: EKOS. 189 p. (In Russ.)

Palikova T.V. (2008) Development of the culture of the cities of the Trans-Baikal region (second half of the 19th – early 20th century). Ulan-Ude: Buryat State University. 258 p. (In Russ.)

Palikova T.V. (2020) Formation of the museum space of the cities of Transbaikalia at the turn of the XIX–XX centuries. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri* = *Problems of social and economic development of Siberia.* Bratsk: Bratsk State University. No. 1 (9). P. 148–154. (In Russ.)

Romanov N.S. (1993) Chronicle of the city of Irkutsk for 1881–1901. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo. 544 p. (In Russ.)

Romanov N.S. (1994) Chronicle of the city of Irkutsk for 1902–1924. Irkutsk: Vost-Sib. kn. izd-vo. 560 p. (In Russ.)

Tikhonova L.V. (1983) With a cutter and a brush: an outline of the life and work of the artist B.I. Lebedinsky. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo. 112 p. (In Russ.)

Ткачев В.В. Деятельность творческих организаций художников Восточной Сибири в период политических потрясений и Гражданской войны (1917–1920 гг.) // История и современность. № 2 (36). 2020. С. 96–107.

Турунов А.Н. Художник-реалист М.И. Песков (1834–1864). Иркутск : ОГИЗ Иркутское областное изд-во, 1938. 80 с.

Фатьянов А.Д. Владимир Сукачев. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. 352 с.

Фатьянов А.Д. Судьба сокровищ. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 112 с.

Фатьянов А.Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 192 с.

Шахеров В.П. Иркутск купеческий : история города в лицах и судьбах. Хабаровск : Издательский дом «Приамурские ведомости», 2006. 176 с.

Шахеров В.П. Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX в. : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. 256 с.

Сведения об авторе

Ткачев Виталий Викторович,
аспирант кафедры истории России,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Заявленный вклад автора

В.В. Ткачев выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 23 января 2021 г.

Поступила после рецензирования и доработки 13 июля 2021 г.

Принята к публикации 9 августа 2021 г.

Tkachev V.V. (2020) Activity of creative organizations of artists of Eastern Siberia during the period of political upheavals and Civil War (1917–1920). *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity*. No. 2. P. 96–107. (In Russ.)

Turunov A.N. (1938) Realist artist M.I. Peskov (1834–1864). Irkutsk: Irkutskoye oblastnoye izd-vo. 80 p. (In Russ.)

Fat'yanov A.D. (1967) The fate of treasures. Irkutsk: Vost-Sib. kn. izd-vo. 112 p. (In Russ.)

Fat'yanov A.D. (1990) Vladimir Sukachev. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo. 352 p. (In Russ.)

Fat'yanov A.D. (1995) Artists, exhibitions, collectors of the Irkutsk province. Irkutsk: Vost-Sib. kn. izd-vo. 192 p. (In Russ.)

Shakherov V.P. (2006) Irkutsk merchant: the history of the city in persons and destinies. Khabarovsk: Izdatel'skiy dom “Priamurskiye vedomosti”. 176 p. (In Russ.)

Shakherov V.P. (2013) Sociocultural processes in the urban environment of Baikal Siberia in the 18th – first half of the 19th century. Monograph. Irkutsk: Irkutsk State University. 256 p. (In Russ.)

Information about the author

Vitaliy V. Tkachev,
Postgraduate student of the Department of Russian History,
Irkutsk State University,
1, K. Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Contribution of the author

V.V. Tkachev carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received January 23, 2021.

Received July 13, 2021.

Accepted August 9, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).083
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-181-191

Черносотенный террор в оценках и трактовках лидера Союза русского народа Н.Е. Маркова

© А.А. Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье впервые подробно рассматриваются и анализируются взгляды на проблему черносотенного террора известного русского правого политика, последнего председателя Союза русского народа, лидера фракции правых в Государственной думе III и IV созывов и председателя Высшего монархического совета в эмиграции Николая Евгеньевича Маркова (1866–1945). Изучены публичные высказывания Маркова, сделанные в ответ на обвинения правых в организации еврейских погромов, создании боевых черносотенных дружин и убийствах оппозиционных политиков. В научный оборот вводится речь Маркова, произнесенная в III Государственной думе в защиту Союза русского народа, а также новые факты биографии этого правого политика. Обращается внимание на то, что оправдывая открытое противостояние черносотенных дружин левым радикалам в годы Первой российской революции, Марков не находил оснований для публичного оправдания убийств политических противников и дистанцировался от единомыслия с погромщиками и террористами. Внимания также заслуживают указания Маркова на то, что проблема насилия справа в период революции 1905–1907 гг. не может рассматриваться в отрыве от массового насилия слева и учета общей политической ситуации, грозившей гражданской войной. Показано, что, несмотря на апологетический характер высказываний Маркова, они представляют несомненный интерес для исследователей, поскольку позволяют не только уточнить взгляды политика, но и взглянуть на проблему черносотенного террора, воспользовавшись совершенно иной, отличной от распространенной в левых и либеральных кругах (а также и в советской историографии), «оптикой».

Ключевые слова: Н.Е. Марков, черная сотня, черносотенцы, правые, черносотенный террор, правый террор, Союз русского народа, погромы, черносотенные дружины, Революция 1905 года

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00252.

Для цитирования: Иванов А.А. Черносотенный террор в оценках и трактовках лидера Союза русского народа Н.Е. Маркова // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 181–191. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-181-191

Black-Hundred terror in the perception and treatment of the leader of the Union of Russian People N.E. Markov

© Andrei A. Ivanov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract: The article for the first time documents and analyzes the look on the problem of Black-Hundred terror of the prominent Russian right-wing politician, the last chairman of the Union of Russian People and the leader of the right-wing faction of the National Duma of III and IV sessions, and the chairman of the Supreme Monarchist Council in emigration Nikolai Evgenyevich Markov (1866–1945). The article gets an insight into Markov's public utterance in response of accusations of Right-Wingers of organization of Jew bashing, establishment of Black-Hundred armed forces and assassinations of opposition politicians. The speech of Markov delivered in the III National Duma for defense of the Union of Russian People is introduced into scientific discourse as well as new facts of biography of that right-wing politician. The spotlight is turned on the fact that while finding excuses for open conflict of Black-Hundred detachments with left-wing radicals during the First Russian Revolution Markov didn't find ground for public excuse of murders of political foes and dissociated himself from conformity of ideas with

pogrom-makers and terrorists. The words of Markov that the problem of right-wing violence during the revolution of 1905–1907 cannot be viewed in isolation from left-wing mass violence and consideration of the whole political environment which threatened with civil war are also worth noticing. It is shown that despite the apologetic nature of Markov's statements they are of real interest for researchers because they make possible not only to clarify the politician's views but also to look at the problem of Black-Hundred terror, using "optics" markedly different from that popular in left-wing and liberal circles (as well as Soviet historiography).

Keywords: N.E. Markov, the Black Hundred, Black-Hundreders, Right-Wingers, Black-Hundred terror, right-wing terror, Union of Russian People, pogroms, Black-Hundred detachments, revolution of 1905

Acknowledgements: This research was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 19-09-00252.

For citation: Ivanov A.A. (2021) Black-Hundred terror in the perception and treatment of the leader of the Union of Russian People N.E. Markov. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 181–191. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-181-191

Проблематика черносотенного террора, под которым одни исследователи понимают любые акты насилия, совершенные в годы Первой российской революции монархически настроенными массами (погромы, избиения противников самодержавия, убийства революционных деятелей во время потасовок и т. п.), а другие – исключительно деятельность боевых черносотенных дружин и теракты, к которым были причастны (или подозревались в причастности) члены крупнейшей правой партии Российской империи – Союза русского народа (СРН), остается одной из самых острых и сложных тем в истории правого движения (Карпухин, 2009. С. 196–263). Еврейские погромы осени 1905 г., борьба черносотенных дружин с левыми радикалами, убийства депутатов Государственной думы М.Я. Герценштейна, Г.Б. Иоллоса, А.Л. Караваева, неудавшиеся покушения на С.Ю. Витте в 1906–1907 гг. – все это ставилось политическими противниками черносотенцев им в вину; о крайне правых партиях, начиная с момента их возникновения, насаждалось представление как о погромщиках и виновниках черносотенного террора. В.И. Ленин писал, что черносотенцы могут лишь «жечь, убивать, громить» (Ленин, 1972. С. 26, 193); П.Н. Милюков с думской трибуны характеризовал СРН как «союз убийц и погромщиков» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 3, 1910. Стб. 2520)[1]; кадетская «Речь» называла правые партии «монархистами-террористами» (Смирнов А. О черносотенном движении // Речь. 1906. 1 апреля); жандармский генерал А.В. Герасимов именовал черносотенцев «террористами справа» (Герасимов, 1985. С. 149), а С.Ю. Витте – «убийцами из-за угла» (Из архива С.Ю. Витте, 2003. С. 236–237). Подобные характеристики правых партий регулярно встречались в социалистической и леволиберальной прессе начала прошлого века, оттуда перекочевали в советскую историографию, а затем, отчасти, и в российскую (Национальная правая…, 1992. С. 11, 13, 41, 93 и др.; Маршалова, 2005. С. 182–183). Современные исследователи существенно скорректировали шаблонное восприятие этой сложной проблемы (Степанов, 2013. С. 85–152, 237–268; Омельянчук, 2006. С. 570–621), однако споры о причастности и ответственности правых партий и их вождей за те или иные преступления, совершенные в 1905–1907 гг., ведутся историками до сих пор и до достижения консенсуса в этом вопросе все еще далеко. Задача данной публикации – систематизировать и проанализировать высказывания по этой проблематике, принадлежащие последнему председателю Главного совета СРН и одному из лидеров фракции правых в III и IV Государственных думах Н.Е. Маркову (1866–1945), а также ввести в научный оборот его думские выступления, посвященные обвинениям СРН в террористической деятельности.

[1] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Ч. 3. Заседания 65–94 (с 8 марта по 10 апреля 1910 г.). СПб.: Государственная типография, 1910. 3243 стб.

В дореволюционные годы Н.Е. Марков решительно опровергал обвинения своих политических противников, ставивших в вину СРН различные незаконные деяния. Самого Маркова в этих эксцессах, как правило, никто не обвинял, поскольку вождем СРН он стал уже после окончания революции 1905 года, возглавив после раскола этой черносотенной организации умеренную ее часть, и ни к погромам, ни к громким политическим убийствам отношения действительно не имел. Однако, несмотря на расхождение во взглядах по целому ряду вопросов с первым председателем СРН А.И. Дубровиным, Марков всегда вступался за честь союза, неизменно отстаивая позицию, согласно которой ни руководство партии, ни видные ее члены, никакого отношения ни к погромам, ни к актам единичного террора отношения не имели. При этом Марков не отрицал того, что во время революционной смуты 1905–1907 гг., когда в условиях сильного общественного возбуждения и озлобления начались эксцессы, чреватые гражданской войной, правые монархические силы выступили на защиту самодержавия и дали отпор революции.

В 1905 г. Марков еще не состоял в рядах СРН, а являлся одним из лидеров Курской народной партии порядка (КНПП). На первом торжественном собрании членов партии, состоявшемся в конце 1905 г., Марков призывал всех «истинно русских людей» сплотиться и дать организованный отпор революции. В заключение своей речи Марков предложил ходатайствовать пред правительством, чтобы членам КНПП было разрешено вооружиться «на тот случай, чтобы члены партии могли приходить на помощь войскам, где их будет недостаточно» (Заседание партии правового порядка // Курский листок. 1905. 21 декабря). Во всех других случаях правый оратор призывал действовать мирным путем. Позже, рассказывая с думской трибуны об этой стороне деятельности курских правых, Марков так оправдывал необходимость создания вооруженных формирований из сторонников самодержавия: «В то время была гражданская война … [и] война была почти односторонняя; революционеры били мирных граждан, а мирные граждане отвечали на револьверные выстрелы и бомбы камнями и палками» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2273)[2]. По его словам, черносотенная дружина в Курске образовалась 20 октября 1905 г., когда никто еще не слышал про существование СРН и А.И. Дубровина. После того как революционные боевики обстреляли патриотическую манифестацию, убив 6 черносотенцев и еще нескольких ранив, монархисты сорганизовались в дружину, которая «камнями, палками и голыми руками» разгромила левых, избив некоторых из них «весьма серьезно» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2273–2274)[2]. Для наглядности, Марков приводил факт из собственной биографии: после того, как его обстреляли неизвестные, он на правах члена земской управы обратился к курскому вице-губернатору с просьбой в ускоренном порядке разрешить ему ношение оружия, поскольку ввиду своего «явного черносотенного поведения», не был уверен, что покушение не повторится. Но вице-губернатор перенаправил его к полицмейстеру, а тот, не желая брать на себя ответственность, решил никому оружия не выдавать. В связи с этим, иронично говорил Марков, он совершил преступление – купил револьвер на рынке у «первого негодяя, потому что в то время револьверы продавались на рынке безо всякого разрешения за несколько рублей». «В таковом же преступлении, – резюмировал правый политик, – виноват и Союз русского народа…» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2275–2276)[2].

Трактуя деятельность монархистов по формированию дружин как самооборону, Марков указывал своим противникам из левого лагеря: «…Самозащита если и не разрешается, то все же не наказывается законом. Ведь в то время вы ничего не говорили, да и теперь я не слышу ваших протестов против еврейской самообороны. <…> Тогда все вооружались, тогда было время … [когда] одна часть населения готовилась сразиться с другой … ибо правительство в то время перестало выполнять

[2] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Ч. 4. Заседания 101–126 (с 27 апреля по 2 июня 1909 г.). СПб.: Государственная типография, 1909. 3477 стб.

свои функции» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2275)[2]. Защищая право монархически настроенного населения вооружаться для отпора вооруженным революционерам, Марков сравнивал черносотенные дружины с народным ополчением смутного времени – отрядами Минина, Пожарского и Ляпунова, отмечая, что это «тоже были боевые дружины союза русского народа» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2277)[2].

Естественно, что Марков защищал и дружины СРН, которые организовывались при содействии властей для противодействия революции и даже встречали поддержку православного духовенства. (Так, например, епископ Андрей (Ухтомский), называл факт появления черносотенных дружин «утешительным явлением» и призывал русских людей следовать этому примеру для защиты «народного быта» от посягательств революционеров, предлагая создавать дружины народной охраны на базе церковных приходов (Андрей (Ухтомский). Приходская оборона // Казанский телеграф. 1906. 3 сентября). Предполагалось, что черносотенные дружины будут действовать под контролем властей, оказывать содействие полиции и армии в деле наведения порядка, а также защищать представителей власти и массовые собрания монархистов от возможных актов революционного террора. Уже в январе 1906 г., в годовщину «Кровавого воскресенья», около 700 петербургских черносотенцев, прикомандированных к полицейским участкам, охраняли дворцы сановников и помогали обеспечивать правопорядок (Омельянчук, 2006. С. 596–597), а в день открытия I Государственной думы вооруженные члены СРН патрулировали улицы вокруг Зимнего дворца (Степанов, 2013. С. 238). В 1906–1907 гг. черносотенные дружины были созданы в ряде городов Российской империи. Скандальную славу снискала себе одесская дружина, бывшая, по мнению исследователей, самой многочисленной боевой организацией правых (по разным оценкам от 200 до 500 чел.) и сумевшая взять под свой контроль город (Степанов, 2013. С. 238–239). В Ярославле патрули боевой дружины СРН фактически взяли на себя выполнение функций полиции, «пресекая любые проявления “вызывающего поведения” горожан» (Размолодин, 2020. С. 165). Патрулирование улиц осуществлялись черносотенцами и в других городах – Москве, Костроме, Киеве, Одессе. Членами дружин становились не только городские обыватели, ремесленники и мелкие торговцы, но также студенты и гимназисты, придерживавшиеся монархических взглядов, хотя местами в ряды этих организаций вливались уголовные элементы, перебежчики из левых боевых дружин, деклассированные элементы. Вооружались дружинники палками, ножами и револьверами, крайне редко винтовками. Огнестрельным оружием в большинстве случаев их снабжали представители власти. В столице империи СРН пользовался деятельной поддержкой санкт-петербургского градоначальника В.Ф. фон дер Лауница (Герасимов, 1985. С. 150). Боевые дружины черносотенцев, несомненно, оказали большую услугу самодержавию. Они активно содействовали жандармам и полиции, водворяли порядок там, где полицейских сил было недостаточно, участвовали в стычках с революционными боевыми дружинами (при этом правые дружинники нередко погибали в этих столкновениях). В ряде городов черносотенные дружины сыграли важную роль в очищении улиц от революционных и оппозиционных митингов и демонстраций, а также от левых боевых дружин, пытавшихся взять на себя функции городской милиции. Конечно, правые дружинники далеко не всегда оставались в рамках закона. Пользуясь правом устраивать обыски, петербургские дружинники оказались замешаны в скандале с пропажей у обыскиваемых ценных вещей (Герасимов, 1985. С. 151). Членов боевых организаций обвиняли в провокациях, в незаконном задержании заподозренных ими в сочувствии революции людей, в вымогательстве, в самовольных расправах (избиениях, порках) и использовании своих полномочий для сведения личных счетов, хулиганстве (Омельянчук, 2006. С. 602, 608–609, 612). В ходе силовых акций и потасовок с левыми, черносотенные дружинники неизбежно прибегали к насилию, в результате которого были и человеческие жертвы. Как справедливо отмечает

М.Л. Размолодин, «заинтересованное отношение губернской администрации и полиции в пресечении революционных проявлений развязывало дружинникам руки. Не имея возможности держать население в страхе силами военно-полицейского аппарата, будучи вынуждены лавировать среди различных социальных групп, власти благосклонно пользовались услугами СРН» (Размолодин, 2020. С. 165–166).

Заступаясь за черносотенцев, участвовавших в боевых дружинах в дни революции, Н.Е. Марков не без сарказма говорил с думской трибуны: «Я прошу вас помиловать черносотенцев, которые, не желая того, чтобы их резали как баранов, вооружались. <…> Союз виноват в вооружении беззащитных рабочих Путиловского и других заводов, которых ежедневно десятками расстреливали “товарищи”. Черносотенцев в то время топили, вешали, расстреливали, в них бросали бомбы, и вот они, обуреваемые желанием спасти свою жизнь, возымели намерение объединиться, вступили в члены Союза русского народа, и Союз русского народа преступно содействовал им в приобретении револьверов. Быть может, Союз русского народа поступал преступно, быть может, он не должен был этого делать, быть может, он должен был выдать списки союзников революционным товарищам, и те бы живо уничтожили эти “гнусные банды союзников”» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2274–2276)[2]. И эти слова не были сильным преувеличением. В некоторых регионах, где правые не смогли создать боевые дружины, им приходилось отказываться от борьбы и скрываться от разгула левого террора. Так, например, боевик РСДРП И.М. Мызгин хвастался, что «уфимские “истинно русские люди”, после того, как наши боевики пристрелили одного из их главарей, форменным образом ушли в подполье, – перестали носить значки, собрания стали проводить тайком…» (Мызгин, 1959. С. 137). В связи с этим Марков, в одном из своих выступлений в III Государственной думе под аплодисменты правых заявил, что если «господам, сидящим на левых скамьях удастся повторить революцию, заверяю вас честным словом, что не только буду вооружать всех верных отечеству, не только буду вооружаться сам, но буду стрелять в ваши революционные головы до тех пор, пока хватит последней капли крови, и не буду считать себя преступником … ибо в таких случаях всякий гражданин должен защищать свое отечество и свое государство всеми зависящими от него средствами. В известных случаях убийство действительно есть доблесть: убить врага отечества, который идет на разрушение своего государства, есть доблесть, ибо это убийство во время войны» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2277)[2].

Однако представ в 1917 г. перед Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства (ЧСК ВП) Марков уже не был столь откровенен. Отвечая на вопросы председателя, Марков не просто говорил о своем отрицательном отношении к насилию и террору, но и заявлял, что слышит о существовании боевых черносотенных организаций «в первый раз» (Падение царского режима, 1926. С. 178)[3]. Понятно, что обстановка допроса не располагала правого политика к искренности, и он старался не давать следствию никаких сведений, которые бы в дальнейшем могли быть использованы против него и его соратников. При этом важно отметить, что самого Маркова ЧСК ВП в уголовно-наказуемых злодеяниях не подозревала и не обвиняла. Не найдя в действиях Маркова каких-либо преступлений и удовлетворившись полученными от правого депутата сведениями, ЧСК ВП вскоре его освободила (Иванов, 2013. С. 15–20).

Но если Марков не только не отрицал вооруженной борьбы правых дружин с революцией и даже полностью оправдывал ее, то обвинения СРН в организации погромов и терактов решительно отвергал. Сегодня историками черносотенного движения убедительно показано, что СРН возник уже после того, как по России прокатилась кровавая волна погромов (Степанов, 2013. С. 91). Лидеры СРН погромов не организовали, публично к ним не призывали, этот метод борьбы с еврейством отвер-

[3] Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / под ред. П.Е. Щеголева. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. Т. 6. 416 с.

гали и хотя некоторые из них могли сочувствовать этим преступным проявлениям народной стихии, публично одобрять погромы никогда не решались. Напротив, лидеры правых часто подчеркивали, что после того, как монархические настроенные народные массы были организованы в рамках СРН, погромные эксцессы прекратились. Другое дело, что антисемитская литература правых могла влиять на умонастроения масс, провоцируя их к погромам, однако помимо этого влияния был еще целый ряд факторов, значительно более важных – религиозный, экономический, политический, что в совокупности и привело к погромному взрыву осени 1905 г. Лидеры правых, включая Маркова, действительно позволяли себе неприемлемые по современным меркам антисемитские выпады, могли даже пугать евреев тем, что если их единоплеменники не прекратят антимонархической и антицерковной деятельности, то их может ждать новая волна погромов, но никогда не призывали к этим акциям членов своих партий и союзов. Скорее, они указывали на то, что если государственная власть снова самоустранится, законы перестанут действовать, то вожди правых партий не смогут удержать народные массы от погромов. И предупреждали левых, что в таком случае, виновниками новых еврейских погромов станут именно они. Поэтому, например, трактовать думскую речь Маркова, произнесенную в связи с делом Бейлиса, как «прямой призыв к еврейским погромам» (Тагер, 1996. С. 71) и тем более, как указание на то, чтобы «все евреи “до последнего” должны быть перебиты в предстоящих погромах» (Лакер, 1991. С. 120), большая натяжка, поскольку в подлинных словах правого политика, достаточно резких и неполиткорректных, речь все же шла о другом (Кожинов, 1998. С. 110). Требуя от власти рассмотрения вопроса о ритуальных убийствах, в которых он обвинял «секту иудейскую», правый политик заявлял: «Тут говорили о погромах. <…> …С тех пор, как Союзы русского народа взяли в свои руки народные массы (*смех слева*), именно с тех пор нет еврейских погромов, и никакими хохотами, никакими голословными возражениями вы этого не опровергните. Итак, благодетельное влияние монархических организаций в этом направлении несомненно. Мы удерживаем народ от проявления дикого зверского произвола; мы удерживаем народные массы от иудейских погромов, но это делать мы можем только до той минуты пока … сохраним нравственное право … убеждать союзников в том, что есть еще правда на земле, что есть еще закон … Но в тот день, когда при вашем соучастии, господа левые, русский народ убедится окончательно в том … что уже нет закона, что уже нет возможности обличить на суде иудея … в тот день, господа, будут еврейские погромы. Но не я их накличу – эти погромы, и не Союз русского народа … вы сами создадите погром, и этот погром не будет таким, какие бывали до сих пор, это не будет погром жидовских перин, а всех жидов начисто до последнего перебьют» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 4, 1911. Стб. 3145–3146)[4]. В другой своей речи Марков заявлял: «Я констатирую факт, что с 1906 г., за все 5 лет, с тех пор, как доблестные Союзы русского народа учреждены в России, не было еще ни одного еврейского погрома, и те, кто говорит обратное, те лгут; именно со времени создания Союза русского народа все те силы, разрозненные и неорганизованные, которые ранее делали погромы, теперь погромов не производят, не производят, благодаря Союзу русского народа, и не будет погромов, пока мы их удерживаем от этого» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 4, 1911. Стб. 1600)[4]. А в 1917 г. на допросе ЧСК ВП Марков так пояснял отношение лидеров черной сотни к погромам: «К погромам мы их (членов СРН. – *А. И.*) не призывали, мы призывали их к воздержанию от погромов. Со времени организации Союза русского народа в России не было ни одного погрома; может быть, теперь они и будут, после закрытия. Наша деятельность в этом отношении очень удачна» (Падение царского режима, 1926. С. 191)[3].

Представляется, что подобные заявления не были лишь игрой на публику. Ни Марков, ни другие вожди правых не воспользовались ни убийст-

[4] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 4. Ч. 2. Заседания 39–73 (с 17 января по 5 марта 1911 г.). СПб.: Государственная типография, 1911. 3722 стб.

вом П.А. Столыпина, ни делом Бейлиса, чтобы организовать еврейские погромы (хотя оппозиционные силы всякий раз распускали подобные слухи, обвиняя черносотенцев в подготовке новой волны погромов). Но, несмотря на то, что среди членов черносотенных союзов наверняка были те, кто был бы рад воспользоваться столь подходящими для погромов поводами, руководство правых партий повело себя ответственно, поскольку было заинтересовано не в новой смуте, а в стабильности общественно-политической ситуации в стране. Когда в 1913 г. распространились слухи, что в Киеве готовится еврейский погром в связи с делом Бейлиса, Комитет монархических организаций, учрежденный в память 300-летия царствования Дома Романовых, выступил с обращением, в котором призывал членов правых организаций «всеми доступными им средствами» удерживать население от погрома (Богоявленский, 2012. С. 173–174). К выводу о том, что именно «отсутствие у традиционалистов руководящего и организующего центра не позволило сдержать разрушительную энергию масс» в октябре 1905 г. приходит и современный исследователь М.Л. Размолодин, отмечающий, что «только с появлением черносотенных организаций, взявших под контроль народную стихию, погромы уходят в прошлое и возвращаются вновь во время Гражданской войны. Но ответственность за них монархисты уже нести не могли» (Размолодин, 2011. С. 87). Наглядным подтверждением этому выводу является значительно более страшная волна еврейских погромов, захлестнувшая южные и юго-западные территории бывшей Российской империи в годы Гражданской войны и унесшая жизни от 50 до 200 тыс. человек, не считая искалеченных и ограбленных (Будницкий, 2005. С. 7). Причем происходили они при попустительстве или прямом участии в них отнюдь не царского правительства или монархистов-черносотенцев, а петлюровцев, зеленых, белых и красных.

Впрочем, это, естественно, не означает, что участники еврейских погромов 1905 г. не могли позже влиться в ряды черносотенных партий и союзов, равно как и то, что среди деятелей правого движения не могло быть «погромных настроений». О том, что к СРН во время активной борьбы с революцией присоединились «нечистые элементы», публично говорил в 1909 г. и Марков, при этом подчеркивая, что «наши отбросы – не суть Союза русского народа» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2297)[2]. Официально погромная тактика вождями черной сотни осуждалась, ибо являлась действием «революционным», преступным, развращающим массы. Ведь те, кто вчера с энтузиазмом громил еврейские лавки, завтра с легкостью мог оказаться среди тех, кто будет жечь дворянские усадьбы. Да и из прагматических соображений погромы, от которых страдали преимущественно представители мелкой еврейской буржуазии, были для лидеров правых явлением совершенно бесполезным, ибо их жертвы не имели никакого отношения к тем евреям, которые, по мнению теоретиков из консервативного лагеря, сосредоточили в своих руках мировые финансы, влияли на судьбы мира или же руководили революционным движением.

Убийства кадетов М.Я. Герценштейна, Г.Б. Иоллоса и трудовика А.Л. Караваева Марков в своих дореволюционных выступлениях категорически отказывался связывать с деятельностью СРН, а покушение на С.Ю. Витте, в дымоход дома которого были спущены две бомбы, комментировал исключительно иронически: «Не знаю, к чему тут припутан гр. Витте, ибо он жив и самый факт покушения на убийство до сих пор не установлен; долго думали, что вместо бомб в камин графа Витте были положены коробки сардин» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2270–2271)[2]. На обвинения со стороны социалистов и кадетов, осуждавших единичные случаи террора справа, но закрывавших глаза на многочисленные проявления левого террора, он не без оснований указывал, что «у здешних судей имеются две меры, одна для своих, другая для чужих», убийство правых «считается здесь актом гражданской доблести», а убийство своих единомышленников оказывается преступлением (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2269)[2]. Он напоминал, что обвинения по адресу СРН в терроре выдвигаются теми политиче-

скими силами, которые «и в первой, и во второй Думе официально, публично отказывались осудить политические убийства» и трактовали убийства сторонников самодержавия как «гражданский подвиг» и «возмездие разгневанного народа» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2268)[2]. Максимум, на что был готов согласиться Марков, да и то в случае предоставления ему бесспорных доказательств (отметим, что организаторов или заказчиков убийств Герценштейна, Иоллоса и Караваева дореволюционный суд так и не установил), что «один из многих миллионов союзников (т. е. членов СРН. – *А. И.*) может оказаться убийцей». Но из этого, заявлял он, никак невозможно выводить, «будто Главный совет Союза русского народа или вообще Союз русского народа, причастен к убийству». «В лучшем для вас случае, – говорил он, обращаясь к политическим противникам слева, – это убийство (Герценштейна. – *А. И.*), совершенное единичным союзником, а никак не организацией. Между убийством, совершенным одним из множества союзников и убийством, совершенным организацией, лежит бездна…» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2282)[2]. Указывая, что в члены СРН мог быть принят абсолютно любой русский православный человек, сочувствующий целям союза, Марков допускал, что вступить в партию могли как темные личности, способные на преступление, так и провокаторы, чтобы своими действиями дискредитировать правых монархистов.

Опровергал он обвинения в адрес СРН в причастности к политическим убийствам и на допросе в ЧСК ВП. Членам следственной комиссии он заявил, что «всегда считал возмутительной клеветой, что Союз русского народа организовывал убийства и притом таких сравнительно невинных людей, как Иоллос, Герценштейн и Караваев» (Падение царского режима, 1926. С. 178)[3] и распространяться дальше на эту тему не стал. Однако в эмиграции Марков признал причастность членов СРН к перечисленным выше терактам. «К единоличному террору, – писал он в 1920-е гг., – Союз русского народа прибегал в редких случаях, да и то лишь в первые годы своей деятельности. Известны убийства иудеев[5] Герценштейна в Финляндии, Иоллоса в Москве и Караваева в Харькове[6]. Как ни редки были эти случаи, на иудеев они произвели в свое время громадное воспитательное впечатление» (Марков, 2002. С. 497). При этом Марков подчеркивал: «Я был в числе тех руководителей Союза русского народа, которые были против террористических актов, и после 1910 года, когда я был избран председателем Союза, с нашей стороны не было совершено ни одного акта террора» (Марков, 2002. С. 497–498). Последнее утверждение правого политика соответствовало истине, в 1910–1917 гг. возглавляемый им СРН не был замешан в историях с политическими убийствами. Но при этом Марков не отрицал того, что сам он был бы не прочь уничтожить врагов царской России, но лишь исключительно законными средствами. Выступая в мае 1909 г. в Государственной думе, он откровенно заявил: «Мы видим в революционерах своих кровных, смертельных врагов и стремимся их уничтожить всеми доступными нам законными средствами. <…> Вот разница: вы нас хотите уничтожить нелегальными средствами, а мы стремимся вас уничтожить средствами легальными» (Государственная дума. Созыв III. Сессия 2, 1909. Стб. 2266)[2]. Но в одной из своих эмигрантских работ Марков, по сути, оправдывал террор справа и задавался вопросом, ответ на который, кажется, сам себе он уже дал: «…Мысленно озирая все происшедшее в России, я спрашиваю: не лучше ли было вовремя устранить какую-нибудь сотню-другую виднейших зачинщиков революции и тем самым спасти десятки миллионов жизней, безвинно погибших, и тем спасти Россию?» (Марков, 2002. С. 497–498). К сожалению, до нас не дошли мемуары Маркова, задуманные им в эмиграции как трехтомник, вторая книга которых целиком должна была быть посвящена борьбе с революцией и, по его собственным словам, быть насыщенной «фактами исторического значения», способствующими реабилитации черносотенства (Иванов, Машкевич, Пученков, 2014. С. 82). Судя по всему, рукописи эти, над которыми

[5] Герценштейн был крещеным евреем.

[6] На самом деле – в Екатеринославе.

бывший лидер СРН работал в 1930-е гг., погибли во время Второй мировой войны, а потому суждения Маркова этого периода о причастности правых к террору, видимо, так и останутся для нас неизвестными.

В отличие от других лидеров черносотенного движения (В.А. Грингмута, А.И. Дубровина, В.М. Пуришкевича) Н.Е. Марков уделил проблеме правого террора гораздо больше внимания, коснувшись всех его аспектов – еврейских погромов, деятельности боевых дружин и отдельных террористических актов. И хотя аргументация Маркова по вполне понятным причинам выдержана в сугубо апологетическом духе, она представляет несомненный интерес для исследователя. Во-первых, она дает достаточно полное представление об отношении к террору одного из вождей СРН. Во-вторых, позволяет взглянуть на эту сложную проблему, воспользовавшись совершенно иной, отличной от распространенной в левых и либеральных кругах (а также и в советской историографии), «оптикой». В-третьих, заставляет обратить внимание на важные аспекты этой темы, которые довольно часто упускаются историками из вида: какова бы ни была степень ответственности СРН за акты насилия, совершенные членами этой правой организации в 1906–1907 гг., нельзя рассматривать эти нарушения закона и преступления в отрыве от общей политической ситуации периода Первой российской революции (фактически начинавшейся Гражданской войны) и массового террора слева. Важно и принципиально иное отношение к актам политического террора правого и левого лагерей. Ведь если левые радикалы своей террористической деятельностью гордились, то правые от обвинений в терроре практически всегда отмежевывались, осуждали его и объясняли участие отдельных своих членов в политических убийствах их личными низкими моральными качествами. Показательно, что оправдывая открытое противостояние черносотенных дружин революционерам на улицах, Марков не находил оснований для публичного оправдания убийств политических противников; он с вызовом говорил о своей солидарности с теми, кто дал отпор врагам самодержавия, но всеми силами дистанцировался от единомыслия с погромщиками и террористами. И хотя в 1920-е гг. Марков фактически признал, что в период революции 1905–1907 гг. к отдельным актам террора черносотенцы все же прибегали и даже, учитывая последующий крах самодержавия, Гражданскую войну и массовый террор, допускал, что своевременное физическое устранение наиболее видных революционеров могло бы быть для страны меньшим злом, чем случившиеся события, все же счел нужным заявить, что сам он всегда был против самочинного террора. Уже в эмиграции, в 1922 г., после того как двое молодых офицеров-монархистов, пытаясь «казнить» П.Н. Милюкова убили другого видного либерального деятеля – В.Д. Набокова, Н.Е. Марков, являвшийся председателем Высшего монархического совета, издал «секретный приказ», строго воспрещавший любую террористическую деятельность, отмечая, что такие действия «отдельных неуравновешенных … русских монархистов» приводят к «тяжелым и чрезвычайно вредным последствиям … для нашего святого дела при всяком акте террора» (Верная гвардия…, 2008. С. 560). Возможно, что последние слова из этого приказа были в чем-то итогом того горького для правых опыта, когда физическое устранение нескольких оппозиционных деятелей не принесло им ничего, кроме сильнейшего удара по репутации.

Библиографический список

Богоявленский Д.Д. Проблема лидерства в Союзе русского народа. М. : Московский государственный областной университет. 2012. 242 с.

Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 552 с.

Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-

References

Bogoyavlenskii D.D. (2012) The problem of leadership in the Union of the Russian People. Moscow: Moscow Region State University. 242 p. (In Russ.)

Budnitskii O.V. (2005) Russian Jews between the Reds and the Whites (1917–1920). Moscow: Russian political encyclopedia. 552 p. (In Russ.)

Ivanov A.A. (2008) Loyal Guard. Russian turmoil

монархистов / сост. и ред. А.А. Иванов. М. : Посев, 2008. 748 с.

Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Париж : YMCA-PRESS, 1985. 208 с.

Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. Неизвестные страницы эмигрантской биографии Н.Е. Маркова (по материалам личных писем политика) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1. Ч. 2. С. 79–85.

Иванов А.А. «Отреченные дни Февральской революции» в судьбе и восприятии Н.Е. Маркова // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб. : ЭлекСис, 2013. С. 15–24.

Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. 649 с.

Карпухин Д.В. «Черная сотня»: вехи осмысления в России. М., 2009. 387 с.

Кожинов В.В. «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). Изд. 2-е, доп. М., 1998. 228 с.

Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон : Проблемы Восточной Европы, 1991. 485 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М. : Издательство политической литературы, 1972. Т. 13. 579 с.

Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937 / сост. М.Б. Смолин. М. : Москва, 2002. 521 с.

Маршалова И.К. Черносотенное движение в России: причины и последствия // Первая русская революция 1905–1907 гг.: исторический опыт разрешения внутриобщественного кризиса и современность. Ульяновск: Симбирская книга, 2005. Ч. 2. С. 179–185.

Мызгин И. Ни Бог, ни царь и не герой. Воспоминания уральского подпольщика. М. : Молодая гвардия, 1959. 332 с.

Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Ч. 1. Россия и русское зарубежье. СПб., 1992. 171 с.

Омельянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев : МАУП, 2006. 744 с.

Размолодин М.Л. К вопросу об участии черной сотни в еврейских погромах в России в октябре 1905 г. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 86–87.

Размолодин М.Л. Идеология черносотенных организаций в России в начале XX века. [Б. м.]: Издательские решения, 2020. 352 с.

through the eyes of monarchist officers. Moscow: Posev. 748 p. (In Russ.)

Gerasimov A.V. (1985) On the edge with terrorists. Paris: YMCA-PRESS. 208 p. (In Russ.)

Ivanov A.A., Mashkevich S.V., Puchenkov A.S. (2014) Unknown pages of N.E. Markov's emigrant biography (by materials of politician's personal letters). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktik = Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice.* No. 1. Pt. 2. P. 79–85. (In Russ.)

Ivanov A.A. (2013)"The renounced days of the February Revolution" in the fate and perception of N.E. Markov. *Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady = Revolution of 1917 in Russia: new approaches and views*. St. Petersburg: ElekSis. P. 15–24. (In Russ.)

Witte S.Yu. (2003) From the archive. Memories. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. Vol. 2. 649 p. (In Russ.)

Karpukhin D.V. (2009) "Black Hundred": Milestones of understanding in Russia. Moscow. 387 p. (In Russ.)

Kozhinov V.V. (1998) "Black Hundreds" and the Revolution (mysterious pages of history). Moscow. 228 p. (In Russ.)

Laker U. (1991) Russia and Germany. Hitler's mentors. Washington: Problems of Eastern Europe. 485 p. (In Russ.)

Lenin V.I. (1972) Complete Works. Ed. 5th. Moscow: Political Literature Publishing House. Vol. 13. 579 p. (In Russ.)

Markov N.E. (2002) Wars of the Dark Forces. Articles. 1921–1937. Moscow: Moscow. 521 p. (In Russ.)

Marshalova I.K. (2005) Black-Hundred Movement in Russia: Causes and Consequences. *Pervaya russkaya revolyutsiya 1905–1907 gg.: istoricheskii opyt razresheniya vnutriobshchestvennogo krizisa i sovremennost' = The First Russian Revolution of 1905–1907: Historical Experience of Resolving an Intrasocial Crisis and Modernity.* Pt. 2. Ulyanovsk: Simbirskaya kniga. P. 179–185. (In Russ.)

Myzgin I. (1959) Neither God, nor Tsar and Not a Hero. Memoirs of a Ural underground worker. Moscow: Young Guard. 332 p. (In Russ.)

(1992) National right before and now. Historical and sociological essays. Russia and the Russian Diaspora. St. Petersburg. Pt. 1. 171 p. (In Russ.)

Omel'yanchuk I.V. (2006) Black-Hundred Movement in the Russian Empire (1901–1914). Kiev: MAUP. 744 p. (In Russ.)

Razmolodin M.L. (2011) On the Black Hundreds participation in anti-Jewish pogroms in October 1905. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. No. 346. P. 86–87. (In Russ.)

Razmolodin M.L. (2020) The ideology of Black Hundred organizations in Russia at the beginning of the twentieth century. [City not specified]: Publishing solutions. 352 p. (In Russ.)

Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М. : Яуза-пресс, 2013. 672 с.

Тагер А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. М. : Терра, 1996. 333 с.

Stepanov S.A. (2013) Black Hundred. What have they done for the greatness of Russia? Moscow: Yauza-press. 672 p. (In Russ.)

Tager A.S. (1996) Tsarist Russia and the Beilis Case. Moscow: Terra. 333 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Иванов Андрей Александрович,
доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории России, Институт истории,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5,
Россия,
✉ Россия, e-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Information about the author

Andrei A. Ivanov,
Dr. Sci. (History), Professor by the Department of Modern History of Russia, Institute of History,
St. Petersburg State University,
5, Mendeleevskaya Liniya, St. Petersburg 199034, Russia,
✉ e-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Заявленный вклад автора

А.А. Иванов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

A.A. Ivanov carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 4 июня 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 21 августа 2021 г.
Принята к публикации 30 августа 2021 г.

Article info

Received June 4, 2021.
Received August 21, 2021.
Accepted August 30, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(470)+271.2
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-192-207

Взаимоотношения органов церковного управления с командованием Вооруженными силами и краевыми правительствами на Юге России в период Гражданской войны

© Ю.А. Бирюкова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются отношения органов церковного управления на Юге России в период Гражданской войны с Главнокомандующими вооруженных сил Юга России А.И. Деникиным и П.Н. Врангелем, Донским, Кубанским и Крымским краевыми правительствами. В основу работы положен широкий круг источников, включающих церковную делопроизводственную документацию, сводки белогвардейского Освага, материалы личного фонда Деникина, мемуары и региональную периодическую печать. Показано, что Русская православная церковь оказала однозначную поддержку Белому движению, причём, приоритетом обладало Главное командование. С казачьими правительствами отношения складывались неоднородно – более тёплые были выстроены на Дону, где церковь пользовалось содержанием за счёт войсковой казны. Имели перспективы и отношения со Вторым Крымским краевым правительством, однако процесс их выстраивания был прерван в связи с прекращением его существования. В отличие от них, в Кубанской Краевой Раде и Краевом Правительстве наблюдались левые настроения, которые, накладываясь на особенности личности и позиции по отношению к официальным лицам правительства епископа Кубанского Иоанна (Левицкого), привели к конфронтации между ними. Кубанская конституция отменяла вероисповедные преимущества, на основании чего правительство отказывало в покровительстве православной церкви и её учреждениям. Рассмотрена также политика А.И. Деникина и П.Н. Врангеля в религиозной сфере. Примечательно, что все представители белого лагеря признавали решения Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. в качестве действующего законодательства. Взаимоотношения церковной власти, краевых правительств и Деникина в годы Гражданской войны складывались сложно, зачастую конфликтно. Каждая сторона пыталась отстаивать свой интерес: краевые правительства превыше всего ставили интересы края и свои политические прерогативы; церковные власти требовали по отношению к себе уважительного и доброжелательного отношения.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Временное высшее церковное управление, управление исповеданий, Добровольческая армия, Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг., А.И. Деникин, Гражданская война, епархиальный совет, Кубанская Краевая Рада, епископ Иоанн (Левицкий)

Благодарности: Материал подготовлен при поддержке проекта РНФ № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Бирюкова Ю.А. Взаимоотношения органов церковного управления с командованием Вооруженными силами и краевыми правительствами на Юге России в период Гражданской войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 192–207. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-192-207

Relations of church administration bodies with the command of the Armed Forces and regional governments in the South of Russia during the Civil War

© Yuliya A. Biryukova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract: The article examines the relations of the church administration bodies in the South of Russia during the Civil War with the Commanders-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia A.I. Denikin and P.N. Wrangel, and the Don, Kuban and Crimean regional governments. The work is based on a wide range of sources, including church records, reports of the White Guard Oswag, materials from Denikin's personal fund, memoirs and regional periodicals. It is shown that the Orthodox Church provided unequivocal support to the White Movement, and the Main Command had priority. Relations with the Cossack governments were not uniform – warmer relations were built on the Don, where the Church enjoyed maintenance at the expense of the military treasury. There were also prospects for relations with the Second Crimean Regional Government, but the process of building them was interrupted due to the termination of its existence. In contrast, in the Kuban Regional Rada and the Regional Government, left-wing sentiments were observed, which, creeping into the personality characteristics and positions in relation to the officials of the government of Bishop John of Kuban (Levitsky), led to a confrontation between them. The Kuban Constitution abolished religious advantages, on the basis of which the government refused to patronize the Orthodox Church and its institutions. The article also considers the policy of A.I. Denikin and P.N. Wrangel in the religious sphere. It is noteworthy that all representatives of the white camp recognized the decisions of the All-Russian Local Council of 1917–1918 as the current legislation. The relationship between the church authorities, regional governments and Denikin during the Civil War was difficult, often conflictual. Each side tried to defend its own interests: the regional governments put the interests of the region and their political prerogatives above all; the church authorities demanded a respectful and benevolent attitude towards themselves.

Keywords: The Orthodox Church, the Provisional higher Church Administration, the Department of Confessions, the Volunteer Army, the All-Russian Local church Council of 1917–1918, A.I. Denikin, Civil War, the diocesan Council, the Kuban Regional Rada, Bishop John (Levitsky)

Acknowledgements: The material was prepared with the support of the RNF project No. 21-18-00266 “Religious factor in Russia during the Civil War: phenomenon, significance and regional specifics”, carried out at St. Petersburg State University.

For citation: Biryukova Yu.A. (2021) Relations of church administration bodies with the command of the Armed Forces and regional governments in the South of Russia during the Civil War. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 192–207. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-192-207

До настоящего времени тема взаимоотношений органов церковного управления православной церкви на территориях Юга России, охваченных Гражданской войной, не получила комплексного исследования. Конечно, нет ничего нового в идее о том, что православные деятели поддержали Белое движение. В целом это так, но, во-первых, проблема отношений различных политических сил, составляющих данное сложное движение, с временными высшими и епархиальными церковными структурами остаётся не раскрытой, не показан и характер религиозной политики Главного командования. Лишь единичные публикации касались некоторых аспектов участия православного духовенства в политике в период Гражданской войны. Это такие авторы как А.Н. Кашеваров (Кашеваров, 2002; Кашеваров, 2005; Кашеваров, 2008) и А.В. Попов (Попов, 2005). А.А. Кострюков (Кострюков, 2008a; Кострюков, 2008b) рассмотрели тему создания Высшего церковного управления на территории, занятой белыми, при поддержке Главного командования Добровольческой армии. Работа В.Ж. Цветкова характеризует положение церковной власти в политико-правовой системе периода Гражданской войны, выстраивание отношений с Белыми правительствами (Цветков, 2016). Автор отмечает стремление общественно-политических объединений Юга России заручиться церковной поддержкой и принять участие в формировании новой системы государственно-церковных отношений (Цветков, 2016. С. 47–49, 66).

Появились работы, затрагивающие аспекты государственно-церковных отношений в Сибири, контролируемой правительством А.В. Колчака. Д.В. Олихов рассматривает причины и предпосылки образования ВВЦУ Сибири, выстраивание отношений с правительством адмирала А.В. Колчака, вопросы взаимодействия Главного управления по делам вероисповеданий с ВВЦУ Сибири и церковными иерархами (Олихов, 2014[1]; Олихов, 2017). Н.В. Кияшко изучил положение южнороссийских епархий в

[1] Олихов Д.В. Создание и деятельность временного высшего церковного управления Сибири: 1918-1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2014. 229 с.

политической системе Белого Юга, образовании нового политического центра в Новороссийске и связь этого факта с церковно-административной реформой, а также заинтересованность Деникина в создании Черноморской епархии с центром в Новороссийске (Кияшко, 2019). Можно заметить, что зарубежные исследователи также стали уделять больше внимания церковной жизни в годы Гражданской войны. В последние время происходит переосмысление роли и позиции российского православия (Kenworthy Scott, 2018). С. Кенворти обращает особое внимание на то, что Российская православная церковь в этот период продолжала оказывать влияние на различные стороны повседневной жизни и культуры народа. Поэтому «игнорирование судьбы православия и менявшегося к нему отношения людей в революционном контексте, несомненно, ведет к потере крупного фрагмента этой истории» (Кенворти, 2020. С. 208).

Таким образом, можно отметить интерес к данной теме, но пока не получивший ещё должного внимания.

5 ноября 1917 г. (ст. ст.) в Войсковом Вознесенском соборе г. Новочеркасска в присутствии представителей всех казачьих войск (Терека, Кубани, Волги, Урала, Семиречья, Уссури, Амура и Енисея) епископом Аксайским Гермогеном была произнесена взволнованная речь, основным предметом которой стал осуществлённый большевиками захват власти в России. Епископу казалось, что Отечество погибает: «ужасный позор», «небывалый разгром», «ужасная гибель нашей дорогой Родины», – так характеризовал он происходящие события. Причину подобного духовно-нравственного падения и политического кризиса он видел в том, что доблестные русские войска покинули фронт, а большевики, воспользовавшись ситуацией, нанесли удар в спину. Их действия – погромы православных святынь, разгром Успенского собора Кремля – древнейшей православной святыни, владыка характеризовал, как действия лишенных разума людей. Надеждой Родины и её точкой опоры, отмечал епископ, остались «Тихий Дон» и вера как всех объединяющая сила (Донская христианская мысль. 1917. 26 ноября. № 22. С. 341).

Речь епископа чётко обозначила, с кем будет Церковь, и кого она благословит на возрождение Родины. Она будет с христолюбивым воинством, с теми, кто сохранит заветы святой христианской веры, а остальные, антихристианские, тёмные и разрушительные силы, она не может благословить. Поэтому сразу же довольно тёплые отношения сложились между Донским войсковым правительством и Церковью на Дону.

Епархиальные власти поддержали образование Донской республики, и освящали каждый акт её самостоятельных действий.

17 июня 1917 г. по случаю выборов Донским Войсковым казачьим кругом атамана А.М. Каледина, глубоко и искренне верующего человека, в Вознесенском войсковом соборе в Новочеркасске был отслужен торжественный молебен. Прибывшего на следующий день к литургии атамана на паперти собора торжественно встретили архиепископ Митрофан и епископ Гермоген. После литургии и молебна атаман, депутаты Войскового Круга и всё духовенство вышли на площадь, где первому выборному атаману был преподнесён золотой пернач (Донская христианская мысль. 1917. 9 июля. № 2. С. 26).

10 октября 1917 г., в присутствии преосвященного Гермогена, атамана А.М. Каледина, членов войскового правительства в благословение Войску Донскому была принесена икона святителей Гурия, Варсонофия и Германа, Казанских чудотворцев. Икона была принята Калединым «с благоговением» и передана епископу Гермогену для хранения в войсковом соборе. Данное событие воспринималось как свидетельство и напоминание о том, с какой верой смотрит русский народ на казачество, «от казаков только ждут спасения России, ибо только у казаков вся сила и мощь» (Лобов Захария, прот. Хроника местной церковно-общественной жизни // Донская христианская мысль. 1917. 29 октября. № 18. С. 283).

6 ноября 1917 г. Донской епархиальный съезд духовенства и мирян выразил доверие правительству Войска Донского и Юго-Восточному союзу казачьих областей, в своей резолюции отметив: «…Спасение государственной жизни России может выйти только отсюда, из великого войска Донского в

союзе с другими казачьими областями, поэтому епархиальный съезд приветствует решение войскового атамана и войскового правительства принять на себя всю полноту государственной власти в крае, приветствует заключение юго-восточного союза казачьих областей, горцев и вольных народов степей и выражает полную готовность всемерно содействовать на местах стремлению войскового правительства поддержать законность и порядок в крае» (Донская христианская мысль. 1917. 26 ноября. № 22. С. 346).

Немного осложняло отношения размещение войскового штаба в Духовной семинарии. По этому поводу к Каледину была отправлена епархиальная делегация, которой вначале удалось добиться лишь создания комиссии для определения наёмной стоимости здания семинарии с целью возмещения этой суммы военным ведомством, позже велись переговоры об освобождении части семинарии под общежитие (Донская христианская мысль. 1917. 29 октября. № 18. С. 284; 26 ноября. № 22. С. 345).

Более директивную политику в отношении Церкви повёл атаман П.Н. Краснов, также известный сложными отношениями с Добровольческой армией (Пученков, 2021). Приказом по Всевеликому войску Донскому от 4–7 мая 1918 г. Краснов предписывал архиепископу Митрофану созвать собор с участием старообрядцев и буддистов и выработать закон об устройстве быта духовенства, отменив при этом плату за требы. 4 мая 1918 г. на Круге спасения Дона был принят основной закон Всевеликого войска Донского, в разделе «О вере» которого говорилось о первенствующем положении в ОВД христианской православной веры.

При преемнике Краснова, атамане А.П. Богаевском, 1 июня 1919 г., Донское Войсковое правительство приняло закон «Об установлении окладов содержания православному приходскому духовенству Донской епархии» (Закон об установлении окладов содержания православному приходскому духовенству Донской епархии // Донская христианская мысль. 1919. 20 августа. № 36–37. С. 391). Приходы освобождались от необходимости содержать духовенство, в том числе от плат за требы. Духовенство, служащее в военных или тюремных ведомствах, обеспечивалось окладами по штатам этих ведомств. Открытие новых штатов в епархии теперь должно было согласовываться с Войсковым правительством. Выделялась также сумма на содержание архиерейского подворья, но основная часть расходов всё равно оставалась на долю епархии (Закон об установлении окладов содержания православному приходскому духовенству Донской епархии // Донская христианская мысль. 1919. 20 августа. № 36–37. С. 354). Войсковое правительство взяло на себя и расходы на восстановление храмов Области Войска Донского после поругания большевиками (Донская христианская мысль. 1919. 23–30 июня. № 25–26. С. 286–287). Был образован специальный комитет по устроению разрушенных церквей (Донская христианская мысль. 1919. 7 июля. № 27. С. 295).

16 июля 1919 г. на Дону праздновали окончательное освобождение от большевиков объединёнными силами донцов, кубанцев и Добровольческой армии. Контроль над областью переходил к командованию Добровольческой армии. По этому поводу собором духовенства во главе с епископом Гермогеном был отслужен благодарственный молебен. В присутствии всего Войскового Круга во главе с атаманом, а также английской, кубанской и терской миссий, на соборную площадь вынесли все войсковые регалии. Затем молебен служили в Атаманском дворце. Преосвященный Гермоген произнёс трогательную речь, в которой отметил: «…Можно сказать, для нас снова началась Пасха […], мрак большевизма рассеялся, и наступил светлый и ясный день свободы и истинного братства. […] Самым лучшим памятником этого славного события может быть только святой храм, который мы и воздвигнем на память грядущему нашему потомству» (З[ахария] Л[обов], прот. Светлый и радостный день на Дону // Донская христианская мысль. 1919. 7 июля.. № 27. С. 295–297). Главный придел храма-памятника предлагалось освятить в честь иконы Божьей Матери «Нерушимая Стена», храму усваивалось также второе наименование – «Храм спасения Дона». После произнесённой речи, владыка снял клобук, положил в него свою лепту, и пошел собирать пожертвования, собрав сразу более 6 тыс. рублей (З[ахария] Л[обов], прот. Светлый и радостный день на Дону // Донская

христианская мысль. 1919. 7 июля.. № 27. С. 297). Место под строительство храма торжественно освятили в присутствии войскового атамана и его штаба на месте гибели расстрелянных большевиками атамана А.М. Назарова, председателя войскового круга Е.А. Волошинова и других генералов (З[ахария] Л[обов], прот. Освящение места под храм спасения Дона // Донская христианская мысль. 1919. 22–29 августа. № 38–39. С. 407–408).

Не меньшей поддержкой церкви Юга России пользовалась Добровольческая армия в целом, при этом особым уважением Главнокомандующий ВСЮР генерал А.И. Деникин, являвшийся, по сути, диктатором на контролируемых белогвардейцами территориях.

Церковь видела в Добровольческой армии, по словам известного политического деятеля В.М. Скворцова, собирательницу рассыпавшейся Русской земли и охранительницу святынь народной веры, правопорядка и истинной свободы (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 19 об.). От Церкви ждали, что она, по словам Скворцова, «осветит духовным ореолом новосозданную русскую армию как Христолюбивое воинство», то есть официального благословения Белого движения, которое не было получено от Патриарха (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 19 об.).

Такую же позицию занимал и преосвященный Агафодор, архиепископ Кавказский и Ставропольский. В сентябре 1918 г. он выпустил архипастырское послание боголюбивым пастырям и пастве Ставропольской губернии, в котором назвал белые войска, освобождающие Северный Кавказ от большевиков, крестоносными дружинами рыцарей Добровольческой армии, «благословенными спасителями и освободителями». Добровольческая армия виделась поборницей порядка и закона, о восстановлении которых мечтает всё население, после тех притеснений, которые испытало от большевиков (Ставропольские ведомости. 1918. 29 сентября. № 61). Благодаря ей, – отмечал архиепископ, – страна имеет надежду на спасение и «возрождается к лучшей, спокойной, разумной жизни». Освобождение от большевиков он сравнил с избавлением от татарского ига, на которое благословил Дмитрия Донского преподобный Сергий Радонежский. 21 ноября 1918 г. архиепископ вручил Ставропольскому военному губернатору генералу П.В. Глазенапу Благословенную грамоту (Ставропольские ведомости. 1918. 23 ноября. № 82).

К этому времени в полной мере проявилось отношение большевиков к церкви и духовенству, принявшее крайние формы и масштаб на территориях военных действий Гражданской войны. Подробнее эта тема рассматривается в предшествующей публикации автора (Бирюкова, 2019).

Архиепископ Агафодор говорил: «Тяжелое время переживает ныне русская церковь: гонения и предательства, жесточайшие из всех, какие когда-либо знала древняя церковная история. Безумие и изуверства, охватившие сердца даже многих из верующих христиан, затемнили наш разум, помрачили волю. Преступления и убийства, о которых не могли и помыслить древние мучители, теперь совершаются с открытой жестокостью почти на глазах у всех… Власть, которая, в сущности, должна была стать на защиту всех людей в России, без различия их звания и благосостояния, […] массовыми истязаниями и бессмысленным террором своим, беспощадными гонениями и издевательствами над ни в чём неповинными поборниками и спасителями Отечества, служителями правды Божией и алтаря Господня» (Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 237. Оп. 1. Д. 78. Л. 16–17; Ставропольские ведомости. 1918. 29 сентября. № 61. С. 3).

В этих условиях поддержка левой части спектра политических сил была для церкви, конечно, исключена, и она не могла не оказаться на стороне Белого движения.

Торжественное прибытие генерала А.И. Деникина в Ставрополь в августе 1918 г. сопровождалось церемониалом приветствия на соборной площади. Генерал проследовал на автомобиле через строй учащихся местных учебных заведений. В соборе его встретил архиепископ Агафодор, благословляя и приветствуя от лица Ставропольской церкви словами «доблестный вождь славной Добровольческой армии». Саму же Добровольческую армию архиепископ назвал «христолюбивым воинством». После молебна духовенство Ставропольской епархии пре-

поднесло генералу приветственный адрес, говорил епископ Александровский Михаил, который приветствовал Деникина словами, обращёнными в Евангелии к Христу во время Его торжественного входа в Иерусалим: «Благословен грядый во Имя Господене!». Деникин именовался доблестным высокоидейным вождём великого воинства, великого «по той христианской любви к истерзанному отечеству, по той преданности долгу перед Родиной, по той беззаветной храбрости, которыми отличается и характеризуется Добровольческая армия!» (Ставропольские ведомости. 1918. 28 августа. № 38). Армия под командованием Деникина в этой речи была названа «нравственно высокой». Затем Деникину преподнесли икону.

Главное командование ВСЮР поддержало созыв Юго-Восточного Русского Церковного Собора (далее – ЮВРЦС) в мае 1919 г. Собор учредил временный орган высшего церковного управления, его компетенция распространялась исключительно на территории Юго-Востока России, и другие территории, которые могли в дальнейшем перейти под командование Добровольческих сил, – Временное Высшее Церковное Управление на Юго-Востоке России. Подобное объединение епархий под общим церковным началом было вызвано разрывом связей с Высшим церковным управлением Российской церкви вследствие Гражданской войны. Главным же командованием оно рассматривалось как фактор, способствующий государственному единению подконтрольных Добровольческим силам территорий под его властью. Это было в русле политики утверждения примата единоличной военной диктатуры Главнокомандующего, но противоречило планам казачьих государственных образований Дона, Кубани и Терека, отстаивавших свой суверенитет в гражданском управлении (Бирюкова, 2014. С. 12), за что и получили от Главнокомандующего наименование «самостийники» и «сепаратисты» (ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 116. Л. 2–3; Шавельский, 1954. С. 356).

Неслучайно наиболее жаркие дискуссии вызвал на Соборе вопрос о месте пребывания Высшей церковной власти. Все понимали, что это послужит укреплению престижа и гражданской власти – главнокомандующего или же краевых правительств: «Самостийники понимали это, – писал протопресвитер Г. Шавельский в своих воспоминаниях, – и уже собирались перетянуть ВВЦУ во Всевеликое войско Донское» (Шавельский, 1954. С. 351). Депутаты от этой области даже грозились, что войсковой круг откажется материально поддерживать церковь, если ВВЦУ окажется в соседстве с гражданскими институтами Добровольческой армии. Собор решил, что донскими делегатами руководит «мелкое, провинциальное честолюбие», и постановил, что место работы ВВЦУ будет при ставке Главнокомандующего (Шавельский, 1954. С. 344, 350).

Приоритетная поддержка Деникина со стороны Собора была очевидной. Отмечалась ведущая и объединяющая роль Главнокомандующего, вокруг которого объединились и казачьи войска (Юго-Восточный…, 2018. С. 46)[2]. Деникин был назван орудием Промысла Божьего, в то время как представители донского и кубанского войск, – представителями православного населения. Выступления представителей Донского и Кубанского войск даже не были запротоколированы. В них говорилось о Юго-Восточном союзе казачьих войск. Представители казачества надеялись обрести поддержку со стороны церкви своих федеративных интересов. Выступивший от Донского Круга П.С. Якушев сказал: «Необходимо тесное единение соседей. Идея Юго-Восточного союза уже осуществляется в церковном мире» (ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 116. Л. 4; Жизнь. 1919. 4 (17) июня. № 34).

Временное Высшее Церковное Управление на Юге России, начавшее свою работу 5 июня 1919 г., накануне, 4 июня, во главе со своим председателем, архиепископом Митрофаном (Симашкевичем), посетило генерала Деникина, и от имени ЮВРЦС благословило в его лице все антибольшевистские армии – Добровольческую, Донскую, Кубанскую и Терскую. А первым официальным действием ВВЦУ стало постановление от 5 июня 1919 г. об установлении молитвенного поминовения на богослужении адмирала А. Колчака как Верховного правителя

[2] Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года / Сб. документов под ред. Ю. А. Бирюковой. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2018. 369 с.

(Донская христианская мысль. 1919. 23–30 июня. №№ 25–26. С. 273).

Особое совещание при Главнокомандующем ВСЮР на контролируемых территориях, объём которых возрастал в 1919 г., приступило к восстановлению органов государственного управления. 2 (15) февраля 1919 г. Деникин утвердил новое Положение об Особом совещании, по которому в его состав вошло Управление исповеданий, подобное действовавшему при Временном правительстве. Постановлением Особого совещания от 13 июля 1919 г. начальником Управления исповеданий был назначен Г.Н. Трубецкой. А в декабре 1919 г. – В.В. Мусин-Пушкин (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 7. Л. 83).

Устроив аналог обер-прокуратуры Святейшего Синода (Кандидов, 1931. С. 36; Молчанов, 2008. С. 35), Деникин не порывал с практикой Временного правительства, однако на проблему положения церкви в государстве он смотрел с учётом решений Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. Деникин признавал постановления Поместного Собора, в соответствии с которыми «Церковь свободна и независима в делах своего внутреннего распорядка и самоуправления» (Деникин, 2014. С. 120), что нашло отражение в его декларации председателю Особого Совещания. Таким образом, он принимал Соборное определение от 2 декабря 1917 г. «О правовом положении Церкви в государстве», но создавал посреднический орган между высшими управленческими структурами двух властей. Управление исповеданий должно было лишь наблюдать «за соответствием постановлений власти Православной церкви в делах, соприкасающихся с областью государственных и гражданских правоотношений, с существующими общими государственными узаконениями», а также быть посредником в осуществлении государственной материальной поддержки церкви (Деникин, 2014. С. 120). По словам профессора, члена ВВЦУ на Юге России П.В. Верховского, декларация Деникина, по сравнению с позицией царской власти, выглядела новаторской. Он назвал её «актом доверия, справедливо заслуженным Церковью за два тысячелетия её бытия» (П.В. Верховский. Исторический акт // Церковные ведомости. 1919. № 4). Деникин не обозначил формы контроля соответствия распоряжений церковной власти существующему законодательству и разрешения спорных ситуаций, однако, Верховский не сомневался, что и они будут определены в соответствии с постановлениями Поместного Собора – в судебно-административном порядке, а не в виде бюрократического надзора.

Тем не менее вопрос определения правового статуса церкви оставался открытым, о чём говорит попытка образования на ЮВРЦС особого отдела о правовом положении церкви в России (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 40–40 об.). Позже, созданное на Соборе ВВЦУ, критиковало деятельность деникинского управления исповеданий. Заседания проходили при участии вновь назначенного Начальника Управления исповеданий – князя Григория Николаевича Трубецкого. На 7-й сессии Временного Высшего Церковного Управления, прошедшей 22–25 августа 1919 г., ВВЦУ поручило Г.Н. Трубецкому и профессору П.В. Верховскому составить проект положения о едином Управлении исповеданий по всей территории России «в целях установления единства церковной политики», тем самым стремясь утвердить свой примат в решении подобных вопросов (В Высшем Церковном Управлении // Свободная речь. 1919. 29 июля (1 августа). № 186).

Министром народного просвещения, культов и здравоохранения Второго Крымского краевого правительства С.А. Никоновым был подготовлен законопроект о выдаче нуждающемуся духовенству, прежде всего сельскому, единовременных пособий. Сумма была выделена скромная, вследствие отсутствия необходимых средств (Пученков, Калиновский, 2020. С. 324). Крымское краевое правительство также признало епархиальные советы государственными учреждениями. Второе Крымское краевое правительство основывалось на постановлении Временного правительства от 5 августа 1917 г. № 1134 (СУ № 190), по которому все преобразования по церковному вопросу должны производиться на основаниях, выработанных Всероссийским Поместным Собором 1917–1918 гг. Правительство постановило утвердить штаты епархиального совета и ассигновать из средств краевого казначейства 181,6 тыс. руб. в год (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 5.

Л. 1). В постановлении Совета министров от 21 февраля 1919 г. говорилось: «Утвердить прилагаемые при сем штаты Таврического епархиального совета на основании принятого Поместным Всероссийским Собором положения о епархиальном управлении, признав за этим учреждением значение правительственного… С упразднением Духовной консистории оставить в силе действующего закона те статьи устава Духовной консистории, кои не отменены постановлением Поместного Всероссийского Собора…» (Кандидов, 1931. С. 45).

Архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе) объяснял это положение тем, что епархиальный совет являлся высшим административным и судебным органом епархиальной власти, он заменил собой духовную консисторию, и более чем 2/3 его дел имело не только церковный, но и гражданский характер. Поэтому епархиальный совет надлежало рассматривать наряду с другими губернскими учреждениями. Русское Правительство считало всегда своим долгом содержать эти учреждения на средства казны (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 5. Л. 1). Приказ Главнокомандующего вооруженными силами Юга России от 13 апреля 1919 г. № 48 устанавливал вознаграждение служащих правительственных учреждений в соответствии с классом должности, которую занимал служащий. Классы должностей канцелярии епархиальных советов были повышены, по сравнению со штатами Духовных консисторий, что совпадало с предложениями Святейшего Синода, выраженными в проекте штатов духовных консисторий, внесённым в 1911 г. в Государственную Думу.

В апреле 1919 г. в связи с прекращением деятельности Второго Крымского правительства, его постановления были аннулированы, и епархиальные советы лишились ассигнований из казны. Рассчитывать на какие-либо епархиальные средства не приходилось. В 1920 г. архиепископ Димитрий просил ВВЦУ ходатайствовать перед главой правительства Юга России А.В. Кривошеиным о признании епархиальных советов правительственными учреждениями и об их финансировании (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 5. Л. 1).

Весной 1920 г. в стане белых сил происходит переворот, А.И. Деникина на посту Главнокомандующего сменяет П.Н. Врангель. В заговоре самое активное участие принимает епископ Вениамин (Федченков), который сменив протопресвитера Г. Шавельского, стал епископом армии и флота (Пученков, Калиновский, 2020. С. 338–339, 348). Главнокомандующий Русской армией П.Н. Врангель, производя реорганизацию ведомств и учреждений, запросил мнение ВВЦУ и епископа Вениамина (Федченкова) о желательном ведомственном подчинении Управления исповеданий. В ответ на письмо управляющего делами совета при Врангеле епископ Вениамин выразил мнение, что самостоятельное Управление исповеданий излишне. Его функции вполне может взять на себя Временное высшее церковное управление, основываясь на определениях Поместного Собора (Кандидов, 1931. С. 46–47). 14 июня 1920 г. постановлением Совета при Главнокомандующем армией Управление исповеданий было упразднено, а решение всех церковных дел возложено на ВВЦУ Юга России, инославные исповедания передавались в ведение гражданского управления внутренних дел; спустя 3 дня это постановление было утверждено главой правительства Юга России А.В. Кривошеиным (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 5. Л. 65). Не вполне удовлетворившись данным документом, ВВЦУ обратилось к Врангелю с просьбой внести в постановление поправку о том, что председатель ВВЦУ участвует в заседаниях совета при Главнокомандующем не с совещательным, а с решающим голосом. Врангель дал положительное заключение (Кандидов, 1931. С. 47). При этом ВВЦУ было признано правительственным учреждением, но, несмотря на это, оно до мая 1920 г. содержалось за счет собственных средств, и находилось в крайне тяжелом положении, т. к. в его ведении осталась лишь часть Таврической епархии. Были инициированы прошения о государственной финансовой поддержке (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 8. Л. 11 об.).

Чрезвычайно напряженно, с самого начала Гражданской войны на Кубани, складывались отношения между Кубанским краевым правительством и епархиальной властью в лице епископа Кубанского Иоанна.

Все епархиальные здания были реквизированы под военные нужды, однако после победы белых на

Кубани большинство из них так и не было освобождено. Епархиальное женское училище было реквизировано для создания военного училища. В распоряжении епархии осталось четыре флигеля возле его основного корпуса, в которых и должны были разместиться епархиальный совет, свечной завод, свечной склад, правление и контора завода, винный погреб, склад, попечительство о бедных духовного звания, редакция «Кубанского церковного вестника», совет союза духовенства, а также проходить епархиальные благочиннические, пастырские и законоучительские собрания. Там же находились квартиры начальницы училища и воспитательного персонала, председателя и членов правления свечного завода, а также двух членов епархиального совета. Тем не менее военное училище просило об освобождении всех помещений, включая флигели. Епархиальный совет расценивал такие действия краевого правительства как акт насилия. При этом мужское епархиальное училище занимал лазарет Добровольческой армии. Здание духовного училища, в котором хотели поместить свечной завод, с первых дней революции, без согласования с епархиальным начальством было занято Петроградским детским приютом бывшего ведомства учреждений императрицы Марии (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 186).

«Столь неуважительного, совершенно бесцеремонного отношения со стороны правительства к епархии я ещё нигде не встречал», – оценивал епископ Евлогий сложившуюся ситуацию (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 144). Он также обращал внимание на то, что у кубанского правительства было достаточно собственных учебных заведений, но оно предпочло отобрать последнее у Церкви, при том, возможно, навсегда. По словам местных жителей, существовали планы размещения военного училища в других помещениях недействующих учреждений, но правительство выбрало именно епархиальное, «потому, что оно удобное, и потому, что духовное ведомство является беззащитным» (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 145). «Насилие распространяется по линии наименьшего сопротивления. Конечно, будь на месте преосвященного Иоанна более сильный и влиятельный святитель, он, быть может, отстоял бы права епархии (хотя, учитывая настроения кубанских властей, в этом можно сомневаться)», – писал епископ Евлогий.

Все ходатайства епархиальной власти в Краевую Раду, войсковому атаману, в Законодательную Раду, в Совет правительства игнорировались. Удалось лишь добиться того, что постановлением Совета правительства от 12 марта 1919 г. № 68, п. 18 епархиальный совет был признан правительственным учреждением. При этом параграф 4 Кубанской конституции гласил, что в крае никто не может пользоваться преимуществами на вероисповедной основе. Это положение толковалось в том смысле, что правительство не может оказывать покровительства православной Церкви и её учреждениям. И члены вероисповедной комиссии, учреждённой при Кубанской Раде во главе с Г. Омельченко, в беседе с представителями епархии указывали на этот параграф, как препятствие для продуктивной работы (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 144, 184, 186).

Неблагожелательное отношение краевого правительства к Церкви сказывалось и при решении вопросов о церковно-приходских школах и преподавании Закона Божьего. В частности, это выразилось в отмене циркуляра Ведомства Народного Просвещения о необходимости воспитания подрастающего поколения на христианских началах, т. к. упоминание «христианских начал не соответствует конституции края и может дать повод упрекать правительство в религиозном отношении» (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 144, 184, 186).

Но часть правящих кругов края всё же интересовалась церковными делами, особенно учреждением самостоятельной Кубанской епархии. На Юго-Восточном Соборе 1919 г. представитель Кубанского правительства полковник Гаденко уверял, что учреждения новообразованной епархии будут финансироваться за счёт правительственных средств, однако после образования епархии об этих обещаниях забыли. Была образована межведомственная комиссия для решения вопросов, связанных с устройством новообразованной епархии, куда вошли представители краевого правительства (от ведомств внутренних дел и народного просвещения) и епархии, выработан проект финансирования Кубанского епи-

скопа, кафедрального собора, епархиального совета, духовных учебных заведений, решен вопрос о жаловании духовенству и учреждении Кубанской епархиальной гимназии для его подготовки. Но соответствующий законопроект так и не был утверждён Кубанским правительством (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 185).

Все частновладельческие земли, в том числе причтовые и монастырские, в крае были отобраны. И духовенство оказалось в тяжелом материальном положении, не имея жалованья, земли и квартир, жило подаяниями, которых в условиях войны становилось всё меньше (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 185).

Владыка Евлогий (Георгиевский) так характеризовал Кубанского епископа Иоанна: «Прекрасный человек по своим личным качествам, глубоко благочестивый, молитвенный, добрый и мягкий, кроткий, застенчивый, он вовсе не церковно-общественный деятель для такого бурного, мятежного времени, как переживаемый нами момент, и для такого места, как Кубань» (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 140). «К своему архипастырскому долгу преосвященный Иоанн относится не только с полной добросовестностью, но и с великим усердием. Это большой труженик», – писал он (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 146). В Екатеринодар епископ Иоанн был назначен против воли архиепископа Кавказского Агафодора, имевшего своего кандидата, и с первых же дней почувствовал его нерасположенность и недоверие. Архиепископ всячески дискредитировал своего викария: его представления игнорировались и отвергались, резолюции перечёркивались, и сам он высмеивался перед молодыми священниками. Приехавшему с лучшими рекомендациями от епископа Иоанна священнику Рябчикову, архиепископ Агафодор заметил, что епископ не имеет права делать отзывы о членах клира: «Я его посылал по епархии лишь для обозрения церквей и школ и не давал ему полномочия аттестовать духовенство» (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 146). Приехавшего для рукоположения в диаконы псаломщика Преображенского, архиепископ отругал и хотел лишить его места, за то, что он хотел сослаться на рекомендации епископа Иоанна. Монаха же, некогда обругавшего в пьяном виде епископа последними словами и переведённого из своего монастыря, архиепископ вернул обратно. Отправляя одного священника на Кубань, архиепископ напутствовал его такими словами: «Поезжай, братец, ты поладишь с этим чудаком». Таким образом, епископ лишался всякой инициативы, у епархиальных учреждений и духовенства складывалась привычка не считаться с епископом Кубанским (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 141). По просьбе епископа Иоанна для разбирательств в этом конфликте приезжал товарищ обер-прокурора Н.Д. Жевахов, но это ни к чему не привело.

Сложная общественно-политическая обстановка требовала, по мнению архиепископа Евлогия, жесткости и решительности, активного участия в церковно-общественной жизни, что было не в характере епископа Кубанского. С высшим командованием и правительством Добровольческой армии во время их пребывания в Екатеринодаре он почти не общался. С Краевым правительством и Кубанской Радой он тоже воздерживался от контактов, даже от участия в официальном церемониале: не участвовал в молебне по случаю открытия Рады, не поздравил войскового атамана А.П. Филимонова с избранием, не интересовался местными общественно-политическими течениями, и соответственно, не использовал их для целей епархиальной жизни, не знал даже, что происходит в Краевом правительстве и Раде, не выяснял, с кем можно было бы общаться ради нужд епархии (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 142).

Такая отстранённость и мягкость епископа давали повод его игнорировать. По Положению о Донском казачьем войске 1848 г., распространённом и на бывшее Черноморское войско, войсковой атаман мог выдвигать своих кандидатов на замещение причтовых вакансий войскового собора. Это дало повод Кубанскому атаману генералу А.П. Филимонову вмешиваться в дело о недостатках служения причта собора, возбуждённого протопресвитером Г. Шавельским (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 185).

По жалобе протопресвитера Г. Шавельского, копия которой была направлена войсковому атаману, на небрежное отношение клира Войскового собора

к своим обязанностям, атаман стал требовать от епископа принятия срочных мер. На основании определений Поместного Собора, по которым священник может быть отстранён от служения только по суду, епископ назначил следствие (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 143). В дело вмешались обвиняемые, и епархиальный совет не нашёл нужным провести следствие, ограничившись строгим выговором. Преосвященный Иоанн утвердил такое решение, проявив мягкость и уступчивость, что снова сказалось отрицательно на его авторитете. Атамана такой исход дела не удовлетворил, и он, совместно с председателем Краевого правительства, написал епископу угрожающее письмо с требованием перевести священников собора на другой приход, всех диаконов удалить, а на их место перевести более достойных, по мнению атамана, конкретно названных священнослужителей, причём некоторых даже «в срочном порядке» (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 144). Особенно настойчиво он требовал перевода в собор прот. Н. Розанова, и ещё одного священника как кубанского казака. Таким образом, краевое правительство претендовало на решение вопросов назначения причта, не считаясь фактически с постановлениями Поместного Собора и с епархиальной властью. Епископ шёл на уступки и выполнял требования атамана. «Не знаю, – пишет преосвященный Евлогий, – закончится ли на этом бесконечная и тяжёлая переписка между атаманом и преосвященным Иоанном о соборном причте, или она ещё будет продолжаться, но мы видим, в каких она запуталась дебрях и к какому унижению престижа епархиальной власти она привела, только потому, что эта власть не проявила в своё время надлежащей энергии и не удержалась на почве соборных определений. Справедливость, впрочем, требует сказать, что первая вина […] скорее падает на ставропольское епархиальное начальство, лишившее преосвященного Иоанна всякой самодеятельности» (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 144).

В беседе с атаманом Филимоновым епископ Евлогий выяснил, что заставить кубанские власти считаться с епископом было уже невозможно. В их глазах святительский сан оказался в значительной мере десакрализован, а Кубанская Рада в церковно-религиозных вопросах открыто демонстрировала явно левые настроения.

С переводом ставки Главнокомандующего в Таганрог и Ростов-на-Дону, и особенно после убийства в Ростове 14 июня 1919 г. председателя Кубанской Краевой Рады Н.С. Рябовола, резко обострились отношения Деникина с Кубанской Радой (Пученков, 2012. С. 391). К осени 1919 г. этот конфликт нарастал. Верхушкой краевого правительства самостийническая линия действительно проводилась последовательно, но не все на Кубани были её безусловными сторонниками. Да и сама эта линия была неоднозначной, и не всегда выражалась в желании отделиться от остальной России. Ю.А. Черкесов пояснял позицию Кубанского правительства: «Кубанская Рада вовсе не стоит за отделение от России, но она хочет права работать для своей области федеративно, не повинуясь маршальскому жезлу какого-нибудь совершенно неосведомленного в местных делах генерала» (ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 9 об.). В феврале 1919 г. Кубанская Рада обсуждала объединение южных государственных образований на федеративных началах, что противоречило взглядам Деникина на устройство единого Российского государства. В письме на имя атамана Кубанского казачьего войска А.П. Филимонова от 12 апреля 1919 г. он обвинил членов Рады в том, что они «строят свое благополучие на отторжении от России… на уничтожении достоинства русского имени» (ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 22. Л. 3 об.).

Атмосфера накалялась, сводки Отдела пропаганды Особого совещания сообщали, что «федералисты-самостийники» мечтали даже о вооруженной поддержке своих интересов зеленой армией и уволенными в отпуск казаками. Приехавший из Парижа А.И. Калабухов якобы даже заявлял о необходимости изменения взглядов на большевиков, которые, по его мнению, теперь не так страшны, их позиция террора изменилась, и если бы они заняли Кубань теперь, то режима, который они несли ранее, не было бы, «ибо они теперь «сторонники народоправства» и не более того» (ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 204). Действительно, Рада в это время сильно полевела.

А.И. Калабухов был уволенным от службы священником Николаевской церкви станицы Новопокровской, участвовал в Первом Ледяном походе, был избран в Раду, стал министром внутренних дел Кубанского правительства. В качестве члена делегации Кубанской краевой рады в июле 1919 г. Калабухов отправился в Париж, где участвовал в заключении договора с правительством Горской республики. Правительство Кубани и Правительство Республики Горских Народов Кавказа взаимно признавали государственный суверенитет и полную политическую независимость сторон. Калабухов, как и другие современники событий, утверждал, что был подписан лишь проект договора, который требовал утверждения атамана. Тем не менее Деникиным этот акт был расценен как предательство и измена России (Филимонов, 1991. С. 326).

25 октября 1919 г. генерал Деникин издал приказ об аресте и придании военно-полевому суду четырех членов Парижской делегации, в том числе Калабухова (ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 26. Л. 6–7). Кубанская Рада поначалу проявила строптивость, не желая покоряться приказу Главкома. Всё изменило включение Кубанской области в тыловой район Кавказской армии под командованием генерала Врангеля, а значит, на данной территории перестали действовать гражданские законы, и вступили в силу военные. На основании приказа Врангеля от 6 ноября 1919 г. о предании военно-полевому суду участников подписания парижского соглашения Калабухов (единственный из всей делегации) был приговорен к смертной казни через повешение. 7 ноября 1919 г. приговор привели в исполнение. Труп его оставили на виселице, на Красной площади Екатеринодара, до двух часов дня с прикрепленной надписью: «Изменник России и Кубани», а затем по некоторым свидетельствам сбросили на свалку, и только после особого ходатайства удалось получить разрешение на его погребение (ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 26. Л. 8 об.). Калабухов хоть и был заштатным, но не лишённым сана священником, и решать его участь без участия церковных властей с канонической точки зрения было неправильно. Однако это не остановило Деникина, который не посчитался с органами церковного управления и каноническим правом. Политический момент оказался в приоритете: к тому же Деникин устал от давнишних пререканий с кубанскими сепаратистами и желал проучить их, в его глазах в отношениях с кубанскими строптивцами лимит на поиски компромиссных соглашений был исчерпан (Терновский, 2021. С. 27)[3]. Обладая личным благочестием и мягким характером, Деникин в этом деле проявил совершенно нехарактерную для него и неоправданную жестокость. Это событие оказало сильное влияние на усиление негативного отношения кубанских казаков к генералу и способствовало разложению Белого движения (Филимонов, 1991. С. 326).

Архиепископ Евлогий (Георгиевский), проводивший по поручению ВВЦУ в октябре – ноябре 1919 г. ревизию Кубанской епархии (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 141), высказался по поводу ситуации с Калабуховым. Владыка Евлогий был возмущён тем, что многие лица в священном сане, а именно – 37 священников, 22 диакона и 38 псаломщиков, – выйдя за штат, подались на работу в светские учреждения, что для того времени было небывалым новшеством и представлялось нарушением канонов. Наиболее известным из них был Калабухов. «В казацкой черкеске, с кинжалом, он являлся к Преосвященному Иоанну приглашать его на какое-то торжество», при этом всё ещё оставаясь священником. Далее владыка принимает как факт, не пытаясь критически осмыслить, сообщение об аресте Калабухова «в числе некоторых других крайних левых вождей кубанской самостийности за изменнический образ действий в политике», о котором он узнал из газеты «Приазовский край». «И неужели ни у кого из лиц, стоящих во главе Кубанского управления, – возмущался епископ, – или даже просто из собратьев о. Калабухова не хватило догадки и смелости указать, что в его положении уже непристойно оставаться священником» (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 164). Епископ Кубанский Иоанн издал указ, угрожавший запрещением в священном служении тем, кто будет носить светскую одежду, но его слово осталось, по

[3] Терновский В.А. Антибольшевистский лагерь на Кубани: взаимоотношения местных органов власти и командования Добровольческой армии (1917–1920 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2021. 29 с.

выражению владыки Евлогия, «гласом вопиющего в пустыне». «Иереев и диаконов в тужурках можно встретить в его приёмной», однако лично Калабухову епископ Иоанн никаких замечаний не делал, что практически осуждал владыка Евлогий (ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 191). Таким образом, член ВВЦУ Юга России оправдывал действия Главного командования по отношению к Калабухову.

Подводя итог, отметим, что отношения церкви с государственными образованиями на белом Юге складывались на фоне сложной политической обстановки довольно неоднородно, иногда непросто. При этом абсолютно все представители белого лагеря признавали решения Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. в качестве действующего законодательства в религиозной сфере.

Отношения церковных властей и антибольшевистских краевых правительств далеко не везде складывались одинаково. Так было, например, на Дону, где сложились теплые отношения между епархиальным управлением Донской епархии и Донским казачьим правительством. Управление Донской епархии выразило однозначную поддержку казачеству в его борьбе с большевиками. Епархиальные власти поддержали образование Донской республики, и освящали каждый акт её самостоятельных действий. Донской епархиальный съезд духовенства и мирян 6 ноября 1917 г. выразил доверие правительству Войска Донского и Юго-Восточному союзу казачьих областей, приветствуя решение войскового атамана и войскового правительства принять на себя всю полноту государственной власти в крае. И только здесь, 1 июня 1919 г., для духовенства епархии было установлено содержание за счёт войсковой казны.

Кубанское и Крымское краевые правительства также признавали епархиальные советы государственными учреждениями. Второе Крымское краевое правительство основывалось на положении о епархиальном управлении Поместного Сбора. Однако финансирования епархиальные советы так и не получили в связи с прекращением деятельности Второго Крымского правительства, все постановления которого были аннулированы.

С переходом территорий под контроль А.И. Деникина приоритет отдавался Главному командованию Добровольческой армии. Высшие органы церковной власти Юга России – Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 г. и Временное высшее церковное управление оказали решительную поддержку А.И. Деникину в его соперничестве с казачьими краевыми правительствами, как представителю легитимной государственной власти в России. Такую позицию по отношению к Деникину занимал и преосвященный Агафодор, архиепископ Кавказский и Ставропольский. Церковные иерархи надеялись, что именно Добровольческая армия сможет спасти Россию от ужасов большевистской тирании.

В церковном вопросе Деникин следовал политике Временного правительства с поправкой на Поместный Собор. Он учредил при Особом совещании Управление исповеданий – посредствующий орган между государством и церковью, деятельность которого критиковалась временной высшей церковной властью. В Крыму ВВЦУ удалось обосновать для П.Н. Врангеля излишний характер Управления исповеданий при наличии самого ВВЦУ, которое, собственно, и основывается на определениях Поместного Собора. В итоге последнему передали дела, принадлежащие компетенции Управления по православному исповеданию.

Кубанское краевое правительство и епископ Иоанн (Левицкий) не смогли наладить конструктивное взаимодействие. Епископ устранялся от участия в общественной жизни, а кубанский атаман всё больше вмешивался в епархиальные дела. Левеющие Кубанская Рада и Кубанское краевое правительство утрачивали религиозное уважение к епископскому сану. Епархиальные учреждения реквизировались, невзирая на нужды и протесты со стороны епархии. Кубанская конституция отменяла вероисповедные преимущества, на основании чего правительство отказывало в покровительстве православной Церкви и её учреждениям. Отмена циркуляра Ведомства Народного Просвещения о необходимости воспитания подрастающего поколения на христианских началах объяснялась тем, что упоминание «христианских начал» не соответствует

конституции края. Церковными делами интересовались, когда речь заходила о поддержке казачьей автономии и учреждении самостоятельной Кубанской епархии.

К слову, и Деникин принял политическое решение в обход церковных канонов в ситуации с казнью члена Кубанской краевой рады, заштатного священника Калабухова. Как видим, отношения церковной власти, краевых правительств и Деникина в годы Гражданской войны складывались сложно, а порой и весьма конфликтно; каждая сторона пыталась, в первую очередь, отстаивать свой интерес: краевые правительства превыше всего ставили интересы края и свои политические прерогативы; церковные власти требовали по отношению к себе уважительного и доброжелательного отношения, естественно, при сохранении традиционной для слуг Божьих независимости; Деникин был последователен и неумолим при осуществлении своей политики по воссозданию «Великой, Единой и Неделимой России» и защите общероссийских интересов. Вместе с тем отметим, что и для церковных властей, и для краевых правительств, и для белогвардейской администрации одинаково неприемлемы были и Октябрьский переворот, и Декреты Советской власти, и жестокие преследования духовенства, проводимые на территории РСФСР.

Библиографический список

Бирюкова Ю.А. Позиция Юго-Восточного Русского Церковного Собора 1919 г. в политическом противостоянии периода Гражданской войны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 5 (60). С. 9–17.

Бирюкова Ю.А. Православное духовенство в условиях «красного террора» на юге России в период Гражданской войны. 1918–1919 гг. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 87. С. 40–50.

Деникин А.И. На страже русской государственности: избранные статьи, речи, письма. М.: Русский путь, 2014. 470 с.

Кандидов Б.П. Церковь и гражданская война на Юге (материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны). М., 1931. 295 с.

Кашеваров А.Н. Временные церковные управления на территориях, занятых белыми // История Русской Православной Церкви в XX в. (1917–1933): материалы научной конференции (Сэнтедр (Венгрия), 13–16 ноября 2001 г.). Ч. 1. Мюнхен, 2002. С. 70–92.

Кашеваров А.Н. Деятельность Церковного управления на юго-востоке России в годы Гражданской войны // Гражданская война на Востоке России: материалы Всероссийской научной конференции (г. Пермь, 25–26 ноября 2008 г.). Пермь: Пермский государственный архив новейшей истории. 2008. С. 163–170.

References

Biryukova Yu.A. (2014) The position of the South-Eastern Russian Church Council of 1919 in the political confrontation of the Civil War period. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi = Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 2: History. The History of the Russian Orthodox Church.* No. 5 (60). P. 9–17. (In Russ.)

Biryukova Yu.A. (2019) Orthodox clergy in the conditions of the "red terror" in the south of Russia during the Civil War. 1918–1919. *Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II. Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi = Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. Series II. History. The History of the Russian Orthodox Church*. Iss. 87. P. 40–50. (In Russ.)

Denikin A.I. (2014) On guard of the Russian statehood: Selected articles, speeches, letters. Moscow: Russian Way. 470 p. (In Russ.)

Kandidov B.P. (1931) The Church and the Civil War in the South (materials on the history of religious counter-revolution during the Civil War). Moscow. 295 p. (In Russ.)

Kashevarov A.N. (2002) Temporary church administrations in the territories occupied by whites. *Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v XX v. (1917–1933*): *materialy nauchnoi konferentsii (Sentedr (Vengriya), 13–16 noyabrya 2001 g.) = History of the Russian Orthodox Church in the XX century. (1917–1933). Proceedings of scientific conference (Sentedr (Hungary). November 13–16, 2001).* Part 1. Munich. P. 70–92.

Kashevarov A.N. (2008) Activity of Church administration in the South-East of Russia during the Civil War. *Grazhdanskaya voina na Vostoke Rossii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Perm', 25–26 noyabrya 2008 g.) = Civil War in the East of Russia. Materials of the All-Russian Scientific Conference (Perm, November 25–26,*

Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. 440 с.

Кенворти С.М. Патриарх Тихон и первоиерархи Православной Российской Церкви в годы Гражданской войны // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.). СПб.: Нестор-История, 2020. С. 208–222.

Кияшко Н.В. Церковь в системе формирования институтов власти Добровольческого движения на Юге России: особенности создания Черноморской епархии в 1918–1919 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 91. С. 91–103.

Кострюков А.А. Деятельность Церковного управления на юго-востоке России в годы Гражданской войны // Гражданская война на Востоке России: материалы Всероссийской научной конференции (г. Пермь, 25–26 ноября 2008 г.). Пермь: Пермский государственный архив новейшей истории, 2008a. С. 163–170.

Кострюков А.А. Ставропольский Собор 1919 г. и начало независимой церковной структуры на Юге России // Уральский исторический вестник. 2008b. № 4 (21). С. 71–75.

Молчанов Л.А. «Мы не дали верующим всего того, что должны были дать» (Временное высшее церковное управление на Юге России) // Белая гвардия: Русская Православная Церковь и Белое движение. М.: Посев, 2008. С. 33–54.

Олихов Д.В. Временное высшее церковное управление Сибири (1918–1920 гг.): опыт церковного строительства в эпоху гражданского лихолетья. Санкт-Петербург: Изд-во «САТИС», 2017. 220 с.

Попов А.В. Временные Высшие Церковные Управления на территориях, контролируемых белогвардейскими правительствами // История белой Сибири: материалы VI международной научной конференции (Кемерово, 7–8 февраля 2005 г.) Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 180–188.

Пученков А.С. Деникин и Кубань в 1919 году: два эпизода отношений // Русский Сборник: исследования по истории России. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. Т. XII. С. 385–406.

Kashevarov A.N. (2005) The Orthodox Russian Church and the Soviet State (1917–1922). Moscow: Krutitsky Podvorye. 440 p. (In Russ.)

Kenvorti S.M. (2020) Patriarch Tikhon and the First Hierarchs of the Orthodox Russian Church during the Civil War. *Grazhdanskaya voina v Rossii: Zhizn' v epokhu sotsial'nykh eksperimentov i voennykh ispytanii, 1917–1922: materialy mezhdunarodnogo kollokviuma (Sankt-Peterburg, 10–13 iyunya 2019 g.) = Civil War in Russia: Life in the Era of Social experiments and Military trials, 1917–1922. Proceedings of the International Colloquium (St. Petersburg, June 10–13, 2019).* St. Petersburg: Nestor-History. P. 208–222. (In Russ.)

Kiyashko N.V. (2019) The Church in the system of formation of the institutions of power of the Volunteer movement in the South of Russia: features of the creation of the Black Sea Diocese in 1918–1919. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi = Vestnik PSTGU. Series II: History*. *The History of the Russian Orthodox Church*. Iss. 91. P. 91–103. (In Russ.)

Kostryukov A.A. (2008a) Activity of Church administration in the South-East of Russia during the Civil War. *Grazhdanskaya voina na Vostoke Rossii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Perm', 25–26 noyabrya 2008 g.) = Civil War in the East of Russia. Materials of the All-Russian Scientific Conference (Perm, November 25–26, 2008).* Perm: Perm State Archive of Modern History. P. 163–170. (In Russ.)

Kostryukov A.A. (2008b) Stavropol Cathedral of 1919 and the beginning of an independent church structure in the South of Russia. *Ural'skii istoricheskii vestnik = Ural Historical Journal.* No. 4 (21). P. 71–75. (In Russ.)

Molchanov L.A. (2008) “We did not give the believers everything that we had to give” (Temporary Supreme Church Administration in the South of Russia). *Belaya gvardiya: Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Beloe dvizhenie = White Guard: The Russian Orthodox Church and the White Movement*. Moscow: Sowing. P. 33–54. (In Russ.)

Olikhov D.V. (2017) The Provisional Supreme Church Administration of Siberia (1918–1920): The experience of church construction in the era of civil hard times. Saint Petersburg: SATIS. 220 p. (In Russ.)

Popov A.V. (2005) Temporary Higher Church Administrations in the territories controlled by the White Guard governments. *Istoriya beloi Sibiri: materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Kemerovo, 7–8 fevralya 2005 g.) = History of White Siberia. Materials of the VI International Scientific Conference (Kemerovo, February 7–8, 2005).* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. P. 180–188 (In Russ.)

Puchenkov A.S. (2012) Denikin and Kuban in 1919: two episodes of relations. *Russkii Sbornik: issledovaniya po istorii Rossii = Russian Collection: studies on the history of Russia.* Moscow: Regnum. Vol. XII. P. 385–406. (In Russ.)

Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России. СПб.: Владимир Даль, 2021. 813 с.

Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах / Науч. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Владимир Даль, 2020. 407 с.

Филимонов А.П. Разгром Кубанской Рады // Архив русской революции. М.: Терра, 1991. Т. 5. С. 322–329.

Цветков В.Ж. Белое дело в России. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. Ч. II. 1919–1922 гг. М.: Достоинство, 2016. 640 с.

Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. В 2 т. Нью-Йорк: Изд-ство имени Чехова, 1954. Т. 2. 412 с.

Kenworthy Scott M. Rethinking the Russian Orthodox Church and the Bolshevik Revolution // Revolutionary Russia. 2018. № 31: 1. P. 1–23.

Сведения об авторе

Бирюкова Юлия Александровна,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Россия;
доцент кафедры «Православная культура и теология»,
Донской государственный технический университет,
344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, Россия,
✉ e-mail: yliya-biryukova@yandex.ru

Заявленный вклад автора

Ю.А. Бирюкова выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 1 июля 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 31 августа 2021 г.
Принята к публикации 13 сентября 2021 г.

Puchenkov A.S. (2021) The first year of the Volunteer Army: from the emergence of the “Alekseevskaya Organization” to the formation of the Armed Forces in the South of Russia. St. Petersburg: Vladimir Dal. 813 p. (In Russ.)

Puchenkov A.S., Kalinovskii V.V. (2020) The spiritual outpost of Russia: the Orthodox clergy of the Crimea in 1914–1920. St. Petersburg: Vladimir Dal. 407 p. (In Russ.)

Filimonov A.P. (1991) The defeat of the Kuban Rada. *Arkhiv russkoi revolyutsii =Archive of the Russian Revolution.* Moscow: Terra. Vol. 5. P. 322–329. (In Russ.)

Tsvetkov V.Zh. (2016) White business in Russia. 1920–1922 (formation and evolution of the political structures of the White Movement in Russia). Moscow. Part II. 640 p. (In Russ.)

Shavel'skii G.I. (1954) Memoirs of the last protopresbyter of the Russian Army and Navy. In 2 vols. New York: Izdatel'stvo imeni Chekhova. Vol. 2. 412 p. (In Russ.)

Kenworthy Scott M. Rethinking the Russian Orthodox Church and the Bolshevik Revolution // Revolutionary Russia. 2018. No. 31: 1. P. 1–23.

Information about the author

Yuliya A. Biryukova,
Cand. Sci (History), Leading Researcher, Institute of History, St. Petersburg State University,
7-9, Universitetskaya embankment, St. Petersburg, Russia;
Associate Professor, Department of Orthodox Culture and theology,
Don State Technical University,
1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344003, Russia,
✉ e-mail: yliya-biryukova@yandex.ru

Contribution of the author

Yu.A. Biryukova carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received July 1, 2021.
Received August 31, 2021.
Accepted September 13, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 07:378.4(571.53)(091)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-208-218

Университетские печатные издания Иркутска 1918–1941 гг.

© М.В. Ильина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Данная статья посвящена газетам и журналам, которые издавались в высших учебных заведениях Иркутска с 1918 по 1941 гг. Анализируется их тематика, проблематика, роль в жизни университета и освещение в них истории высшего образования. На первом этапе (1918–1921 гг.) выходили однодневные газеты («Гаудеамус», «Иркутский государственный университет», «Татьянин день», «Клич»), выполнявшие конкретные функции (открытие университета, борьба с голодом и др.). В 1922–1924 гг. такие издания как «Университетский клич», «Университетское слово», «Кузнецы грядущего» не ограничивались академической тематикой, а проводили общественные дискуссии о роли учебного заведения в городе. В газетах отражалась идеологическая борьба между старым (дореволюционным) и новым (пролетарским) пониманием деятельности университета. В конце 1920-х гг. и в 1930-е гг. газеты (стенные и многотиражные) вынуждены были уделять максимальное внимание идеологии. Издания, сосредоточенные только на академической тематике («Красный техник»), критиковались. А самым политизированным был «Восточно-Сибирский комвузовец» (орган парткома Восточно-Сибирского коммунистического университета). В конце 30-х гг. газеты много писали о военной подготовке студентов. Они использовались для коммуникации между администрацией, преподавателями и студентами, для связи с общественностью, для дискуссий о роли и функциях университета в городе. И потому в наши дни являются полезным источником информации о его жизни как организации и о студенчестве как части молодежи.

Ключевые слова: история Сибири, Иркутск, история печати, студенческая печать, молодежная печать, студенчество, университеты, «Гаудеамус», «Университетский клич», «Кузнецы грядущего»

Для цитирования: Ильина М.В. Университетские печатные издания Иркутска 1918–1941 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 208–218. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-208-218

University periodicals in Irkutsk, 1918–1941

© Mariya V. Il'ina

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: This article is devoted to newspapers and magazines that were published in universities of Irkutsk from 1918 to 1941. Their topics and problems, their role in the life of the university and their coverage of the history of higher education in Irkutsk are analyzed. At the first stage (1918–1921), one-day newspapers were published ("Gaudeamus", "Irkutskiy gosudarstvennyy universitet", "Tat'yanin den'", "Klich"), which performs a specific function (opening a university, fighting hunger, etc.). In 1922–1924 continuing newspapers were published ("Universitetskiy klich", "Universitetskoye slovo", "Kuznetsy gryadushchego") that were not limited to academic topics and conducted public discussions about the role of the university in the city. The newspapers reflect the ideological struggle between the old (pre-revolutionary) and new (proletarian) understanding of the university's activities. At the end of the 1920s. and in the 1930s. university newspapers were forced to pay maximum attention to ideology. Editions focused only on academic topics ("Krasnyy tekhnik") were criticized. And the most politicized was the newspaper Vostochno-Sibirskiy komvuzovets (organ of the party committee of the East Siberian Communist University). In the late 30s. newspapers wrote a lot about the military training of students. University newspapers were used for communication between the university administration, teachers and students, for the university's public relations, for public discussions about the role and functions of the university in the city. And therefore, today they are a useful source of information about the life of the university as an organization and about the students as part of the youth.

Keywords: history of Siberia, Irkutsk, history of press, university press, youth press, students, universities, "Gaudeamus", "Universitetskiy klich", "Kuznetsy gryadushchego"

For citation: Il'ina M.V. (2021) University periodicals in Irkutsk, 1918–1941. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 208–218. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-208-218

Иркутский государственный университет с первых дней существования испытывал потребность в саморефлексии и самопрезентации городскому сообществу. Вначале он доказывал право на собственное существование (особенно в условиях гражданской войны), затем обосновывал свою роль в общественной и культурной жизни города.

Само его создание было итогом долгих усилий образованной части общества, активных дискуссий о необходимости высшего образования в Восточной Сибири, интенсивной работы по сбору пожертвований от горожан.

Руководство и сотрудники отстаивали интересы и выражали свой взгляд на текущие события, публикуя свои статьи в местной периодической печати (в первую очередь в газете «Власть труда»). Но помимо этого, они создавали и собственные издания, сначала однодневные, решающие конкретную задачу, а позже и периодические. Периодическая печать является «важным инструментом репрезентации корпоративной идентичности и имиджа университета» (Фоминых, Степнов, 2017. С. 173).

История отдельных печатных СМИ Иркутского государственного университета рассматривалась в статьях В.П. Любимовой (Любимова, 1969), И.А. Беляковой (Белякова, 2004) и И.А. Колокольникова (Колокольников, 2018).

Университетские издания в этой статье понимаются как все печатные издания, связанные с данным учебным заведением. По целевой аудитории их можно разделить на корпоративные (издавались администрацией университета для его сотрудников и в меньшей степени для студентов) и студенческие (издавались студентами для студентов и ориентировались на их специфические молодежные интересы). Но эти типы изданий не были непересекающимися множествами. В корпоративных изданиях могли затрагиваться темы студенческой жизни, а студенческие могли контролироваться администрацией университета.

Иркутский университет с момента создания играл важную роль в общественной жизни региона, которая не исчерпывалась научной работой и подготовкой специалистов. Можно выделить три основных этапа в отношениях университета и города. Первый – это создание и укрепление учебного заведения, очень непростой процесс, учитывая, что происходил он во время Первой мировой войны, двух революций 1917 года, Гражданской войны. Университет должен был доказывать само право на существование.

Все газеты этого этапа – однодневные. В те сложные времена не было ни спроса, ни материальной возможности для выпуска периодических изданий. Как правило, они были приурочены либо к дате открытия университета (27 октября), либо к Татьянину дню (25 января).

Согласно постановлению Временного Сибирского правительства Иркутский государственный университет был открыт 15 сентября 1918 г. (Зуляр, Шпикельман, 2020. С. 27), но в годы советской власти официальной датой открытия считалось 27 октября 1918 года, когда состоялась торжественная церемония, а на следующий день начались занятия. Любопытно, что университетская печать появилась раньше открытия университета. 22 августа 1913 года вышла однодневная газета «Гаудеамус», посвященная студенчеству и будущему университету. 12 января 1914 г. и 11 января 1915 г. выходила нелегальная газета Н.Н. Соловьева «Татьянин день», которую конфисковали сразу после издания (Шинкарева, 2009. С. 403, 404).

19 августа 1918 года комиссия по организации университета выпустила однодневную газету «Гаудеамус». В ее редколлегию входили К.К. Кар-

пов, Я.Л. Рубинштейн, В.Я. Гуревич, Д.П. Соснин (Поршнев, 1920. С. 41). Издание стоило 50 копеек, а средства от его продажи были переданы Иркутскому университету и Томскому студенческому дому.

В день открытия университета, 27 октября 1918 года, вышла однодневная газета «Иркутский государственный университет». Ее редакторами были профессор Н.Д. Миронов и доцент В.Н. Охоцимский (Поршнев, 1920. С. 42). Напечатана она была в типографии П.И. Макушина и В.М. Посохина (Шинкарева, 2009. С. 422). Средства от продажи (стоимость номера – 1 рубль) поступили в фонд Иркутского университета.

Обе газеты были своего рода политическими заявлениями университета, выражали его миссию. Ректор М.М. Рубинштейн пишет в статье «Университет и его основная задача»: «...жизнь и наука переплетаются друг с другом, и весь вопрос только в том, чтобы жизнь не вторгалась со своими требованиями преждевременно в жизнь науки, а наука не насиловала жизнь, укладывая живой организм в твердо зафиксированное ложе научных категорий. (…) Таким образом и практик должен в *своих* интересах свято беречь автономию университета и науки. За чистым знанием в свое время придет и полезность» (Иркутский государственный университет. Иркутск. 1918. 27 окт.).

Содержание этих изданий подчеркнуто аполитично, проблемы, связанные с гражданской войной, выглядят фоном, а не контекстом. «Говоря о политическом облике и настроениях студенчества, обе газеты придерживались мнения: студенчество в целом не может иметь определенной политической физиономии, ибо оно есть не что иное, как конгломерат молодежи, вышедшей из всех политических групп. В газетах звучал призыв забросить политику и «спасать науку», «культивировать науку ради науки» (Любимова, 1969. С. 150–151).

Издания «Гаудеамус» и «Иркутский государственный университет» были чисто преподавательскими, а над газетой «Татьянин день», вышедшей 25 января 1920 года, работали не только преподаватели, но и студенты. В ее редколлегию входили преподаватель Д. Сосин и студенты С. Левенсон и С. Фельдгун.

На тот момент еще была свежа память о Гражданской войне. Студент Троицкий пишет: «Среди жертв расправы обезумевших тиранов кровавых Байкальских событий имеются наши товарищи Р. Корзун, А. Орлянский, Ермолаева и Филиппов... Мученическая смерть безвременно погибших товарищей лишний раз подчеркивает, указывает нам наше место в происходящей борьбе двух враждебных лагерей революции и реакции. Под ледяным покровом священного Байкала нашли себе вечный приют наши товарищи. В душе каждого из нас должен звучать их завет: «Отдай все свои силы, отдай жизнь за великое дело освобождения народа от вековых оков капитала». И мы не забудем этого завета, мы его выполним» (Татьянин день. Иркутск. 1920. 25 янв.).

Среди проблем студенческой жизни самым серьезным было отсутствие учебников. Газета сообщает, что молодые люди на каждом факультете организовали комиссии, чтобы издавать учебные пособия своими силами. Была напечатана реклама о «грандиозном студенческом вечере», весь сбор от которого «поступит в издательский фонд организации студенчества».

Советский университет уже не может быть аполитичным. В статье Г. Колесникова «Путь сибирского студенчества» говорится, что молодежь должна быть в центре событий: «Мы должны всегда помнить, что от нас, молодежи, требуется самоотверженная работа, ибо мы живем в исключительную эпоху, когда перед нашими глазами уже начались предсмертные судороги отживающего капиталистического строя и в то же время родовые потуги грядущего социалистического строя… Хочется верить, что мы будем на высоте своего исторического положения» (Татьянин день. Иркутск. 1920. 25 янв.).

27 октября 1921 года была издана газета «Трехлетие Иркутского университета» – приложение к газете «Власть труда». Она содержала материалы об его истории, задачах на текущий момент. Стоит отметить статью «Сведения о количе-

стве студентов Иркутского государственного университета за 1918–1921 гг.». Заметно, что продолжается пролетаризация студенчества: «Хватит боязни новых идей, пролетарского движения. Студенчество должно найти свое настоящее место в жизни. Многим еще не понятны и беспокойны преобразования в университете. Но надо раз и навсегда запомнить, что у студенчества не может быть иных интересов, чем у пролетариата» (Любимова, 1969. С. 153).

Однодневная газета «Клич» была издана 25 января 1922 года. Ее основной целью была помощь голодающим (им предназначался доход от тиража), но не менее важным вопросом было само существование университета (Шилов, 1979. С. 158–159). Этому вопросу посвящены статья Н. Бушмакина «Быть или не быть» и М. Рубинштейна «Нужда момента». Ректор пишет, что необходимо создать комитет содействия ИГУ, «который бы объединил вокруг себя всех, кто может и хочет помочь нашему университету пережить трудный, опасный момент» (Клич. Иркутск. 1922. 25 янв.). В предыдущие четыре года его положение также было уязвимым, сотрудники неоднократно ходатайствовали о помощи (Кокоулин, 2019. С. 94).

Второй этап во взаимоотношениях учебного заведения и города характеризуется противостоянием классического университета и студентов, и профессуры «из бывших», и нового университета, создающего специалистов и интеллигенцию правильного социального происхождения, разделяющих ценности советского государства. Именно к этому этапу относится максимальное количество университетских газет, издающихся в течение короткого времени, с 1922 по 1924 гг.

Первым полноценным изданием стала еженедельная газета «Университетский клич», которую издавало студенческое бюро помощи педфаку Иркутского университета. Первый номер вышел 16 октября 1922 года, первым редактором был доцент А.Г. Пичугин. В газете публиковались материалы о задачах и перспективах учебного заведения, отчеты о деятельности отдельных подразделений, хроника университетской жизни.

В январе 1923 года, начиная с 15 номера, редактором «Университетского клича» стал профессор Б.М. Попов, декан факультета музыкальной науки и композиции и проректор Иркутского государственного музыкального университета (Колокольников, 2018. С. 260). При нем большое внимание уделялось музыкальной тематике, в особенности освещению «Музыкальных пятниц» – лекций-концертов, которые проводились в зале педагогического факультета до 1930 года (Колокольников, 2018. С. 261).

Почти в каждом номере были статьи М. Рубинштейна, ректора университета. Он доказывал важность и необходимость данного учебного заведения в Восточной Сибири: «Иркутский университет оказался на передовом и культурном посту, когда ему нужно помочь родине органически спаять пестрое сибирское население путем внимательного изучения его особенностей, языка, быта, хозяйства, его духовных интересов и т. д., заглянуть своим пытливым научно-исследовательским взором в сибирские недра, леса, луга и воды, вслушаться в загадочные напевы сибирских народцев, вырыть из земли в раскопках тайну прошлого Сибирского человека, а затем отдать всю мощь своей осведомленности на службу практическим нуждам родной страны, поселяя в сердцах сибиряков теплое чувство благодарности за приобщение к общечеловеческой культуре» (Рубинштейн М.М. Культурный аванпост // Университетский клич. Иркутск. 1922. 6 нояб.).

Но такие ценности не соответствовали ценностям советского общества. Университет обвиняли не только в аполитичности, но и в контрреволюционности. В газете «Власть труда» был помещен разгромный отзыв на статью «Университетского клича» под названием «День науки»: «Много ли у иркутских трудящихся «своих студентов и своих профессоров»? Много ли студенчество и профессура уделяют внимания вопросам строительства Советской власти. Очень и очень немного, – скажем мы. Не о тех ли студентах говорит автор, которые не так давно, сбросив студенческую тужурку, надевали офицерские погоны и с

особым удовольствием вешали и пороли тех рабочих и крестьян, на трудовые денежки которых они учились и, к великому сожалению, продолжают учиться и теперь (…). Нет, пролетарскому студенчеству не по пути с этими «добрыми старыми традициями». У нас свои праздники, праздники открытия рабфаков, выпуска Красных спецов и пр., и на эти праздники мы зовем всех тех, кто чувствует свою кровную связь с пролетариатом, кто болеет его болью и радуется его радостями» (День науки // Власть труда. Иркутск. 1923. 10 февр.).

Критиковалось и содержание самой газеты: «Один остроумный человек назвал его не кличем, а университетским бичом, и совершенно правильно, ибо что можно сказать о газете, которая на протяжении 17 номеров не нашла ничего, что писать на своих страницах, как лишь почти все о музыкальных пятницах, да порою посплетничать насчет тех или иных мелких фактов университетской жизни. Возникает вопрос: кому эта газета нужна, какие цели она преследует, чьи интересы отражает; и порою стоишь и удивляешься, для чего только бумага ими тратится?» (День науки // Власть труда. Иркутск. 1923. 10 февр.).

30 марта 1923 года «Университетский клич» был преобразован в другую газету – «Университетское слово». В передовой статье говорилось, что цель издания состоит в том, чтобы «быть неслабеющей связью между университетом с его научно-культурной деятельностью и теми общественными кругами, на сочувствие которых и поддержку которых университет всегда мог рассчитывать».

Важнейшими задачами газеты были поддержка университета и популяризация научного знания. Вот перечень основных рубрик: «Академическая жизнь», «Научная хроника», «В студенческих организациях», «В Иркутском университете», «Библиография», «Новости науки», «Хроника университетской жизни», «Музыкальные заметки». Печатались объемные статьи с продолжением в нескольких номерах, такие как «Природа и сущность землетрясений», «К археологии Байкала», «Правовая база англо-русских отношений» и др. Редакция объясняла наличие нетипичных для еженедельной газеты материалов так: «Непериодичность выпусков трудов профессоров и преподавателей Иргосуна лишает возможности печататься университетских работников в случае, когда их статьи носят срочный характер. «Слово» поставило себе целью быть восполнением «Трудов», и поскольку позволял его небольшой формат, цели этой отвечало» (От редакции // Университетское слово. Иркутск. 1923. 23 сент.).

Газета была университетской, но не студенческой. В той же статье говорится, что «Университетское слово» «не считает себя компетентным (будучи по составу своих сотрудников органом профессоров и преподавателей) разбирать на страницах вопросы жизни студенческой, ограничиваясь краткой официальной информацией». Газета «Университетское слово» просуществовала до 23 сентября 1923 года. Всего вышло 25 номеров.

Одной из важнейших целей высшего образования было создание новой интеллигенции рабоче-крестьянского происхождения. Для подготовки таких абитуриентов к поступлению и дальнейшему обучения в университетах создавались рабочие факультеты – рабфаки. Рабочий факультет Иркутского университета начал свою работу в 1920 году (Терновая, Терновой, 2012. С. 254).

5 ноября 1922 года на рабфаке вышел первый номер журнала «Иркутский рабфаковец», издававшийся культотделом. Напечатано было всего 4 экземпляра, но газета «Власть труда» писала: «В настоящее время у рабфаковцев есть большое стремление иметь свой журнал и, возможно, если студенты будут производить подписку, то на эти средства будет журнал отпечатан в количестве нескольких сот экземпляров» (Журнал «Иркутский рабфаковец» // Власть труда. Иркутск. 1922. 15 нояб.). Если первый номер журнала был отпечатан в 4-х экземплярах на пишущей машинке, то второй уже был сделан на литографе в 120 экз. (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 175. Л. 13). Создавала журнал редколлегия из студентов, но для технической корректуры был приглашен преподава-

тель. Задача была сформулирована так: «Журнал ставит перед собой цель выявить идеологические интересы студенчества, помочь рабфаковцу определить себя, вызвать в нем интерес ко всем видам литературы и вместе с тем побудить к собственному творчеству» (ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 175. Л. 13).

Другим студенческим изданием, сыгравшим заметную роль в жизни вуза и города, был журнал, а затем газета «Кузнецы грядущего» (1923–1925 гг.) – орган ячеек РКП(б) и Профбюро вузов (Кушнерева, 1949. С. 7). Его цель была сформулирована так:

«1). Объединение пролетарской части студенчества путем собственной прессы для более успешной борьбы с консервативно-мещанской массой Иркутского студенчества.

2). Освещение нужд, потребностей, интересов и жизни наиболее передовой части студентов Иркутских вузов, – революционной и пролетарской, главным образом...

Дабы избежать возможной узости кругозора и академической педантичности, – в сотрудничестве для журнала будут привлечены главным образом сами студенты» (Студенческий журнал // Власть труда. Иркутск. 1923. 15 июня).

Первый номер журнала «Кузнецы грядущего» объемом в 83 страницы вышел в свет в июле 1923 года. Это был орган пролетарского студенчества, подчеркнуто политизированный: «Мы осторожны со вкрадчивым НЭПом. Мы глухи к сменовеховским песням».

Газета «Власть труда» поддержала идею журнала, но раскритиковала некоторые его элементы: «Отдел «Публицистика» в журнале далеко не оформлен, статьи его пока что не определяют ближайших вех в работе среди студенчества, не указывают, за что, в первую очередь, нужно взяться учащейся молодежи. А этот отдел как раз и должен выявить полную физиономию журнала, сказать, что перед студентом стоит две задачи: первая – академическая и вторая – общественно-политическая. При чем первая ни в коем случае не заслоняет вторую. Ни одна из трех статей отдела «Публицистика» об этом не говорит, не намечает дальней линии поведения журнала. В этом отделе нужно было сказать: какой метод избрать руководящему ядру студенчества, чтобы повести идеологическое наступление на завоевание Высшей школы, разбив это наступление на отдельные участки работ в стенах Вузов» (Г. Ржанов. Среди книг и журналов // Власть труда. Иркутск. 1923. 18 июня).

Журнал был не только публицистическим, но и литературным. В нем опубликованы стихи И. Уткина, М. Бельского, рассказы Скуратова-Бельского и Шульгина, правда, не связанные с жизнью высшей школы (Трушкин, 1967. С. 204, 207).

26 сентября вышел первый номер газеты «Кузнецы грядущего», которая также издавалась пролетарской частью Иркутского университета и находилась в «преемственной связи» с журналом «Кузнецы грядущего». Она выходила раз в две недели тиражом в 500 экз. Редакция располагалась на рабфаке. Редактором был Н. Гарниц, а секретарем – М. Першин. В газете «освещались жизнь и труд студентов Иркутска и других городов, деятельность партийной, комсомольской, профсоюзной организаций и академических органов. Большое внимание уделялось учебной и политико-воспитательной работе» (Иркутский государственный университет…, 1978. С. 27). Кроме того, в газете много внимания уделялось международной жизни и шефской работе в Урикской, Черемховской и Хомутовской волостях (Белякова, 2004. С. 218).

До этого 2 сентября вышла однодневная газета под тем же названием. И в ней, и в одноименном периодическом издании активно печатался Иосиф Уткин, который публиковал стихи под собственной фамилией и фельетоны под псевдонимом «Утя» (Имена на граните, 1980. С. 93). Например, в фельетоне «Проблема Котика Рухлядина и Степочки Юбочкина» он иронизирует над студентами, выходцами из разбогатевших во время НЭПа семей, которые вроде бы «на платформе» и «разделяют», но при этом не решаются идти на демонстрацию в Международный день юношества, потому что там будут «мужики, всякая

шпана и наконец даже жиды и вдруг… мы! – студенты Котик Рухлядин и Степочка Юбочкин» (Кузнецы грядущего. Иркутск. 1923. 2 сент.).

Постоянными рубриками были: «Университетская хроника», «Партийная жизнь», «Ячейка РКСМ», «Почтовый ящик», «Академическая жизнь», «По факультетам» и другие. Большинство материалов принадлежало студентам, но с газетой также сотрудничали журналист «Власти труда» Г. Ржанов и ректор университета Н.Д. Бушмакин.

В издании затрагивались не только студенческая тематика, но и внутренняя и международная политика: например, в статье «Накануне схватки» Г.А. Ржанов писал, что студенчество должно прислушаться к гулу назревающей пролетарской революции и определить свое отношение к этим событиям.

Газета «Кузнецы грядущего» ориентировалась не просто на университет, но на пролетарское студенчество: «Тяга к знанию у нашего пролетарского студенчества – огромная. Гранит науки готовы грызть изо всех сил. Недаром этого не отрицают даже те из профессоров и преподавателей, у которых не видно большого сочувствия к нам» (Наши задачи шире // Кузнецы грядущего. Иркутск. 1923. 1 окт.). Данное издание находилось в идейной оппозиции к газете «Университетский клич»: «Университетский Хрыч», блаженной памяти, кабарэ открытое, закрытое и прикрытое, мануфактурные балы, понедельники, вторники, средки, четвертки, музыкальные пятницы и не музыкальные субботы» (Два Аякса. Почти не фельетон // Кузнецы грядущего. Иркутск. 1923. 1 окт.). По содержанию газеты видно, как университет из научно-образовательного учреждения превращается в «фабрику» «по производству «новых людей» из числа молодежи (Демидова, Захаров, Ефимова, 2018. С. 1121; Демидова, Захаров, Ефимова, 2019. С. 1085).

«Кузнецы грядущего» было довольно популярным изданием, на него подписывались не только студенты, но и рабочие. Но после появления газеты Иркутского губкома РКСМ «Комсомолия» в июне 1924 года (Ильина, 2015) выпуск второй молодежной газеты оказалось нецелесообразным. В последующие годы университетская печать уже не действовала в масштабах города, а сосредоточивалась на внутренней жизни вузов. Кроме того, был окончательно решен спор между старым и новым университетом. Основной задачей вузов стало создание новой, идеологически близкой интеллектуальной элиты, и все университетские газеты работали на эту цель.

В 1927 году, к 9-летию Иркутского университета и 10-летнему юбилею Октябрьской революции, была издана однодневная газета под названием «Наука и труд» тиражом в 3000 экземпляров. Она подводила промежуточные итоги деятельности учебного заведения: были напечатаны статьи о каждом из факультетов, данные о количестве студентов, о роли сотрудников в изучении Восточной Сибири и даже небольшой фельетон о том, каким университет будет через 100 лет.

В 1929 году хозяйственно-правовой факультет заявил о намерении выпускать свой журнал под названием «В борьбе за кадры» «по вопросам экономики и права с местным краевым уклоном» (Студенческий журнал // Власть труда. Иркутск. 1929. 14 апр.). Для издания объемом в 80 страниц была запланирована стоимость в 1 рубль за номер (для студентов – 45 копеек). Для сравнения – 1 рубль стоила месячная подписка на «Власть труда». В июне 1929 года вышел 1 номер, содержавший 23 статьи (Власть труда. Иркутск. 1929. 7 июня), авторами которых были, в основном, студенты.

В апреле 1929 года на 1-й городской конференции студенческих корреспондентов был раскритикован рукописный журнал Иркутского политехникума под названием «Шурф». Его осудили за политическую безграмотность и невыдержанность, а также «смакование полового вопроса» (Власть труда. Иркутск. 1929. 24 апр.). Конференция внесла в резолюцию пункт о том, что желательно издавать общевузовский студенческий журнал.

На постоянной основе выходили стенгазеты отдельных факультетов. На вышеупомянутой конференции студкоров было решено премировать

лучшие из них: «Медфаковец» (медицинский факультет), «Социальный инженер» (хозяйственно-правовой факультет), «Аграрник» (сельскохозяйственный техникум). «Медфаковец» получил премию за полное освещение академической работы под углом рационализации учебной жизни. Проводя смотры кафедр, он освещал вопросы не только рационализации, но вскрывал реакционное настроение профессуры. Газета «Медфаковец» по сравнению с прошлым годом выросла. Она за год поместила 420 заметок.

Газета «Социальный инженер» могла служить примером для других по развернутой идеологической борьбе. Но недостаточно уделяла внимания академической жизни. При наличии сильного парткомсомольского состава все же идеологическую борьбу можно было вести лучше. Поместила за учебный год 328 заметок. Третье место осталось за «Аграрником», который, несомненно, слабее вузовских как по технике, так и содержанию. Поместил 150 заметок. Но в нем хорошо освещались кампании, проводимые в техникуме, например, производственная практика и борьба с чуждым элементом…» (Лицо студенческих газет // Власть труда. Иркутск. 1929. 24 апр.).

Газеты, сосредоточенные только на студенческой жизни, подвергались критике. Так, издание политехникума «Красный техник» упрекали в отсутствии идеологической работы. «Да чего об этом говорить, если сам редактор считает, что тут делать нечего: в математике, физике – идеологии не протащить… Газета внешне привлекательная и довольно литературная, но поверхностно скользит по всем вопросам, просто размалеванный плакат на стене и только» (Дик. В техникуме забыли об идеологической борьбе // Власть труда. Иркутск. 1929. 24 апр.).

В постановлении ЦК ВЛКСМ 1936 года «О студенческой газете» говорилось: «Считать основной задачей студенческой газеты пропаганду среди студенческой молодежи политики партии, разъяснение важнейших событий из жизни страны, освещение учебы, жизни и быта советского студенчества, ознакомление студенчества с новейшими достижениями науки и техники в различных областях знаний…» (О студенческой газете…, 1973. С. 142)[1]. То есть могли издаваться только те газеты, которые были частью общей системы государственной пропаганды.

В полной мере этим требованиям соответствовала газета «Восточно-Сибирский комвузовец» – орган парткома Восточно-Сибирского коммунистического университета, выходившая с 17 января 1932 года. Издание было подчеркнуто политизированно, как и высшее образование в целом: «Задача Комвуза – выковывать кадры в огне революционной практики, одновременно вооружая их Марксистско-Ленинской теорией». В первом номере были такие заголовки: «Выше бдительность на теоретическом фронте», «В борьбе за темпы», «За качество учебы», «Реализуем письмо тов. Сталина», «Решительно бороться за улучшение питания в комвузе». Анализируя молодежную печать того времени, П.Н. Матюшин и Е.В. Скворцова называют язык СМИ «тоталитарным», подвергшимся «насильственному идеологическому влиянию, осуществляемому с помощью централизованной языковой политики» (Матюшин, Скворцова, 2014. С. 9).

Учеба тоже была делом политическим: «Выполнение плана комсомольцы понимают своеобразно. Повышения успеваемости добиваются тем, что наступают на горло преподавателю – «давай хорошие оценки, ты срываешь нам план», и целый ряд других фактов, завершающихся выкриком «попробуй» и прямым троцкистским заявлением о несогласии с линией партии» (О болезненных явлениях в комсомольской ячейке // Восточно-Сибирский комвузовец. Иркутск. 1932. 13 февр.). Ситуация была вполне стандартной для того времени. Так в Ленинградском университете «виновными в плохой подготовке бывших рабфаковцев были признаны их преподаватели (одни уже были

[1] О студенческой газете. Постановление Бюро ЦК ВЛКСМ 19 сентября 1936 г. // Комсомол и молодежная печать. Сборник. Документы и материалы съездов и конференций ВЛКСМ, пленумов, бюро и секретариата ЦК ВЛКСМ (1919–1972). М.: Молодая гвардия, 1973. 320 с.

заклеймены как «враги народа», а другие ждали своей участи») (Вахромеева, 2017. С. 109).

В 1941 году в Иркутском горно-металлургическом институте издавалась газета «За кадры». Так же как и «Восточно-Сибирский комвузовец» она была скорее корпоративной с элементами пропаганды, чем молодежной. Основная тема – повышение качества учебы. «Комсомольцы должны показать образец глубокого усвоения всех дисциплин, выносимых на экзаменационную сессию, показать образец упорной и настойчивой борьбы за сдачу экзаменов на «хорошо» и «отлично» (Власов. За высокие оценки на экзаменах // За кадры. Иркутск. 1941. 1 янв.).

В преддверии войны значительное внимание уделялось массовой военной подготовке. «Оборонная тематика на том этапе занимала видное место во всех типах газет» (Жирков, 2017. С. 317), в том числе и в студенческих печатных изданиях. Студенты наравне с другими гражданами сдавали нормы ГТО («Готов к труду и обороне»), в физкультурных и технических кружках делался упор на навыки, которые можно использовать во время войны (стрельба, лыжи, радиосвязь) (Черкунова, 2012. С. 1086). Комсомольская организация Иркутского государственного университета выдвинула лозунг: «Каждому комсомольцу – военную специальность» (Иркутский государственный университет…, 1978. С. 49). Газета «За кадры» писала: «Мы никак не можем мириться с таким положением, когда студент на зачетах не может рассказать или начертить схему ПВО жилого дома, не знает, как разобрать или собрать винтовку или пулемет, не умеет читать топографических карт и т. д.» (Южный. Военная кафедра // За кадры. Иркутск. 1941. 11 янв.). После начала Великой Отечественной войны вузовские печатные СМИ прекратили издаваться.

Университетские газеты использовались для коммуникации между администрацией, преподавателями и студентами, для связи с общественностью, саморефлексии университета как корпорации, для общественных дискуссий о роли и функциях учебного заведения в городе, как часть системы государственной пропаганды. И потому в наши дни они являются ценным источником информации о жизни университета как организации и о студенчестве как части молодежи.

Библиографический список

Белякова И.А. Иркутский университет и предшественники «Иркутского университета» // Время в социальном, культурном и языковом измерении: тезисы докладов научной конференции (Иркутск, 25–26 сентября 2004 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2004. С. 216–218.

Вахромеева О.Б. Общественное воспитание студентов-историков в 1930-е гг. (по материалам газеты «Ленинградский университет» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 3. С. 107–113.

Демидова Е.И., Захаров А.В., Ефимова Е.А. Институализация советской высшей школы в России в 1920-е гг. // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1115–1128.

Демидова Е.И., Захаров А.В., Ефимова Е.А. Формирование «советского человеческого капитала» в высшей школе в 1920-е гг. // Вестник архивиста. 2019. № 4. С. 1074–1089.

Жирков Г.В. Журналистика сталинской эпохи: 1928–1950-е годы. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 504 с.

Зуляр Ю.А., Шпикельман Р.Ю. Университет в годы

References

Belyakova I.A. (2004) Irkutsk University and predecessors of “Irkutsk University”. *Vremya v sotsial'nom, kul'turnom i yazykovom izmerenii: tezisy dokladov nauchnoi konferentsii (Irkutsk, 25–26 sentyabrya 2004 g.) = Vremya v sotsial'nom, kul'turnom i yazykovom izmerenii. Abstracts of scientific conferences.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 216–218. (In Russ.)

Vakhromeeva O.B. (2017) Public education of students-historians in the 1930s. (based on the materials of the newspaper "Leningrad University". *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual problems of the humanities and natural sciences*. No. 3. P. 107–113. (In Russ.)

Demidova E.I., Zakharov A.V., Efimova E.A. (2018) Institutionalization of the Soviet Higher Education Institutions in Russia in 1920s. *Vestnik arkhivista = Herald of an Archivis*. No. 4. P. 1115–1128. (In Russ.)

Demidova E.I., Zakharov A.V., Efimova E.A. (2019) The Formation of the “Soviet human capital” in higher education in the 1920s. *Vestnik arkhivista = Herald of an Archivis*. No. 4. P. 1074–1089. (In Russ.)

Zhirkov G.V. (2017) Journalism of the Stalinist era: 1928–1950s. Moscow: FLINTA: Nauka. 504 p. (In Russ.)

Zulyar Yu.A., Shpikelman R.Yu. (2020) University dur-

Гражданской войны: судьба первого историко-филологического факультета Иркутского государственного университета // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2020. Т. 31. С. 24–77.

Ильина М.В. Иркутская газета «Комсомолия» (1924–1925 гг.): тематика и функции // Восьмые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: материалы научной конференции (Иркутск, 15 января 2014 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 151–155.

Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова (Краткий исторический очерк). Иркутск: Изд-ство «Восточно-Сибирская правда», 1978. 172 с.

Кокоулин В.Г. Высшее образование в Сибири (1920–1929) // Клио. 2019. № 9 (81). С. 93–100.

Колокольников И.А. Материалы музыкальной тематики в периодических изданиях ИГУ 1922–1923 гг. // Пространства коммуникации: язык, литература, медиа: материалы международной научной конференции (Иркутск, 18–21 сентября 2018 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. С. 258–265.

Кушнерева Э.А. Советская периодическая печать Иркутска (1920–1947) // Доклады библиографической секции Восточно-Сибирского отдела Географического общества СССР. Иркутское обл. гос. изд-во, 1949. С. 3–11.

Любимова В.П. От «Гаудеамуса» до «Иркутского университета» // Журналистика в Сибири. Иркутск, 1969. Вып. 2. С. 150–159.

Матюшин П.Н., Скворцова Е.В. Формирование общественного сознания молодежи в СССР в 1930-е гг.: «маркеры» периодической печати (штрихи к проблеме) // Youth World Politic. 2014. № 2. С. 8–13.

Поршнев Г.И. Книжная летопись Иркутска за годы революции (1917–1919). Иркутск, 1920. 80 с.

Ротенфельд Б.С. Имена на граните: сборник очерков. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1980. 208 с.

Терновая И.И., Терновой И.В. Как учились иркутяне. Иркутск: Оттиск, 2012. 331 с.

Трушкин В.П. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1967. 312 с.

Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Трансформация корпоративной идентичности и имиджа Томского университета в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 172–181.

ing the Civil War: the fate of the first historical and philological faculty of Irkutsk State University. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya» = The Bulletin of Irkutsk State University. Series "History".* Vol. 31. P. 24–77. (In Russ.)

Ilyina M.V. (2015) Irkutsk Newspaper "Komsomolia" (1924–1925): topics and functions. *Vos'mye Baikal'skie mezhdunarodnye sotsial'no-gumanitarnye chteniya: materialy nauchnoi konferentsii (Irkutsk, 15 yanvarya 2014 g.) = Eighth Baikal international social and humanitarian readings. Materials scientific conference (Irkutsk, 15 January, 2014).* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 151–155. (In Russ.)

(1978) Irkutsk State University A.A. Zhdanov (A Brief Historical Sketch). Irkutsk: Vostochno-Sibirskaya Pravda. 172 p. (In Russ.)

Kokoulin V.G. (2019) Higher education in Siberia (1920–1929). *Klio = Klio.* No. 9 (81). P. 93–100. (In Russ.)

Kolokolnikov I.A. (2018) Publications on music in the Irkutsk State University newspapers 1922–1923. *Prostranstva kommunikatsii: yazyk, literatura, media. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Irkutsk, 18–21 sentyabrya, 2018) = Spaces of communication: language, literature, media. Materials of the international scientific conference (Irkutsk, 18–21 September, 2018).* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 258–265. (In Russ.)

Kushnereva E.A. (1949) Soviet periodicals of Irkutsk (1920–1947). *Doklady bibliograficheskoi sektsii Vostochno-Sibirskogo otdela Geograficheskogo obshchestva SSSR = Reports of the bibliographic section of the East Siberian department of the Geographical Society of the USSR*. Irkutsk region state publishing house. P. 3–11. (In Russ.)

Lyubimova V.P. (1969) From “Gaudeamus” to “Irkutsk University”. *Zhurnalistika v Sibiri = Journalism in Siberia*. Irkutsk. Iss. 2. P. 150–159. (In Russ.)

Matyushin P.N., Skvortsova E.V. (2014) Shaping public consciousness of youth people in the USSR in 1930s: "marker" periodic press (touches the problem). *Youth World Politic = Youth World Politic*. No. 2. P. 8–13. (In Russ.)

Porshnev G.I. (1920) The book chronicle of Irkutsk over the years of the revolution (1917–1919). Irkutsk. 80 p. (In Russ.)

Rotenfel'd B.S. (1980) Names on granite: Collection. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 208 p. (In Russ.)

Ternovaya I.I., Ternovoy I.V. (2012) How did the people of Irkutsk study. Irkutsk: Ottisk. 331 p. (In Russ.)

Trushkin V.P. (1967) Literary Siberia of the first years of the revolution. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 312 p. (In Russ.)

Fominykh S.F., Stepnov A.O. (2017) Transformation of the corporate identity and image of Tomsk University in the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal.* No. 418. P. 172–181. (In Russ.)

Черкунова Н.В. Формирование образа героя в 1930-е гг. в СССР как способ военизации сознания молодежи // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1085–1088.

Шилов Л.А. Студенческие однодневные газеты 1920-х гг. и их источниковедческое значение // В.И. Ленин и проблемы изучения книжного дела в России второй половины XIX и начала XX в.: сборник научных трудов. Л.: Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1979. С. 132–163.

Шинкарева А.П. Очерки истории издательского дела и печати Иркутска (1785–1920). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2009. 433 с.

Сведения об авторе

Ильина Мария Владимировна,
старший преподаватель кафедры журналистики и медиаменеджмента, факультет филологии и журналистики,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: ilmarill@mail.ru

Заявленный вклад автора

М.В. Ильина выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 3 февраля 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 6 мая 2021 г.
Принята к публикации 17 мая 2021 г.

Cherkunova N.V. (2012) Forming the image of the hero in the 1930s. in the USSR as a result of militarization of youth consciousness. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo = Izvestia PGPU im. V.G. Belinsky*. No. 27. P. 1085–1088. (In Russ.)

Shilov L.A. (1979) Student daily newspapers of the 1920s and their source study value. V.I. *Lenin i problemy izucheniya knizhnogo dela v Rossii vtoroi poloviny 19 i nachala 20 v.: sbornik nauchnykh trudov = V.I. Lenin and the problems of studying book business in Russia in the second half of the 19th and early 20th centuries. Collection of scientific papers*. Leningrad: Gosudarstvennaya publichnaya biblioteka im. M.E. Saltykova-Shchedrina. P. 132–163. (In Russ.)

Shinkareva A.P. (2009) Essays on the history of publishing and printing of Irkutsk (1785–1920). Irkutsk: Irkutsk State University. 433 p. (In Russ.)

Information about the author

Mariya V. Il'ina,
Senior Lecturer of the Department of Journalism and Mediamanagement, Faculty of Philology and Journalism,
Irkutsk State University,
1, Karl Marks street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: ilmarill@mail.ru

Contribution of the author

M.V. Il'ina carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received February 3, 2021.
Received May 6, 2021.
Accepted May 17, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 930
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-219-229

Историософское осмысление роли католицизма в русско-литовских отношениях Великого княжества Литовского в творчестве Е.Ф. Шмурло

© Е.А. Самыловская

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербургский горный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья посвящена историософскому осмыслению роли католицизма и Католической церкви в русско-литовских отношениях Великого княжества Литовского в творчестве Евгения Францевича Шмурло. В основе исследования положен контент-анализ двух обобщающих трудов историка, созданных им в эмиграции на закате жизни: «История России. 862–1917» и «Курс русской истории». Кроме того, в качестве источников были привлечены материалы из личного фонда Е.Ф. Шмурло, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации, работы дореволюционных историков, а также современная отечественная историография. В статье предпринимается попытка анализа процесса формирования позиции историка по данному вопросу. Анализ учебника «История России. 862–1917» показал, что историк кратко описывает русско-литовские отношения и лишь обозначил свое явно негативное отношение к католицизму. Более явственно позиция Е.Ф. Шмурло проявится в его «Курсе русской истории» (1931–1934 гг.), в котором истории Великого княжества Литовского и русско-литовским отношениям уделено значительное место. Подробный контент-анализ показал, что, по мнению историка, союз Литвы и Польши сопровождался внедрением чуждых католических элементов и остановил естественный процесс социальной ассимиляции литовского элемента русским, православным элементом, что в итоге привело к нарастанию социального конфликта в ВКЛ. В нарастающем национальном противостоянии лежит религиозное: между православными-русскими и поляками-католиками. В результате исследования автор статьи приходит в выводу, что Е.Ф. Шмурло был сторонником концепции негативного отношения к католическому присутствию на территории ВКЛ. Данная позиция историка имеет свои корни в общественно-политической дискуссии второй половины XIX в. и работах историков, в частности, С.М. Соловьева, К.П. Бестужева-Рюмина, О.М. Кояловича, Д.А. Толстого и др. Можно говорить о том, что будучи в эмиграции, Е.Ф. Шмурло находился по данному вопросу на консервативных позициях православного национализма.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Польша, католицизм, Е.Ф. Шмурло, Русское зарубежье, русская эмиграция, историография, дореволюционная историческая научная школа, «Курс русской истории»

Благодарности: Исследование выполнено в рамках гранта No 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

Для цитирования: Самыловская Е.А. Историософское осмысление роли католицизма в русско-литовских отношениях Великого княжества Литовского в творчестве Е.Ф. Шмурло // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 219–229. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-219-229

Historiosophical understanding of the role Catholicism played in the Russian-Lithuanian relations of the Grand Duchy of Lithuania in E.F. Shmurlo's works

© Ekaterina A. Samylovskaya

St. Petersburg State University, St. Petersburg Mining University, St. Petersburg, Russia

Abstract: The paper is devoted to the historiosophical understanding of the role Catholicism and the Catholic Church played in the Russian-Lithuanian relations of the Grand Duchy of Lithuania in the works of Yevgeny Frantsevich Shmurlo. The research is based on the content analysis of two generalizing works of this historian, created by him in exile at the end of his life: "History of Russia. 862–1917" and "Course of Russian History". In addition, materials from E.F. Shmurlo's personal fund, stored in the

State Archive of the Russian Federation, works of pre-revolutionary historians as well as modern Russian historiography were used as sources. The paper attempts to analyze the process of forming the historian's point of view onto this issue. The analysis of the textbook "History of Russia. 862–1917" showed that the historian briefly describes the Russian-Lithuanian relations and only indicated his clearly negative attitude to Catholicism. "Russian History Course" (1931–1934), in which the history of the Grand Duchy of Lithuania and Russian-Lithuanian relations is given a significant place, will show E.F. Shmurlo's opinion more clearly. A detailed content analysis showed that, according to the historian, the union of Lithuania and Poland was accompanied by the introduction of alien Catholic elements and stopped the natural process of social assimilation of the Lithuanian element by the Russian, Orthodox, element, which eventually led to an increase in social conflict in the Grand Duchy of Lithuania. The growing national confrontation is based on the religious one between the Orthodox-Russians and the Poles-Catholics. As a result of the research, the author of the paper comes to the conclusion that E.F. Shmurlo was a supporter of the concept of a negative attitude to the Catholic presence on the territory of the Grand Duchy of Lithuania. This historian's opinion has its roots in the socio-political discussion of the second half of the 19th century and the work of historians, in particular S.M. Solovyov, K.P. Bestuzhev-Ryumin, O.M. Koyalovich, D.A. Tolstoy, etc. It can be said that while in exile, E.F. Shmurlo developed a consevative opinion on this issue, typical of Orthodox nationalism.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Poland, Catholicism, E.F. Shmurlo, Russian diaspora, Russian emigration, historiography, pre-revolutionary historical scientific school, "Course of Russian History"

Acknowledgements: This research was supported by grant No 19-18-00073 "National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th – 20th Centuries" of the Russian Science Foundation.

For citation: Samylovskaya E.A. (2021) Historiosophical understanding of the role Catholicism played in the Russian-Lithuanian relations of the Grand Duchy of Lithuania in E.F. Shmurlo's works. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 219–229. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-219-229

В российской исторической науке имя Евгения Францевича Шмурло (1853–1934) занимает особое место. Политические катаклизмы начала XX века, революция и Гражданская война привели к тому, что имя историка на долгие годы было фактически забыто в нашей стране. Однако с 1990-х гг., благодаря росту интереса исторического сообщества к истории русской эмиграции, имя «пражского Пимена» (Фатеев, 1938. С. 9) было возвращено и прочно заняло место в ряду выдающихся историков дореволюционной России и Русского зарубежья. Деятельность Е.Ф. Шмурло в Санкт-Петербургском университете, на посту главы кафедры русской истории Дерптского университета, работа в итальянских архивах в качестве члена-корреспондента Российской императорской академии наук и, конечно же, его деятельность в качестве председателя Русского исторического общества в Праге и по сей день привлекают исследователей (Саханев, 1938; Брачев, 1997; Демина, 1997; Демина, 1985; Горелова, 1999[1]; Боже, 2002; Боже, 2004[2]; Корольков, 1998). Работы Е.Ф. Шмурло неизменно оказываются в фокусе научных интересов не только специалистов по истории Русского зарубежья (Волошина, 2002; Волошина, 2013; Ковалев, 2006; Ковалев, 2016; Ковалев, 2012), но и русско-итальянских связей (Дубровский, 2014; Карданова, 2012), в частности взаимоотношений Римской курии и России (Яковенко, 1998; Самыловская, 2016[3]; Чиркова, 2013).

Безусловно, важнейшим периодом творчества Е.Ф. Шмурло является эмигрантский период, когда, оказавшись вдали от Родины, он создает свои обобщающие труды по истории России, целью которых становится, с одной стороны, создание учебной литературы для молодежи, с другой – осмысление исторических процессов и их влияние на дальнейшую историю страны. Для эмиграции этого пе-

[1] Горелова С.И. Исторические взгляды Е.Ф. Шмурло: дис. ... канд. ист. наук по специальности: «Отечественная история», 07.00.02. М., 1999. 224 с.

[2] Боже Я.В. Жизнь и научная деятельность Е.Ф. Шмурло: дис. ... канд. ист. наук по специальности «Отечественная история», 07.00.02. Челябинск, 2004. 181 с.

[3] Самыловская Е.А. Католическая община Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века: дис ... канд. ист. наук по специальности «Отечественная история», 07.00.02. СПб., 2016. 206 с.

риода было характерно убеждение, что «в СССР – ад кромешный» (Иванов, Машкевич, Пученков, 2014. С. 141), отсюда на первый план выходила задача сохранения для русской диаспоры *памяти и знания* о России *настоящей, национальной, то есть о России добольшевистской*, при этом особое значение уделялось воспитанию молодежи, покинувшей Родину либо в детстве, либо родившейся уже в эмиграции. Исходя из этой задачи, Е.Ф. Шмурло создает учебник «История России. 862–1917» (Шмурло, 1922. С. V), в предисловии к которому формулирует главную задачу: «Задача книги дать молодому уму возможность почувствовать, какое место в истории занимает Россия в ряду других европейских и неевропейских народов» (Там же. С. VI).

В свою очередь «Курс русской истории», над созданием которого Е.Ф. Шмурло трудился на протяжении последних лет своей жизни, представляет особый интерес: именно в нем он сформулировал итоги многолетнего творчества, концепции, подходы и мировоззренческие позиции. Современники отмечали, что в этот период для историка создание «Курса» стало приоритетным, отодвинув на второй план все прочие его научные интересы (Фатеев, 1938. С. 9–10).

Таким образом, «История России. 862–1917» и «Курс русской истории» создавались для сохранения и передачи молодому поколению русских эмигрантов знаний об истории России и её роли в мировом историческом процессе. В связи с этим изучение взглядов Е.Ф. Шмурло на роль католицизма в русско-литовских отношениях, отобразившихся в этих фундаментальных трудах, позволяет понять и его отношение к Великому княжеству Литовскому в целом (далее – ВКЛ), а также на роль ВКЛ в общей панораме истории России.

Изучение богатого творчества историка показало, что в сфере его научных интересов находились различные проблемы истории России (Шмурло, 1888; Шмурло, 1891; Шмурло, 1894; Шмурло, 1895; Шмурло, 1899; Шмурло, 1924; Шмурло, 1927; Шмурло, 1929), среди которых выделяются работы по истории Петра Великого (Шмурло, 1912; Шмурло, 1900; Шмурло, 1903) и истории сношений России с Римской курией (Шмурло, 1928; Шмурло, 1907–1927; Шмурло, 1925; Шмурло, 1937; Schmurlo, 1912), тем не менее обращает на себя внимание тот факт, что до создания им общего курса истории России ВКЛ находилось на периферии его исследовательского внимания.

В свою очередь изучение истории Великого княжества Литовского на рубеже веков и в первой четверти XX века занимало важное место в трудах историков санкт-петербургской и московской исторических школ (Дворниченко, Кудрявцева, 2017; Dvornichenko, Kudrayvtseva, 2019). В фокусе исследователей находились такие вопросы как политическая история государства (Kudriavtceva, 2017), этноконфессиональные отношения народов, населявших Великое княжество Литовское (Кудрявцева, 2018), история социально-экономического развития. Наиболее дискуссионными вопросами в дискурсе дореволюционных историков являлись проблемы изучения развития политической системы Великого княжества Литовского, образования государства, вопросы внешнеполитических отношений между Русью и Литвой, а также проблема оценки влияния Польши на трансформацию политического, экономического, этноконфессионального уклада ВКЛ. Способствовала повышению интереса к истории Великого княжества Литовского активизация публикации источников по истории государства, которые проводили Археографические комиссии. Несмотря на переломные события начала века, связанные с Великой Российской революцией, данная проблематика не утратила актуальности, но вектор изучения ВКЛ постепенно сместился на социо-экономическое направление (Дворниченко, Кудрявцева, 2018), все больше и больше историков занимали проблемы сосуществования классов на бывших территориях Великого княжества, основы классовой борьбы, а также изучение проблем экономического и религиозного гнета со стороны Польши.

Опубликованный в 1922 г. в Мюнхене учебник «История России. 862–1917» должен был не просто предложить для изучения «сухую последовательность событий» русской истории, а заменить учителя для русской учащейся молодежи, оказавшейся волею судеб в эмиграции и не имеющей возмож-

ность полноценно завершить свое образование – дать истолкование историческим фактам и событиям; чтобы молодежь «в теперешнее тяжелое время» могла «разобраться и отдать себе отчет в исторических судьбах своей Родины и возможно сознательно отнестись к своему настоящему, которое, всегда и везде, есть фатальный продукт прошлого» (Шмурло, 1922. С. V–VI). Исходя из предположения, что будущий читатель учебника уже хорошо знаком с фактическим материалом, историк уделяет не столько внимание описанию исторических фактов, сколько их трактовке, ориентируясь на их концептуальное осмысление (Там же). Ввиду этого количество дат, фактов и статистики в учебнике Евгения Францевича незначительно.

Указанная особенность отразилась в том числе и на описании событий истории ВКЛ и русско-литовских отношений. Они получили краткое освещение в первых трех разделах параграфа «Московско-Литовский период. 1242–1462» второй главы учебника «Эпоха Вторая. 1054–1462. Неустойчивость политического центра» (Там же. С. 63–70). Кроме того, Литва была упомянута дважды: в контексте русско-литовского противостояния за Зарубежную Русь при Иване III (Там же. С. 96) и при обращении к Люблинской унии 1569 г. уже в контексте русско-польских отношений (Там же. С. 131). Во второй главе Шмурло обозначает роль католицизма в русско-литовских отношениях и выражает свое отношение к нему, описывая особенности политического и этнического устройства ВКЛ. По мнению Е.Ф. Шмурло, «Уже при Гедимине Литовское государство состояло больше чем на две трети из русских областей; теперь со времен Витовта, чисто литовский элемент, можно сказать тонул в массе русской народности (1/10 и 9/10). Само собой, незаметно, без всякого давления извне, в литовском населении начался процесс обрусения. С более развитой гражданственностью, русские *духовно* подчинили себе литовцев: русский язык, *православная вера*, русские обычаи, русские порядки в общественной жизни и в государственном укладе все более и более проникали в литовскую среду, – все говорило о предстоящем полном превращении Литовского государства в Литовско-Русское, если не прямо в Русское государство, с Вильной – столицею. Брак 1386 г. нарушил нормальный ход мирного поглощения одной народности другою, и в этом отношении является событием громадной важности. *Вторжение католичества и польских государственных порядков внесло семена религиозной вражды и поставило лицом к лицу две разных культуры*: *одну* – проникнутую началом демократии, другую – началом аристократизма» (Там же. С. 69–70). (*Курсив мой. – Е.С.*).

Как мы видим, историк лишь обозначил свое явно негативное отношение к католицизму. По его мнению, принятие католичества, наряду с польскими политическими традициями, является фатальным политическим шагом Ягайло, остановившим естественный процесс обрусения литовского населения, выбившей Литовскую Русь из «нормальной колеи». Поэтому в период борьбы между Москвой и Вильной были вполне естественны симпатии русского населения Литвы по отношению к Москве, которая в его глазах была «истиной носительницей национальной и религиозной правды» (Там же).

Явственно позиция Е.Ф. Шмурло о роли католицизма в русско-литовских отношениях ВКЛ проявилась в его «Курсе русской истории», вышедшей в свет в 1931–1934 гг. Последний том был опубликован уже после смерти историка, в нем истории ВКЛ уделено значительное внимание. Так, в третьей главе первого тома «Возникновение и образование Русского государства (862–1462)» два параграфа посвящены истории ВКЛ, в них он дает представление читателю об истории Литвы при Миндовге, формировании Русско-Литовского государства, его внешней и внутренней политики, начиная с Гедимина и заканчивая Казимиром IV Ягеллончиком (Шмурло, 1998. С. 176–190). Подчеркивая значимость ВКЛ в процессе объединения русских земель, второй том «Курса» получил название «Русь и Литва», в котором история формирования Московского государства (Московского царства) рассматривается в контексте взимоотношений и борьбы Москвы и Вильны. Здесь акцент делается на особенности русско-литовских и

литовско-польских ваимоотношений в ВКЛ, а также – на политическое и социальное устройство этого государства с 1462 по 1613 гг. (Шмурло, 1999).

Е.Ф. Шмурло в своем «Курсе русской истории», как и в «Истории России», поворотным моментом в русско-литовских отношениях в ВКЛ считает Кревскую унию 1385 г. и последующий брак Ягайло с Ядвигой: «В течение полутораста лет (1238–1386) литовцы создали обширное государство, главным образом из русских земель. Такое приращение Литовского княжества сопровождалось обычным в истории явлением: встретив на новых местах *народность с более высокой культурой*, *литовцы, хотя и победители, духовно подчинились побежденному народу.* Они постепенно стали принимать от русских христианство по православному обряду, усваивать русские обычаи и порядки <…> линия поведения в сторону сближения с русской народностью и, до известной степени, поглощения ею, была уже обеспечена, – *брак Ягейлы с Ядвигою насильственно порвал работу и нанес ей непоправимый удар, исказив принятое направление и направив жизнь литовской и русской народности совсем по иному руслу*» (Шмурло, 1998. С. 181–182). *(Курсив мой – Е.С.)* *Давая характеристику особенностям* Городельской унии 1413 г. приходит к заключению, что: «В силу принципа инкорпорации и признанного за католической церковью привилегированного положения, на литовскую католическую знать перенесены были все права и привилегии польской знати: право на герб, право на должности, право быть советниками своего государя в делах государственных, право совместно с польскими товарищами выбирать будущих польских королей и великих князей литовских – русские же бояре, как православные, от названных прав были устранены. Этим: *1) внесен разлад социальный, 2) католичеству облегчен доступ и проникновение в православную среду*» (Там же. С. 186). (*Курсив мой – Е.С.*) В итоге, оценивая союз Литвы и Польши (в XV в.), он выделяет среди прочих следующие невыгодные стороны этого союза: «…*Обрусение литовского населения, с самого начала достигшее больших успехов, было насильственно приостановлено внедрением в Литву польских, и притом католических, элементов.* <…> Исконный русский элемент жил демократическим укладом – *введение католичества и порядков польского аристократического строя внесло противоречие и разлад в общественные отношения*. Успех Литвы в предстоящей неизбежной борьбе с Москвою был заранее подорван в корне: русско-православное население Литвы готово было видеть своих не в местной власти, а в чужой, московской» (Там же. С. 190). (*Курсив мой – Е.С.*) Следовательно, по мнению Е.Ф. Шмурло, союз Литвы и Польши, сопровождавшийся внедрением чуждых католических элементов, остановил естественный процесс социальной ассимиляции литовского элемента русским – подчеркнуто православным элементом, – тем самым создав в ВКЛ социальный конфликт.

Рассматривая особенности и последствия принятия Люблинской унии 1569 г. для ВКЛ, историк констатирует, что уния политическая вела к унии церковной, так как «единство политическое в ту пору не умело мыслить иначе, как при условии единства религиозного» (Шмурло, 1999. С. 379). В свою очередь, в условиях Контрреформации и активной деятельности иезуитов на территории Литвы Католическая церковь посредством Брестской унии 1596 г. «ввела значительную часть западно-русского населения в духовное общение с Римом и открыла ему впереди новые возможности» (Там же. С. 12). А именно возможности создания «плацдарма» для осуществления католической пропаганды и распространения католичества на православном Востоке, что явственно получит свое проявление во времена Смуты и в последующие исторические периоды (Там же). Следует отметить, что в «Курсе русской истории» вопросу религиозной унии (Флорентийской унии 1439 г. и Брестской унии 1596 г.) Е.Ф. Шмурло уделил несколько страниц. Историк негативно окрашивает эти события для последующей истории Литвы, Польши и России, что вполне характерно для его работ (Шмурло, 1998. С. 201–203). Кроме того, анализируя события 1596 г. и его последствия, он пытается дать ответ на вопрос: в чем причина успеха Унии на территории Литвы

(Шмурло, 1999. С. 405–413). Детально свою позицию по отношению к религиозной унии, униатству и практике взаимоотношения католиков и униатов на территории Литвы и Польши он обозначит в своей статье 1927 г. «К вопросу об Унии и "униатизме"». По мнению Е.Ф. Шмурло, «уния явилась, по существу, сидением между двух стульев, компромиссом, недопустимым, как всякий компромисс в области веры <…> совершенно естественно, что те же римские-католики, что вводили унию, смотрели на новообращенных, как на "католиков второго разряда": ни то, ни се; хоть и не "схизматик", а все же не такой, как бы следовало по-настоящему… *В католической семье униаты очутились на положении пасынков и горько платились за свой переход в унию*» (Шмурло Е.Ф. К вопросу об Унии и «униатизме». Машинопись. 24 декабря 1927 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5965. Оп. 1. Д. 118. Л. 1). (*Курсив мой – Е.С.*).

Таким образом, в двух основополагающих трудах Е.Ф. Шмурло роль католицизма в русско-литовских отношениях показана с крайне негативной точки зрения. Более того, можно в целом говорить о нелестной оценке историка деятельности Католической церкви на территории ВКЛ и в дальнейшем в Московском государстве. Он неоднократно подчеркивает, что в основе национального противостояния лежит религиозное: православные-русские и поляки-католики. В результате для историка «со времен Ивана Грозного и войны со Стефаном Баторием *поляки* (читаем католики – Е.С.) выяснились как *национальные враги* России» (Шмурло, 1999. С. 208.) *(Курсив мой – Е.С.)*.

Данная мировоззренческая позиция историка представляется крайне любопытной в свете его польского происхождения. Известно, что отец историка генерал-майор Франц Фома-Иосифович Шмурло происходил из польского дворянского рода и исповедовал католичество до конца своей жизни (Боже, 2004. С. 31–34)[2]. В связи с этим встает вопрос: каким образом у Е.Ф. Шмурло сформировалось подобное отношение к католикам и Католической церкви, и, в частности, к роли католицизма на территории ВКЛ?

Представляется, что процесс формирования данной позиции проходил под влиянием нескольких факторов. Очевидно, что первичное влияние оказало ближайшее семейное окружение историка. Его мать Раиса Корнильевна Покровская происходила из знаменитого православного челябинского рода купцов, промышленников, поэтому Е.Ф. Шмурло был крещен в православие (Там же. С. 34). Историк был близок с матерью, а с семьей Покровских у него сохранились тесные дружеские и теплые отношения до конца его жизни (Там же. С. 35–39). Он воспитывался в православной провинциальной среде и иначе как православным ощущать себя не мог.

В свою очередь, формирование его представления о роли католицизма в истории России и ВКЛ происходило под влиянием той научной и общественно-политической среды, в которой проходило становление Е.Ф. Шмурло как историка, т. е. в первую очередь в период его обучения в Петербургском университете. Ещё современники отмечали приемственность его исторических взглядов и подходов со взглядами его учителя К.Н. Бестужева-Рюмина. Так, П.Н. Милюков отмечал, что «..."Русская история" Бестужева-Рюмина, наш общий университетский учебник, подает руку литографированному "Курсу русской истории" Е.Ф. Шмурло» (Милюков, 1938. С. 13). В «Курсе», согласно справедливому замечанию Я.В. Боже, помимо влияния на Е.Ф. Шмурло концепций учителя, чувствуются также отзвуки трудов С.М. Соловьева и В.О. Ключевского (Боже, 2004. С. 107, 122–123)[2]; тем не менее на интерес историка к роли католицизма в ВКЛ наибольшее влияние оказала именно «Русская история» Бестужева-Рюмина.

Истории ВКЛ посвящена восьмая глава «Русской истории» К.Н. Бесужева-Рюмина (Бестужев-Рюмин, 1885. С. 1–141). Верный своим подходам к необходимости обращения к источникам и исторической объективности, К.Н. Бестужев-Рюмин старался максимально бесстрастно описывать события, его позиция и отношение к вопросу о роли католицизма в истории ВКЛ в «Русской истории» не просматривается.

Однако при обращении к истории принятия Кревской унии главному участнику событий, принявшему исторические решение о распространении католичества в Литве – Ягайло, – дается довольно неприятная характеристика: «Наконец 12-го февраля 1386 г. Ягайло торжественно въехал в Краков и через три дня принял католицизм. Для него, кроме *удовлетворения честолюбия*, корона Польская, имела то значение, что теперь орден становился бесполезным, ибо язычников более не будет» (Бестужев-Рюмин, 1885. С. 32) или «… по смерти Ядвиги перед ним (*Витовтом – Е.С.)* остался только *хитрый, но бесхарактерный Ягайло…*» (Там же. С. 38). *(Курсив мой. – Е.С.)* Для оценки данных событий он нередко обращается к трудам М.О. Кояловича, цитируя его. Так, давая оценку Городельской унии 1413 г., историк пишет: «Лекции по истории Западной России»; «Городельский акт, – говорит М.О. Коялович, – довершил то разделение между Литвою и Русью, начало которого положено первым крещением Литвы – Литвины – латиняне поставлены в положение господ. Русские православные – в положение рабов: каковы бы ни были добрые отношения между теми и другими и как бы часто не разрушалось на практике это разделение между ними, то трудно было не возникнуть вражде. Трудно было господам не давать чувствовать рабам свое господство и трудно было рабам не возмущаться этим господством» (Там же. С. 43–44).

Следовательно, К.Н. Бестужев-Рюмин дает скорее не прямые нейтрально-негативные оценки роли католицизма в Литве, в которых негативная составляющая проявляется через слова О.М. Кояловича, что, впрочем, вполне встраивается в методологические подходы Бестужева-Рюмина. В свою очередь, ученик пошел дальше учителя: Е.Ф. Шмурло уже не просто использует в своих работах труды М.О. Кояловича, но четко формулирует свою собственную оценку событий – более жесткую, чем у Бестужева-Рюмина, и явно антикатолическую.

Представляется, что на формирование данной мировоззренческой позиции Е.Ф. Шмурло оказала влияние общественно-политическая дискуссия между «славянофилами» и «западниками», разгоревшаяся с новой силой после подавления Польского восстания 1863–1864 гг., в рамках которой также обсуждался вопрос о роли католицизма в Западной России. Так, в консервативных кругах активно обсуждался вопрос русификации западных регионов Российской империи, одной из ключевых проблем которого являлся вопрос о соотношении национального и конфессионального, также вопрос о возможности руссификации католичества (русское латинство) (Котов, 2019; Котов, 2017). Например, большинство славянофилов-почвенников были убеждены, что неправославный не может быть русским (Котов, 2019. С. 96). Участником дискуссии был в том числе и М.О. Коялович, который долгое время находился на позициях противников руссификации, входил в «кружок руссификаторов» И.П. Корнилова и считал невероятным отделение народности от веры (Котов, 2019. С. 98–99).

В рамках развернувшейся дискуссии о роли католицизма в истории России был опубликован крайне консервативный, откровенно антикатолический труд Д.А. Толстого «Римский католицизм в России», в первом томе которого две главы посвящены истории Католической церкви на территории Литвы под владычеством Польши (Толстой, 1876. С. 183–328). Согласно Толстому, введение католичества в Литве при Ягайле носило насильственный характер (Там же. С. 186–187) и остановило естественные социальные и политические процессы, ориентированные на русский язык, православие и русские политические традиции, поставило в Литве «наряду с правительством другую равносильную и чуждую ему власть, власть папы» (Там же. С. 189). Эта фундаментальная работа также не была проигнорирована Е.Ф. Шмурло и стала одним из источников в его «Курсе русской истории».

Таким образом, Е.Ф. Шмурло был сторонником концепции негативного отношения к католическому присутствию на славянских территориях, в частности, на территории ВКЛ. Кревская уния и последующая Городельская уния, созданные Ягайло

желанием получить корону, стали инструментом переориентации Литвы от православного русского мира к западному католическому. Католический мир использовал политическую жадность Ягайло для того, чтобы оторвать Литву от русского наследия, что сразу же выразилось в политическом гнете, а затем в религиозном, национальном и экономическом гнете русского православного населения Литвы. Принятие Люблинской унии, а затем Брестской унии заложили основу для дальнейшей экспансии католического мира на православные земли Московского царства. Данная позиция историка не уникальна и имеет свои корни в общественно-политической дискуссии второй половины XIX в. и работах историков, в частности, С.М. Соловьева, К.П. Бестужева-Рюмина, О.М. Кояловича, Д.А. Толстого и др. Можно говорить, что к закату своей жизни, находясь в эмиграции, Е.Ф. Шмурло находился на консервативных позициях православного национализма. Именно эту мировоззренческую позицию он транслировал в эмигрантской среде Русского зарубежья и старался передать подрастающему поколению.

Библиографический список

Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб.: Типография А. Траншеля, 1885. Т. II. Вып. 1. 319 с.

Боже Я.В. «Римские каникулы» Е.Ф. Шмурло // Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении. М., 2002. С. 50–51.

Брачев В.С. Шмурло Е.Ф. как историк // Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Т. 1. СПб.: Алетейя, 1997. С. 512–531.

Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М.: Форум, 2013. 439 с.

Волошина В.Ю. Е.Ф. Шмурло о проблеме сохранения исторической памяти русской эмиграции // Историк на пути к открытому обществу. Омск : ОмГУ, 2002. С. 80–82.

Дворниченко А.Ю., Кудрявцева Р.-Е.А. Изучение Великого княжества Литовского в 1918–1939 гг.: к вопросу изучения высшего сословия // Известия СмолГУ. Смоленск, 2018. № 4 (44). С. 250–267.

Дворниченко А.Ю., Кудрявцева Р.-Е.А. Политическая система Великого княжества Литовского XIV–XVI вв. в российской, белорусской, украинской, литовской и польской историографии начала XXI в. // Известия СмолГУ. Смоленск, 2017. № 4 (40). С. 280–298.

Демина Л.И. «Записки» Е. Шмурло об историках Петербургского университета // Археографический Ежегодник за 1984 год. М.: Наука, 1985. С. 252–256.

Демина Л.И. Шмурло Евгений Францевич // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть

References

Bestuzhev-Ryumin K.N. (1885) Russian history. St. Petersburg: Printing house of A. Tranchel. Vol. II. Iss. 1. 319 p. (In Russ.)

Bozhe Ya.V. (2002) “Roman Holidays” by E.F. Shmurlo. *Nauka i vlast': nauchnye shkoly i professional'nye soobshchestva v istoricheskom izmerenii = Science and Power: Scientific Schools and Professional Communities in the Historical Dimension.* Moscow. P. 50–51. (In Russ.)

Brachev B.C. (1997) Shmurlo E.F. as a historian. *Shmurlo E.F. Kurs russkoi istorii = Shmurlo E.F. Russian history course.* St. Petersburg: Aleteiya.Vol. 1. P. 512–531. (In Russ.)

Voloshina V.Yu. (2013) Torn from the native soil. Social adaptation of Russian émigré scientists in the 1920s – 1930s. Moscow: Forum. 439 p. (In Russ.)

Voloshina V.Yu. (2002) E.F. Shmurlo on the problem of preserving the historical memory of the Russian emigration. *Istorik na puti k otkrytomu obshchestvu = Historian on the way to an open society.* Omsk: Omsk State University. P. 80–82. (In Russ.)

Dvornichenko A.Yu., Kudryavtseva R-E.A. (2018) Study of the Grand Duchy of Lithuania in 1918–1939: on the issue of studying the upper class. *Izvestiya SmolGU = Bulletin of Smolensk State University.* Smolensk. No. 4 (44). P. 250–267. (In Russ.)

Dvornichenko A.Yu., Kudryavtseva R-E.A. (2017) Political system of the Grand Duchy of Lithuania XIV–XVI centuries in Russian, Belarusian, Ukrainian, Lithuanian and Polish historiography of the beginning of the XXI century. *Izvestiya SmolGU = Bulletin of Smolensk State University.* Smolensk. No. 4 (40). P. 280–298. (In Russ.)

Demina L.I. (1985) “Notes” by E. Shmurlo about the historians of St. Petersburg University. *Arkheograficheskii Ezhegodnik za 1984 god = Archaeographic Yearbook for 1984.* Moscow: Nauka. P. 252–256. (In Russ.)

Demina L.I. (1997) Shmurlo Evgenii Frantsevich. *Russkoe zarubezh'e. Zolotaya kniga emigratsii. Pervaya tret'*

XX в.: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 718–719.

Дубровский И.В. Архивные материалы о русских посольствах в Италию в конце Ливонской войны (Памяти Е.Ф. Шмурло) // Средние века. 2014. Т. 75. № 1–2. С. 171–191.

Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н.Е. Маркова в 1930-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1 (09). С. 140–156.

Карданова Н.Б. Профессор Е.Ф. Шмурло – исследователь грамот Петра Великого к дожам Венеции // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 121–124.

Ковалев М.В. Евгений Францевич Шмурло: русская итальянистика в эмиграции // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 155–172.

Ковалев М.В. Петровская эпоха в научном Е.Ф. Шмурло // Новый век: история глазами молодых. Саратов, 2006. Вып. 5. С. 39–53.

Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.) Саратов: Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., 2012. 408 с.

Корольков А.А. Возвращение из эмиграции русской истории Е. Шмурло // Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. СПб.: Алетейя, 1998. Т. 1. С. 5–6.

Котов А.Э. «Русское латинство» 1860-х гг. как элемент идеологии бюрократического национализма // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. С. 122–136.

Котов А.Э. Русский политический предмодерн: забытые «консерваторы» второй половины XIX века. СПб.: Владимир Даль : Аллегро, 2019. 282 с.

Кудрявцева Р.-Е.А. Дискуссии о времени возникновения и составе сейма Великого княжества Литовского в трудах отечественных историков рубежа XIX–XX вв. // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 6 (18). С. 24. URL: http://www.novsu.ru/file/1483688 (дата обращения: 04.04.2019).

Милюков П.Н. Три поколения // Записки РИО в Праге. Прага-Нарва, 1938. Кн. 3. С. 13–16.

XX v.: Entsiklopedicheskii biograficheskii slovar' = Russian Abroad. The Golden Book of Emigration. First third of the twentieth century: Encyclopedic Biographical Dictionary. Moscow. P. 718–719. (In Russ.)

Dubrovskii I.V. (2014) Archival materials about the Russian embassies in Italy at the end of the Livonian War (In memory of E.F. Shmurlo). *Srednie veka = Middle Ages.* Vol. 75. No. 1–2. P. 171–191. (In Russ.)

Ivanov A.A., Mashkevich S.V., Puchenkov A.S. (2014) “Tsar and people: this is the formula of our time”. On the views of N.E. Markov in the 1930s. *Noveishaya istoriya Rossii = Modern history of Russia*. No. 1. (09). P. 140–156. (In Russ.)

Kardanova N.B. (2012) Professor E.F. Shmurlo – researcher of Peter the Great's letters to the Doges of Venice. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta imeni P.G. Demidova. Ser. Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. Ser. Humanitarian sciences.* No. 4. P. 121–124. (In Russ.)

Kovalev M.V. (2016) Evgeny Frantsevich Shmurlo: Russian Italian Studies in Emigration. *Novaya i noveishaya istoriya = Modern and Contemporary History*. No. 1. P. 155–172. (In Russ.)

Kovalev M.V. (2006) Peter's era in the scientific E.F. Shmurlo. *Novyi vek: istoriya glazami molodykh = New Age: History through the Eyes of the Young.* Saratov. Iss. 5. P. 39–53. (In Russ.)

Kovalev M.V. (2012) Russian historians-emigrants in Prague (1920–1940). Saratov: *Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A.* 408 p. (In Russ.)

Korol'kov A.A. (1998) Return from emigration of Russian history Evgeny Frantsevich Shmurlo. *Shmurlo E.F. Kurs russkoi istorii = Shmurlo E.F. Course of Russian history.* St. Petersburg: Aleteiya. Vol. 1. P. 5–6. (In Russ.)

Kotov A.E. (2017) “Russian Latinism” of the 1860s as an element of the ideology of bureaucratic nationalism. *Novoe literaturnoe obozrenie = New literary review.* No. 2. P. 122–136. (In Russ.)

Kotov A.E. (2019) Russian political premodernity: forgotten “conservatives” of the second half of the 19th century. St. Petersburg: Vladimir Dal': Allegro. 282 p. (In Russ.)

Kudryavtseva R.-E.A. (2018) Discussions about the time and composition of the Sejm of the Grand Duchy of Lithuania in the works of Russian historians at the turn of the XIX–XX centuries. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo = Scientific notes of the Yaroslav the Wise Novgorod State University.* No. 6 (18). P. 24. Available at: http://www.novsu.ru/file/1483688 (Accessed 04 April, 2019). (In Russ.)

Milyukov P.N. (1938) Three generations. *Zapiski RIO v Prage = Notes of RHS in Prague*. Prague-Narva. Book. 3. P. 13–16. (In Russ.)

Саханев В. Евгений Францевич Шмурло // Записки РИО в Праге. Прага-Нарва. 1938. Кн. 3. С. 27–79.

Толстой Д.А. Римский католицизм в России. СПб.: В.Ф. Демаков, 1876. Т. 1. 538 с.

Фатеев А.И. Два историка и два построения русской истории // Записки РИО в Праге. Прага-Нарва, 1938. Кн. 3. С. 5–12.

Чиркова А.В. К истории изучения документов папской Канцелярии в России (XIX–XX вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины. 2013. Т. XXXII. № 32. С. 294–318.

Шмурло Е.Ф. Введение в русскую историю. Прага: Пламя, 1924. 180 с.

Шмурло Е.Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом. Издание МИД. Прага, 1929. № 6. 483 с.

Шмурло Е.Ф. Восток и Запад в русской истории. Юрьев: Тип. К. Маттисен, 1895. 39 с.

Шмурло Е.Ф. Известия Джиованни Тедальди о России времени Ивана Грозного. СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1891. 138 с.

Шмурло Е.Ф. История России. 862–1917. Мюнхен: Издание книжного магазина «Град Китежъ», 1922. 565 с.

Шмурло Е.Ф. Когда и где крестился Владимир Святой // Записки РИО. 1927. Кн. 1. С. 120–148.

Шмурло Е.Ф. Критические заметки по истории Петра Великого. СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1900. 185 с.

Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. СПб. : Алетейя, 1998. Т. 1. 541 с.

Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. СПб. : Алетейа, 1999. Т. 2. 442 с.

Шмурло Е.Ф. Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767–1804. Спб.: тип. В.С. Балашева, 1888. 455 с.

Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности К.Н. Бестужева-Рюмина. Юрьев: Тип. К. Маттисен, 1899. 426 с.

Шмурло Е.Ф. П.В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев: б.и., 1894. 166 с.

Шмурло Е.Ф. Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. Л., 1925. Т. 1. Вып. 1. 256 с.

Шмурло Е.Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб.: Сенатская тип., 1912. Вып. 1. 161 с.

Шмурло Е.Ф. Рим и Москва: Начало отношений Моск. государства с пап. престолом (1462–1528) // Записки РИО. 1937. Кн. 3. С. 91–136.

Шмурло Е.Ф. Римская курия на русском православном Востоке в 1609–1654 годах. Прага: Орбис, 1928. 255 с.

Sakhanev V. (1938) Evgeny Frantsevich Shmurlo. *Zapiski RIO v Prage = Notes of RIO in Prague.* Prague-Narva. Book 3. P. 27–79. (In Russ.)

Tolstoi D.A. (1876) Roman Catholicism in Russia. St. Petersburg: V.F. Demakov. Vol. 1. 538 p. (In Russ.)

Fateev A.I. (1938) Two historians and two constructions of Russian history. *Zapiski RIO v Prage = Notes of the RIO in Prague.* Prague-Narva. Book. 3. P. 5–12. (In Russ.)

Chirkova A.V. (2013) On the history of the study of documents of the Papal Chancellery in Russia (XIX–XX centuries). *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny = Auxiliary historical disciplines*. Vol. XXXII. No. 32. P. 294–318. (In Russ.)

Shmurlo E.F. (1924) Introduction to Russian history. Prague: Plamya 180 p. (In Russ.)

Shmurlo E.F. (1929) Voltaire and his book about Peter the Great. Edition of the Ministry of Foreign Affairs. Prague. 483 p. (In Russ.)

Shmurlo E.F. (1895) East and West in Russian history. Yuryev: K. Matthisen's printing house. 39 p. (In Russ.)

Shmurlo E.F. (1891) News of Giovanni Tedaldi about Russia in the time of Ivan the Terrible. St. Petersburg: Tip. V.S. Balasheva and C°. 138 p. (In Russ.)

Shmurlo E.F. (1922) Russian history. 862–1917. Munich: Publication of the bookstore “Grad Kitezh”. 565 p. (In Russ.)

Shmurlo E.F. (1927) When and where was baptized Vladimir Saint. *Zapiski RIO = Notes of the RHS.* Book. 1. P. 120–148. (In Russ.)

Shmurlo E.F. (1900) Critical Notes on the History of Peter the Great. St. Petersburg: Printing house of V.S. Balashev and C°. 185 p. (In Russ.)

Shmurlo E.F.(1998) Course of Russian history. St. Petersburg: Aleteya. Vol. 1. 541 p. (In Russ.)

Shmurlo E.F. (1999) Course of Russian history. St. Petersburg: Aleteya. Vol. 2. 442 p. (In Russi.)

Shmurlo E.F. (1888) Metropolitan Eugene as a scientist. Early years of life. 1767–1804. St. Petersburg: Printing house of V.S. Balasheva. 455 p. (In Russ.)

Shmurlo E.F. (1899) Essay on the life and scientific activities of K.N. Bestuzhev-Ryumin. Yuryev: Mattisen's printing house. 426 p. (In Russ.)

Shmurlo E.F. (1894) Postnikov. Some data for his biography. Yuryev. 166 p. (In Russ.)

Shmurlo E.F. (1925) Monuments of cultural and historical relations between Russia and Italy. Vol.1. Iss. 1. Leningrad. 256 p. (In Russ.)

Shmurlo E.F. (1912) Peter the Great in the assessment of contemporaries and posterity. St. Petersburg*:* Senate Printing House. Iss. 1. 161 p. (In Russ.)

Shmurlo E.F. (1937) Rome and Moscow: The Beginning of Relations Moskow state with Papal throne (1462–1528). *Zapiski RIO = Notes of RHS.* Book.3. P. 91–136. (In Russ.)

Shmurlo E.F. (1928) Roman curia in the Russian Orthodox East in 1609–1654. Prague: Orbis. 255 p. (In Russ.)

Шмурло Е.Ф. Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. В 4-х т. СПб., 1907–1927.

Шмурло Е.Ф. Сборник документов, относящихся к истории царствования имп. Петра Великого. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1903. Т. 1: 1693–1700. 728 с.

Яковенко С.Г. Работы российских и польских историков по изучению и публикации переписки папских нунциев в Польше // Культурные связи России и Польши XI–XX. М.: УРСС, 1998. С. 69–77.

Dvornichenko A.Yu., Kudrayvtseva R.E.A. The Phenomenon of Great Duchy of Lithuania in a Scholar Discourse on the Boundary of Millenniums // Bylye Gody. Russian Historical Journal. 2019. Vol. 53. Iss. 3. C. 935–955.

Kudriavtceva R-E.A. Sejms and Sejmiks of the Grand Lithuanian Duchy as a Tool of Social Communication of the Szlachta (gentry) in the XVI century. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS International Conference on Research Paradigsm Transformation in Social Sciences. 18–21 May 2017. Tomsk, 2017. pp. 667–676.

Schmurlo E. Über Caramans Werk Identità oder Considerazioni. ASPh. 1912. Bd. 33. S. 99–110.

Сведения об авторе

Самыловская Екатерина Анатольевна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник; доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Россия,
Санкт-Петербургский горный университет,
199106, Санкт-Петербург, 21-я лин. В.О., 2, Россия,
✉ e-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru

Заявленный вклад автора

Е.А. Самыловская выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 4 мая 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 19 августа 2021 г.
Принята к публикации 30 августа 2021 г.

Shmurlo E.F. (1907–1927) Russia and Italy. A collection of historical materials and studies concerning relations between Russia and Italy. In 4 vol. St. Petersburg. (In Russ.)

Shmurlo E.F. (1903) Collection of documents relating to the history of the reign of the Imperor Peter the Great. Yuryev: Matthissen's printing house. Vol. 1: 1693–1700. 728 p. (In Russ.)

Yakovenko S.G. (1998) Works of Russian and Polish historians on the study and publication of the correspondence of papal nuncios in Poland. *Kul'turnye svyazi Rossii i Pol'shi XI–XX = Cultural ties between Russia and Poland XI–XX*. Moscow: URSS. P. 69–77. (In Russ.)

Dvornichenko A.Yu., Kudrayvtseva R.E.A. The Phenomenon of Great Duchy of Lithuania in a Scholar Discourse on the Boundary of Millenniums // Bylye Gody. Russian Historical Journal. 2019. Vol. 53. Iss. 3. C. 935–955.

Kudriavtceva R-E.A. Sejms and Sejmiks of the Grand Lithuanian Duchy as a Tool of Social Communication of the Szlachta (gentry) in the XVI century. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences. 18–21 May 2017. Tomsk, 2017. pp. 667–767.

Schmurlo E. *Über Caramans Werk Identità oder Considerazioni*. ASPh. 1912. Bd. 33. S. 99–110.

Information about the author

Ekaterina A. Samylovskaya,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher; Associate Professor,
St. Petersburg State University,
7-9, Universitetskaya embankment, St. Petersburg 199034, Russia,
St. Petersburg Mining University,
2, 21st line of Vasilievsky Island, St. Petersburg 199106, Russia,
✉ e-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru

Contribution of the author

E.A. Samylovskaya carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received May 4, 2021.
Received August 19, 2021.
Accepted August 30, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).084
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-230-244

Русский пастырь в среде латвийской эмиграции: перипетии судьбы протоиерея Феодора Михайлова (1903–1959)

© И.В. Петров

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматривается судьба представителей латвийской послевоенной эмиграции на примере уникальной личности, русского священника протоиерея Феодора Михайлова. Родившийся на территории современной Псковской области, священник в 1920-х годах вошел в число оппозиционных митрополиту Сергию (Страгородскому) представителей духовенства, за что был осужден на 11 лет. Выйдя из мест заключения в начале 1941 г., он вскоре попал на оккупированную нацистами территорию и вошел в состав Псковской Православной Миссии. Вместе с псковскими миссионерами протоиерей Феодор Михайлов эвакуировался сначала в Латвию, а затем в Германию, где оказался перед выбором двух церковных юрисдикций: своего наставника епископа Рижского Иоанна (Гаклавса) и Русской Православной Церкви Заграницей. В подчинении последней во второй половине 1940-х гг. он успел послужить в нескольких православных приходах, в том числе в Регенсбурге, а также помочь в окормлении православных по вероисповеданию заключенных местных тюрем. К концу 1940-х гг. перед священником и его семьей встал вопрос о переезде в Соединенные Штаты Америки. После долгих раздумий, ради благополучия детей, протоиерей Феодор Михайлов переезжает в США и входит в юрисдикцию Северо-Американской митрополии. Статья основана на материале Архива Германской епархии Русской Православной Церкви Зарубежом и работ авторов, специализирующихся на русской церковной эмиграции, опубликованных сборников документов. Материал является одной из первых работ в серии статей, посвященных русской, эстонской, латвийской и белорусской послевоенной церковной эмиграции.

Ключевые слова: Феодор Михайлов, Русская Православная Церковь Заграницей, Латвия, Псковская Миссия, церковное возрождение, эмиграция, США, Германия, Вторая мировая война

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук №МК-4539.2021.2 Попытки отделения православных приходов Беларуси, Латвии и Эстонии от Русской Православной Церкви в 1941–1991 гг.

Для цитирования: Петров И.В. Русский пастырь в среде латвийской эмиграции: перипетии судьбы протоиерея Феодора Михайлова (1903–1959) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 230–244. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-230-244

Russian priest among the Latvian Emigration: The fate of Archpriest Feodor Mikhailov (1903–1959)

© Ivan V. Petrov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract: This paper deals with the fate of representatives of the Latvian post-war emigration on the example of a unique personality, the Russian priest Archpriest Feodor Mikhailov. A priest born on the territory of the current Pskov region. In the 1920s he became one of the representatives of the clergy in opposition to Metropolitan Sergius (Stragorodsky), for which he was punished in jail from 1929 to 1941. Leaving places of detention at the beginning of 1941, he soon found himself in the territory occupied by the Nazis and became a member of the Pskov Orthodox Mission. Together with the Pskov missionaries Archpriest Feodor Mikhailov was evacuated first to Latvia and then to Germany. There the priest was faced with a choice of two ecclesiastical jurisdictions: his mentor, Bishop John (Gaklavs) of Riga, and the Russian Orthodox Church Outside of Russia. Subordinating to the latter in the second half of the 1940s he managed to serve in several Orthodox parishes, including in

Regensburg, and also to help in the nourishment of Orthodox believers in local prisons. By the end of the 1940s the priest and his family were faced with the choice of moving to the United States of America. After much deliberation, for the welfare of the children, Archpriest Feodor Mikhailov moved to the United States and came under the jurisdiction of the North American Metropolitanate. The article is based on material from the Archives of the German Diocese of the Russian Orthodox Church Outside of Russia and the works of authors specializing in Russian church emigration, published collections of documents. The material is one of the first works in a series of articles devoted to the Russian, Estonian, Latvian and Belarusian post-war church emigration.

Keywords: Feodor Mikhailov, Russian Orthodox Church Outside of Russia, Latvia, Pskov Mission, church revival, emigration, USA, Germany, World War

Acknowledgements: The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for young candidates of sciences № MK-4539.2021.2 "Attempts to separate the Orthodox parishes of Belarus, Latvia and Estonia from the Russian Orthodox Church in 1941–1991".

For citation: Petrov I.V. (2021) Russian priest among the Latvian Emigration: The fate of Archpriest Feodor Mikhailov (1903–1959). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 230–244. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-230-244

История православного духовенства, покинувшего пределы СССР с отступающим Вермахтом, до сих пор до конца не изучена, что самое главное – не осмыслена. Мы прекрасно называем центры православной эмиграции, возникшие в Европе после поражения антибольшевистских сил в Гражданской войне в России, однако с большим трудом можем охарактеризовать ход образования центров подобной эмиграции после завершения Второй мировой войны. Любопытно отметить, что в число эмигрантов попали выходцы из потерявших свою независимость в ходе этой войны государств Балтии, Польши, оказавшиеся в сфере советского влияния государств Центральной, Восточной и Южной Европы. Однако еще более страдный путь проделали священнослужители в 1920–1930-е гг., несшие свой пастырский крест в РСФСР, УССР и БССР, и волею судеб оказавшиеся на оккупированной нацистами и их союзниками территории. Пальма первенства в изучении этих вопросов принадлежит зарубежным исследователям: В. Алексееву и Ф. Ставру (Alekseev, Stavrou, 1976); Х. Файрисайда (Fireside, 1971); А. Даллину (Dallin, 1957); В. Флетчер (Fletcher, 1971); Э. Трейлиб (Treulieb, 1965); В. Кале (Kahle, 1978/1979); Д. Поспеловскому (Поспеловский, 1995). К их числу можно отнести современную литовскую исследовательницу Регину Лаукайтите (Laukaitytė, 2002), а также и С-М. Майнера (Miner, 2003). Лишь последние два десятилетия к этим именам добавились российские авторы: М.В. Шкаровский (Шкаровский, 2007), Б.Н. Ковалев (Ковалев, 2004) и А.А. Корнилов (Корнилов, 2000).

Однако в большинстве работ внимание уделяется явлению служения «под немцами», а не судьбе конкретных священников. К числу таких пастырей относится и герой данной статьи – протоиерей Феодор Михайлов. По средству обращения к его биографии мы познакомимся с юрисдикционными спорами внутри возникшей общины латвийских православных священников и Русской Православной Церковью Заграницей.

Важно отметить, что личность данного священника и по сию пору вызывает определенные споры у современных историков, зачастую придерживающихся противоположного мнения в отношении деятельности пастырей, служивших в период нацистской оккупации в составе Псковской Православной Миссии и Прибалтийского экзархата. Наиболее концентрировано об этом сказали петербургские историки спецслужб С.К. Бернев и А.И. Рупасов. Ссылаясь на ныне покойного публициста Л.И. Соколову, они отнесли отца Феодора к лицам, сотрудничавшим с немецкими специальными органами, и передававшим сведения о партизанах (Приказ, 2016. С. 14)[1]. При этом надо учи-

[1] Приказ: Архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой

тывать заведомо критическую позицию составителей сборника ко всем миссионерам, а также имеющиеся в нем фактические ошибки (так, если верить именному указателю, сведения о судьбе отца Феодора Михайлова находятся на странице 172, однако в этом месте сказано о связях священника Михаила Ноздрина с некоей Анной Михайловой, женой Александра Михайлова) (Приказ, 2016. С. 172)[1]. Причем тут отец Феодор составители не поясняют.

Однако в работах других, серьезных церковных историков, также по сию пору встречаются неточности в описании биографии нашего героя. Для примера возьмем совместную работу московского историка иерея Ильи Соловьева и петербургского исследователя Михаила Шкаровского. В краткой биографической справке в конце они приводят данные о тех священниках, которые служили в составе Прибалтийского экзархата и Псковской Миссии в годы войны. При описании биографии протоиерея Феодора Михайлова происходит необъяснимое объединение его биографии с биографией другого человека. Обстоятельно описывая первый период его жизни, вплоть до эвакуации из Латвии, историки отмечают, что священник Михайлов остался на Родине, был арестован и после освобождения служил в конце 1950-х гг. на приходе села Васильевского Новгородского района (Шкаровский, Соловьев, 2013. С. 333). Далее указано, что пастырь находился за штатом с 1 октября 1959 г., проживал в Ленинграде в 1970–1976 гг., подавая многочисленные просьбы о возвращении к служению. Умер отец Феодор, если верить монографии 2013 г., в крайне нужде в июне 1976 г. (Шкаровский, Соловьев, 2013. С. 333).

Для того, что не допустить неточностей в описании, обратимся к биографическим данным, которые отец Феодор Михайлов сам привел в анкете священнослужителя Германской епархии РПЦЗ 25 декабря 1946 г. (Архив Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей (АГЕ РПЦЗ). Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 17). Родился пастырь 10 июля 1903 года. Местом рождения будущего священника был поселок Плюсса, располагавшийся тогда в Санкт-Петербургской губернии (ныне центр одноименного района в Псковской области). По окончании 4-классного училища Федор Михайлов на протяжении пяти лет обучается в Петроградском духовном училище (окончил в 1924 г.), Петроградском Богословском институте (момент окончания последнего определяет в анкете 1928 г.) (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 18). Все документы об окончании этих духовным учебных заведений были изъяты советскими следственными органами при аресте (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 18). Его рукоположение во диаконы совершил епископ Кронштадтский Венедикт (Плотников) 13 октября 1924 г. и назначил к служению к Воскресенско-Покровскому женскому монастырю близ станции Плюсса. С 1925 г. диакон Феодор Михайлов был приписан к Александро-Невской лавре и являлся секретарем епископа Колпинского Серафима (Протопопова). В 1927–1928 гг. диакон Феодор Михайлов был перемещен к собору Рождества Пресвятой Богородицы Новой Ладоги.

В сан иерея Феодора Михайлов рукоположил один из лидеров иосифлянского движения епископ Гдовский Димитрий (Любимов) 5 марта 1928 г., то есть уже после выхода знаменитой «Декларации о лояльности» митрополита Сергия (Страгородского) и реакции на последнюю со стороны епископата. Первым местом его священнического служения стала Покровская церковь близ нынешней железнодорожной станции Тигода в Киришском районе Ленинградской области. В период 1928–1929 гг. отец Феодор был награжден набедренником и камилавкой епископом Нарвским Сергием (Дружининым), тоже видным иосифлянином (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 17).

Из анкеты мы узнаем и точные даты заключения священника: с 3 сентября 1929 г. по 15 марта 1941 г. (заключение он отбыл на Колыме) (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 17). Историк К.П. Обозный сумел установить точную дату возвращения протоиерея Феодора Михайлова к служению в условиях нацистской оккупации с образованием Псковской Православной Миссии. 7 октября 1941 г. священник был принят, как показано в

оккупации 1941–1944: сб. док. / авт-сост.: Бернев С.К., Рупасов А.И. СПб.: Арт-Экспресс, 2016. 552 с.

удостоверении «из Иосифлянского раскола в общение с Московской Патриархией» (Обозный, 2008. С. 365). Если учесть, что сама миссия была образована в середине августа 1941 г., то освободившийся незадолго до начала войны из лагерей священник через несколько месяцев вошел в контакты с прибывшими из Риги миссионерами и продолжил свое церковное служение, прерванное ранее 11-летним заключением.

Следует сразу сказать несколько фраз и о семье священника. На 1946 г. она состояла из супруги 44 лет, трех сыновей: Павла (25 лет), Александра (21 год), Сергия (12 лет) (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 17) и 23-летней дочери Людмилы (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 18). Сразу отметим, что, находясь в Германии, по крайне мере один сын отца Феодора, Александр, прислуживал псаломщиком, о чем говорит подписанное митрополитом Берлинским и Германским Серафимом (Лядэ) и игуменом Георгием (Соколовым) 12 октября 1949 г. удостоверение. В нем содержится высокая характеристика среднего сына священника: «За время своей службы псаломщик Михайлов А.Ф. проявил себя по должности псаломщика, как вполне знающий это дело, отличным чтецом и певцом и выполнял свои обязанности с искренним усердием, ревностью, добросовестностью, можно с уверенностью засвидетельствовать, что он и впредь будет достойным работником Церкви Христовой, и в особенности, если будет возможность получить высшее духовное образование, к чему А.Ф. Михайлов всегда имел благое стремление» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 4). К служению в Православной Церкви Александр Федорович пришел еще в период нацистской оккупации на Северо-Западе России. В начале он работал в миссии рассыльным, одно время по недоразумению просидел непродолжительный период в тюрьме, пока не был освобожден отцом. Впоследствии он стал учиться на организованных митрополитом Сергием (Воскресенским) знаменитых пастырско-богословских курсах в литовской столице (Обозный, 2008. С. 550).

По поводу канонической принадлежности священника Феодора Михайлова существуют разные точки зрения. Тонкий знаток истории иосифлянства Михаил Витальевич Шкаровский отмечает в краткой биографической справке на отца Феодора, что с 1928 г. он «несколько лет иосифлянин» (Шкаровский, Соловьев, 2013. С. 333). Известно, что в период нацистской оккупации отец Михаил выступил также и в качестве переговорщика с влиятельным иосифлянским пастырем отцом Алексием Кибардиным. В середине сентября 1943 г. протоиерей Алексий Кибардин решил воссоединиться с Московской Патриархией после переговоров с третьим управляющим Псковской Миссией протопресвитером Кириллом Зайцем и согласился на вхождение в состав миссии. В 1943 г. Кибардин провел переговоры в Управлении миссии со священниками Кириллом Зайцем, Николаем Шенроком, а также с секретарем Миссии А.Я. Перминовым (Шкаровский, 2006. С. 335).

Еще одним немаловажным вопросом в биографии протоиерея Феодора Михайлова периода Великой Отечественной войны и нацистской оккупации Северо-Запада России является степень его сотрудничества с органами СД, взаимоотношения с просоветским подпольем, а также политические воззрения, предопределившие лояльность к оккупационному режиму. Одними из важных, однако предвзятых источников, способных приоткрыть завесу тайн над данным вопросом, являются материалы допросов советскими специальными органами тех членов Псковской Миссии, которые не успели или же не захотели эвакуироваться на Запад. Перед тем как приводить эти данные подчеркну, что безоговорочно доверять им нельзя, к тому же мы должны учитывать, что некоторые миссионеры знали, что отец Феодор отступил вместе с Вермахтом и могли некоторые аспекты сотрудничества с немцами приписать ему.

Ключевые показания против протоиерея Феодора Михайлова дали третий начальник Псковской Миссии протопресвитер Кирилл Зайц, протоиерей Николай Жунда, а также секретарь Миссии Андрей Яковлевич Перминов. Важно отметить, что все трое не пережили условий советской лагерной действительности (хотя только отец Кирилл Зайц был в преклонных летах, отец Николай родился в 1913 г.,

а А.Я. Перминов в 1918 г.). Так, в «собственноручных показаниях» протоиерея Кирилла Зайца от 6 октября 1944 г. отмечено, что отец Феодор служил близ Плюссы, «имел встречи с партизанами», «сообщил об этом органам СД и местным властям» (История Псковской…, 2017. С. 54)[2]. Кроме того, исходя из «показаний» «убоясь партизан», протоиерей Феодор Михайлов «ликвидировал свое хозяйство в Плюссе» и переехал в Псков, где был назначен на должность старшего ревизора. Любопытно, что в части показаний под общим заглавием «местонахождение упомянуты лиц в настоящее время» значится, что протоиерей Феодор Михайлов служил в Риги «при Ивановской церкви» (История Псковской…, 2017. С. 55)[2].

В октябре 1944 г. отец Кирилл Зайц в своих «собственноручных показаниях» дал более развернутую характеристику протоиерея Феодора Михайлова, а также обстоятельств знакомства с ним. Он отмечал, что Михайлов в Пскове оказался недавно, только в 1943 году. О священнике глава Псковской Православной Миссии знал очень немного: возраст его определял в 45 лет (на самом деле 41 год), отмечал, что Михайлов приехал из Плюссы, Ленинградской области. Внешний вид был описан следующим образом: «Среднего роста, подстриженный, бритый, достаточно полный, по-видимому, отличающийся хорошим здоровьем» (История Псковской…, 2017. С. 79)[2]. Отцу Кириллу был известен и факт принадлежности отца Феодора к иосифлянам, а также многолетнее заключение в советских лагерях, факт покаяния и воссоединения с Псковской Миссией.

Именно отец Кирилл Зайц поведал о том, что в Плюссе у священника Михайлова было серьезное «столкновение» с партизанами, в результате чего он решил спешно её покинуть. По поводу спешности глава миссии отметил, что вначале отец Феодор приезжает в Псков сам, а затем к нему присоединяется его семья, которая взяла с собой собранный хлеб, картофель и корм для коровы. В главном городе миссии отец Феодор Михайлов был переведен на приход Дмитриевской церкви, где уже существовал знаменитый, организованный протоиереем Георгием Бенигсеном детский приют (последний разместился в Мирожском монастыре). Исходя из показаний протопресвитера Кирилла Зайца, протоиерей Феодор Михайлов быстро находит общий язык с митрополитом Сергием (Воскресенским), который возводит его в сан протоиерея и назначает старшим ревизором. Причиной такого расположения экзарха к плюсскому священнику отец Кирилл называет инцидент с партизанами, хотя нам представляется, что митрополит Сергий был предрасположен к «подсоветскому» духовенству, так как и его становление происходило при большевистской власти.

Некоторым сведениям протопресвитера Кирилла Зайца мы не можем доверять в полной мере. В особенности это касается степени сотрудничества священника с немецкими органами СД. Арестованный пастырь отмечает, что отец Феодор замещал его во время отъездов Зайца, а также часто посещал «по дороге домой» органы СД вместе с отцом Георгием Бенигсеном (про себя заметим, что оба священника не были в тот момент в зоне досягаемости советских специальных органов). Наконец, отец Кирилл отмечает, что ему доподлинно неизвестно какие конкретные сведения, помимо требуемых, предоставлял Михайлов СД, кроме тех, которые необходимо было отправлять управлению миссии (История Псковской…, 2017. С. 79–80)[2].

Со слов протопресвитера Кирилла Зайца, отец Феодор активно выступал в период немецкой оккупации как ярый противник и критик советской власти. В подтверждении этого тезиса в «собственноручных показаниях» присутствуют следующие слова: «В одно из воскресений, когда именно – не помню, им была произнесена одна из сильнейших проповедей о большевизме, о порабощении России большевиками, и о спасении России немцами – победою над Красной Армией» (История Псковской…, 2017. С. 80)[2]. По версии отца Кирилла, эта речь очень понравилась офицеру СД, присутст-

[2] История Псковской православной миссии в документах: [в 2 ч.]. Ч. II. Документы судебно-следственных дел. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2017. 736 с.

вующему в храме, который пожал протоиерею Феодору Михайлову руку и заявил, что ранее не слышал ничего подобного. О дачи подписки отца Феодора Михайлова, в числе других священников, о сотрудничестве с органами СД, протопресвитер Кирилл Зайц упоминал не единожды в своих показаниях (История Псковской…, 2017. С. 104–105, 136)[2].

Правдивым выглядит другой момент – вопрос об эвакуации в завершающий период нацистской оккупации. Глава Миссии обращался к Михайлову с предложением остаться, однако последний от этой идеи отказался, справедливо отмечая, что ему – «крышка», в случае восстановления советской власти. Также Зайц отметил, что и на этот раз эвакуировавшегося священника ласково принял митрополит Сергий, назначив к Иоанновской церкви Риги вместо протоиерея Феодора Ягодкина (История Псковской…, 2017. С. 80)[2].

Теперь обратимся к протоколам допросов другого члена Псковской Миссии протоиерея Николая Жунды. Как и протопресвитер Кирилл Зайц, отец Николай приводит сведения о сотрудничестве протоиерея Феодора Михайлова с органами СД, а также о предоставлении им сведений о партизанах и иных «неблагонадежных лицах», согласно специальному циркуляру миссии 1942 г. В сотрудничестве с гестапо отца Феодора обвинил Андрей Яковлевич Перминов в ходе дачи показаний в декабре 1944 г.: «Ф. Михайлов, священник в Плюссе, а затем помощник начальника Миссии. Сотрудничал с гестапо в Плюссе. Осенью 1943 г. показывал мне справку Плюсского гестапо, что он является секретным сотрудников гестапо. В справке Плюсское гестапо просило оказывать Михайлову всяческое содействие» (История Псковской…, 2017. С. 248)[2].

Наконец, рассмотрим показания, данные протоиереем Николаем Мироновичем в середине ноября 1944 г. Последний отмечал участие главного героя нашей статьи в мероприятиях, связанных с годовщинами нацистской оккупации (История Псковской…, 2017. С. 360)[2], а также поведал следствию о том, как протоиереи Николай Жунда и Феодор Михайлов проводили расследование жалоб на Мироновича по поводу растрат и поведении (на его взгляд не вполне объективно) (История Псковской…, 2017. С. 362)[2].

Теперь зафиксируем места служения Михайлова в военное время. М.В. Шкаровский и иерей Илья Соловьев отмечают в своей работе, что отец Феодор был священником в родной Плюссе в период нацистской оккупации (Шкаровский, Соловьев, 2013. С. 280). Кроме Плюссы, местами его служения были: село Вилени Лужского района, приходы Гдовского округа и Дмитриевская церковь в Пскове. Благочинным Псковского округа протоиерей Феодор Михайлов являлся в период с 7 августа 1943 г. до 19 февраля 1944 г. (Шкаровский, Соловьев, 2013. С. 53).

За время служения под немцами на территории нынешних Ленинградской и Псковской областей РФ и Латвии священник 23 апреля 1943 г. был награжден наперсным крестом митрополитом Литовским и Виленским Сергием (Воскресенским) (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 17). 23 декабря того же года экзарх Прибалтики возвел отца Феодора Михайлова в сан протоиерея. Следующее награждение, палицу, он получит уже от митрополита Берлинского и Германского Серафима (Лядэ) 27 августа 1945 г. (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 17).

Находясь в Латвии, отец Феодор составил один из самых глубоких по своему значению рапортов, посвященных религиозности российских беженцев, которые оказались вместе с отступающим Вермахтом на территории Балтии. Священник писал, что при работе Внутренней миссии в Латвии он замечал, что многие беженцы желали окрестить ребенка не из религиозных побуждений, а ввиду того, что хотели получить продукты и, в первую очередь, выдаваемый после Таинства, алкоголь. Отец Феодор считал существовавшую в Латвии практику выдачи родителям водки после крещения пагубной и что беженцы из РСФСР должны оставаться без таких «сомнительных» подарков. Пастырь писал епископу Рижскому Иоанну (Гарклавсу), что ему отнюдь не жалко выдать пива или водки беженцам, однако он замечал, насколько низкой стала религиозность у народа, ранее носившего имя «Богоносца» (Обозный,

2008. С. 393). Протоиерей Феодор Михайлов особо подчеркивал, что если владыка Иоанн «по юридическим соображениям» не может издать распоряжение об этом запрете, то пусть он оповестит благочинных о том, что необходимо тщательнее проверять причины, которые побуждали родителей к крещению детей. Епископ Иоанн поддержал начинание священника. Через 9 дней после рапорта протоиерея Михайлова 21 июня 1944 г. вышел специальный циркуляр № 1645, в котором говорилось об участившихся случаях кощунственного отношения части беженцев из СССР к Таинству Святого Крещения, в результате чего выдача справок для получение подобных премий гражданам, не проживавшим на территории Латвии до войны, была прекращена (Обозный, 2008. С. 394). Справедливости ради следует отметить, что подобного рода решение не носило дискриминационный характер, а, наоборот, подстегивало духовенство к тому, чтобы тщательнее следить за своим моральным обликом и оставаться примером для некрепких в вере «подсоветских людей». Отметим также, что причиной подобного поведения отец Феодор в своем рапорте посчитал большевизм и его более чем 20-летнюю атеистическую пропаганду.

Перенесемся в послевоенную Германию, где обнаружим нашего героя. В период своего пребывания в этой стране у протоиерея Феодора Михайлова имелась ставленическая грамота в сан протоиерея, в которой были указаны номера тех документов, которые были им утрачены в феврале 1944 г. (многие документы протоиерея Феодора Михайлова погибли во время печально знаменитой бомбардировки Пскова 18 февраля 1944 г.).

19 мая 1945 г. отец Феодор обращается к митрополиту Германскому и Берлинскому Серафиму (Лядэ) с просьбой отпустить необходимую сумму денег для того, чтобы соорудить в Свято-Покровской церкви в Регенсбурге новый иконостас. Примечательно, что для сооружения иконостаса протоиерей просматривал и оценивал такие примеры как «Местные Иконы и Архангелы» в васнецовском стиле, «Тайную Вечерю» Леонардо да Винчи и за престольную икону «Воскресения Христова» неизвестного письма (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 10).

25 июля 1945 г. протоиерей Феодор Михайлов обратился к митрополиту Серафиму со следующим прошением: «Ваше Высокопреосвященство, дорогой и любимый Владыка Серафим, волею судеб промысла Божия, я недостойный протоиерей с Города Риги прибыл в Баварию в Город Регенсбург, где проживало много людей православного исповедания, считая своим пастырским долгом я обслуживал их религиозные нужды, а при оккупации Баварии Американскими войсками принимал горячее участие в организации Православной Церковной общины, в настоящее время община зарегистрирована соответствующей Американской комендатурой и в наше пользование предоставлена протестантская кирха, где мы регулярно и совершаем Божественные службы» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 19). В завершении прошения протоиерей Феодор Михайлов надеялся, что митрополит Серафим предоставит ему возможность продолжить служение в Регенсбурге.

2 августа 1945 г. митрополиту Серафиму (Лядэ) написал директор русской гимназии в Регенсбурге Александр Григорьевич Попов. Легендарная личность, последний директор Великого Князя Константина Константиновича Кадетского корпуса, в письме давал лестные для переехавшего в Германия «подсоветского» священника характеристики: «Он произвел на меня определенное впечатление пастыря твердого и знающего в служении св. Православной Церкви и вместе с тем человека очень доброго, чистого сердцем, бескорыстного и бесхитростного, за что и любим своею паствою. Прошу Вас верить, что письмо это продиктовано не каким-либо моим пристрастием, но вполне отвечает истине, которую так трудно познать, когда встречаешься с человеком незнакомым да к тому же прожившим долгое время в Сов. России» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 20). Заканчивалось письмо признанием Александра Григорьевича в личном тяжелом моральном и физическом состоянии, омраченном гибелью кадетского корпуса, в котором Попов видел «смысл своего существования» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 20).

Итак, после того как протоиерей Феодор Михайлов оказался на территории Германии он достаточно быстро смог расположить к себе ту русскую эмиграцию, еще первой волны, которая переехала из Югославии в Германию, а также местную русскую эмиграцию. Теперь перед ним стояла дилемма выбора юрисдикции, к которой следует относиться в новых для себя условиях. В отличие от большинства прибывших из Латвии священников, отец Феодор не относился к пастырям, чье становление прошло в период руководства Латвийской Православной Церковью архиепископом Иоанном (Поммерсом) и митрополитом Августином (Петерсонсом). При этом в условиях жестких гонений со стороны советского государства отец Феодор относился к иосифлянам, не признающим компромиссы с действующими гражданскими властями. После 11 лет лагерей в пределах Крайнего Севера священник попадает на оккупированную территорию и входит в состав «Православной миссии в освобожденных областях России» (официальное название Псковской Миссии, данное оккупантами). Воссоединившись через участие в ней с московскими церковными властями и их ставленником митрополитом Сергием (Воскресенским), Михайлов добился расположения церковных властей и занимал в завершающий период оккупации высокие должности. Особым расположением священник пользовался у одного из наследников митрополита Сергия (Воскресенского) – епископа Рижского Иоанна (Гарклавса). Вопрос о юрисдикционном положении последнего же был дискуссионным.

Дело в том, что на территории Германии проживал еще один представитель латвийского епископата – митрополит Августин (Петерсонс). С 1936 г. он возглавлял Латвийскую Православную Церковь, которая перешла в подчинение Константинопольского Патриархата. После событий 1939–1940 гг. митрополит Августин, как многие другие православные иерархи стран Балтии и Польши, вынужден был принести покаяние перед церковными властями в Москве. В начале 1941 г. он отошел от дел, однако с началом немецкой оккупации вышел из подчинения экзарха Сергия (Воскресенского) и попытался восстановить собственную церковную юрисдикцию. После неудачных попыток восстановления своей власти над православными приходами Латвии, митрополит Августин перебрался в Германию. Вплоть до своей кончины пожилой архиерей проживал в санаториях Германии. Очень часто владыка Августин, подстрекаемый своим окружением, стремился создать Латвийскую Православную Церковь в изгнании (подробно об этом можно прочитать в статье немецкого исследователя Анатолия Кинстлера в журнале «Православие в Балтии» (Кинстлер, 2015).

Дело в том, что позицию митрополита Августина по вопросу принадлежности к той или иной юрисдикции можно обозначить как «маятник», качающийся то в сторону налаживания контактов с РПЦЗ, то в сторону создания ЛПЦ в изгнании, то в русло возобновления переговоров с представителем Константинопольского Патриархата митрополитом Фиатирским Германосом (Стренопулосом), принимавшим самое активное участие в выборах митрополита Августина главой ЛПЦ в середине 1930-х гг. Например, в августе 1946 г. в одном из германских санаториев, где проживал в тот момент глава Латвийской Православной Церкви, состоялось собрание его сторонников, итогом которого стало письмо митрополиту Германосу и фактическое признание эмигрантской структуры ЛПЦ в подчинении Вселенского Патриархата (Strods, 2005. Lpp. 182–184).

Естественно, что в процессе этих «переговоров» всплывал вопрос об участии в обсуждении епископа Иоанна (Рижского). Несложно догадаться, что между митрополитом Августином и епископом Иоанном были напряженные отношения в связи с острыми юрисдикционными противоречиями периода нацистской оккупации (один епископ выступал за «промосковскую юрисдикцию», а другой – резко против нее). В ноябре 1946 г., по инициативе епископа Иоанна (Гарклавса) прошли переговоры двух архипастырей, итогом которых стало компромиссное решение о создании Синода Латвийской Православной Церкви в эмиграции, а также возгавления этой церковной структуры митрополитом Августином. При этом епископ Иоанн мог ру-

ководить ЛПЦ в эмиграции в случае болезни владыки Августина (Гаврилин, 2009. С. 277–280). 12 заседаний Синода прошло в период с 1947 г. по 1949 г., однако они сохранили имеющиеся споры в среде новой латвийской православной эмиграции. Так священники, неприязненно относящиеся к позиции епископа Иоанна времен войны, настаивали, что он епископ «московской красной церкви» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 6. Д. 6/7. «Личное дело протоиерея Иоанна Лиепиньша» Л. 6. об.). Что же касается ближнего круга епископа Иоанна, то представители этой части латвийского православного духовенства тяготели к переезду за океан и вхождению в юрисдикцию Северо-Американской митрополии. При этом интересно отметить, что именно поборники линии митрополита Августина были в большей степени ориентированы на РПЦЗ, нежели епископ Иоанн (Гарклавс), (который был и в неприятии «карловчан» верен почившему митрополиту Литовскому и Виленскому Сергию (Воскресенскому)). В данном случае наш герой оказался между двух огней. Он не принадлежал к тем священникам, которые служили в межвоенное время в Латвии, к тому же не был этническим латышом. Одновременно с этим, по своим политическим взглядам он тяготел к РПЦЗ, в том числе по причине отношения в конце 1920-х гг. к иосифлянам. Добавим к этому его благодарность за помощь в 1944 г. епископу Иоанну (Гарклавсу). С последним он сохранил теплые отношения и в Германии. О последнем, а также о возможной подготовке семьи Михайловых к переезду за океан, узнали священники, относящиеся к Берлинской и Германской епархии РПЦЗ.

Одним из основных обязанностей протоиерея Феодора Михайлова во время его нахождения в Германии стало служение в тюрьмах. Епархиальное управление поручило отцу Феодору обслуживание заключенных в тюрьме в Штраубинге (Бавария) с условием постоянного информирования управления о результатах этой деятельности (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 14). О первых итогах этого служения протоиерей Феодор Михайлов информировал митрополита Серафима (Лядэ) в рапорте от 29 апреля 1948 г.: «Честь имею доложить Вашему Высокопреосвященству о том, что согласно Вашего распоряжения от 1-го Апреля с/г, мне поручено обслуживание заключенных в тюрьмах в Штраубинге и Регенсбурге, дело оказалось не совсем легким, т. к. имеет разрешение на посещение заключенных в тюрьмах о. Иоанн Легкий, а разрешение дают только одному священнику от каждого вероисповедания. Но, Слава Богу, по Вашим Святым молитвам я прошел процедуру оформления и мне старший Инспектор Баварских тюрем дал разрешение посещать и совершать Богослужения в Баварских тюрьмах один раз в две недели. С Вашего Архипастырского Благословения я на первой неделе Святой Пасхи совершу Литургии /тюремных костелах/ для заключенных в Штаубинге 4-го и Регенсбурге 6-го мая. С помощью Божией постараюсь регулярно посещать указанные места и в них томящихся» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 9). В скором времени к этим городам прибавилась и тюрьма в городе Амберге. В 1948 г. в пасхальное время в ней находилось в заключении 32 православных человека, которым отец Феодор каждому собственноручно передал по килограмму хлеба, одному яйцу, а также килограмму табака. Помимо молебна, священник произнес поучение на тему «Бог в природе человека». В тюрьме в Штаубинге отбывало наказание 48 православных заключенных, 20 из которых 19 мая 1948 г. исповедовались и приобщились к Святым Тайнам. Общее впечатление протоиерея Феодора Михайлова было тягостным от этих заключенных, так как большинство из них только в тюрьме «познали Бога вверили себя его Промыслу» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 12). Тем не менее, по мнению пастыря, когда он уезжал, большинство заключенных надеялись на повторный приезд священника как в силу желания исполнения своих религиозных потребностей, так и по причине получения продовольственной помощи.

В ходе тюремного служения у отца Феодора возникали существенные трудности. Так однажды он серьезно заболел гриппом, который дал осложнение на общее состояние здоровья пастыря. Еще одной проблемой стало получение пропуска в тюрьму, так как юридическая секция в Регенсубурге отказывалась его предоставить, намекая на не-

обходимость обращения в Мюнхен. Священник просил, чтобы владыка Серафим (Лядэ) подписал официальный указ, переведенный на немецкий язык, гарантирующий Михайлову беспрепятственный доступ в тюрьмы Баварии (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 13–13 об.). При этом пропустить запланированные посещения тюрем отец Феодор мог только ввиду болезни, всегда информируя об этом епархию и прося найти ему замену.

В конце июля 1948 г. протоиерей Феодор Михайлов отчитывался в рапорте митрополиту Серафиму о проделанной с 5 мая по 14 июля 1948 г. работе по окормлению заключенных в тюрьмах Штраубинга, Амберга и Регенсбурга. Пастырь отмечал, что с меньшей регулярностью ему получается посещать тюрьму в Штраубинге (2–3 раза в месяц). При этом в указанный срок заключенным в Штраубинге он передал 467 кг черного хлеба, 38 кг сухарей, 6 кг табаку, 29 пачек папирос, 5 кг мыла, 7 кг сахару, 16 кг макарон, 22 кг гороха, 16 кг крупы, 2 кг сухого молока, 100 штук куличей и столько же яиц, 36 тюбиков зубной пасты, 80 расчесок, 900 таблеток сахарину, 4 кг жиров, 40 зубных щеток (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 7). Также заключенные получил 100 Евангелий, 60 молитвенников, 100 нательных крестиков и 100 экземпляров светской литературы. 16 «единоличных посылок» было переслано протоиереем Феодором Михайловым в другие тюрьмы от 8 до 14 кг каждая. В заключение священник отмечал: «В связи с денежной реформой так часто посещать заключенных и посылать пакеты, а меня осаждают просьбами ежедневно, я очень скорблю, что не в состоянии удовлетворить полностью их просьбы, более всего меня смущает железнодорожный проезд, т. к. никаких средств у меня нет, следующая поездка назначена в начале Августа» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 7).

Труд протоиерея Михайлов по окормлению заключенных в Регенсбурге, Амберге и Штраубинге был высоко оценен митрополитом Серафимом, который свои указом от 24 мая 1948 г. выразил отцу Феодору благодарность и благословил его на дальнейшую деятельность на этой ниве (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 11).

В период своего служения на территории Германии протоиерей Феодор Михайлов успел поработать на должности епархиального следователя. 31 января 1947 г. определением митрополита Серафима (Лядэ) было принято решение упразднить должность епархиального следователя и отстранить от нее протоиерея Феодора Михайлова. Вместо должности епархиального следователя учреждались духовные суды и духовные следователи для епархиальных округов (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 16). Однако владыка Серафим не решился оставить протоиерея Феодора Михайлова без послушания и назначил его членом Епархиального Миссионерского комитета (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 16 об.).

Иногда протоиерей Феодор Михайлов становился «третейским судьей» в конфликтах между православным духовенством и мирянами. Так, в 1947 г. в приходе в лагере для перемещенных лиц в Кемптене разразился конфликт между той группой верующих, которые считали, что местный священник Виктор Колиберский не контролирует ситуацию в приходе, и теми, кто поддерживал священника. Большая часть приходского совета также не подчинялась священнику и находилась с ним в остром конфликте. Противники настоятеля Пантелеимоновской церкви в Кемптене просили от митрополита Серафима (Лядэ) направить в Кемптен нового настоятеля. Протоиерей Феодор Михайлов был направлен в Кемптен в качестве Уполномоченного от Епархиального управления. Как пишет А.В. Гаврилин, последний видел причину конфликта в излишне мягком характере отца Виктора и отсутствия у него административных навыков (Гаврилин, 2013. С. 215–216). Масла в огонь подлил факт принятия Колиберским предложения другого кемптенского храма, Свято-Николаевского, об объединении двух приходов (храм Великомученика Пантелеимона был госпитальным) под общим руководством протоиерея Виктора Колиберского. Конфликт разрешился, в том числе благодаря высказанному протоиереем Феодором Михайловым мнению, назначением в Свято-Пантелеимоновскую церковь настоятелем протоиерея Симеона Бразовского, выходца с территории современной Беларуси.

Несмотря на достижения в пастырском служении на германской земле, священник стал думать о переезде за океан. Известно, что определяющим событием для процесса переезда православных латвийских священников из Германии в США стало прошение епископа Иоанна (Гарклавса) от 1 октября 1947 г. на имя митрополита всея Америки и Канады Феофила (Пашковского) с просьбой принять как самого епископа, так и сопровождающее его духовенство в состав Северо-Американской митрополии (Гаврилин, 2013. С. 112). 12–13 ноября 1947 г. в Сан-Франциско собирается Собор епископов Северо-Американской митрополии, на котором было принято положительное решение о принятии епископа Иоанна (Гарклавса) и близких к нему священников в свою юрисдикцию. 10 мая 1947 г. документы для переезда в США передали: сам епископ Иоанн, протоиерей Леонид Ладинский, протоиерей Николай Перехвальский, протоиерей Николай Виеглайс. Подал документы и протоиерей Феодор Михайлов (Гаврилин, 2013. С. 112).

Между тем, пока процесс переезда в США затягивался, отец Феодор вынужден был «отчитываться» перед представителями РПЦЗ по поводу своих переговоров с епископом Иоанном. Во второй половине 1940-х гг. протоиерей Феодор Михайлов попал в гущу конфликта нескольких православных юрисдикций, в состав которых входили эвакуировавшиеся из Латвии в Германию священники. Отец Феодор отмечал в прошении на имя епархиального секретаря игумена Георгия (Соколова), что сведения о том, что он находится в юрисдикции епископа Иоанна (Гарклавса) не соответствуют действительности. Священник подчеркивал, что после своего назначения, последовавшего после 3 августа 1945 г. на приход в Регенсбург к Свято-Покровской Церкви, он продолжает «верой и правдой» служить митрополиту Серафиму (Лядэ).

Свои теплые отношения с владыкой Иоанном Михайлов объяснял следующим образом: «Что-же касается Влад. Иоанна Рижскаго, то я Вл. Иоанну очень многим обязан, я его неоплатный должник. Когда я был сильно ранен и почти в бессознательном состоянии меня Немцы привезли в Ригу, то Вл. Иоанн с чисто отеческой любовью принял не только одного меня, но и всю мою семью (а нас было шесть человек) к себе на квартиру, стеснил себя, предоставив нам две мебелированные комнаты в своих Архиерейских покоях и заботился обо мне лучше больничной сиделки день и ночь, ежедневно делал мне Сам перевязки, массаж и содержал всех нас на полном своем попечении несколько месяцев, и по моем выздоровлении определил меня на самое лучшее место Настоятелем Рижской Иоанновской церкви, где я с помощью Божией и упорядочил церковную жизнь в приходе, за что Вл. Преподал мне свое Архипастырское благословение. Могу-ли я его забыть?» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 8). Данный факт подтверждает в своем исследовании ныне покойный латвийский историк Александр Гаврилин: «Так как после переезда семьи Гарклавс в Озолканс квартира епископа на улице Меркеля пустовала, в начале 1944 года в течение двух месяцев в квартире проживала семья протоиерея Феодора Михайлова: сам о. Феодор, его супруга Агафья Михайлова, их дети Людмила, Александр и Сергей. Во время эвакуации из Пскова в начале февраля 1944 года о. Феодор был ранен и, так как в Риге ему не было предоставлено жилье, епископ Иоанн решил эту проблему очень просто, пригласив семью священника пожить в его квартире. 10 марта 1944 года о. Феодор Михайлов был назначен настоятелем Рижской Св. Иоанновской церкви и несколько недель спустя его семья покинула гостеприимный дом Владыки» (Гаврилин, 2009. С. 189).

Далее отец Феодор намекал, что ложная информация о его намерениях сменить юрисдикцию является результатом козней злонамеренных лиц. Он снова и снова повторял, что «с большой осторожностью прислушивается к голосу своей пастырской совести» и не собирается «менять юрисдикции как перчатки» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 8). В качестве доказательства собственной стойкости и верности юрисдикции священник приводит пример из своего жизненного пути довоенного времени. Говоря о себе в третьем лице, Михайлов подчеркивает, что мог бы спокойно перейти к обновленцам, однако отказался от таких

предложений, в результате чего «избрал тюрьму и безропотно нес свой страдальческий подвиг в течение двенадцати лет, бросив на произвол судьбы свою любимую семью, которая вела нищенский образ жизни, ибо не имела никаких средств к существованию» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 8–8 об.). Характеризуя себя честным человеком, протоиерей Феодор Михайлов заявлял, что явился бы в случае желания сменить юрисдикцию к митрополиту Серафиму лично, и прежде высказал бы все свои мысли о переходе в подчинение епископа Иоанна.

Далее следовала третья часть письма с изложением будущих планов отца Феодора Михайлова, из которых следовало, что он собирался покинуть пределы Германской епархии РПЦЗ и выехать за океан. Священник зашел издалека, отмечая, что сам не хочет уезжать, однако дети просят его переехать, собирать необходимые для переезда документы. «Если промысел Божий» определит служить отцу Феодору на другом континенте, то он просил бы священноначалие о следующем: «То согласно отпускной грамоты и опять-же по своей пастырской совести я определю свое положение. Воля на все Божия. А теперь все время бегаю по Регенсбургу и выпрашиваю хлеб для заключенных и слежу за росписью Иконостаса к работам уже приступили» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 8 об.).

В завершении письма священник выделил свои заслуги, подробно написал, что он обращался к главе Администрации американской зоны оккупации Германии генералу Люсиусу Клею с просьбами о помиловании заключенных (обещал перенаправить эти документы игумену Георгию в следующем письме). Смыслом этого письма отцом Феодором названо желание «излить тяжесть наболевшей души», упомянув одновременно, что его «дурной характер» не может помочь ему сидеть сложа руки (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 8 об.).

Итак, в данном письме прекрасно описана ситуация вокруг православных приходов как русского, так и латвийского православного рассеяния в критический момент. Перед большинством пастырей уже тогда стояла дилемма отъезда в Америку или продолжения служения на территории Германии при условии постоянно уменьшающейся паствы. В этом письме, датированном 5 июня 1948 г., видно, что протоиерей Феодор Михайлов постепенно готовит себя к мысли об отъезде (о том, что прошение о переезде было передано им в прошлом году, отец Феодор умолчал).

29 июля 1948 г. протоиерей Феодор Михайлов пишет еще одно письмо, на этот раз уже на имя самого митрополита Берлинского и Германского Серафима (Лядэ), с целью разъяснения своих отношений с епископом Иоанном (Гарклавсом). Начинает свое объяснение священник с упоминания своего, как он говорит, «частного письма» в адрес игумена Георгия (Соколова). Исходя из дальнейших слов протоиерея Михайлова, создается впечатление, что владыка Серафим так и не получил должного разъяснения от игумена Георгия, в связи с чем последний направил священнику письмо с просьбой ответить главе Германской и Берлинской епархии РПЦЗ. В письме, в частности, было сказано следующее: «… с 1944 года я состою в юрисдикции Заграничного Синода и 3-го августа 1945 года ВАШИМ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВОМ принят в Клир Православной Епархии в Германии, с назначением меня священников в Город Регенсбург в Свято-Покровскую церковь, где я прохожу свое Священно-Пастырское служение под ВАШИМ АРХИПАСТЫРСКИМ РУКОВОДСТВОМ И ПОПЕЧЕНИЕМ, отдавая свои силы на служение БОГУ и ЕГО СВЯТОЙ ЦЕРКВИ. Что же касается преосвященного Иоанна. Епископа Рижского, то я с ним не прерывал молитвенного общения, но воздерживался от сослужения, и после того, когда Владыка Иоанн посетил целый ряд Храмов Германской Епархии, я с ВАШЕГО благословения пригласил Владыку Иоанна и Он с Чудотворным Образом посетил нас и я с ним сослужил всего один раз, больше Владыка к нам не приезжал и никогда не предлагал перейти в его юрисдикцию» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 6). А вот далее в письме отразилась интересное объяснение слухов о подготовке священника к отъезду. В феврале 1948 г. епископ Иоанн (Гарклавс) сообщал отцу Феодору о

своих намерениях иммигрировать либо в США, либо в Парагвай. Для протоиерея Феодора Михайлова самым главным было отправить за океан собственных детей. Существовала так называемая специальная «латышская квота», которая была заполнена на 6 лет вперед. Только в 1948 г. вновь появилась возможность решить вопрос положительно. При этом священник напирал на то, что открыто признается в том, что у него «не лежит душа к отъезду». Однако протоиерей Феодор Михайлов решил упомянуть, что он сохранит «верность и любовь» к митрополиту Серафиму (Лядэ), отмечая, что у него никогда и мысли не было сменить юрисдикцию (в дальнейшем мы увидим, что ситуация сложится иначе).

Для усиления эффекта от собственного письма протоиерей Михайлов решает дополнить его перечислением собственных заслуг и текущих событий на приходе. Он выделяет особо работу над иконостасом, упоминает, что две иконы уже написаны, а также вспоминает о своем «тюремном» служении. В завершении священник просил у митрополита Берлинского и Германского архиерейского благословения, в связи с тем, что вверенная отцу Феодору община испытывала материальные трудности и не могла выделить необходимые средства для завершения росписи иконостаса (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 6 об.)

Нам доподлинно неизвестно умышленно ли «лукавил» протоиерей Феодор Михайлов для того, чтобы пресечь слухи о своем отъезде из Европы и контактах с епископом Иоанном (Гарклавсом). Скорее всего пастырь, испытавший на себе, в отличие от многих священников как первой, так и второй волны эмиграции, многолетние гонения большевиков, желал для себя лучшей жизни, которая виделась ему более безопасной за океаном, нежели в Германии, где количество верующих стремительно уменьшалось, а советское влияние было довольно ощутимым.

12 октября 1949 г. епархиальное управление Германской епархии РПЦЗ за подписью митрополита Серафима (Лядэ) и секретаря игумена Георгия (Соколова) выдало протоиерею Феодору Михайлову канонический отпуск. В документе значилось следующее: «Выдан сей Епархиальным Управлением Православной Епархии в Германии протоиерею Феодору Михайлову во свидетельство того, что он находился на служении в православной епархии в Германии с июля месяца 1945 г. и уволен по причине выезда из Германии. За время своего служения протоиерей Феодор Михайлов под следствием, судом и запрещением не состоял и не состоит и препятствий к его переходу в другую епархию Русской Православной Церкви заграницей со стороны Епархиального Управления Православной Епархии в Германии не встречается» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 1). Сейчас сложно предположить догадывались давшие этот канонический отпуск представители РПЦЗ о том, что протоиерей Михайлов, как и большинство других священников из Латвии, перейдет в юрисдикцию САМ. Протоиерей Феодор Михайлов свой выбор сделал и был готов отправиться за океан вместе с семьей в поисках лучшей жизни и нового места служения.

Помимо протоиерея Феодора Михайлова в Нью-Йорке в начале 1950-х гг., оказались протоиерей Леонид Ладинский, протоиерей Николай Перехвальский, уже известный нам по Кемптену протоиерей Виктор Колиберский и его сын протоиерей Арсений Колиберский, неподалеку от города в Си-Клиффе служил один из самых известных членов Псковской Православной Миссии протоиерей Алексий Ионов (Гаврилин, 2013. С. 216). Находился в городе и епископ Иоанн (Гарклавс). Естественно, что и в новых для себя условиях служения владыка Иоанн и солидарные с ним священники хотели создать свою собственную церковную структуру для обслуживания православных выходцев из Латвии. К сожалению, данное начинание, ввиду разбросанности переселенцев, успехом так и не увенчалось, приходы и священники стали «растворяться» в США и Канаде.

«Растворился» в этом служении и отец Феодор. Он служил в Нью-Йорке в храме Христа Спасителя вплоть до своей кончины в ноябре 1959 г. «Американский период» служения пастыря достоин отдельного рассмотрения, вне рамок данной статьи. Свое упокоение уроженец Плюссы нашел в Свято-Тихоновском монастыре в Пенсильвании.

Путь отца Феодора Михайлова тернист, не долог, весьма примечателен. Оказавшись в чужой, по сути, группе духовенства он смог найти себя как в латвийской православной семье, так и в РПЦЗ. Конечно, в рамках данного материала мы сумели сделать только несколько штрихов к его портрету. Надеемся, что удастся вернуться к его биографии вновь. Также как и рассмотреть биографии оставшихся на Родине священников, что делают современные авторы (Oboznyi, 2017).

Библиографический список

Гаврилин А.В. Латвийские священнослужители на Американском континенте. М.: Общество любителей церковной истории, 2013. 407 с.

Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб.: Алаборг; Тихвин: Издательская служба Тихвинского монастыря, 2009. 464 с.

Кинстлер А. Прибалтийская православная тема в Архиве Германской Епархии РПЦЗ // Православие в Балтии. 2015. № 3 (12). С. 11–48.

Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.: Аст: Транзиткнига, 2004. 486 с.

Корнилов А.А. Преображение России: о православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1945). Н. Новгород: ИФ ННГУ, 2000. 192 с.

Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии. 1941–1944 гг. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2008. 608 с.

Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 509 с.

Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече, 2007. 512 с.

Шкаровский М.В. Судьбы иосифлянских пастырей. Иосифлянское движение Русской Православной Церкви в судьбах его участников. Архивные документы. СПб.: Сатисъ: Держава, 2006. 588 с.

Шкаровский М.В., Соловьев И. Церковь против большевизма. М: Общество любителей церковной истории, 2013. 416 с.

Alekseev W., Stavrou T. The Great Revival. The Russian Church under German Occupation. Minneapolis, Burgess Publishing Company, 1976. 229 p.

Dallin A. German rule in Russia.1941–1945. A study of occupation Policies. New York, St. Martin’s Press, 1957. 695 p.

Fireside H. Icon and swastika. – Cambridge: Russian research center studies. 1971. 242 p.

Fletcher W. The Russian Orthodox Church Underground. 1917–1970. Oxford: Oxford University press, 1971. 314 p.

Kahle W. Die Orthodoxie im baltishe Raum // Kirche im Osten. 1978/1979. Band 21/22. S. 78–107.

References

Gavrilin A.V. (2013) Latvian priests in America. Moscow: Obshchestvo lyubitelei cerkovnoi istorii. 407 p. (In Russ.)

Gavrilin A.V. (2009) Under the cover of the Tikhvin icon. Archpastoral path of John (Garklavs). Saint Petersburg: Alaborg, Tihvin: Izdatel'skaya sluzhba Tihvinskogo monastyrya. 464 p. (In Russ.)

Kinstler A. (2015) Baltic Orthodox theme in the Archive of German and Berlin Eparchy of Russian Orthodox Church Outside of Russia. *Pravoslavie v Baltii = Orthodoxy in Baltic Lands*. No. 3 (12). P. 11–48. (In Russ.)

Kovalev B.N. (2004) Nazi occupation and collaboration in Russia. Moscow: AST: Transitkniga. 486 p. (In Russ.)

Kornilov A.A. (2000) Transfiguration of Russia. Orthodox revival on Nazi occupied territories of USSR (1941–1945). N. Novgorod: N.I. Lobachevskii State University, Faculty of History. 192 p. (In Russ.)

Oboznyi K.P. (2008) History of Pskov Orthodox Mission. 1941–1944 gg. Moscow: Krutitskoie podvor’ie. 608 p. (In Russ.)

Pospelovskii D.V. (1995) Russian Orthodox Church in XXth century. Moscow: Respublika. 509 p. (In Russ.)

Shkarovskii M.V. (2007) Cross and swastika. Nazi Germany and Orthodox Church. Moscow: Veche. 521 p. (In Russ.)

Shkarovskii M.V. (2006) Fate of Josephite’s priests. Josephite's movement in Russian Orthodox Church in fates of its participants. Archive sources. St. Petersburg: Satis: Derzhava. 588 p. (In Russ.)

Shkarovskii M.V., Solov’ev I. (2013). The Church against Bolshevism. Moscow: Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii. 416 p. (In Russ.)

Alekseev W., Stavrou T. The Great Revival. The Russian Church under German Occupation. Minneapolis, Burgess Publishing Company, 1976. 229 p.

Dallin A. German rule in Russia.1941–1945. A study of occupation Policies. New York, St. Martin’s Press, 1957. 695 p. (In Eng.)

Fireside H. Icon and swastika. – Cambridge: Russian research center studies. 1971. 242 p. (In Eng.)

Fletcher W. The Russian Orthodox Church Underground. 1917–1970. Oxford: Oxford University press, 1971. 314 p. (In Eng.)

Kahle W. Die Orthodoxie im baltishe Raum // Kirche im Osten. 1978/1979. Band 21/22. P. 78–107. (In Germ.)

Laukaitytė R. The Orthodox Church in Lithuania during the Soviet Period // Lithuanian Historical Studies. 2002. Vol. 7. P. 68–94.

Miner S.M. Stalin's Holy War: Religion, Nationalism and Alliance Politics, 1941–1945. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003. 448 p.

Oboznyi K. Russian Orthodox Church in Pskov and Novgorod during the Stalin Era with special focus on the activities of the Council for Russian Orthodox Church Affairs in the given regions // Religiski-filozofiski raksti. 2017. № XXIII. P. 84–105.

Strods H. Metropolits Augustins Petresons. Dzive un dards. 1873–1955. Riga: Latvijas universitates, zurnals "Latvijas vesture fonds", 2005. 292 p.

Treulieb E. Metropolit Sergij von Riga und die «Orthodoxe Mission» in Pleskau // Kirhe im Osten. 1965. Band 8. S. 55–66.

Сведения об авторе

Петров Иван Васильевич,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная 7/9, Россия,
✉ e-mail: ivanpet1990@hotmail.com; i.petrov@spbu.ru

Заявленный вклад автора

И.В. Петров выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 5 августа 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 30 августа 2021 г.
Принята к публикации 13 сентября 2021 г.

Laukaitytė R. The Orthodox Church in Lithuania during the Soviet Period // Lithuanian Historical Studies. 2002. Vol. 7. P. 68–94. (In Eng.)

Miner S.M. Stalin's Holy War: Religion, Nationalism and Alliance Politics, 1941–1945. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003. 448 p. (In Eng.)

Oboznyi K. Russian Orthodox Church in Pskov and Novgorod during the Stalin Era with special focus on the activities of the Council for Russian Orthodox Church Affairs in the given regions // Religiski-filozofiski raksti. 2017. № XXIII. P. 84–105. (In Eng.)

Strods H. Metropolits Augustins Petresons. Dzive un dards. 1873–1955. Riga: Latvijas universitates, zurnals "Latvijas vesture fonds", 2005. 292 p. (In Latv.)

Treulieb E. Metropolit Sergij von Riga und die «Orthodoxe Mission» in Pleskau // Kirhe im Osten. 1965. Band 8. S. 55–66. (In Germ.)

Information about the author

Ivan V. Petrov,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Institute of History,
Saint-Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya embankment, Saint Petersburg 199034, Russia,
✉ e-mail: ivanpet1990@hotmail.com; i.petrov@spbu.ru

Contribution of the author

I.V. Petrov carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received August 5, 2021.
Received August 30, 2021.
Accepted September 13, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 355/359
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-245-254

Эволюция советской историографии Гражданской войны (на материалах Востока России)

© Д.В. Воронцов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья посвящена анализу эволюции советской историографии Гражданской войны в России на материалах востока России. Выделяется четыре основных этапа: 1920-е – начало 1930-х годов, середина 1930-х – начало 1950-х гг., вторая половина 1950-х – конец 1980-х годов, 1990-е годы – по настоящее время, из которых три первых являются советскими. Концептуальное и фактологическое содержание исторических исследований предопределила современная им общественно-политическая обстановка. Ленинские военные идеи эмоционально развивали, дополняли, комментировали современники. К трудностям первого этапа относились: необходимость освоить марксизм, выработать критерии научности, сформировать источниковую базу, подготовить кадры историков. Наибольший интерес советские авторы проявили к вооруженной интервенции держав Антанты, к созданию и укреплению Дальневосточной республики. На исследователей не влияли готовые схемы, а их публикации отличал прикладной практический характер. С начала 1930-х годов в советской историографии проявляются новые негативные тенденции, вызванные развитием культа личности И.В. Сталина. Снижается количество публикаций по истории Гражданской войны, а ранее вышедшие выводятся из оборота. Резко ограничен допуск к архивным фондам, из текущих публикаций исчезают имена известных участников Гражданской войны, объявленных «врагами народа». Жертвами репрессий стали многие историки. Прервалась преемственность советской историографии. Резолюции высших партийных собраний становятся для ученых образцом трактовок. Основной упор авторы направили на освещение роли партии, «взяв на вооружение» цитатный метод подачи и трактовки фактического материала. В исторических трудах утвердились упрощенные схемы. Для второго этапа обязательны отсылки к высказываниям И.В. Сталина. После его смерти наблюдаются некоторые корректировки в изучении советской истории. Однако по-прежнему предписывалось следовать «ленинскому» принципу партийности в исторической науке – при анализе фактов и выводов исходить из интересов передового класса, выступать против «объективизма». В заключение обозначены перспективы дальнейшего исследования Гражданской войны и предложены обобщения из ее исторического опыта.

Ключевые слова: Гражданская война, Восток России, историография, эволюция, этапы, советские историки, концепции, трактовки, упрощения, искажения, исследования, перспективы

Для цитирования: Воронцов Д.В. Эволюция советской историографии Гражданской войны (на материалах Востока России) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 245–254. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-245-254

The evolution of the Soviet historiography of the Civil War (based on the materials of the East of Russia)

© Denis V. Vorontsov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article is devoted to the analysis of the evolution of the Soviet historiography of the Civil War in Russia on the materials of the East of Russia. There are four main stages: the 1920s – the beginning of the 1930s, the mid-1930s – the beginning of the 1950s, the second half of the 1950s – the end of the 1980s, the 1990s – to the present, of which the first three are Soviet. The conceptual and factual content of historical research was predetermined by the current socio-political situation. Lenin's military ideas were emotionally developed, supplemented, and commented on by contemporaries. The difficulties of the first stage included the need to master Marxism, develop scientific criteria, form a source base, and train a cadre of histori-

ans. The Soviet authors showed the greatest interest in the armed intervention of the Entente powers, in the creation and strengthening of the Far Eastern Republic. The researchers were not influenced by ready-made schemes, and their publications were distinguished by their applied practical nature. Since the beginning of the 1930s, new negative trends have been manifested in Soviet historiography, caused by the development of the cult of the personality of I.V. Stalin. The number of publications on the history of the Civil War became decreased, and previously published ones were withdrawn from circulation. Access to archival funds was sharply restricted, the names of famous participants of the Civil War declared as "enemies of the people" disappeared from current publications. Many historians had become victims of repression. The continuity of Soviet historiography was interrupted. The resolutions of the modern supreme party meetings became a model of interpretations for scientists. The authors focused on highlighting the role of the party, "adopting" the citation method of presenting and interpreting factual material. Simplified schemes have been established in historical works. For the second stage, references to the statements of I. V. Stalin are mandatory. After his death, there are some adjustments in the study of Soviet history. However, it was still prescribed to follow the "Leninist" principle of partisanship in historical science – to proceed from the interests of the advanced class when analyzing facts and conclusions, to oppose "objectivism". In conclusion, the prospects for studying the events of the Civil War are outlined and key generalizations from its experience are proposed.

Keywords: Civil War, East of Russia, historiography, evolution, stages, Soviet historians, concepts, interpretations, simplifications, distortions, research, prospects

For citation: Vorontsov D.V. (2021) The evolution of the Soviet historiography of the Civil War (based on the materials of the East of Russia). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 245–254. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-245-254

Отечественную историографию Гражданской войны принято подразделять на четыре основных этапа (три советских и один постсоветский): 1920-е – начало 1930-х годов, середина 1930-х – начало 1950-гг., вторая половина 1950-х – конец 1980-х годов, 1990-е годы – по настоящее время. На концептуальное (в том числе зачастую сознательно упрощенное или низведенное в схему) и фактологическое (в том числе зачастую преднамеренно искаженное) содержание исторических исследований определяющее влияние оказывала общественно-политическая обстановка в Советской России, СССР, Российской Федерации.

В Советском государстве в 1920-е годы публиковались официальные работы, посвященные событиям Гражданской войны. Авторами были виднейшие большевики В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, С.И. Гусев, Л.Б. Каменев, Н.И. Бухарин, К.Б. Радек и многие другие. Публицистичность и идеологичность большинства этих текстов требует трактовать их скорее как письменные исторические источники, как публицистику, чем исследовательскую литературу. Обозначенные В.И. Лениным цели и задачи, служили основой военной политики коммунистов в течение всего периода существования советского государства, с 1917 по 1991 гг. (Наумов, 2019).

Ленинские идеи развивали и дополняли последователи: М.Н. Тухачевский в декабре 1919 г. предложил различать «жизненные центры» (где сконцентрировано производство или власть) и «мертвящие центры» (населенные богатыми, мелкобуржуазными элементами) для большевиков. Для вторых пунктов предусматривалось выделять вооруженную силу для удержания их в повиновении (Тухачевский, 2020. С. 14–15). Два года спустя, в декабре 1921 г., С.И. Гусев в работе «Уроки Гражданской войны» писал, что в силу несравненно большего классового расслоения деревни и гораздо большей численности городского пролетариата в западных странах, Красная армия будет значительно «чище» по классовому составу, но и там придется считаться с неустойчивостью мелкобуржуазных элементов (Гусев, 1925. С. 58).

Также С.И. Гусев настаивал: исключительная «дисциплина составляет пока особенность только нашей партии. В коммунистических партиях других стран до такой дисциплины еще не дошли: нигде нет партийных мобилизаций, перебросок, беспрекословного исполнения постановлений ЦК и пр. Наша партдисциплина сложилась из революционной дисциплины, унаследованной нами от партии Народной Воли, пролетарской дисципли-

ны, внесенной русским (отчасти германским) пролетариатом (1896–1917 гг.) и военной дисциплины, привитой нам годами Гражданской войны (1918–1921 гг.)» (Гусев, 1921).

Большевистское осмысление Гражданской войны отразилось и в восторженных оценках периода военного коммунизма, сформулированных Л.Н. Крицманом (Крицман, 1924. С. 57–60; Крицман, 1926). Отметим, игнорирование инициированного продразверсткой спада производства и не объяснение разности экономической политики военного и послевоенного времени, ее социальных последствий.

Особенностями первого этапа советской историографии было то, что критерии научности еще только формировались, а сами авторы воспринимали собственные публикации как прямое продолжение начатой ими борьбы за светлое будущее (Курас, 2008. С. 7). Также к трудностям формирования историографии относилась новизна проблем, необходимость освоения новой марксистской методологии, несформированность источниковой базы, крайний дефицит профессиональных историков. На этом фоне Бурят-Монгольская АССР обладала методологическим преимуществом в сравнении с другими административными единицами Сибири. Относительное благополучие связано с деятельностью В.П. Гирченко. Именно в первый период появляются его монографические публикации по начальному периоду Гражданской войны. Автор совершенствует исследовательские навыки, получившие развитие в дальнейшем. Одним из первых исследователей Гражданской войны в Сибири являлся Ф.А. Кудрявцев. В первый период историографии создана серьезная источниковая база по событиям Гражданской войны, выработана методика источниковедческого анализа и сделаны первые шаги историографического обобщения. На протяжении всего периода проводился сбор и издание документов и воспоминаний, раскрывающих ход и особенности Гражданской войны в Забайкалье. Именно в 1920-е годы создаются важнейшие государственные архивы.

Основную же массу исторических публикаций о Гражданской войне в Сибири составляли воспоминания, выходившие как отдельными изданиями, так и в сборниках, журналах, газетах. Эти мемуары не только заложили фундамент источниковой базы, но и предопределили выводы современных им историков.

Первыми исследованиями, схематично и обзорно осветившими события Гражданской войны, были работы Н.Е. Какурина, М.С. Маргулиеса и трехтомник штаба РККА (Гражданская война…, 1930; Какурин, 1990). Авторы почти не использовали архивные сведения, оперируя, в основном, общеизвестными по еще военной пропаганде фактами и дополняя их личными воспоминаниями или действуя наоборот. Книга П.С. Парфенова «Уроки прошлого: Гражданская война в Сибири» по концептуальному уровню вполне может быть отнесена не к мемуарам, а к научно-историческим трудам по истории востока России.

Наибольший интерес советские авторы первого этапа проявили к вооруженной интервенции держав Антанты, подчеркивая, что именно она привела к первому свержению Советов на востоке России и способствовала продолжительной и кровопролитной Гражданской войне. Несоразмерно кратко освещалась деятельность режима атамана Г.М. Семенова, тогда как «демократическая контрреволюция» (деятельность меньшевиков и эсеров) получила эмоциональную и резко отрицательную оценку. Такой перекос объясним, поскольку именно небольшевистские социалисты были основными конкурентами коммунистов в борьбе за власть в Дальневосточной республике. Также на выводы советской историографии сильнейшее влияние оказал состоявшийся в 1922 году в Москве сфабрикованный судебный процесс над партией социалистов-революционеров. Взаимосвязь этого процесса и историографических трактовок предвосхитила череду будущих корректировок официальной истории.

Крупной темой истории Гражданской войны в Сибири, которую активно изучали исследователи 1920-х годов, являлось создание и укрепление Дальневосточной республики. Вооруженную

борьбу в Забайкалье за ликвидацию «читинской пробки» начали изучать еще в период Дальневосточной республики. В журнале «Военно-политическая мысль» № 2 за 1922 г. (Чита) опубликована статья Е.П-ского «К истории Народно-революционной армии», освещая процесс ее зарождения, автор указал, что основным источником личного состава послужили восточно-сибирские и прибайкальские партизаны, а также бывшие колчаковские солдаты иркутского гарнизона. Последующее осмысление проблемы военного строительства произвел бывший командующий Народно-революционной армии Г.Х Эйхе, выпустивший в Москве в 1931 г. «Тактические поучения Гражданской войны. Исследование тактики Красной армии в борьбе против Колчака и на Дальнем Востоке». Автор настаивал, что основное превосходство красной стороны находилось в сфере классовой политики. Гражданская война была наиболее открытой и наиболее острой формой классовой борьбы, с оружием в руках. Эта общая предпосылка реализовалась в боевых условиях с помощью специальных политических органов (Эйхе, 1931. С. 17).

Для первого этапа советской историографии характерно то, что на исследователей не влияли готовые схемы (за отсутствием таковых), а также четко прикладной практический характер большинства публикаций. Авторы стремились не столько рассказать о событиях, сколько использовать их как материал для обоснования практических рекомендаций для текущей и будущей борьбы за торжество мировой революции.

В 1920–1940-е гг. боевой опыт Гражданской войны был наиболее актуальным для Красной армии. Отсюда появление большого количества работ советских военных историков, рассматривающих боевые операции.

В этой связи часть эмигрантских авторов даже высказывала конспирологические предположения, язвительно сомневаясь в научности советской военной историографии и упрекая ее в «хвастовстве» и тяге к «юбилейности».

Например, А.В. Геруа утверждал: «С уверенностью можно сказать, что литература по гражданской войне у большевиков не клеится не только из желания секрета, но и потому, что у них опыта было много, но мозгов и перьев очень мало» (Геруа, 1923. С. 295–299).

Большевики давали немало поводов к упрекам к самопохвальбе. Так М.Н. Тухачевский на страницах газеты «Правда» от 23 февраля 1928 г. настаивал, что Гражданская война внесла новую свежую струю в стратегию. Если сосредоточение полевых армий на решающем фронте и являлось признанным и широко использованным приемом стратегии, то Советская страна развила эту стратегическую идею еще дальше, прибавив формирование новых войск прямо на решающих фронтах (Тухачевский, 1964. С. 24).

Прикладной характер советских военно-исторических публикаций и стремление их авторов сформулировать практические рекомендации для будущих войн предопределили все же ограниченное (ритуально-словестное) влияние идеологии на содержание большинства публикаций. Таковы работы А.А. Буйского, В.Ф. Воробьева, Ф. Попова, С. Тимошкова и многих других (Буйский, 1929; Воробьев, 1939).

С начала 1930-х годов в советской историографии начинают проявляться новые тенденции. В 1931 г. А.М. Горький предложил написать книги по истории Гражданской войны. ЦК ВКП(б) поддержал инициативу и принял постановление «Об издании «Истории Гражданской войны». Была образована главная редакция, в которую вошли сам И.В. Сталин, А.М. Горький, К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов и другие. Непосредственное руководство подготовкой издания было возложено на секретариат главной редакции, ставший ведущим научным учреждением следующие 20 лет, направлявшим исследования в СССР. Секретариат составили молодые историки И.И. Минц, Е.Н. Городецкий, Э.Б. Генкина, А.И. Разгон и Г.Е. Рейхберг, впоследствии опубликовавшие крупные труды по истории Гражданской войны. В первые годы деятельности редакции был издан ряд интересных исследований, воспоминаний, документов. Однако постепенно культ личности И.В. Сталина стал негативно влиять на советскую

историческую науку. Снижается количество публикаций по истории Гражданской войны, а ранее вышедшие выводятся из оборота. Резко ограничен допуск к архивным фондам, закрыты почти все исторические журналы, а из текущих публикаций исчезают имена известных участников Гражданской войны, объявленных «врагами народа»: А.М. Краснощекова, Б.З. Шумяцкого, Г.Х. Эйхе, М.Н. Тухачевского, В.К. Блюхера и многих других. Жертвами репрессий стали многие историки, другие отлучены от профессии. В негативном итоге прервалась преемственность советской историографии, стало невозможным познакомиться с концепциями и трактовками предшественников. Происходит принудительно-административное сужение спектра научных трактовок, усиление партийного контроля над науками в целом и историей в частности. Резолюции современных высших партийных собраний становятся для ученых как прямыми указаниями – какие трактовки приводить и какие выводы формулировать, материалы прошлых съездов трактуются как ключ к пониманию обстановки того или иного периода Гражданской войны.

Основной упор советские исследователи направили на освещение роли партии, авторы «взяли на вооружение» цитатный метод подачи и трактовки фактического материала. В уже постсоветских (современных) историографических публикациях такие методологические предпочтения советской исторической науки объяснялись не только партийным диктатом, но и «теоретико-методологическим иждивенчеством» – некритичным использованием партийно-государственной документации и сопутствующим спросом на конъюнктурные знания (Катамадзе, 2017. С. 112[1]).

Определяющее влияние на развитие исторических исследований оказал выход в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)». Советскому обществу было предъявлено официально заданное безальтернативное понимание истории. Все исследователи были озадачены обеспечением единства взглядов и неприятием инакомыслия. В исторических трудах утвердились выхолощенные и однозначно толкуемые понятия.

Схема истории Гражданской войны (в том числе и в Забайкалье) приобрела упрощенный законченный вид. По этой схеме в каждом регионе был выбран один так называемый официальный герой войны, как правило, погибший. Этому герою приписывались все заслуги в победе коммунистов. В Забайкалье и на Дальнем Востоке центральной фигурой был назначен С.Г. Лазо, а в масштабах всего СССР назначил себя, или если угодно, не препятствовал провозглашению таковым, И.В. Сталин. Задачи историков сводились к популяризации этой схемы, наполнению ее второстепенными деталями и комментированию. Никаких отступлений не допускалось. В итоге – историки фактически лишились возможности проводить исследования в полном смысле этого слова, даже придерживаясь классового подхода. В публикациях до конца второго периода закрепился схематизм, декларативность, упрощение событий, искажение и замалчивание фактов, субъективизм и т. д. Как следствие, боевые действия забайкальских партизан и Народно-революционной армии Дальневосточной республики описывались как непрерывная череда побед над японскими интервентами и белогвардейцами. Авторы не гнушались искажением исторических фактов. Также при публикации документов они издавались в выдержках, с большими купюрами, не оговоренными в тексте. Оценивая итоги второго периода, следует отметить, что исследователи проявили интерес к широкому спектру проблем. Центральной темой, освещению которой уделялось главное внимание, являлась вооруженная защита советской власти от интервентов и белогвардейцев. Такой акцент был продиктован, с одной стороны, господством упрощенной сталинской схемы истории Гражданской войны, а с другой, сложной международной обстановкой на востоке СССР в 1930–1950-е годы. Изучение вооруженной борьбы содействовало военно-патриотическому воспитанию. Расширение исторических знаний было дос-

[1] Катамадзе Н.Ш. Советская историография отечественной аграрной истории (1950-е–начало 1990-х годов): направления, течения, школы: дис. … канд. ист. наук. Москва, 2017. 288 с.

тигнуто усилиями военных историков, в особенности, С.Н. Шишкина. Он дал военно-оперативный анализ всех важнейших операций Народно-революционной армии в 1920 году.

В Иркутске в 1952 году И.И. Кузнецов защитил диссертацию «30-я Иркутская дивизия в годы Гражданской войны». В исследовании были разрешены четыре задачи: 1). Проследить роль большевистской партии, В.И. Ленина, И.В. Сталина в деле строительства Вооруженных Сил Советского государства, и в частности, одной из ее боевых ячеек – 30-й дивизии в годы Гражданской войны; 2). На примере 30-й дивизии показать развертывание партийно-политической работы в армии и ее значение; 3). Конкретно показать особенности армии социалистического государства; 4). На примере 30-й дивизии показать беззаветное служение Советской Армии, трудовому народу, раскрыть героический подвиг ее воинов в годы Гражданской войны, отстоявших молодое Советское государство от нападения 14 империалистических государств, возглавляемых американскими империалистами-хищниками.

Дивизия, как основное тактическое соединение сухопутных войск в условиях Гражданской войны, обладала определенной самостоятельностью военной судьбы, в зависимости от опыта, географической принадлежности личного состава, боевого авторитета командного состава и т. д.

Для второго этапа советской историографии обязательны отсылки к высказываниям И.В. Сталина. Например, в своей гениальной работе «Марксизм и вопросы языкознания» товарищ Сталин указывал, что страна победившей революции должна не ослаблять, а всемерно усиливать свое государство, органы государства, органы разведки, армию, если эта страна не хочет быть разгромленной капиталистическим окружением.

«Это положение товарища Сталина, являющееся новым вкладом в марксистско-ленинскую науку, мобилизует нашу партию и советский народ» (Кузнецов, 1952. С. 2)[2]. Последовательность рассуждений: изучение и научная разработка истории Советского государства является благородной и весьма ответственной задачей советских историков. Исторический опыт и достижения народов Советского Союза имеют исключительно важное организующее и мобилизующее значение для советских людей, победоносно строящих коммунизм. Опыт героической борьбы рабочих и крестьян Советского государства, руководимых большевистской партией, построивших в своей стране социализм и отстоявших его в многочисленных схватках с капитализмом, представляет большую ценность и для стран народной демократии, помогает им найти наиболее верные пути движения к социализму.

После смерти И.В. Сталина наблюдаются некоторые корректировки в изучении советской истории. Однако по-прежнему предписывалось, чтобы историки руководствовались «ленинским» принципом партийности в исторической науке – при анализе фактов и выводов исходить из интересов передового класса. Советские люди выступают против «объективизма».

С конца 1950-х годов в СССР активизировалось изучение военно-теоретического наследия В.И. Ленина. Было опубликовано довольно большое количество научных трудов, посвященных ленинскому военно-теоретическому наследию. Н.Ф. Кузьмин, Ю.И. Кораблев, Н.Н. Азовцев, И.Б. Берхин, Н.А. Кирсанов, В.Г. Бородачев, И.В. Наумов обстоятельно рассмотрели все ключевые аспекты воззрений В.И. Ленина на военное строительство (Кузьмин, 1958; Кирсанов, Бородачев, Наумов, 1985). Однако советская историография и третьего периода имела привычный недостаток. Фактически задачей историков была абсолютизация любого ленинского высказывания по военным вопросам.

В СССР конца 1950–1980-х гг. исследование Гражданской войны приобрело еще больший размах. В этот период выходили как многотомные коллективные исследования (История Гражданской войны…, 1938–1960; Гражданская война…, 1983), так и монографии отдельных авторов: А.Н. Кислова, В.С. Познанского, Л.Д. Самойлова,

[2] Кузнецов И.И. 30-я Иркутская дивизия в годы Гражданской войны (из истории Советской армии): автореф. дис. … к.и.н. Иркутск, 1952. 16 с.

С.Н. Шишкина, Г.Х. Эйхе и других (Шишкин, 1957; Эйхе, 1966). Л.М. Спирин в 1957 г. кратко рассмотрел действия колчаковских войск весной 1919 г. и основные меры большевиков, позволившие переломить ход вооруженной борьбы (Спирин, 1957). В исследовании П.Т. Хаптаева нашли развернутое отражение события Гражданской войны в Западном Забайкалье (Хаптаев, 1967).

Предметный марксистский анализ «колчаковщины, как «одного из главных отрядов российской контрреволюции», предпринял советский историк Г.З. Иоффе, поставивший себе задачу проследить скатывание от лозунгов «чистой демократии к кровавой диктатуре» (Иоффе, 1983. С. 7–8). Пристальное внимание автор уделил и финалу колчаковской армии, отступлению ее остатков в Забайкалье.

В целом советская историография испытывала искажающее влияние господствующей идеологии, вынужденно чутко реагировала на частные корректировки официальной трактовки, вычеркивая или демонизируя неугодные персоналии собственного лагеря (М.Н. Тухачевский, В.А. Ольдерогге и др.), или возвращая их из временного забвения-обличения. В изданиях возвеличивалась красная сторона, значительно преувеличивается степень ее народной поддержки, замалчивались преступления большевиков.

Военные победы Красной армии в 1919–1920 гг. рассматривались упрощенно, эсеровское содействие подвергалось умолчанию, белый лагерь рисовался негативным фоном для действий большевиков.

Наличный историографический задел делает перспективным как свое дальнейшее развитие, так и критическую ревизию. Поэтому представляется продуктивным сопоставить деятельность противоборствующих сторон по реорганизации и комплектованию войск на востоке России с ноября 1919 г. по ноябрь 1920 г. на фоне общероссийского контекста.

Остановимся на перспективах дальнейших исследований. Поскольку отечественная историография предметно раскрыла роль ключевых высших командиров Гражданской войны, целесообразно обратить более пристальное внимание на изучение рядового состава противоборствующих сторон, установление в динамике численности и боеспособности войск, в том числе влияния фактора территориальной принадлежности людских контингентов (Среднее Поволжье, Северное Прикамье, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Забайкалье).

Также большие исследовательские возможности открывает комплексный анализ географического фактора (в самом широком его смысле). В упрощенном виде речь идет о научном изучении попыток переломить ход борьбы, обменивая силы врага на уступку ему пространства. Интересно сопоставить, как обе стороны воспринимали значение резервов во всех видах от дополнительных или отдохнувших войск, эмоциональной пропаганды в конечном стремлении завоевать новых сторонников до преимущественно малоудачных попыток использовать географические условия для собственного усиления и подготовленного ослабления противника.

К 18 октября 1919 г. войска Красной армии сломили организованное сопротивление белого Восточного фронта, части которого начали все более ускоряющееся отступление. В октябре – ноябре белые последовательно оставили Тобольск, Петропавловск, Ишим. Остатки колчаковских сил белых стеклись к столице «белой» Сибири – Омску, который был оставлен 14 ноября.

Войска белого Восточного фронта начали свой Великий Сибирский поход зимы с 1919 на 1920 гг. – одну из наиболее драматичных страниц Гражданской войны в России. Природно-географические условия этого похода могут быть отнесены к числу наиболее суровых зимних боевых операций в мировой военной истории, наряду с Сарыкамшской декабря 1914 г., Карпатской января – марта 1915 г., Эрзерумской января 1916 г., Митавской декабря 1916 г., Пермской декабря 1918 г., контрнаступлением под Москвой и Ржевско-Вяземской операцией с декабря 1941 г. по март 1942 г.

Разгром колчаковской армии был существенно ускорен и усилен выступлениями под руково-

дством эсеров в гарнизонах Новониколаевска (подавлено), Красноярска, Иркутска в течение декабря 1919 г., чем окончательно разрушили расчеты белого командования остановить продвижение Красной армии на восток.

Весной – летом 1920 г. удерживаемое силами во главе с атаманом Г.М. Семеновым Восточное Забайкалье сыграло для «восточных» белых роль временного убежища, аналогичное для их «южных» единомышленников значению полуострова Крым, синхронно удержанного под началом генерала Я.А. Слащева. Также события 1920 г. неразрывно связаны с феноменом Дальневосточной республики, олицетворявшей дипломатические маневры сторон, их попытки перебороть противника не только военными методами, исключить или нарастить вмешательство Японии, других держав. Материал позволяет подробно проследить возможности и ограничения в использовании «непрямых» методов воздействия на противника, оценить неуверенность сторон в собственных силах, истоки осторожности и нерешительности. Оба противоборствующих лагеря сохраняли управляемость, принимали рациональным образом выработанные решения, инициировали как плановые боевые действия, так и «непрямые» разновидности борьбы и подключение временных союзников (эсеры, японцы).

* * * * *

Вслед за очевидно пропагандистскими высказываниями В.И. Ленина в советской историографии утвердилась значительно преувеличенная степень разочарования уральского и сибирского крестьянства в антибольшевистском режиме, как главном факторе военного и морального поражения Колчака. Проанализированные нами материалы не позволяют признать правоту этого тезиса, в противном случае большевикам не пришлось бы прибегать к сложным дипломатическим маневрам, временно сотрудничать с эсерами, брать оперативные паузы и т. д.

Для исследователя Гражданской войны определенную трудность составляют неравномерность отражения событий в источниках, пропагандистская и историографическая инерция, лишь преодолев которые можно выйти на подлинно научные обобщения.

Ход Гражданской войны на востоке России осени 1919 г. – осени 1920 г. показали неготовность (прежде всего материальную) большевиков «бросать вызов» национальным армиям (прежде всего японской императорской), наглядно продемонстрировав весьма относительную универсальность классового подхода. Подход хорошо смотрелся в пропагандистской риторике, но в военной практике XX века преподнес Красной армии немало разочарований.

Военно-организационные мероприятия большевиков в начале 1920 г. как предпринятые добровольно, так и под давлением обстоятельств отложили широкомасштабную победу в Гражданской войне на юге России на хронологический срок до года, на дальневосточном Приморье – до трех лет, трактуемая большевиками в 1919–1920 гг. как предельно близкая европейская (и в дальнейшем мировая) революция так и не состоялась.

Библиографический список

Буйский А.А. Красная армия на внутреннем фронте. Борьба с белогвардейскими восстаниями, повстанчеством и бандитизмом. Москва; Ленинград: Отдел военной литературы, 1929. 96 с.

Воробьев В.Ф. Тобольско-Петропавловская операция 1919 г. М.: Воениздат, 1939. 86 с.

Геруа А.В. Полчища. София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1923. 434 с.

Гусев С.И. Гражданская война и Красная армия: сборник военно-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. 220 с.

References

Buiskii A.A. (1929) The Red Army on the internal front. The struggle against the White Guard uprisings, insurgency and banditry. Moscow; Leningrad: Otdel voennoi literatury. 96 p. (In Russ.)

Vorob'ev V.F. (1939) Tobolsk-Petropavlovsk operation of 1919. Moscow: Voenizdat. 86 p. (In Russ.)

Gerua A.V. (1923) Hordes. Sofiya: Rossiisko-Bolgarskoe knigoizdatel'stvo. 434 p. (In Russ.)

Gusev S.I. (1925) The Civil War and the Red Army. Collection of military-theoretical and military-political articles (1918–1924). Moscow; Leningrad: State Publishing house. 220 p. (In Russ.)

Гусев С.И. К вопросу о проверке, пересмотре и очистке партии // Политработник. 1921, № 9–10.

Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / глав. ред. С.С. Хромов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 704 с.

Иоффе Г.З. Колчаковская контрреволюция и её крах. М.: Мысль, 1983. 294 с.

История Гражданской войны в СССР в 5 т. М.: Госполитиздат, 1935, 1942, 1957, 1959, 1960.

Гражданская война. 1918–1921 г. / Под ред. А.С. Бубнова, С.С. Каменева и Р.П. Эйдемана. В 3-х т. Т. 3. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. М.: Военный вестник, 1930. 560 с.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 1. Т. 2. М.: Политиздат, 1990. 272+431 с.

Кирсанов Н.А., Бородачев В.Г., Наумов И.В. Вопросы защиты социалистического Отечества в трудах В.И. Ленина // Вестник Московского университета. Серия. 8. История. 1985. № 1. С. 21–34.

Крицман Л.Н. Героический период Великой русской революции // Вестник коммунистической академии. Книга 9. 1924. С. 3–146.

Крицман Л.Н. Героический период Великой русской революции (опыт анализа т. н. «военного коммунизма»). М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. 272 с.

Кузьмин Н.Ф. В.И. Ленин во главе обороны Советской страны (1918–1920). М.: Воениздат, 1958. 343 с.

Курас Л.В. Отечественная историография Октябрьской революции в Западном Забайкалье // Октябрьская революция и Гражданская война в Западном Забайкалье: отечественная историография и источники личного происхождения. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры. 2008. С. 6–33.

Наумов И.В. В.И. Ленин и военная политика российских коммунистов // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4 (33). С. 141–152.

Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. М.: Госполитизд, 1957. 296 с.

Тухачевский М.Н. Из уроков Гражданской войны. М.: Воениздат, 1964. Т. 2. С. 24–28.

Тухачевский М.Н. Стратегия национальная и классовая. Избранные произведения. М.: Русский шахматный дом, 2020. С. 8–30.

Хаптаев П.Т. Бурятия в годы гражданской войны. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1967. 264 с.

Gusev S.I. (1921) On the question of verification, revision and cleaning of the party. *Politrabotnik = Political-worker*. No. 9–10. (In Russ.)

Khromov S.S. (1983) The Civil War and military intervention in the USSR: Encyclopedia. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 704 p. (In Russ.)

Ioffe G.Z. (1983) Kolchakov's counterrevolution and its collapse. Moscow: Mysl. 294 p. (In Russ.)

(1938, 1942, 1957, 1959, 1960) History of the Civil War in the USSR in 5 vols. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)

Bubnov A.S., Kamenev S.S., Eideman R.P. (1930) The Civil War. 1918–1921. In 3 vols.Vol. 3. Operational and strategic outline of the fighting of the Red Army. Moscow: Voennyi vestnik. 560 p. (In Russ.)

Kakurin N.E. (1990) How the revolution fought. Vol. 1. Vol. 2. Moscow: Politizdat. 322 + 470 p. (In Russ.)

Kirsanov N.A., Borodachev V.G., Naumov I.V. (1985) Questions of the protection of the Socialist Fatherland in the works of V.I. Lenin. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya = Bulletin of the Moscow University. Series 8. History*. No. 1. P. 21–34. (In Russ.)

Kritsman L.N. (1924) The heroic period of the Great Russian Revolution. *Vestnik kommunisticheskoi akademii. Kniga 9 = Bulletin of the Communist Academy. Book 9*. P. 3–146. (In Russ.)

Kritsman L.N. (1926) The heroic period of the Great Russian Revolution (The experience of analyzing the so-called “War Communism”. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 272 p. (In Russ.)

Kuz'min N.F. (1958) V.I. Lenin at the head of the defense of the Soviet country (1918–1920). Moscow: Voenizdat. 343 p. (In Russ.)

Kuras L.V. (2008) Domestic historiography of the October Revolution in Western Transbaikalia. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i Grazhdanskaya voina v Zapadnom Zabaikal'e: otechestvennaya istoriografiya i istochniki lichnogo proiskhozhdeniya = The October Revolution and the Civil War in Western Transbaikalia: domestic historiography and sources of personal origin.* Ulan-Ude: Vostochno-Sibirskii gosudarstvennyi institut kul'tury. P. 6–33. (In Russ.)

Naumov I.V. (2019) V.I. Lenin and the military policy of the Russian Communists. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 15. No. 4 (33). P. 141–152. (In Russ.)

Spirin L.M. (1957) The defeat of Kolchak's Army. Moscow: Gospolitizd. 296 p. (In Russ.)

Tukhachevskii M.N. (1964) From the lessons of the Civil War. Moscow: Voenizdat. Vol. 2. P. 24–28. (In Russ.)

Tukhachevskii M.N. (2020) National and class strategy. Selected works. Moscow: Russian Chess House. P. 8–30. (In Russ.)

Khaptaev P.T. (1967) Buryatia during the Civil War. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 264 p. (In Russ.)

Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке 1918–1922 гг. М.: Воениздат, 1957. 268 с.

Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М.: Воениздат, 1966. 384 с.

Эйхе Г.Х. Тактические поучения Гражданской войны: исследование тактики Красной Армии в борьбе против Колчака и на Дальнем Востоке. М.: Воениздат, 1931. 189 с.

Сведения об авторе

Воронцов Денис Владиславович,
соискатель кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: vorontsov_uu@mail.ru

Заявленный вклад автора

Д.В. Воронцов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 1 апреля 2021 г.

Поступила после рецензирования и доработки 5 мая 2021 г.

Принята к публикации 17 мая 2021 г.

Shishkin S.N. (1957) The Civil War in the Far East 1918–1922. Moscow: Voenizdat. 268 p. (In Russ.)

Eikhe G.Kh. (1966) The overturned rear. Moscow: Voenizdat. 384 p. (In Russ.)

Eikhe G.Kh. (1931) Tactical teachings of the Civil War: a study of the tactics of the Red Army in the fight against Kolchak and in the Far East. Moscow: Voenizdat. 189 p. (In Russ.)

Information about the author

Denis V. Vorontsov,
Candidate of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: vorontsov_uu@mail.ru

Contribution of the author

D.V. Vorontsov carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received April 1, 2021.
Received May 5, 2021.
Accepted May 17, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 911.375(571.5)«18/19»
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-255-259

Социокультурная жизнь провинциального сибирского города: рецензия на книгу «Мир культуры Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска)» А.В. Аксеновой, Н.Г. Гониной, А.П. Дворецкой и А.А. Терсковой*

© Т.А. Кискидосова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан, Россия

Аннотация: В рецензии рассматривается исторический энциклопедический словарь, посвященный различным аспектам социокультурной жизни уникального города Енисейска. Авторы собрали и систематизировали значительный материал по истории его повседневной жизни. При составлении издания были использованы нарративные источники широкого спектра. Особое внимание уделено представителям разных социальных и профессиональных групп. Значительное место в работе занимают биографические статьи и описания старожильческих семей. Важность данного исследования связана с реализацией государственных программ по развитию малых городов и сохранению их исторического и культурного наследия.

Ключевые слова: Енисейск, город, социокультурное развитие, энциклопедия, повседневная жизнь, золотопромышленность, вероисповедание, образование, купцы

Для цитирования: Кискидосова Т.А. Социокультурная жизнь провинциального сибирского города: рецензия на книгу «Мир культуры Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска)» А.В. Аксеновой, Н.Г. Гониной, А.П. Дворецкой и А.А. Терсковой // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 255–259. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-255-259

Socio-cultural life of a provincial Siberian town: a review of the book “The World of culture of Yeniseisk in the second half of the 19th – early 20th century: a dictionary of basic characteristics, concepts and personalities (to the 400th anniversary of Yeniseisk)” by A.V. Aksienova, N.G. Gonina, A.P. Dvoretskaya and A.A. Terskova*

© Tatiana A. Kiskidosova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia

Abstract: The review examines a historical encyclopedic dictionary devoted to various aspects of the socio-cultural life of the unique city of Yeniseisk. The authors have collected and systematized significant data on the history of everyday life of the town. When compiling the encyclopedic dictionary, narrative sources of a wide range were used. Special attention is paid to representatives of different social and professional groups. A significant place in the work is occupied by biographical articles

* Аксенова А.В., Гонина Н.В., Дворецкая А.П., Терскова А.А. Мир культуры Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска). Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2019. 538 с.

* Aksenova A.V., Gonina N.V., Dvoretskaya A.P., Terskova A.A. (2019) Socio-cultural life of a provincial Siberian town: a review of the book “The World of culture of Yeniseisk in the second half of the 19th – early 20th century: a dictionary of basic characteristics, concepts and personalities (to the 400th anniversary of Yeniseisk)”. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agricultural University. 538 p. (In Russ.)

and descriptions of old-age families. The importance of this study is related to the implementation of state programs for the development of small towns and the preservation of their historical and cultural heritage.

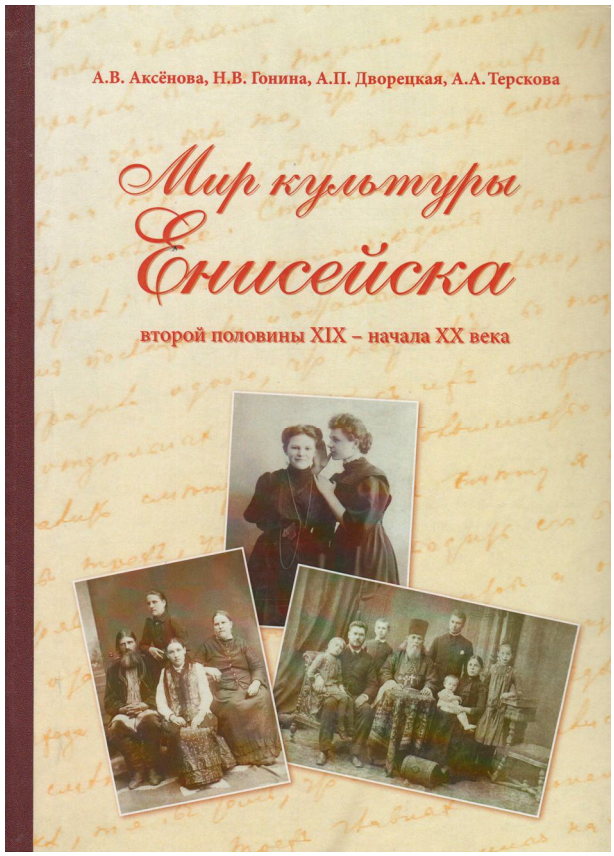
Keywords: Yeniseisk, city, socio-cultural development, encyclopedia, everyday life, gold mining industry, religion, education, merchants

For citation: Kiskidosova T.A. (2021) Socio-cultural life of a provincial Siberian town: a review of the book "The World of culture of Yeniseisk in the second half of the 19th – early 20th century: a dictionary of basic characteristics, concepts and personalities (to the 400th anniversary of Yeniseisk)" by A.V. Aksienova, N.G. Gonina, A.P. Dvoretskaya and A.A. Terskova. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 255–259. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-255-259

Енисейск относится к старейшим городам Восточной Сибири, с богатым историческим наследием. Удаленный от центра страны, он был проводником культуры, образования и здравоохранения в пореформенный период. Во второй половине XIX века Енисейск продолжал оставаться центром золотопромышленности в Восточно-Сибирском регионе.

В вышедшей в 2019 году коллективной работе красноярских исследователей «Мир культуры Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска)» включено 515 исторических статей (Аксенова, Гонина, Дворецкая, Терскова, 2019). Они посвящены различным аспектам повседневной жизни этого уездного города. Словарь является удачным продолжением изданной ранее монографии по истории социокультурного развития Енисейска в последней трети XIX – начале XX в. (Аксенова, Гонина, 2017).

Выбор хронологических рамок исследования связан с тем, что во второй половине XIX века в стране происходил интенсивный переход от традиционного образа жизни к индустриальному. В рассматриваемый период Енисейск оставался одним из самых заметных и красивых городов Восточной Сибири. Многие гости восхищались его величием. Хотя в 1822 году он потерял статус региональной столицы, однако в связи с активной добычей золота в енисейской тайге в 1840–1860-е гг. превратился в центр золотопромышленности. К концу XIX века Енисейск стал утрачивать статус одного из лучших городов Восточной Сибири. Ослабление было связано с уменьшением добычи золота, что в дальнейшем привело к снижению численности населения, ухудшению экономического положения, сокращению трудовых ресурсов. Кризис в золотодобывающей отрасли способствовал упадку города, от которого он не смог оправиться (Кискидосова, 2017b. С. 110).



Енисейск второй половины XIX – начала XX в. можно по праву назвать «городом контрастов». В нем чудесным образом переплелись «блеск и «нищета», т. е. с одной стороны, взлет и падение, а с другой, величие и ущербность енисейского общества. Своеобразна и показательна его история: от кутежей и разврата в эпоху «золотой лихорадки» до превращения в типичный уездный городок.

Стремление к наживе и легкие деньги способствовали массовому разгулу, оказавшемуся временным явлением. Несмотря на снижение нравственных критериев местного общества, предприниматели стремились вкладывать средства в городское благоустройство и развитие образования (Кискидосова, 2017а. С. 24).

Авторам словаря удалось показать сложность и многогранность процессов модернизации в условиях малого провинциального города. Исследователи на основе сочетания культурологического и социологического подходов представили различные стороны жизни енисейского общества в пореформенный период.

В работе были использованы разнообразные источники: делопроизводственные документы, мемуары, дневники, письма, периодическая печать. Обширная источниковая база позволила авторам показать в полной мере нравы, обычаи, устройство городского быта, занятия, культурно-досуговые потребности горожан и многие другие вопросы. Исследователи справедливо заметили, что данный период интересен тем, что об истории города и его жителях современники оставили большой объем текстов, в т. ч. эго-документов, художественных произведений и публицистических статей (Аксенова, Гонина, Дворецкая, Терскова, 2019. С. 7). Мемуарные сочинения писали люди, постоянно или временно проживавшие в Енисейске, а также оказавшиеся в нем случайно. Многочисленные примеры из жизни этого города были приведены из Летописи А.И. Кытманова, дневника Н.В. Скорнякова, записок М.П. Миндаровского, воспоминаний А.Л. Яворского и др.

Авторский коллектив большое значение отвел культурной части работы, ее основу составляют: семья, приход и учебное заведение. По их мнению, каждая часть имеет свое значение в формировании личности и общества (Аксенова, Гонина, Дворецкая, Терскова, 2019. С. 6).

Значительная место отведено персоналиям. В статьях словаря приведены биографические сведения о знаменитых и влиятельных енисейцах. Среди них купцы, общественные деятели, меценаты, представители интеллигенции, внесшие существенный вклад в экономическое или культурное развитие города.

В рассматриваемый период Енисейск оставался торговым городом. Одним из основных занятий жителей была торговля, однако на рубеже XIX–XX вв. эта деятельность постепенно угасала. Отдельные статьи посвящены купеческим династиям Баландиных, Башуровых, Бородкиных, Грязновых, Дементьевых, Елтышевых, Калашниковых, Кобычевых, Кытмановых, Матониных, Мильштейн, Тонконоговых, Флеер, Фунтосовых, Харченко. Авторы справедливо заметили, что енисейское купечество сыграло большую роль не только в экономике города, но и в развитии образования, просвещения, благотворительных организаций, медицины, сферы досуга и др. Многие выходцы из купеческих семей входили в группу городской интеллигенции (Аксенова, Гонина, Дворецкая, Терскова, 2019. С. 206–207).

Ряд статей словаря посвящен духовной жизни города, являвшегося религиозным центром Енисейского уезда. Здесь проживали представители различных вероисповеданий. Большинство авторского материала посвящено православным церковным приходам и православному духовенству. В то же время в словаре можно найти статьи по истории иудейской, старообрядческой и мусульманской общин. К сожалению, недостаточно уделено внимания священникам неправославных конфессиональных групп. Впрочем, следует учитывать, что по данной теме для исследователей сохранилось мало информации.

Важная роль в работе отведена истории городского образования, которое занимало значительное место в модернизации региона. Енисейск по праву можно отнести к городам, которые оказали влияние на развитие образования. Его жители приняли активное участие в сборе средств для открытия гимназии в Красноярске. В самом городе в пореформенный период появились разнообразные учебные заведения. В словаре содержатся сведения о начальных училищах, мужской и женской гимназиях, школе рыбацкого дела. С 1884 г. начало действовать Енисейское общество о попечении начального образования, которое оказывало мате-

риальную поддержку начальным школам и малоимущим учащимся.

Одним из достоинств данной работы можно назвать привлечение авторами этнографического материала. В книге интересная информация о пище, домах, одежде, праздничной культуре, свадьбе, похоронах горожан. Составители словаря представили разнообразный материал о культуре и быте енисейских жителей. Исследователи учли географические особенности города. Ряд статей посвящен природно-климатическим, географическим, хозяйственным особенностям Енисейска.

Интерес для читательской аудитории представляют слова, употребляемые в то время енисейцами: «бурак», «жиган», «кулибинка», «паль» и др. К сожалению, в словарь не вошли такие широко распространенные в обществе термины как «баклан», «бахилы», «бродни», «кошева», «прасол» и др. В предисловии издания авторы упомянули, что не стали расширенно использовать понятия, характеризующие быт. Данное направление требует отдельного самостоятельного культурологического и лингвистического исследования (Аксенова, Гонина, Дворецкая, Терскова, 2019. С. 7).

Хотя авторы уделили много внимания конкретным персоналиям, вне поля их зрения оказалось несколько деятелей, имевших непосредственное отношение к Енисейску второй половины XIX – начала XX в. Например, в словаре отсутствуют биографические сведения о норвежском исследователе Ф. Нансене, посетившем город в 1913 году и оставившем о нем свои заметки. В работе нет отдельной статьи о красноярском краеведе А.Л. Яворском, хотя его воспоминания о детстве, проведенном в Енисейске, использованы в словаре. Красочные заметки о повседневной жизни енисейцев оставил золотопромышленник В.Д. Скарятин, о нем также нет биографических данных.

В целом в историческом энциклопедическом словаре собран и систематизирован огромный фактический материал о разнообразных сторонах повседневной жизни Енисейска во второй половине XIX – начале XX в. Приятное впечатление оставляют оформление, верстка, дизайн, черно-белые фотографии. Коллективный труд предназначен в качестве пособия для учебной и культурно-просветительской деятельности. Исторический словарь может быть востребован для подготовки различной продукции в туристической сфере. Несомненно, работа будет пользоваться спросом у широкого круга читателей, интересующегося краеведением.

Библиографический список

Аксенова А.В., Гонина Н.В. Енисейск в последней трети XIX – начала XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2017. 279 с.

Аксенова А.В., Гонина Н.В., Дворецкая А.П., Терскова А.А. Мир культуры Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска). Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2019. 538 с.

Кискидосова Т.А. «Блеск и нищета» города Енисейска во второй половине XIX – начале XX в. // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017а. № 4 (20). С. 17–25.

Кискидосова Т.А. «Есть город золотой …»: повседневная жизнь Енисейска на страницах сибирских газет во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Том-

References

Aksenova A.V., Gonina N.V. (2017) Yeniseisk in the last third of the 19th – early 20th centuries. Essays on the socio-cultural development of a provincial city. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agricultural University. 279 p. (In Russ.)

Aksenova A.V., Gonina N.V., Dvoretskaya A.P., Terskova A.A. (2019) Socio-cultural life of a provincial Siberian town: a review of the book “The World of culture of Yeniseisk in the second half of the 19th – early 20th century: a dictionary of basic characteristics, concepts and personalities (to the 400th anniversary of Yeniseisk)”. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agricultural University. 538 p. (In Russ.)

Kiskidosova T.A. (2017a) “Brilliance and poverty” of the town of Yeniseisk in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya = Sayan-Altai Scientific Review.* No. 4 (20). P. 17–25. (In Russ.)

Kiskidosova T.A. (2017b) “There is a golden town …”. Everyday life on pages of Siberian newspapers of the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tom-*

ского государственного университета. 2017b. № 421. С. 109–113.

skogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal. No. 421. P. 109–113. (In Russ.)

Сведения об авторе

Кискидосова Татьяна Александровна,
кандидат исторических наук, заведующий сектором истории,
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23, Россия,
✉ e-mail: tak_74@mail.ru
orcid.org/0000-0002-1031-835X

Т.А. Кискидосова выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 21 мая 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 3 июня 2021 г.
Принята к публикации 7 июня 2021 г.

Information about the author

Tatiana A. Kiskidosova,
Cand. Sci. (History), Head of History Department,
Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
23, Shchetinkin street, Abakan 655017, Russia,
✉ e-mail: tak_74@mail.ru
orcid.org/0000-0002-1031-835X

T.A. Kiskidosova carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received May 21, 2021.
Received June 3, 2021.
Accepted June 7, 2021.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(57)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-260-263

Иркутяне на фронте и в тылу: рецензия на историко-краеведческое издание «Иркутск – город трудовой доблести»*

© Н.А. Скорикова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В рецензии охарактеризована коллективная монография «Иркутск – город трудовой доблести». В ней отмечена новизна и актуальность издания, широкая источниковая база и вклад в развитие истории Иркутской области. В данной работе впервые Иркутск представлен как важнейший логистический центр Восточной Сибири, сыгравший значительную роль в завоевании победы в Великой Отечественной войне. Однако отмечены и некоторые недочеты, связанные, прежде всего, с издержками написания коллективного труда. Работа оценивается как историко-краеведческая и может не только заинтересовать любителей истории, но использоваться при подготовке и проведении просветительских мероприятий в учебных заведениях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Восточная Сибирь, Иркутск, военные кадры, промышленность, иркутские вузы, органы власти Иркутской области, суд, прокуратура, милиция, пожарная охрана, учреждения культуры

Для цитирования: Скорикова Н.А. Иркутяне на фронте и в тылу: рецензия на историко-краеведческое издание «Иркутск – город трудовой доблести» // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 260–263. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-260-263

Irkutsk residents at the front and in the rear: a review of the local history collective monograph “Irkutsk – the City of Labor Valor”*

© Natalya A. Skorikova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The review describes the collective monograph “Irkutsk – the city of labor valor”. It notes the novelty and relevance of the publication, a wide source base and contribution to the development of the history of the Irkutsk region. In this work, for the first time, Irkutsk is presented as the most important logistics center of Eastern Siberia, which played a significant role in winning the victory in the Great Patriotic War. However, some shortcomings were also noted, primarily related to the costs of writing collective work. The work is assessed as historical, but can be interesting not only to history liking people, and can be used in the preparation of educational classes in educational institutions.

Keywords: Great Patriotic War, Eastern Siberia, Irkutsk, military personnel, industry, Irkutsk universities, authorities of the Irkutsk region, Court, prosecutor's office, police, fire department, cultural institutions

For citation: Skorikova N.A. (2021) Irkutsk residents at the front and in the rear: a review of the local history collective monograph “Irkutsk – the City of Labor Valor”. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 260–263. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-260-263

* Иркутск – город трудовой доблести: Историко-краеведческое издание. Иркутск : Оттиск, 2021. 344 с.
* (2021) Irkutsk – City of Labour Valor. Historical and local history edition. Irkutsk: Otitisk. 344 p. (In Russ.)

Сверхтрудные годы Великой Отечественной войны потребовали радикальной и скорейшей перестройки всех сфер жизни Советского государства. На восток страны эвакуировались промышленные предприятия, смещались центры сельского хозяйства. Лозунг «Все для фронта, все для Победы!» наполнил смыслом каждый день тех, кто воевал на фронте или трудился в тылу.

На военный лад пришлось перестроиться и Иркутской области. Сюда из западной части страны были эвакуированы десятки промышленных предприятий, свыше 25 тысяч рабочих. Потенциал города позволил разместить здесь 26 эвакогоспиталей.

Этому периоду нашей истории посвящено немало научных трудов. На предприятиях, в школах и вузах сложилась традиция организации патриотических клубов, музеев боевой и трудовой славы. Трендом, особенно в краеведении, стало написание истории в лицах: публикация автобиографических данных, интервью, личной переписки и воспоминаний очевидцев и непосредственных участников событий. Все это свидетельствует о том, что интерес к истории времен Великой Отечественной войны с годами только приумножается.

Коллективный труд «Иркутск – город трудовой доблести» авторы определили как историко-краеведческое издание. Над ним трудились сотрудники Музея истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова, Государственного архива Иркутской области и Архива новейшей истории Иркутской области, известные иркутские историки и преподаватели. Принципиально отметить, что была проведена огромная работа в архивах и музеях предприятий и учебных заведений области, привлечен внушительный перечень впервые публикуемых документов.

В содержании книги можно выделить тематические разделы. Первые главы посвящены организации и деятельности органов власти Иркутска и области, перестройке работы партийных и государственных органов в условиях военного времени. Освящена деятельность органов внутренних дел и госбезопасности, иркутских судов и прокуратуры.

Отдельные главы подробно освещают условия, в которых пришлось трудиться рабочим предприятий, железной дороги и речного транспорта, сотрудникам научных, медицинских, санитарных учреждений. Каждая глава содержит в себе важные статистические данные, публикацию документов, фотографий и воспоминаний непосредственных участников описываемых событий.

Как и сегодня, Иркутск времен войны – студенческий город. Не случайно, особое место в работе занимает раздел, посвященный Иркутским вузам. К началу Великой Отечественной в них обучалось более пяти тысяч студентов. Перечень иркутских вузов впечатляет: Иркутский государственный университет, Иркутский горно-металлургический институт (ныне Иркутский национальный исследовательский технический университет), сельскохозяйственный, педагогический и медицинские институты… Избегая формализма, авторы рассказали не только о научной и педагогической деятельности вузов, но и привели интересные примеры, иллюстрирующие повседневную студенческую жизнь вне учебного времени.

Особое внимание авторы уделили культурной жизни города. Работа библиотек, культурно-просветительские мероприятия, концертная дея-

тельность, безусловно, скрашивали тяжелые будни военного времени. Иркутские театры также продолжали работать, организовывали выступления в госпиталях, выезжали на гастроли. Посвященные этой стороне жизни города главы дополнены интересными фактами повседневной жизни служителей культуры.

Пожалуй, на сегодняшний день это одно из немногих изданий, которое призвано дать максимально полное представление о жизни иркутян в военные годы. Освещены организационные работы местных органов власти, деятельность промышленных предприятий, милиции, пожарной охраны, суда и прокуратуры. Иркутск предстает перед читателем как важнейший логистический центр Восточной Сибири, сыгравший значительную роль в завоевании победы в Великой Отечественной войне.

Интерес для читателя может вызвать раздел «Приложения». В нем опубликованы решения Исполкома Иркутского областного Совета депутатов трудящихся г. Иркутска и бюро Иркутского Областного Комитета ВКП(б), которые иллюстрируют организацию снабжения города продуктами и товарами первой необходимости, организацию добычи и заготовки рыбы. Также имеются постановления Областной чрезвычайной комиссии противоэпидемической комиссии о мероприятиях по предупреждению распространения опасных заболеваний. К сожалению, в данном разделе не представлены отчеты о проведенных мероприятиях и достигнутых результатах, что помогло бы дать объективную оценку предпринятым усилиям и адекватности принимаемых решений.

Однако у подобного (коллективного) способа создания труда есть как сильные, так и слабые стороны. Сильной стороной является возможность привлечь и проработать максимально разнообразные исторические источники, расширить круг исследования. С другой стороны, при изложении материала существует риск утратить общую концепцию, идейную основу. В таком случае работа представляет собой набор статей повествовательного характера, в котором отсутствует обоснованность выбора тем разделов и приведенных в них данных. Авторы рецензируемой книги уделили внимание перечню статистической информации, обойдя стороной их анализ (например, сопоставление масштабов задействованных в различных мероприятиях людских и материальных ресурсов с их конкретными результатами).

Обращает на себя внимание и то, что в книге отсутствует какая бы то ни было критика, упоминание негативных сторон жизни того времени, тем более, что в историографической части сами авторы заявляют о необходимости всестороннего подхода к освещению событий.

На наш взгляд, это может быть оправдано научно-популярным характером произведения, целью которого является популяризация истории нашего края, привлечение внимания к проблеме сохранения памяти о трудовом и духовном подвиге наших земляков.

Выражаем надежду, что авторский коллектив продолжит работу в этом направлении. Возможно, удастся представить деятельность различных учреждений и ведомств как элементов единой системы, проиллюстрировать и оценить характер их взаимодействия. Безусловно, сегодня книга может и должна не только заинтересовать любителей истории, но использоваться при подготовке и проведении просветительских мероприятий в учебных заведениях.

Сведения об авторе

Скорикова Наталья Александровна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова 83, Россия,
✉ e-mail: skorikova_natalya@mail.ru

Information about the author

Natalia A. Skorikiva,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: skorikova_natalya@mail.ru

Заявленный вклад автора

Н.А. Скорикова выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Contribution of the author

N.A. Skorikiva carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Поступила в редакцию 2 сентября 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 10 сентября 2021 г.
Принята к публикации 13 сентября 2021 г.

Article info

Received September 2, 2021.
Received September 10, 2021.
Accepted September 13, 2021.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом не более 6000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. ***Индекс УДК*** в верхнем левом углу.

2.2. ***Заголовок,*** включающий: название статьи (должно быть информативным и, по возможности, кратким), набранное полужирными прописными буквами, выравнивание по левому краю;

2.3. ***Инициалы и фамилии авторов:*** располагаются через один интервал ниже заголовка, набираются полужирными буквами, выравнивание по левому краю, вначале ставится знак авторства, затем инициалы автора, после этого через пробел фамилия. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишутся инициалы и фамилия второго автора и т. д.

2.4. ***Организация и ее адрес:*** располагается под фамилией автора, набирается прописными буквами, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Ниже названия организации указывается адрес организации (страна, индекс, город, улица, номер здания).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся разные латинские прописные буквы (верхний индекс). Такие же буквы ставится перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. ***Аннотация:*** должна быть информативной, содержать 200–250 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. ***Английский перевод*** названия статьи, фамилий и инициалов авторов, названия и адреса организации, аннотации, ключевых слов оформляется так же, как и на русском языке.

2.7. ***Благодарности.*** После текста статьи, перед библиографическим списком указывается номер и название проекта, при поддержке которого выполнено исследование, а также упоминаются люди и организации, оказавшие помощь в работе над статьей.

2.8. ***Раздел «Библиографический список»***. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется в Harvard стандарте: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. Например, статья в журнале: Сидоров, А.П., Петров, Г.П. и Степанов Г.К. 2005, Древняя история Приангарья, *Социгенез в Северной Азии*, вып. 3, № 3, с. 40-82.; статья в научном сборнике: Сидоров, А.П. 2006, Косторезное искусство в неолите Восточного Забайкалья, *Древняя история Монголии, Северного Китая и Байкальской Сибири*, Улан-

Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, часть. 3, с. 43-56.; монография: Сидоров, А.П. 2006, Неолит Забайкалья, Улан-Удэ: Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 315 с.

2.9. ***Раздел «Сведения об авторах»*** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество

Степень, звание, должность

Организация

Почтовый адрес организации (индекс, страна, город, улица, здание)

e-mail

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) Имя О. Фамилия

(англ.) Степень, звание, должность

(англ.) Организация

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город, индекс, страна)

e-mail

2.10. ***Раздел «Критерии авторства»***. Указывается, какой вклад внес каждый из авторов в работу над статьей. Например: «В.С. Козлов, С.О. Гусев выполнили исследовательскую работу, на основе полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут ответственность за плагиат».

2.11. ***Раздел «Конфликт интересов»***. Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.12. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, шрифт обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании ***таблиц*** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены ***отдельными файлами***: иллюстрации – с расширениями *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.
Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.
The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.
ISSN 2415-8739
The Journal was founded in 2003
Founder: Irkutsk national research technical university
Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols. The heading "Review" accepts articles with a volume of not more than 6000 symbols.
The manuscript should have the following order.
2.1. ***UDC code*** should be placed in the left upper corner.
2.2. ***The title,*** which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief), typed in bold uppercase letters, aligned to the left;
2.3. ***Initials and surnames of the authors:*** they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left, the authorship is first put, then the author's initials, then the surname after the blank. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the initials and surname of the second author are written, etc.
2.4. ***The organization and its address:*** is located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).
If authors are from different organizations, then after their surnames are put different Latin capital letters (upper index). The same letters are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.
2.5. ***Abstract*** should consist of 200–2500 words, and include 9–12 key words or word combinations. The abstract should include the following aspects of the article contents: subject, topic, objective of the research; research methods; research results; results application; conclusion.
2.6. ***The English translation*** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.
Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.
2.7. ***Acknowledgments.*** After the text of the article, before the bibliography author lists the number and the name of the project, with the support of which the study was carried out, and also mentions people and organizations that assisted in the work on the article.
2.8. Section ***"References".*** It is compiled in alphabetical order (by the author's name and year of publication), is made in Harvard standard: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. For exam-

ple, an article in the journal: Sidorov, A.P., Petrov, G.P. and Stepanov G.K. 2005, Ancient history of the Angara region, *Sociogenesis in Northern Asia*, Issue. 3, No. 3, p. 40-82; article in the scientific collection: Sidorov, A.P. 2006, Bone carving craft in the Neolithic of the Eastern Transbaikalia, *Ancient history of Mongolia, Northern China and Baikal Siberia*, Ulan-Ude: Buryat State Publishing House, part. 3, p. 43-56; monograph: Sidorov, A.P. 2006, Neolithic of the Transbaikalia, Ulan-Ude: Publishing House of Transbaikalian State University, 315 p.

2.9. ***Information about authors*** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address,

e-mail

2.10. ***Section "Criteria of authorship".*** It is indicated how each of the authors contributed to the work on the article. For example: "V.S. Kozlov, S.O. Gusev carried out research work, based on the results obtained, summarized, prepared the manuscript for publication, have copyright for the article and are responsible for plagiarism".

2.11. ***Section "Conflict of interest".*** It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.12. If there are figures in the article, the their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

***Page and paragraph settings*:** all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

***Text settings*:** a Microsoft Word format, 1.5 line spacing using Times New Roman, 12 pt font size, a full justification. Please avoid using more than one word space.

Numbers should be typewritten in tables.

All ***tables*** should be in Microsoft Word. Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter. At the end of the article, the bibliographic list is placed in alphabetical order. It is mandatory to indicate the total number of pages of the publication or page interval of articles.

References to ***archival*** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations – as *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 3 (40) 2021

16+

Редакторы Н.Е. Мелихова, Н.Н. Куклина
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 30.09.21. Формат 60 х 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 34.
Тираж 500 экз. Заказ 149. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83